

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Материалы VI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

(3–4 декабря 2019 года)

Пермь 2019

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
PERM STATE UNIVERSITY

**ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF HUMAN POTENTIAL IN MODERN SOCIETY**

**Materials of the VI All-Russian (with international participation)
Scientific and Practical Conference**

(December 3–4, 2019)

Perm 2019

УДК 316.32
ББК 60.52
А19

Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе [Электронный ресурс]: материалы VI Всерос. (с междун. уч.) науч.-практ. конф. (3–4 декабря 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2019. – 5,30 Мб; 420 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/actualnye-problemy-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala-2019.pdf> – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3414-9

Сборник содержит материалы (статьи), представленные на VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Пермь, декабрь, 2019) исследователями из регионов России и стран ближнего зарубежья. Обсуждаются актуальные проблемы в области социально-гуманитарного знания.

Предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов, работающих в смежных областях.

The collection contains materials presented at the Materials of the VI All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference (Perm, December, 2019) by researchers from the regions of Russia and the countries of the near abroad. Actual problems in the field of social and humanitarian knowledge are discussed.

Designed for students, graduate students, teachers and specialists working in related fields.

УДК 316.32
ББК 60.52

*Издается по решению кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3414-9

© ПГНИУ, 2019

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.354.2

Т.В. Андриянова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «КУЛЬТУРА» И ЕГО УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Статья основывается на результатах исследования сельских учреждений культуры, проведенного автором в 2019 году, в рамках исполнения целевых показателей национального проекта «Культура». Выделен управленческий аспект реализации целевых показателей с учетом конкретных социально-демографических характеристик одного из районов Курской области (Суджанский район). В качестве основных методов выступают: анализ статистической информации и фокус-группы с руководителями сельских домов культуры. Выводы автора указывают на необходимость формирования широкого контекста деятельности учреждений культуры региона.

Ключевые слова: национальный проект «Культура», управление, руководители, регион, учреждения культуры

Принятый в 2018 г. национальный проект «Культура» [3] имеет свои индикаторы измерения эффективности его выполнения, в том числе и целевые показатели, согласно которым к концу 2019 года должно быть обеспечено:

- увеличение числа посещений организаций культуры должно вырасти на 1% (к 2024 году на 15% соответственно);
- увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры должно вырасти до 24 млн. в год (к 2014 году до 80 млн. соответственно).

В этой связи нами в мае 2019 года было проведено социологическое исследование на базе ОБОУ УМЦ комитета по культуре Курской области с использованием различных методик: опрос руководителей и работников сельских учреждений культуры (N=200), фокус-группы с директорами учреждений культуры (N=30), контент-анализ сайтов учреждений культуры. Целью исследования стало осмысление возможности увеличения целевых показателей национального проекта «Культура» в конкретном регионе (Курская область), поиск возможных управленческих резервов для их выполнения и анализ социально-демографической ситуации в районах. Приводя некоторые результаты исследования по одному из районов (Суджанский район), остановимся на двух, на наш взгляд, основополагающих моментах:

распределение населения и зонирование сельских учреждений культуры; управленческая оценка перспектив развития организаций культуры.

Плотность населения в районе составляет 26,83 чел./км², при средней плотности населения в России в 2019 году – 8,57 чел./км². При этом, также, как и во всей стране, население распределено по району неравномерно: от 413 человек в Новоивановском сельсовете до 3434 человек в Заолешенском сельсовете. В 17 населенных пунктах проживает от 1 до 15 жителей. Наибольшее количество таких поселений фиксируется в Погребском сельсовете. Общая динамика населения отрицательная в большинстве населенных пунктов, что связано с оттоком населения в более крупные центры и ростом смертности. Расстояние населенных пунктов района до центра муниципального образования, где и находятся основные учреждения культуры, составляет от 1 до 11 километров [5].

Согласно Пояснительной записке к отчету об исполнении консолидированного бюджета за 2018 год [6]:

- среднегодовое количество штатных единиц работников культуры по плану составило 80,6 штатных единиц и фактически замещено 80,6;
- уточненные плановые назначения по разделу 08 «Культура, кинематография» составили 54817,1 тыс. руб;
- кассовые расходы составили 54456,2 тыс. руб. или 99,3 %;
- расходы на выполнение переданных полномочий по предоставлению мер социальной поддержки работникам муниципальных учреждений культуры составили 1354983 рубля при плане 1354983 рубля или 100%;

Общие расходы в разделе «Культура и кинематография» по Суджанскому району в 2018 году составили 54 817 050 48 руб., что составляет 8,1% от общих расходов бюджета данного субъекта [4]. При этом средняя заработная плата работников культуры по дорожной карте составила 25838 рублей, фактическая средняя заработная плата – 26174,32 рублей. По подразделу "Прочие расходы в области культуры» процент исполнения составил 99,97 % от плановых назначений.

Действующая сеть учреждений культуры района Суджанского района составляет 61 учреждение, из них 54 – сельские. В отрасли занято около 200 человек. В среднем каждое учреждение культуры может обслуживать около 400 человек, но на практике эти показатели отличаются по разным причинам. С одной стороны, в зону обслуживания могут входить густонаселенные пункты, где численность населения влияет на увеличение количества посещений учреждений культуры, с другой стороны, не все сельские учреждения культуры рассчитаны даже на нормативное количество посещений в силу слабой материально-технической базы.

В ходе проведения фокус-групп руководители часто указывали на данные причины, как ухудшающие качество оказания услуг учреждениями культуры населению района. Например, несколько подтверждающих высказываний:

Женщина, 56 лет: «У нашего сельского клуба часто возникают проблемы материального обеспечения. Нас финансируют по остаточному принципу, не вникают в суть нашей работы, считают, что мы и так справимся!».

Женщина, 40 лет: «В нашей организации денег хватает только на выплату зарплаты, а на премии и другие поощрения ничего не остается. То есть нечем поощрить работников, и они от нас уходят в более прибыльные места. Не имеем возможности расширить штат, так как очень мало ставок в штатном расписании, и они довольно низкие. Нам нужны молодые перспективные специалисты».

Женщина, 60 лет: «Нам нужны спонсоры для покупки костюмов, ремонта помещений, облагораживания окружающей территории. Пока в этом помогает только население на добровольных началах».

Женщина, 48 лет: «У нас в клубе нет отопления, поэтому зимой почти не работаем или отапливаемся печкой, а на дворе уже XXI век».

Общее настроение отражает желание руководителей сельских учреждений культуры работать на высоком уровне, соответствующем современным требованиям, оказывать должным образом услуги населению, но отсутствие требуемых материальных средств сужает спектр их деятельности.

Отвечая на вопросы о взаимодействии с населением в условиях оттока населения, руководители высказались, что уменьшение количества посещений они пока не ощущают, но заметны сдвиги в возрастной структуре посетителей: увеличилась доля людей от 50 лет и старше, также уменьшилось количество молодежи трудоспособного возраста. Данные изменения оказывают влияние на характер оказываемых услуг, так как в ходе проведения фокус-группы многие директора сельских клубов и библиотек не смогли выделить новшества в своей работе. Проекты, ориентированные на молодежь, реализуются в традиционных, консервативных форматах.

Несколько по-другому складывается ситуация с обслуживанием детского населения. Здесь отмечается тенденция к поискам новых видов работы и их распространение: ориентация на спортивные мероприятия с возможностью воспитания здорового образа жизни, организация свободного времени детей и подростков в летнее время и т.д.

Отмечая зональные особенности расположения сельских учреждений культуры в ходе фокус-группы, все руководители, вне зависимости от степени удаленности обслуживаемых населенных пунктов, отметили, что осуществляют выезды в наиболее отдаленные поселения и готовы продолжать. Даже в условиях материального дефицита, они находят средства на оплату транспортных услуг –

выезжают сами или организуют перемещение населения к учреждению культуры. Особенно это касается лиц пожилого возраста, не имеющих возможности посещать все мероприятия, но социально активных и стремящихся полноценно участвовать в культурной жизни района.

По отношению к степени активности населения, а именно как к потенциальному фактору увеличения количества посещений учреждений культуры в рамках выполнения национального проекта «Культура», мнения руководителей разошлись. Часть из них высказала мнение, что население очень инициативно в отношении проводимых мероприятий, другие, напротив, говорили о пассивности, вплоть до игнорирования посещения учреждений культуры.

Не нашлось также общей точки зрения и в вопросе о формировании типов культурной деятельности: руководители не смогли определиться, кто является главным в этом вопросе – учреждения культуры или население. Между тем, на наш взгляд, это стратегическое направление в развитии региональной культуры, формирующее представление о целостном развитии культуры страны.

Подводя некоторые итоги и делая выводы, хотелось бы отметить, что изучение факторов распределения населения и зонирования расположения учреждений культуры в сельской местности, представляется перспективным направлением, позволяющим раскрыть основные закономерности развития регионов России [1; 2].

Список литературы

1. Andriyanova T.V. Organizations of regional culture in assessments of quality of services / T.V. Andriyanova, E.N. Kirnosova, I.F. Starodubtseva // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2017. Vol. XXXV (35). P. 35-42. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.5>.

2. Андриянова Т.В. «Паспорт культурной жизни» региона как инструмент сравнительного анализа показателей / Т.В. Андриянова // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе [Электронный ресурс]: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (5 – 6 декабря 2018 г.). Перм. гос. нац. исслед. ун-т. С. 178-182.

3. Национальный проект «Культура»: планы и направления [Электронный ресурс]. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/natsionalnyy_proekt_kultura_plany_i_napravleniya/ (Дата обращения 28.09.2019 г.).

4. Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта российской федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----7sbbnknhce3aglxfe1a.xn--plai/articles/2331-otchet-ob-ispolnenii->

[konsolidirovannogo-byudzheta-subekta-rossiiskoi-federacii-i-byudzheta-terr.html](https://xn----7sbbnknhce3aglxfel1a.xn--plai/articles/2332-pojasnitelnaja-zapiska-k-otchetu-ob-ispolnenii-konsolidirovannogo-byudzheta-subekta-rossiiskoi-federacii-i-byudzheta-terr.html)

(Дата обращения 28.09.2019 г.).

5. Официальный сайт Суджанского района Курской области [Электронный ресурс]. URL: <https://суджанский-район.рф> (дата обращения 28.09.2019 г.).

6. Пояснительная записка к отчету об исполнении консолидированного бюджета [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----7sbbnknhce3aglxfel1a.xn--plai/articles/2332-pojasnitelnaja-zapiska-k-otchetu-ob-ispolnenii-konsolidirovannogo-byudzheta.html> (Дата обращения 28.09.2019 г.).

T.V. Andriyanova

NATIONAL PROJECT "CULTURE" AND ITS MANAGEMENT PROSPECTS IN THE ACTIVITIES OF THE LEADERS OF REGIONAL INSTITUTIONS OF CULTURE

The article is based on the results of a study of rural cultural institutions conducted by the author in 2019, within the framework of the implementation of the targets of the national project "Culture". The management aspect of the target indicators implementation is highlighted taking into account the specific socio-demographic characteristics of one of the districts of the Kursk region (Sudzhansky district). The main methods are: analysis of statistical information and focus groups with the heads of rural houses of culture. The author's conclusions point to the need to form a broad context for the activities of cultural institutions in the region.

Key words: national project "Culture", management, managers, region, cultural institutions

УДК 316.346.32-053.6

А.В. Безруков

ВЛИЯНИЕ ПОДДЕРЖКИ НА ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Актуальность исследования социального самоопределения обосновывается «институционализацией неуверенности» молодых людей в собственном выборе. В качестве важного фактора внешней детерминации социального самоопределения рассматривается направленность на поддержку или контроль жизненного выбора молодого человека. На основе материалов эмпирического исследования пермской молодёжи демонстрируется влияние ощущения поддержки на жизненный выбор. Демонстрируемая последовательная связь ощущения поддержки, системы жизненных выборов, ощущения давления и дискриминации, а в результате миграционной и протестной активности составляет новизну результатов данного исследования.

Ключевые слова: социальное самоопределение, жизненный выбор, социальное давление, социальная поддержка, дискриминация

В процессе социализации индивид усваивает опыт и в дальнейшем совершает выбор определённых идей, установок и способов самореализации, конструируя и расширяя собственную идентичность. Формирование и реализация этого выбора рассматривается как социальное самоопределение. Наиболее очевидно этот процесс проявляется у молодых людей.

Под социальным самоопределением понимается процесс интернализации социокультурного опыта данного общества, согласования индивидуальных представлений, потребностей и целей с существующими в обществе нормами, образцами и возможностями их реализации. В качестве результата социального самоопределения рассматривается формирование внутренне-согласованной системы жизненных выборов, обеспечивающей успешную интеграцию индивида в общество без потери себя.

В современных условиях глобализации, открытости и интенсификации социальных изменений процесс социального самоопределения усложняется. Молодые люди оказываются одинокими среди бесконечного пространства альтернатив выбора, находятся под угрозой потерять связь, – уже не столько связь с прошлыми поколениями и традиционными ценностями, сколько связь с самими собой, с ранее сделанными выборами. Основной вопрос, который стоит перед современным молодым человеком, – «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [2, С. 185]. В условиях неуверенности жизненный выбор становится индивидуальной необходимостью, а социальное самоопределение – потребностью личности. Молодежное самоопределение с этой точки зрения рассматривается как системный процесс принятия взаимосвязанных решений, обеспечивающих формирование достигнутой идентичности, преобразования самого себя и мира вокруг [1, С. 89; 4, С. 83].

Методологически подчеркивается, что в процессе социального самоопределения жизненный выбор требует признания и поддержки со стороны окружающих, подтверждающих радикальный выбор индивидом самого себя: окажется ли его выбор успешным или нет, зависит от «да» или «нет» других [3, С. 37]. Соответственно социальные контексты рассматриваются в качестве поддерживающих или подрывающих процесс самоопределения индивида [5], т. е. облегчающих или препятствующих, способствующих или угрожающих формированию устойчивой системы согласующихся друг с другом выборов. Самоопределение в условиях контроля и давления зачастую приводит к тому,

что молодой человек, совершающий радикальный выбор, оказывается на обочине «нормативного» социального порядка и постепенно подавляется им, что порождает проблемы его маргинализации, вовлечения в деструктивные субкультурные группировки, девиантные способы самореализации.

Изучение влияния ощущения социальной поддержки на жизненный выбор молодого человека являлось одной из задач авторского эмпирического исследования социального самоопределения, проведённого в Перми летом 2017 года методом анкетного опроса. Выборка, организованная по принципам квотного отбора, составила 600 человек в возрасте от 16 до 30 лет. На вопрос о понимании и поддержке со стороны других 69% указали на то, что в основном они получают поддержку внутри семьи, 48% в компании друзей, 9% среди коллег по работе или одноклассников/одногруппников по месту учёбы. 12% участников опроса указали, что не встречают никакой поддержки, что они сами по себе. Именно эта группа представляет особый интерес. Соотношение мужчин и женщин в этой группе составило 53% на 47%. 39% группы составили лица от 16 до 19 лет, 27% – 20-24 года, 34% – 25-30 лет. 57% представителей указали, что на данный момент не состоят в отношениях и соответственно не имеют детей, т.е. их социальные связи ограничиваются родителями, друзьями, коллегами.

В качестве индикаторов жизненного выбора в данном исследовании рассматриваются установки молодых людей по отношению к будущей трудовой деятельности, созданию семьи, рождению детей и религии. Для определения влияния ощущения поддержки или её отсутствия на эти выборы используется коэффициент «d» Сомерса. Аналогичным образом анализируется влияние поддержки и жизненных выборов на ощущение социального давления, а также на желание уехать из Пермского края и намерения принимать участие в акциях протеста.

Результаты исследования демонстрируют, что ощущение отсутствия поддержки обуславливает ($d = 0.168$, тут и далее уровень значимости составляет 0.000) смещение представлений о будущей работе в сторону стремления к большему заработку и риску, без особых гарантий стабильности дохода и должности. Для них малозначимыми оказываются благоприятные условия труда и дружный коллектив ($d = 0.275$). Соответственно, избираемыми видами трудовой деятельности становятся предпринимательство, управление и фриланс. Наоборот, ощущение поддержки внутри семьи обуславливает ($d = 0.176$) приверженность более стабильной заработной плате и формам занятости, чтобы не грозило увольнение, а значимость условий труда и коллектива возрастает.

Установки в плане семейной самореализации демонстрируют более сильные связи. Молодые люди, не ощущающие поддержки, чаще делают выбор

в пользу свободных внебрачных отношений и одиночества ($d = 0.380$), в то время как поддержка внутри семьи обуславливает приверженность более традиционным формам организации семьи, т.е. зарегистрированному браку или сожительству с одним постоянным партнёром ($d = 0.298$). Аналогичная ситуация наблюдается в отношении планирования рождения детей. Неощущающие поддержки чаще демонстрируют откладывание или отказ от деторождения ($d = 0.395$), тогда как ощущающие поддержку внутри семьи делают выбор в пользу рождения детей ($d = 0.279$). Наиболее сильно это влияние проявляется в группах 16-19 лет ($d = 0.535$) и 25-30 лет ($d = 0.457$).

Отмечающие отсутствие поддержки молодые люди менее религиозны ($d = 0.241$), тогда как ощущение поддержки внутри семьи обуславливает более высокую религиозность ($d = 0.200$). Интересно, что среди мужчин первой группы это влияние сильнее ($d = 0.357$), в то время как в группе девушек оно существенно слабее. Стоит добавить, что в иерархии ценностей таких молодых людей сравнительно менее значимыми оказываются ценности заботы о ближнем и верности, особенно у мужчин ($d = 0.401$).

Соответственно своему выбору представители анализируемой группы (не ощущающие поддержки) молодых людей уже сейчас демонстрируют отказ от близких отношений и чаще заявляют о своей принадлежности к группе людей, которая испытывает дискриминацию, т.е. предвзятое отношение и нарушение равных с другими прав ($d = 0.209$). При этом такая позиция обуславливает нарастающее ощущение социального давления со стороны родителей, друзей, коллег по работе или одноклассников/одногоруппников по месту учебы в вопросах трудоустройства ($d = 0.134$), создания семьи ($d = 0.188$), гражданского участия ($d = 0.209$) и, особенно сильно, в мировоззренческом плане ($d = 0.302$). С наибольшей силой эти влияния демонстрируются в группе мужчин. Наконец, логичными и очевидными последствиями такого жизненного выбора и отношения к нему со стороны общества оказываются миграционная и протестная активность.

Таким образом, поддержка выступает фактором относительно «нормативного» жизненного выбора молодого человека. Кроме того, поскольку ощущение давления и дискриминации наступает в ответ на уже совершенный (в условиях ощущения отсутствия поддержки) выбор, постольку корректнее говорить о неприятии этого выбора.

Список литературы

1. Антонова Н.В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Педагогика и психология образования. – 2011. – № 2. – С. 79-92.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. Под. Ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

3. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35-41.

4. Юсова В.И. Теоретические подходы к осмыслению понятия «ценностное самоопределение личности» // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 4 (61). – С. 80-86.

5. Edward L. Deci and Richard M. Ryan (2012). Motivation, Personality, and Development Within Embedded Social Contexts. The Oxford Handbook of Human Motivation. P. 85–107.

A.V. Bezrukov

THE IMPACT OF SUPPORT ON LIFE CHOICES IN THE PROCESS OF SOCIAL SELF-DETERMINATION

The relevance of the study of social self-determination is justified by the «institutionalization of uncertainty» of young people to their own choice. The focus on supporting or controlling of the life choices of young persons is considered as an important factor of external conditionality of social self-determination. Influence of feeling of support on life choices in the social self-determination is shown on the basis of empirical research of Perm youth. It is concluded that the choice is shifted beyond the limits of social normativity in the absence of support, which further causes a sense of social pressure and discrimination.

Keywords: self-determination, life choice, social pressure, social support, discrimination

УДК 316.614–053.6

A.M. Бельский

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И НОВЫХ МЕДИА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рассмотрение гражданской идентичности произведено в рамках трех аспектов: иерархия уровней идентичности, отношения к ключевым составляющим идентичности, ощущение гордости гражданской идентичностью. Отражено воздействие новой электронной информационной среды как фактора, трансформирующего установки студенческой молодежи.

Ключевые слова: гражданская идентичность, новые медиа, трансформация

Глобализация представляет для национальных культур серьезную угрозу, поскольку сдерживает их социализирующую роль: последние теряют свою

ценностную привлекательность, особенно в сознании молодежи. Культурная идентификация молодежи, формирование ее ценностных установок, стиля жизни, нравственных принципов, формы социального поведения все больше детерминируется пространством сети Интернет, насаждающим элементарные ценности безоглядного гедонизма, потребительства и вещизма [1, с.62].

Поскольку информационная сфера является основополагающим и системообразующим фактором жизнедеятельности социальных субъектов, ЦСПИ БГУ в рамках задания Министерства информации Беларуси был реализован социологический мониторинг (2003-18 гг.), который позволил выделить 4 этапа трансформации информационного поля Беларуси: 1992-2011 гг., 2002-05 гг., 2006-10 гг., а также 2011-18 гг. [2, с.45]. Рассматривая специфику воздействия электронных СМИ как ведущего информационного источника для нас интересны периоды 2006-10 гг. и 2011-18 гг., т.е. когда Интернет стал явно и стремительно увеличивать свою аудиторию, особенно в среде молодежи. Рост популярности сети Интернет как канала трансляции информации позволил ему в четвертом периоде занять лидирующее положение у молодежной аудитории. Причем, в сравнении с периодом 2006-10 гг., мы можем говорить не только о неоспоримом авторитете информационных интернет-порталов электронных СМИ, но и о средствах сетевой виртуальной коммуникации как их особом векторе, включающем в себя блогосферу, социальные сети, каналы мессенджеров, а также социальные медиа.

Рассматривая воздействие электронных СМИ, функционирующих в пространстве сети Интернет, подвергнем содержательному анализу 2008 и 2018 года, т.е. ответы молодежи, активно социализировавшейся в разных условиях. Имеется в виду разный уровень воздействия медиа пространства (при преобладающей роли электронных СМИ в сети Интернет, когда сеть Интернет выступила в роли ключевого источника информирования, и в целом без их ощутимого воздействия в условиях ведущего положения традиционных СМИ). Это в силах отразить воздействие новой электронной информационной среды как фактора, формирующего определенную позицию студенческой молодежи, где в качестве эмпирической базы будут использованы данные международного проекта «Исследование европейских ценностей» (2008, 2018) с выделением из общего массива мнений студенческой молодежи Беларуси в возрасте 18-22 лет.

Рассмотрение гражданской идентичности произведем в рамках трех аспектов: определение иерархии уровней идентичности студенческой молодежи (локальная, региональная, национальная, континентальная, мировая), отношения к ключевым составляющим белорусской идентичности, а также ощущения гордости своей гражданской идентичностью в целом.

По данным за 2008 год, студенческой молодежи (см. табл.), в первую очередь, была присуща идентичность национального уровня (45,0%), далее за ней следовала локальная идентичность (34,9%) и, в целом, мировая (14,2%). Самоощущение молодых людей в 2018 году изменилось, усилились позиции локальной и региональной идентичностей (57,6% и 74,1%), причем первая из них стала лидировать в иерархии идентичностей. Следом за ней расположилась национальная идентичность (63,8%).

Таблица

Уровни идентичности студенческой молодежи (самоощущение в %)

Уровни идентичности	Год замера			
	2008		2018	
	В первую очередь	Во вторую очередь	В первую очередь	Во вторую очередь
Житель города, села	34,9	26,6	74,1	25,9
Житель области, района	3,7	11,5	<u>57,6</u>	42,5
Житель Беларуси	45,0	37,6	63,8	36,3
Житель Европы	2,3	8,7	38,8	61,3
Житель Мира	<u>14,2</u>	15,6	35,9	64,1

Казалось бы, сеть Интернет пропагандирует ценности глобализации и космополитизма, однако широкий доступ молодежи к информации в мире подтолкнул ее не к желанию быть человеком мира, а к большей любви к малой родине. Возможно, успешной можно назвать информационную кампанию в ходе реализации триптиха «Год малой родины» в Беларуси или новый модный тренд «вышиванок». Современную студенческую молодежь характеризует в целом успешная самоидентификация. Патриотические ценности сохраняют свою традиционную значимость в сознании студенческой молодежи: они четко идентифицируют себя с белорусским этносом, статусом гражданина Беларуси.

Хотелось бы обратить внимание на результаты международного проекта «Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь», реализованного в 2014-16 гг. Анализируя некоторые особенности идентификационных процессов в молодежной среде в современной Беларуси, респондентам был задан следующий вопрос: «Люди по-разному думают о себе и о своем отношении к стране и миру. В какой мере Вы ощущаете себя: гражданином Беларуси, жителем своего города, села, поселка, жителем СНГ, европейцем, гражданином мира?». В иерархии идентичностей первое место принадлежит гражданской идентичности, т.е. 90,8% молодых жителей ощущают

себя гражданами Беларуси, что является весомым условием консолидации. Региональная идентичность (свой город, поселок, село) свойственна 84,3%. На третьем месте расположилась глобальная идентичность, с весомым отрывом (62,8%) [3, с.49]. Высокий уровень консолидации белорусской молодежи в рамках своей гражданской идентичности создает реальные перспективы в направлении формирования и активизации гражданской позиции молодежи.

Для того чтобы быть настоящим гражданином Беларуси для молодежи в 2008 и 2018 годах было «скорее важно» родиться непосредственно в Беларуси (41,2% в 2008 и 43,2% в 2018 году; см. табл. 2). Второй по популярности ответ «скорее не важно» (30,1 и 27,2 соответственно) подтверждает ту истину, что уважение и любовь к стране могут быть развиваемыми качествами, что ярко отражает пример классика В. Мулявина. Молодые люди остались солидарны и по следующему аспекту, затрагивающему уважение к белорусским политическим институтам и законам (суммарно «важно» и «скорее важно» в 2008 году обозначили 85,3% респондентов и 81,7% в 2018 году). Подтвердило искренность ответов по первой позиции распределение ответов в отношении аспекта наличия предков, выходцев из Беларуси. В 2008 году 40,0% респондентов указал, что это «важно» и 31,6% – «не важно», а в 2018 году акцент сместился и 40,7% респондентов ответило, что это скорее «не важно» и 34,6%, что «важно». Вместе с этим, тенденция неизменна. Факт рождения не определяет «беларускость», которая является развиваемым в ходе адекватной социализации качеством. Это подтверждает позиция, имеющаяся в опросе 2008 года, где 81,3% респондентов отметили «важным» и «скорее важным» прожить долгое время в Беларуси для того, чтобы быть ее настоящим гражданином. К сожалению, данный вопрос не дублировался в 2018 году, но в этом году появился вопрос, касающийся важности считать белорусскую культуру своей, что суммарно поддержало 86,4% респондентов.

Дискуссионным и важным является вопрос сохранения национального языка как системно и смыслообразующего символа белорусского государства в ситуации билингвизма. В обоих изучаемых периодах максимальное одобрение вызвал у респондентов ответ «скорее важно» – 45,6% в 2008 и 45,7% в 2018 году соответственно. Однако если в 2008 году позицию «очень важно» разделяло 28,6% респондентов, что обеспечивало ей второе место, то в 2018 году она сравнялась с позицией «скорее не важно» и составила 24,7%, что вызывает некоторую обеспокоенность. Стоит подчеркнуть, что общение на русском языке для молодежи не является отказом от «беларускости».

Сохранение сформированных в общественном сознании фундаментальных национальных ценностей и адекватное приобщение к новым является одной из основ устойчивости страны к деструктивным информационным воздействиям. Абсолютно справедливо в Концепции информационной безопасности отмечено

то, что именно белорусский язык, содействует повышению национального самосознания белорусского народа и формированию его духовности [4]. Таким образом, расширение социальных функций и коммуникативных возможностей белорусского языка, его полноценное и всесторонне развитие вместе с другими элементами национальной культуры выступают гарантом гуманитарной безопасности государства.

В завершении рассмотрения данного блока следует обратиться к вопросу гордости своим гражданством. Рассмотрение данного вопроса в разрезе 2008 и 2018 годов приводит к неутешительным выводам. Категоричный ответ «очень горжусь» потерял 15 позиций и составил в 2018 году всего 20%, при этом категория «скорее не горжусь» прибавила более 8 пунктов и составила 18,7%.

В связи с этим, рационально обратиться к оценкам молодежью положения собственной нации. Для этого обратимся к результатам исследования студенческой молодежи, проведенного ЦСПИ БГУ в 2012-2013 гг. по инструментарию программы «Общественное мнение» и проанализируем поддержку тезисов, касающихся восприятия собственной нации [3, с. 55].

К сожалению, данное распределение ответов подтверждают предположения, высказанные ранее. Молодые люди в полной мере осознают, что белорусская нация существует. Однако не считают, что она белорусская нация сможет проявить себя в будущем, реализовав свой нерастраченный потенциал (29%). Можно отметить, что в отношении тезиса «в будущем моей нации еще предстоит сыграть выдающуюся роль в мировой истории», молодежь Армении выражает согласие на уровне 54%, России – 51%, Украины – 42%. Положительным моментом является то, что белорусская молодежь не считает свою нацию исключительной, ведь такая установка весьма опасна. Но, вместе с этим, следует признавать и объективные достоинства своего народа и верить в его успех, основанный на личном вкладе каждого в развитие страны. Молодежь указывает на то, что не считает, что коварство и эгоизм других народов привели белорусскую нацию на край гибели (11%), не соответствует во мнениях молодежи действительности и то, что белорусская нация угнетается (11%) или преследуется (9%). Из причин можно исключить вариант паразитирования на белорусской нации других народов (9%). Но важно все же отыскать причину того, почему молодые люди сдержанны в оценках реализации нерастраченного потенциала белорусской нации. Отсутствие четкой причины может говорить о том, что некий формируемый у молодых людей в этом направлении «комплекс» имеет надуманную природу. Для его ликвидации целесообразно шире приобщать молодежь к изучению истории Беларуси, ее славного прошлого, традиций.

Список литературы

1. Бельский, А.М. Виртуальная репрезентация повседневности молодыми пользователями визуальной социальной сети: социологический анализ / А.М. Бельский // Вестник МГУ имени А.А. Кулешова Серия Д. Экономика. Социология. Право.– 2019. – №2 (54). – С. 62-70.

2. Посталовский, А.В. Основные этапы и новые тенденции развития информационного поля Республики Беларусь на современном этапе / А.В. Посталовский // Вестник МГУ имени А.А. Кулешова Серия Д. Экономика. Социология. Право.– 2017. – №1. – С. 42-52.

3. Филинская, Л. В. Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура: векторы и точки пересечения / Л. В. Филинская, С. А. Морозова // Социология/ – 2016. – № 2. – С. 45-56.

4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь: в ред. от 18.03.2019 г. // Эталон-Беларусь. Национальный центр правовой информации Беларуси – Минск, 2019.

A.M. Belski

CIVIC IDENTITY OF BELARUSIAN STUDENTS UNDER THE INFLUENCE OF THE INTERNET AND NEW MEDIA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TRANSFORMATION

Consideration of civil identity is made in the framework of three aspects: the hierarchy of levels of identity, attitudes to the key components of identity, a sense of pride in civil identity. The impact of the new electronic space environment as a factor transforming the attitudes of students is reflected.

Key words: civic identity, new media, transformation

УДК 316.344

К.И. Ганицева

НЕРАВЕНСТВО В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На сегодняшний день область цифровых разработок – одна из самых быстро развивающихся сфер общества. Однако она порождает не только революционные прорывы в создании технологических и технических инструментов, но и формирует новые практики социального взаимодействия. Тем не менее, зачастую адаптация к информационной среде вызывает некоторые затруднения, что может формировать разный уровень доступа к виртуальным благам, а значит усиливать стратификационные процессы в обществе. Особо

остро стоит данный вопрос в разрезе социальных особенностей и специфических характеристик разных поколений, поскольку эти особенности во многом определяют механизмы приспособления к изменяющимся условиям социальной среды.

Ключевые слова: информационная среда, информационное общество, теория поколений, адаптация, неравенство

XXI век ознаменовался активным внедрением новых социальных практик в рамках стремительно развивающейся информационной среды. Появляются новые ресурсы, инструменты, пространства виртуального характера, в которых царят несколько иные правила и законы, другое понимание безопасности. Новые технологии обосновались в каждой их сфер общественной жизни, что не может не сказываться на уровне, скорости и результативности ресоциализации представителей разных социальных групп. Множество факторов определяет то, насколько эффективно пройдет процесс адаптации к новой информационной среде. К таковым можно отнести тип мышления, внутреннюю готовность к изменениям, социальные условия, образования, навыки коммуникации, компетенции, знания, умения. «Процессы адаптации человека к современному информационному обществу имеют преимущественно не биологический, а социальный характер, и осуществляются через построение культурной, наиндивидуальной системы адаптации» [5, С. 159]. В связи с этим можно включать в список важнейших факторов и то поколение, к которому относится индивид, ведь каждое поколение имеет свои собственные, характерные черты, выстраивающие его специфическую систему мировоззрения и мировосприятия, что также сказывается на уровне адаптивных возможностей приспособления к новым информационным технологиям. Вместе с увеличением числа возможностей, которые привнесли новые технологии в современный мир, остро встаёт проблема цифрового неравенства. «В общем представлении термин «информационно-цифровое неравенство» описывает ситуацию нарастания различий в обществе между теми социальными группами, которые имеют доступ к современным цифровым технологиям коммуникации (прежде всего к Интернету), и теми, которые такой возможности не имеют. Новое неравенство тесно связано со способом организации общества, определяется динамикой внедрения цифровых технологий в различные сферы. К этому следует добавить преобразования цивилизационного характера, связанные с распространением информационных технологий в повседневной жизни населения (интернет-вещи, онлайн услуги, коммуникации в социальных сетях)» [7, С. 54].

Первые наработки в области изучения проблематики информационного общества принадлежат американскому философу и математику Н. Винеру, который еще в 40-х годах прошлого века выдвинул предположения об

информационном расколе общества и связывал это с противостоянием компьютеров и безопасности, безработицы, виртуальных сообществ и т.д. М. Кастельс полагал, что доступность и свободный обмен информацией будут способствовать разрешению таких проблем как неравенство, бедность, безработица, но неимение достаточного количества необходимых знаний приведет к ощутимым экономическим трудностям. Э. Харгитай «предложила два типа цифрового неравенства: неравенство первого порядка – различие шансов, неравные шансы в доступе и пользовании; неравенство второго порядка – различия в специфике использования Интернета, которые актуализируются на более поздних стадиях интернетизации» [7, С. 55], что четко прослеживается в рассмотрении особенностей включенности в интернет-среду среднего и старшего поколений по сравнению с поколением Z. Более того, по мнению исследовательницы, наличие технических устройств, автономность доступа к мобильным устройствам, навыки пользования информационными технологиями, наличие социальной поддержки в освоении информационных технологий, личная мотивация использования информационных технологий также отражают уровень информационно-цифрового разрыва населения [7, С. 55].

Говоря об отечественных исследователях, выделим те признаки-качества, которые, по мнению В.М. Жеребина и О.Н. Махровой, наиболее полно описывают характеристики участников информационно-цифровых коммуникаций, которые на достаточном уровне владеют новой культурой и знаниями относительно сформировавшейся виртуальной среды. Во-первых, это возможность выхода в онлайн-среду в плане технической оснащенности, а именно: «использование для коммуникации мобильного телефона, смартфона, планшета, программы Skype, социальных сетей и блогов, участие в форумах, Интернет-конференциях и опросах» [3, С. 31]. Во-вторых, использование электронных текстов широкого спектра, к которым могут относиться электронные журналы и книги, монитор ноутбука или смартфона, SMS-сообщения и электронная почта. Также к показателям уровня «вхождения» в новую культуру взаимодействия могут относиться интенсивность и время нахождения в виртуальной реальности, эффективность и разноплановость данной деятельности, формирующиеся нормы, ценности и ориентации (не только на свои собственные интересы, но на семью, на коллектив, на поддерживаемое сообщество, на общество в целом) и изменение отношения ко времени (большая пунктуальность, исчезновение расслабленности, стремление к экономии времени) [3, С. 31].

Разность положения пользователей цифровых инструментов просматривается и в классификациях, описывающих способности и степень

освоения ресурсов, представленных новой информационной средой. Одна из таких классификаций, предложенная Е.Ю. Журавлевой, разделяет основные категории людей, находящихся в виртуальном пространстве, на пользователей, посредников, создателей, а также исследователей и поддерживающих эту среду технических работников. Так, если поколение 2000-х уже активно входят в роль создателей цифровой среды, активно продвигают свой собственный контент, то поколения X и бэби-бумеры в большинстве своем остаются на уровне пользователей – потребителей этого контента. «Тем не менее, и среди людей старшего возраста (55 лет и выше) доля пользователей Интернета за 2017 год выросла на четверть по сравнению с 2016 годом и составила 36%, увеличилось в два раза число пользователей мобильного Интернета — до 21%» [2, С. 113]. Более того, по данным некоторых исследований весь спектр «базовых интернет-услуг», а именно работа с электронной почтой, общение в социальных сетях, онлайн-заказ билетов, продуктов или такси, онлайн-платежи, получение государственных и муниципальных услуг используют лишь 13% респондентов старшего поколения [7, С. 59].

Все вышеперечисленные признаки легко ложатся в основу анализа приобщенности и адаптированности к цифровой среде представителей разных поколений. Значимую актуальность данному вопросу добавляет и тот факт, что в современном российском обществе формирующийся цифровой разрыв пересекается и с перестроением самого общественного уклада, вытеснением тех норм и ценностей, что существовали на протяжении некоторых поколений. Более того, значимым фактом является и то, что «реформирование в последние десятилетия проводилось без учета адресной социальной поддержки, что привело к деформации практик социально-профессиональной адаптации населения разных поколений» [7, С. 54].

Так, представители поколения X, или, как еще их называют, «поколение эйфории» (люди, родившиеся в 1960-х – 1980-х годах), к примеру, попали на границу радикальных трансформирующих общество процессов, в смену эпох. «Оно, с одной стороны, помнит жизнь до бурного развития инфокоммуникационных технологий, помнит, как сложно было работать, общаться и «добывать» информацию. <...> Есть элемент наслаждения для этих людей в новой инфокоммуникационной реальности: компьютеры, смартфоны, Skype, Интернет и т. д. <...> Но, с другой стороны <...> в этом переломном моменте пошатнулись все устоявшиеся социальные структуры: работа, образование, отношения» [6, С. 45], что порождает страх, неуверенность в будущем, сложности в освоении новых необходимых для цифровой среды компетенций.

Поколение «Next», «поколение Z», «поколение скорости» – все это наименование поколения современных детей 2000-2020 г.г. рождения. Их уникальность заключается в том, что цифровая среда для них естественна. Они не жили вне доступа к интернет-среде и разного рода гаджетам, они – первое поколение, которое оказалось за чертой того переломного момента, где научно-технологические достижения многократно видоизменяют социальный контекст на протяжении одного поколения. Все ступени их социализации проходят под плотным внедрением цифровых технологий. Сетевое поколение, несмотря на свой юный возраст, уже интуитивно чувствует устройство информационно-цифрового пространства и активно включает в свои социальные практики, в том числе и в области развития трудовой деятельности.

В противовес им стоит старшее поколение, поколение «Беби-бумеров» (1943-1963 г.г. рождения) и «Молчаливое поколение», родившиеся в 1923-1943 гг., – «аборигены предыдущей доцифровой эпохи». Для них такая быстрая смена практик, внедрение новых правил, норм, ценностей, компетенций для нормального функционирования в быстро изменяющейся под влиянием цифровых технологий социальной среде становится дискомфортной. Несмотря на то, что они пользуются телефоном и смотрят цифровое телевидение, разобраться с компьютером или телефоном/смартфоном самостоятельно для них скорее проблема, зачастую им не хватает знаний и полноценной информированности об использовании того или иного устройства или приложения. В связи с этим среди представителей данной возрастной группы распространено отчуждения от цифровой среды, ощущения себя ее жертвами и заложниками [6, С. 43-45].

Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что на данный момент, несмотря на интенсивность цифровизации, существует некоторое отставание рассмотренной возрастной группы в освоении и внедрении новых информационных практик, поскольку наблюдаются признаки цифрового разрыва, как первого, так и второго порядка. Результаты социологических исследований показывают следующий ряд причин этому, а именно плохо развитая телекоммуникационная инфраструктура и высокая стоимость услуг, незнание принятого в данной цифровой среде поведения, отсутствие компьютерной грамотности, в том числе касаясь программ для работы и пренебрежение цифровой безопасностью, языковой барьер, а именно не достаточный уровень знания английского языка, недостаточно развитый навыки работы с интерфейсом устройств, слабая осведомленность об обучающих ресурсах и организациях.

Список литературы

1. Воронин Г.Л., Курячьева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2018, № 3 (51), с. 55-65 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-prostranstvo-starshego-pokoleniya-analiz-problemy-vhozhdeniya-v-tsifrovuyu-epohu> (Дата обращения: 22.11.2019).
2. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2019, № 1 с. 108-120 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiyskogo-informatsionnogo-obschestva-urovni-tsifrovogo-razryva> (Дата обращения: 22.11.2019).
3. Жеребин В.М., Махрова О.Н. Информатизация общества и развитие новых форм социальных отношений // Народонаселение, 2015, № 1, с.27-36 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-i-razvitie-novyh-form-sotsialnyh-otnosheniy> (Дата обращения: 22.11.2019).
4. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877>
5. Тимошенко Т.В. Адаптация человека к современной информационной среде // Известия Южного федерального университета. Технические науки, 2012, с. 155-159 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-cheloveka-k-sovremennoy-informatsionnoy-srede> (Дата обращения: 22.11.2019).
6. Шестакова И.Г. Онтология экономики цифрового мира: межпоколенческая специфика // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент № 1, 2017, с. 44-47 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologiya-ekonomiki-tsifrovogo-mira-mezhpokolencheskaya-spetsifika> (Дата обращения: 22.11.2019).
7. Шиняева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология № 1, 2019, с.53-61 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-tsifrovое-neravenstvo-naseleniya-factory-riska-i-antiriska> (Дата обращения: 22.11.2019).

INEQUALITY IN A VIRTUAL ENVIRONMENT: THE GENERATIONAL DIMENSION

Today, the field of digital development is one of the fastest growing areas of society. However, it creates not only revolutionary breakthroughs in the creation of technological and technical tools, but also forms new practices of social interaction. Nevertheless, often adapting to the information environment causes some difficulties, which can form a different level of access to virtual goods, and therefore strengthen stratification processes in society. This issue is especially acute in the context of social characteristics and specific characteristics of different generations, since these features largely determine the mechanisms of adaptation to the changing conditions of the social environment

Keywords: information environment, information society, theory of generations, adaptation, inequality

УДК 316.77

M.B. Городова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ СТУДЕНТОВ КАК СУБЪЕКТ РИСК-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПГНИУ)

Статья посвящена рассмотрению экологического совета студентов как социальной структуры, осуществляющей деятельность экологической направленности и её роли в экологической ситуации как одного из субъектов риск-коммуникации на локальном уровне – университетском.

Ключевые слова: коммуникация, социология коммуникации, риск, риск-коммуникация, экологическая ситуация

Мониторинг экологической ситуации в России, проводимый два раза в год по инициативе ВЦИОМ, отражает наличие негативной тенденции в изменениях восприятия экологических рисков общественностью – более трети россиян убеждены в том, что экологическая ситуация в стране ухудшается [5]. Её ухудшение всё больше привлекает внимание общественности к изменениям в окружающей среде, к формирующейся ситуации риска, а также к субъектам, осуществляющим деятельность в отношении экологических проблем. При этом стоит учитывать, что данное восприятие может характеризоваться преувеличением опасности риска и последующим возникновением социального напряжения, либо его недооценкой и далее деактуализацией в общественном сознании. Для грамотной оценки последствий и решения проблем в ситуации риска возникает необходимость в налаживании контакта между субъектами всех уровней общества и их эффективного взаимодействия, где главным

инструментом выступает риск-коммуникация [1]. В данной статье будут рассмотрены основные механизмы и характеристики риск-коммуникации на локальном уровне, осуществляемой студенческой молодежью в высшем учебном заведении.

Было проведено исследование экологического совета студентов Пермского государственного национального исследовательского университета с использованием метода глубинного интервью, в котором приняли участие несколько участников, занимающих главенствующие посты в совете. Также учитывался факт трудности в адекватном отражении эффективности работы данного совета в связи с тем, что действующий состав совета появился недавно и занимается активной деятельностью менее года (информация о прошлых годах отсутствует).

Были сделаны выводы о том, что сами участники трактуют деятельность экологического совета студентов немного отлично от указанной в официальных источниках университета информации. Для них совет является площадкой для выражения активной позиции студентов относительно экологии и для реализации экологически ориентированных идей, нежели группа студентов, созданная в рамках университета для проведения экологически направленных мероприятий, проектов и формированию экологической грамотности студентов и преподавателей.

В качестве одного из основных направлений своей деятельности они выделяют *экологический менеджмент*, выражаемый в проведении мероприятий по сбору вторсырья, экоквеста, участие в экологических мероприятиях городских организаций как партнеров и, как отдельно выделенное субнаправление – трансформация университетских мероприятия в более экологичные, например, замена одноразовой посуды на керамическую (при обращении к ним с такими предложениями различных организаторов, а не по собственной инициативе). Стоит отметить, что экологический менеджмент в литературе имеет множество трактовок, однако для данного исследования понятие трактовалось как тип управления, принципиально ориентированный на формирование и развитие экологической культуры жизнедеятельности человека [3]. Таким образом, соотнося определение с их интерпретацией, можно сказать, что совет студентов своим примером (и примером своих партнеров) старается популяризировать экологическую культуру через один инструмент – осуществление проектной деятельности.

Второе направление деятельности совета участники отметили как *информационное*, посвященное написанию и распространению материалов об экологии для экологического просвещения аудитории. Стоит отметить, что в данное направление не входит информирование об экологических рисках

локального или регионального уровня – написанный материал характеризуется скорее общей экологической направленностью с советами по ведению экологичного образа жизни и новостями о ближайших экологических мероприятиях.

Говоря о целевой аудитории информирования и направления осуществления деятельности, мнения членов студенческого экологического совета неоднозначны: часть участников считает, что ею являются студенты и преподаватели, однако другая часть считает, что их целевая аудитория рассеянная и не имеет определенных характеристик, помимо наличия активной экологической позиции. Также, рассматривая значение механизма обратной связи тесно связанного с информированием, оказалось, что совет получает ответную реакцию аудитории в малых размерах, и при этом не ставит в приоритет её получение.

Согласно определению Я.Д. Вишнякова и Н.Н. Радаева, риск-коммуникация не односторонний процесс, а интерактивный [2] – он подразумевает взаимодействие людей, общественных организаций и государственных органов как коммуникативное, так и действенное, с целью обмена информацией о проблемной ситуации и управления риском. Стоит отметить, что риск-коммуникация невозможна без осуществления обратной связи, так как это решение проблем в процессе постоянного диалога между его субъектами. Следовательно, можно сделать вывод о том, что возможно данная социальная структура не является каналом осуществления риск-коммуникации в силу рассеянности целевой аудитории, где информация либо достигает своих получателей с наименьшей эффективностью, либо совсем не достигает их, а также по причине отсутствия требуемой для ситуации риска обратной связи и не знания субъектом аспектов её осуществления.

Экологический совет студентов на локальном уровне осуществления риск-коммуникации обладает широкими возможностями и является одной из необходимых структур в рамках университета для развития экологического сознания и экологической грамотности среди студенческой молодежи, которой возможно в будущем придется взять на себя роль активно действующих субъектов. Проведенное исследование показывает, что развитие подобной социальной структуры является актуальным для современной экологической ситуации. В связи с чем стоит задаться вопросом в чем состоит главная причина полученных результатов: возможно дело в отсутствии представлений среди участников совета о собственных возможностях в ситуации экологического риска, и последующее неэффективное использование имеющихся ресурсов и механизмов осуществления коммуникации. Либо главная причина состоит в том, что отсутствует самоидентификация данной организации как субъекта риск-

коммуникации в процессе решения экологических проблем. Данные вопросы могут стать основой для дальнейшего исследования в этой тематике.

Список литературы

1. Бурганова Л.А., Исхакова Э.И. Риск-коммуникация как механизм эффективного управления рисками // Вестник экономики, права и социологии. №1. 2019. С. 132-135.

2. Вишняков Я.Д. Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Я.Д.Вишняков, Н.Н.Радаев. — 2-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

3. Коротков Э.М. Концепция экологического менеджмента // 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfin.ru/press/management/1998-2/02.shtml> (Дата обращения: 01.11.2019)

4. Котова И.Н. Экологические риски и их влияние на социальные процессы в муниципальном районе // Социология власти. №3. 2008. С. 99-107.

5. Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ / 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9544> (Дата обращения: 01.11.2019).

M.V. Gorodova

STUDENT ECOLOGICAL COUNCIL AS SUBJECT OF RISK-COMMUNICATION (ON EXAMPLE OF PSU)

The article is aims to consider the student ecological council as a social structure that carries out environmental activities and their role in the current environmental situation as one of the subjects of risk communication on the local level – university.

Keywords: communication, sociology of communication, risk, risk communication, ecological situation

УДК 316.77

А.Э. Зыкова

РОЛЬ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ В ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЁНКА

В статье рассматривается роль средств массовой коммуникации в сложном процессе усвоения норм. Акцент сделан на влиянии мультипликационных фильмов на детскую гендерную социализацию. В исследовании отражается мнение родителей об усвоении

гендерных норм посредством мультипликационных фильмов, о том, какое место данный вид СМК занимает в жизни их детей и какие закономерности ими были замечены.

Ключевые слова: гендер, средства массовой коммуникации, социализация

Выбор транслируемой в средствах массовой коммуникации (СМК) гендерной модели важен для процесса социализации. С одной стороны, способ передачи и усвоения социального опыта, культуры и гендерных ролей посредством СМК является уже традиционным и позволяет стандартизировать многие неизвестные ранее модели и нормы поведения, охватывая большую аудиторию и занимая меньше времени. Но с другой стороны, образы, транслируемые в средствах массовой коммуникации, могут манипулировать сознанием индивидов, формировать нехарактерные для традиционного российского общества модели поведения, например, воспитывать андрогинные гендерные нормы, которые создают проблемы в семейных отношениях [1, с.15-23]. По мнению ряда ученых, средства массовой коммуникации переходят из агентов вторичной социализации в первичные. И уже имеют влияние на формирование личности наравне с институтами семьи и образования.

Основным механизмом передачи гендерных норм с помощью СМК является трансляция гендерных ролей, стереотипов, характеристик, которые выступают механизмом передачи гендерной культуры конкретного общества следующим поколениям. Совокупность этих составляющих образуют собой гендерные модели, которые делятся на традиционную и андрогинную, что они собой представляют, проиллюстрировано в таблице.

Таблица

Компоненты	Компоненты гендерной модели	
	Традиционная модель	Андрогинная модель
Роли	Мужские роли – добытчик, защитник, лидер и т.д. Женские роли – хозяйка, воспитатель, мать и т.д.	Пол не определяет ролевой набор
Характеристики	Мужчины – маскулинны (агрессия, твёрдость, расчётливость и т.д.) Женщины – феминны (спокойность, мягкость, сострадательность и т.д.)	Пол не определяет, каким набором характеристик должен обладать тот или иной человек
Стереотипы	Устойчивы и сложны в преобразовании	Стремление отказаться от стереотипов

По данным ЮНЕСКО дети в возрасте от 3 до 6 лет смотрят мультфильмы в среднем 3-4 часа в день [2, с.270-272] Т.к. гендерная идентичность начинает формироваться в детском возрасте (по Фрейду ребёнок с 3 до 5 лет активно начинает познавать разницу между мужчиной и женщиной) – это значит, что транслируемые гендерные образы в мультфильмах активно влияют на данный процесс. Таким образом, необходимо изучать роль мультипликационных фильмов в гендерной социализации ребёнка – что и является целью данной работы.

В ходе авторского исследования методом глубинного интервью были сделаны следующие выводы. Родители делят мультфильмы на отечественные и зарубежные, и отдают своё предпочтение первым по ряду причин. Во-первых, из-за наблюдаемой зависимости между просмотром зарубежных мультфильмов и неприемлемым российским обществом поведением (девочки начинают бегать с оружием, мальчики надевают платья). Родители уверены, что ребёнок активно подражает своим любимым персонажам, за жизнью которых наблюдает ежедневно. Это может быть связано с тем, что помимо «значимых взрослых» в его жизни, появляется ещё одни «значимые» персонажи, которые сопровождают его каждый день, обучают, мотивируют и, в отличие от родителей, не реализуют над ним систему наказаний. Помимо этого, из-за отсутствия критического анализа поведения героя, ребёнок автоматически воспринимает его действия как правильные, а значит – это ведёт к высокой вероятности повторения детьми транслируемых образов, которые демонстрируют их авторитеты.

Во-вторых, влияние просмотренных образов на взаимоотношения с противоположным полом (девочки дерутся с мальчиками, мальчики не могут за себя постоять). В-третьих, воспитание андрогинного человека, по мнению информантов, приводит к ряду семейных проблем (усугубление семейного кризиса, который заключается в конфликтах между супругами за распределение обязанностей и ролей в семье, девальвации ценностей материнства и отцовства, снижении рождаемости, росте числа разводов).

Родители понимают андрогинность по-разному. Первое понимание связано с тем, что андрогинность – это отсутствие разделения на «мужское» и «женское», что и является верным определением данного термина. Второе понимание выглядит как то, что мужчины обладают феминными характеристиками, а женщины маскулинными. Также информанты отмечают, что нуждаются в мультфильмах, которые бы объясняли гендерные роли и распределение обязанностей в семье, раскрывали гендерный аспект в межличностных отношениях между мальчиком и девочкой (маскулинное и феминное поведение). Такие положения, могут быть связаны с низким уровнем

информативности и обучаемости гендерному аспекту со стороны агентов социализации, а также подтверждают высокую роль СМК в социализации.

Родители выдвинули несколько идей, какие гендерные нормы желательно транслировать в мультфильмах. Первой идеей было, основываясь на том, что детям интересны супергерои, демонстрировать их не как людей со сверхспособностями, а в виде обычных мужчин, отцов, маленьких мальчиков, которые с помощью хороших поступков становятся супергероями. Родители уверены, что в современных мультфильмах сделан акцент на фантастической силе, которую не может реализовать в жизни обычный мальчик. Т.е. демонстрировать, как мужчина перед женщиной открывает дверь, помогает донести пакеты домой, что отец детей много работает и за это достоин носить звание «супергероя». Так как у детей отсутствует элемент анализа того, что им показывают, необходимо доходчиво доносить до них через яркие и наглядные образы как именно и почему должны себя так вести мальчик и девочка.

Вторая идея была основана на том, что нужны мультфильмы, которые бы объясняли гендерные роли в семье, что бы герои рассказывали кто такие мама и папа, какие они выполняют обязанности, какие содержат роли помимо материнства и отцовства. *«Хочется вообще да, чтобы в мультфильмах объясняли кто такой папа, кто такой мама, каким должен быть мальчик, девочка»* (из интервью).

Также поступило предложение рассказывать с самого детства детям, какими качествами обладает девочка, а какими мальчик, как реализовываются между ними взаимоотношения, как мальчику стоит ухаживать за девочкой, а также как девочке принимать эти ухаживания или правильно отказать. Родители считают, что не всегда ребёнок по таким личным вопросам подойдёт поговорить с родителем и будет действовать исходя из своих ошибок и системы координат. Поэтому необходимо, чтобы какой-то значимый источник, в данном случае это мультипликационные фильмы, увлекательно рассказывал об этих особенностях *«не только какую-то историю обыгрывать в мультфильме и мораль какую-то развивать, но также и ярко, красочно окрашивать поведение мужчины как мужчин, женщин как женщин, чтобы мальчики понимали как с детства вести себя в обществе, а, ну, и девочки в общем, то тоже и даже особенно девочки»*, *«Если без похоти, без какой-то пошлости, то, если показывать как мальчик дарит девочке цветы, то как она их воспринимает, принимает, умиляется например, как они потом гуляют где-то там, он берёт её за руку, в общем описывают моменты жизненные обычные приятные, то почему бы и не описывать так»*, *«нужно учить их этому, ну я считаю с детства, как мальчику не травмаопасно отказать в симпатии, не «пошёл вон, ты смешон», а сделать это так, чтобы с детства не задевать самооценку другого сила ещё и в том,*

чтобы не бегать за парнями, да-да-да, прям с самого детства нужно учить девочек, что обращать внимание стоит только на тех, кому понравилась она и....ну....только на тех мальчиков, кто хорошо себя ведёт, не хулиганы, драчуны и не те, кто её обижают, они не достойны её внимания совершенно, а если что и папе нужно рассказать, чтоб защитил свою девочку, а девочку научить, как этот цветочек правильно принимать» (из интервью)

К традиционной гендерной модели информанты отнесли не свойственную ей характеристику «по-женски сильная», которая указывает нам на изменение положения женщины и мужчины в обществе. «Женская сила» сочетает в себе поддержку и мотивацию мужчины женскими способами (традиционная модель), но также предполагает женскую самодостаточность и отстаивание женского достоинства, чего не предполагает традиционная модель. Такие авторы как Радина и Никитина в своих работах говорят о том, что женщины как гендерная группа влияют на трансформацию мужской идентичности (мужчины слабеют от силы женщин, нуждаются в их поддержке и помощи и т.д.). Из интервью *«необходимо транслировать что такое женское достоинство и женская сила, на самом деле, это вообще иное, чем мускулы и сражения. Вот. На самом деле сила-то в том, что не промолчать, если тебя обижают», ««по-женски сильная, понимаешь? Такая прям ну говорят так «девочка-девочка». Она мотивирует мужчину на подвиги для неё, не лезет спасать мир, как бы редкость в последнее время такой образ девушки. Она блин влюбляется и не вешается».*

Процесс усвоения гендерных норм является сложным и многогранным, а вопрос о том, какие именно гендерные характеристики необходимо воспитывать – остаётся дискуссионным. Для того, чтобы создавались крепкие, здоровые семьи, минимизировались конфликты между супругами за распределение обязанностей и ролей в семье, супружеская пара была настроена на материнство и отцовство – необходимо, с детства воспитывать преобладающие характеристики традиционной гендерной модели, в том числе через мультипликационные фильмы, т.к. они в жизни детей занимают одно из важных мест.

Список литературы

1. Здравомыслова Е.А. Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С.15-23
2. Гринева И.А. Влияние телекоммуникации на психологическое развитие детей дошкольного возраста // Территория науки, 2007 №2. С.270-272

ROLE OF MULTIPLICATION FILMS IN THE GENDER SOCIALIZATION OF THE CHILD

The article discusses the role of mass media in the complex process of assimilation of norms. The emphasis is on the impact of animated films on children's gender socialization. The study reflects the opinion of parents about mastering gender norms through animated films, about what place this type of mass media takes in the lives of their children and what patterns they noticed.

Keywords: gender, mass media, socialization

УДК 316.334.3

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье представлены основные направления социальной политики промышленных предприятий. Также рассматриваются мотивы проведения социальной политики в отношении работников и самих организаций.

Ключевые слова: социальная политика предприятия, социальное благополучие работников, средство достижения целей

Проведение социальной политики активно популяризуется среди современных предприятий. Как известно, главной целью любого предприятия является рост прибыли и эффективности производства. Исходя из этого, возникает вопрос, на что направлена социальная политика современных предприятий? На достижение собственных целей или же на социальное благополучие работников?

В данной работе социальная политика определяется как «система управленческих воздействий, направленных на оптимизацию взаимодействия общества, государства и предприятия, обеспечение социальных гарантий внутри предприятия, его участие в реализации социальных программ и мероприятий, формирование норм корпоративной культуры» [1, с. 207].

Социальная политика предприятий должна решать следующие задачи:

- «защита работников, которая реализуется через систему льгот и гарантий, предоставляемых государством, а также самим предприятием;
- воспроизводство рабочей силы, реализуемое через организацию оплаты труда и ее регулирование;
- стабилизация интересов социальных субъектов (работник, работодатель, государство), реализуемая через ее согласование» [2, с. 193].

Каждое предприятие проводит собственную социальную политику, поэтому не существует единого представления о направлениях социальной политики. Зачастую к ним относят: «дополнительное пенсионное обеспечение; добровольное медицинское и индивидуальное страхование; оказание материальной помощи сотрудникам; развитие персонала и образовательные программы; развитие физкультуры и спорта, рекреационные услуги и культурные программы; охрану здоровья и безопасные условия труда; организацию и дотирование питания работников; спонсорство и корпоративную благотворительность; содействие охране окружающей среды; взаимодействие с местным сообществом и местной властью и др.» [3, с. 212].

Таким образом, можно предположить, что реализация внутренней социальной политики в отношении работников имеет, положительное влияние, связанное с внутренним климатом коллектива, ощущением защищенности, укреплением эмоционально – психологических связей между работником и предприятием, ростом удовлетворенности работой. А так как в организации в основном работает население, на территории которого расположено предприятие, то и проведение внешней политики оказывает положительное влияние на их жизнь.

В качестве примера приведем ПАО «Уралкалий». В рамках социальной политики сотрудники предприятия имеют право на получение медицинской помощи в рамках ДМС, а также им оплачиваются путевки на санаторно – курортное лечение. Осуществляется доставка работников корпоративным транспортом до места работы, в том числе между городами Березники и Соликамск. «Уралкалий» уделяет большое внимание обучению и развитию сотрудников. Для сотрудников предприятия ведется строительство корпоративного жилья, компенсируются процентные ставки по целевым займам банков на недвижимость. С 2013 года на территории Березников и Соликамска реализуется проект «Развитие баскетбола как массового вида спорта для детей и подростков». Также в «Уралкалии» реализуется Программа по поддержке ветеранов компании «Внимание и забота» [4]. Интересно было бы рассмотреть на примере такого предприятия с довольно внушительной системой социальной политики, насколько она соответствует потребностям тех граждан, на которых направлена.

Но, в то же время, существует и обратная сторона проведения социальной политики, где социальное благополучие работников рассматривается не как цель, а как средство достижения целей предприятия. Данная проблема поднимается в работе «Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?». Авторы выявляют основную мотивацию бизнеса в проведении социальной политики:

- «стремление к снижению социальной напряженности;
- ответ на ожидания со стороны общества – «положение обязывает»;
- формирование позитивного имиджа» [5].

Так, например, в Рязани в период с 2004 – 2006 год было проведено эмпирическое социологическое исследование социальной политики предприятий – рязанская нефтеперерабатывающая компания (ЗАО РНПК) и ОАО завод «Красное знамя». По результатам исследований было выявлено, что руководители предприятий считают, что благодаря реализации социальных программ, поддерживается высокий уровень производительности труда и качества выпускаемой продукции. Был сделан акцент на том, что «если работник знает, что руководство заботится о нем, думает о его проблемах, то вероятность того, что сотрудник будет проявлять халатность на рабочем месте, снижается» [5, с. 331]. Следующим фактором проведения социальной политики руководители предприятий отметили – повышение и поддержание трудоспособности работников, через заботу об их физическом здоровье. Ведь если работник потерял здоровье и с трудом его восстанавливает, в скором времени он начинает хуже трудиться, а если таких работников множество, то в целом начинает снижаться производительность предприятия. Стоит отметить еще тот факт, что социальную политику некоторые руководители рассматривают как фактор привлечения высококвалифицированных сотрудников на предприятие. Люди идут устраиваться на данное предприятие, зная, что оно помогает своим работникам, заботится о них и ценит, что является значимым преимуществом в конкурентной среде.

Данные наблюдения явно подчеркивают тот факт, что реализуя социальную политику, предприятия способствуют достижению собственных целей, стремятся обезопасить себя от излишних проблем, гарантировать собственную стабильность, конкурентоспособность и позитивный имидж.

Таким образом, в условиях, когда все чаще возникает вопрос о том, чьи потребности в большей степени призвана удовлетворять социальная политика предприятия, самой организации, работников или местного населения, как никогда становятся актуальны исследования данной проблематики на примере предприятий, активно реализующих свою социальную политику. Именно в этом направлении, как нам кажется, следует обозначить исследовательский фокус тем, кто занимается вопросами социальной политики предприятий.

Список литературы

1. Долгорукова И.В. Современные практики реализации корпоративной социальной политики на российских предприятиях // Вестник МГИМО – Университета. 2014. №3. С. 206 – 214.
2. Багирова И.Х. Роль социальной политики и социального партнерства в мотивации персонала организации / И.Х.Багирова, Б.С. Бурыхин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 193 – 195.
3. Левченко А. П. Предприятие как субъект современной модели российской социальной политики // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. №1. С. 207 – 214.
4. Ключевые направления социальной деятельности «Уралкалия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.uralkali.com/ru/sustainability/news_hot_topics/item23072014 (дата обращения: 04. 10. 2019).
5. Сидорина Т.Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. №3. С. 319 – 334.

Zyryanova A.A.

THE ESSENCE OF SOCIAL POLICY OF ENTERPRISES

The article presents the main directions of social policy of industrial enterprises. The motives of social policy in relation to employees and organizations themselves are also considered.

Key words: social policy of the enterprise, social welfare of employees, means of achieving goals

УДК 316.772.5.

П.А. Зяблова

БЛОГИНГ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена высокой популярности блогосферы в современном мире и ее влиянию на ценности и жизненные ориентиры молодежи. Описаны сущностные представления о данном процессе. Приводятся результаты собственного исследования по данной теме. Проанализированы позитивные и негативные аспекты блогинга с точки зрения молодежи. Описаны основные мотивы ведения блогов. Выявлен наиболее удобный формат блога для молодежи. Сделан вывод о влиянии блогосферы на молодежь.

Ключевые слова: молодёжь, блогинг, блогосфера, социальные сети

Блогосфера (от англ. blogosphere) – термин, построенный аналогично термину «ноосфера» и ему подобным, и обозначающий совокупность всех блогов как сообщество или социальную сеть [1].

На сегодняшний день блоги являются отличным ресурсом для реализации креативных идей и концептуальных проектов. Все сферы общественной жизни в той или иной мере взаимодействуют с блогосферой. Культура блога является популярной среди представителей средств массовой информации, художников, рекламодателей и людей шоу-бизнеса, вряд ли можно найти более удобный и быстрый способ общения и распространения информации.

В современном мире разнообразие социальных сетей возрастает, времяпрепровождение в интернете стало одной из основных форм досуга для молодежи. На данный момент сетью Интернет пользуются более 4,3 млрд человек [2]. Все большее распространение в настоящее время получил такой вид социальных сетей, как блог, который является носителем самой актуальной информации. В последние годы преобладает тенденция понимания социальных сетей, как новых медиа [3]. Интернет-блоги привлекают молодое поколение, потому что являются благоприятной средой для демонстрации альтернативной точки зрения, средством самовыражения и помогают найти единомышленников, со схожими интересами, мнениями, оценками и стилем мышления.

Осенью 2018 года нами было проведено социологическое исследование. Целью нашего исследования было проанализировать значение блогов в получении информации, формировании ценностей и установок молодежи. В опросе приняли участие жители города Екатеринбурга в возрасте от 14 до 30 лет. Приведем некоторые результаты исследования. Обработка результатов исследования проводилась с помощью пакета программ статистической обработки и анализа данных Vortex 10.0.

Рассмотрим, с помощью каких источников информации молодежь узнает новости (см. табл.).

Таблица

**Источники информации, с помощью которых молодежь узнает новости
(в % от числа ответивших)**

Источники информации, с помощью которых молодежь узнает новости	%
Социальные сети, блоги	95
Официальные новостные сайты	42
Телевидение	13
Радио	5
Печатная пресса	1
Друзья, коллеги	1
Затруднились ответить	1
Всего:	158*

**Здесь и далее сумма процентов больше 100, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.*

Как видно из таблицы, среди опрошенных 95% отметили, что основным новостным источником для них являются социальные сети и блоги. Меньше половины опрошенных (42%) отметили официальные новостные сайты. Можно предположить, что новости в блогах появляются гораздо быстрее, чем в официальных источниках, информация в которых предварительно проходит проверку и редактирование. Новости в Интернете можно читать в любое удобное время, не имея никаких ограничений. Эти факторы и делают Интернет более востребованным по сравнению с другими источниками информации.

Тем не менее, степень доверия к официальным новостным сайтам остается более высокой (68%), чем к социальным сетям и блогам (50%). Скорее всего это связано с тем, что противоречивость информации в блогах вызывает сомнение в ее достоверности. При этом 15% респондентов затруднились ответить на вопрос, что свидетельствует о том, что молодежь не может конкретно выделить источник информации, которому однозначно доверяет. На вопрос о частоте просмотров блогов, больше половины опрошенных ответили «каждый день» (51%). И лишь 10% респондентов ответили «раз в месяц».

Как мы видим из рисунка 1, больше половины респондентов (69%) считают наиболее позитивной стороной блогинга «возможность для самовыражения», также значительная часть опрошенных отметили такой аспект, как «свобода высказывания» (60%) и «демонстрация альтернативной точки зрения» (54%). По мнению 35% опрошенных, главное достоинство блогов заключается в получении полезной информации о разных сферах жизни. В тоже время, 44% отметили, что информация в блогах является актуальной и помогает разбираться в событиях, происходящих в мире.

Рис. 1. Позитивные аспекты блогинга

В отношении оценки негативных сторон блогинга мы можем наблюдать следующие результаты: подавляющее большинство респондентов (76%), считают навязчивую рекламу наиболее негативным аспектом блогинга. Блоги становятся идеальной площадкой для рекламы товаров и услуг для рекламодателей, но часто для такой рекламы характерна неумелая, навязчивая подача материала, что отталкивает пользователей. Также, равное количество респондентов, как негативный аспект отметили «манипулирование общественным мнением» и «недостоверность информации» по 56% соответственно (См. рисунок 2). Скорее всего, это связано с низким доверием к блогам и отсутствием контроля над публикуемой информацией.

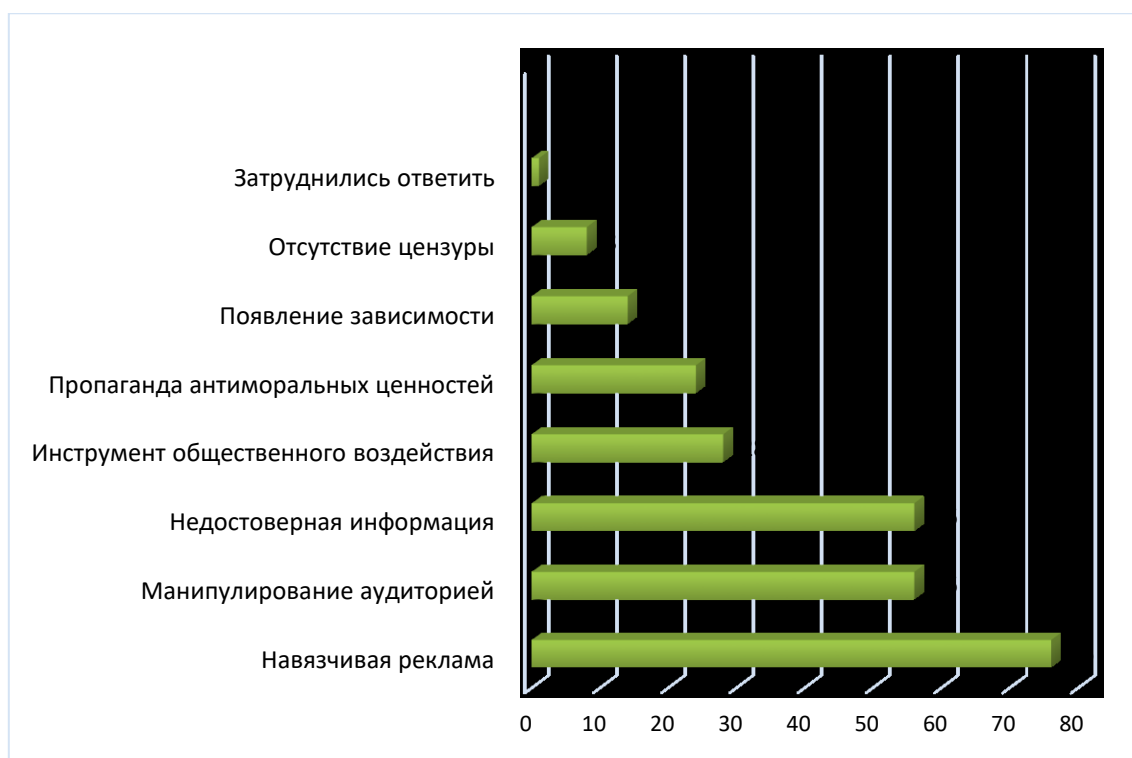

Рис. 2. Негативные аспекты блогинга

Несмотря на то, что значительная часть респондентов как негативные стороны выделяет навязчивую рекламу, манипулирование общественным мнением и недостоверность информации, блоги остаются основным источником информации для молодежи. А свобода для самовыражения и высказывание альтернативной точки зрения, по мнению опрошенных, являются наиболее значительными и интересными аспектами блогинга.

По мнению 71% респондентов, главным мотивом ведения блогов является заработок. С точки зрения заработка, блоги являются удобной рекламной площадкой, у многих известных блогеров существуют сложившиеся цены на рекламу.

Молодежь ассоциирует блогеров с людьми, которые высказывают свои мысли, обсуждают разные темы (71%), зарабатывают деньги через интернет (49%), ведут страницу в интернете (48%), являются публичными людьми (48%) и лишь 6% ассоциируют блогеров с журналистами, писателями. Респонденты воспринимают блогеров, как публичных людей, преподносящих актуальную информацию, происходящую в мире, деятельность которых, в основном, направлена на получение прибыли от своего контента.

По результатам опроса наиболее удобным форматом блогов для молодежи является видеоблог 68%, это связано с тем, что в настоящее время формат видео набирает все большую популярность, об этом также свидетельствуют полученные результаты. Среди опрошенных самым просматриваемым блогером

является Юрий Дудь – 69%. Видео данного блогера набирают более 2 млн просмотров, каждый выпуск попадает в тренды YouTube. На сегодняшний день канал Вдудь насчитывает 6 млн подписчиков, что свидетельствует о высокой популярности данного формата. В связи с ростом популярности видеоформата, отдельные команды производителей видео для телевидения стали запускать собственные каналы на YouTube и аналогичных сервисах. Это свидетельствует о том, что среди молодежи популярность блогов только растет, в то время, как традиционные средства массовой информации теряют свою актуальность.

Молодежь не считает мнение всех блогеров авторитетным, однако, существуют лидеры мнений, чьи советы оказывают решающее воздействие на формирование жизненных позиций и ценностей молодого поколения. В современных условиях все сферы общественной жизни в той или иной мере взаимодействуют с блогосферой. Молодежь практически ежедневно использует блоги, но, как группа, наиболее активно реагирующая на инновации, в большей степени подвержена их влиянию. Широкое распространение среди молодежи получил видеоформат, популярность которого растет за счёт притока команд профессионалов с телевидения. Молодежь считает, что главными целями блогеров является получение заработка. Действительно, этот мотив является одним из ключевых в современных условиях развития монетизации.

Для молодого поколения блоги являются наиболее востребованным источником информации, но степень доверия к блогам остается ниже, чем к официальным новостным сайтам. Навязчивая реклама, манипулирование общественным мнением и недостоверная информация являются причинами низкого доверия к блогам. Однако, именно отсутствие полного контроля над информацией формирует независимые мнения, которые так привлекают молодежь.

Блогосфера привлекает внимание к социально значимым проблемам, содержит множество необычных мнений, является площадкой для самореализации и выражения творческих способностей. При этом информация в блогах подвергается коммерциализации, не всегда является достоверной и используется в качестве манипуляции общественным сознанием. Что свидетельствует о необходимости усиления контроля над информацией, которую транслируют блогеры.

Список литературы

1. Блогосфера // Академик [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/100984> (Дата обращения: 23.11.2019).
2. Всемирная статистика // Worldometers. [Электронный ресурс] URL: www.worldometers.info/ru (Дата обращения: 23.11.2019)

3. Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. 2015. №1 (75) // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyie-media-evolyutsiya-ponyatiya-analiticheskiy-obzor> (Дата обращения: 16.11.2019).

P.A. Zyablova

BLOGGING IN THE ESTIMATES OF YOUTH

The article is devoted to the high popularity of the blogosphere in the modern world and its impact on the values and life guidelines of young people. The essential concepts of this process are described. The results of our own research on this topic are presented. The positive and negative aspects of blogging from the point of view of youth are analyzed. The main blogging motives are described. The most convenient blog format for youth has been revealed. The conclusion is made about the influence of the blogosphere on youth.

Keywords: youth, blogging, blogosphere, social media

УДК 338.436.32-057.13:005.32:311.101.3

В.С. Иванова, А.О. Михель

ОЖИДАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Результаты интервью сельских предпринимателей Томской области позволили выявить четыре направления экспектаций относительно занятия бизнесом. Каждый тип ожиданий включает различные намерения, удовлетворенность результатом деятельности и стремление к развитию бизнеса. Первый тип ожиданий (позитивно-активный) характеризуется удовлетворенностью результатами труда и вознаграждением, обеспечивающими стремление к развитию бизнеса; второй (пессимистическая удовлетворенность) – связан с отсутствием намерений поиска инноваций в деятельности, при наличии удовлетворенности трудом; третий (оптимистическая неудовлетворенность) – свидетельствует о том, что неудовлетворенность результатом и вознаграждением провоцирует стремления к нововведениям; четвертый (негативно-пассивный) – неудовлетворенность итогами деятельности блокирует намерения занятия бизнесом.

Ключевые слова: сельские предприниматели, экспектации в бизнес-деятельности, удовлетворенность результатами работы

Вопросы предпринимательской деятельности в современной России исследуются постоянно, т.к. эта сфера является экономически и социально значимой: позволяет решить проблемы занятости, стабильности, развития и пр. Особое место занимают вопросы сельского предпринимательства [2, 3, 4, 5].

Работы, изучающие особенности предпринимательства в сельской местности, акцентируя внимание на трудностях бизнеса, упускают возможность рассмотрения вопросов ожидания предпринимателей относительно своего дела, исходя из оценок усилий, затраченных на труд. Ожидания обуславливают цель, которую стремится достичь предприниматель, при помощи конкретного алгоритма действий и задач [1, с. 2]. Представленные данные в статье являются результатом исследования, проведенного в апреле 2019 г. Методом полуструктуризованного интервью были опрошены сельские предприниматели (12 человек: мужчин и женщин в возрасте от 26 до 57 лет, с различным опытом бизнес-деятельности) из районов Томской области. По развитию предпринимательства данный регион занимает среднюю позицию в РФ, но в Сибирском федеральном округе область занимает второе место из 12 регионов по развитию малых, средних и микро-предприятий, т.е. можно говорить о динамике развития сельского бизнеса в регионе.

Использование дискурс-анализа высказываний респондентов позволило сформировать четыре направленности ожиданий. Основанием выделения типов ожиданий были следующие категории: цель предпринимательской деятельности, удовлетворённость или неудовлетворённость результатом, усилия, затрачиваемые на бизнес, а также намерения, стремления к изменению и инновациям в бизнес-деятельности.

Первый тип, который возможно выделить, условно назовем позитивно-активные ожидания. Особенность в том, что затраченные усилия на труд, определяют результат и вознаграждение, а вследствие и удовлетворенность ими: *«это то, чем я могу заниматься и днем, и вечером, и даже ночью»* (Ж, сфера услуг, опыт – 6 лет); или *«услуги всегда делают жизнь лучше..., выполнение индивидуальных желаний каждого, на мой взгляд, улучшает жизнь людей»* (Ж, сфера услуг, опыт – 14 лет). В данном случае, мы видим, что предприниматели для получения желаемого результата затрачивают достаточное количество усилий, в то же время, полностью удовлетворены своей деятельностью и результатами, а также полученным вознаграждением как материальным, так и нематериальным. Кроме этого, наблюдается стремление к личному росту, приобретению новых навыков, есть направленность на улучшение уровня жизни в сельской местности, на развитие и расширение своего дела.

Второй тип – пессимистическая удовлетворенность, характеризуется наличием удовлетворённости результатом работы и вознаграждением, но отсутствует стремление что-то поменять или улучшить. *«Я рисую неплохо, я шью хорошо. Мне нравится себя проявлять как-то..., но нет перспективы на развитие. Какие цели, говорю, одно за другое цепляется, что некуда развиваться. Работаем и работаем потихонечку»* (Ж, сфера услуг, опыт – 15

лет). В данном случае, старания обеспечивают удовлетворённость результатом, но относительно дальнейших планов складывается негативная оценка, т.е. нет стремлений и направленности к развитию, созданию нового дела или расширению прежнего.

Третья направленность ожиданий – оптимистическая неудовлетворенность. Характерной особенностью является неудовлетворённость результатом и вознаграждением, но при этом, наблюдаются активные устремления к изменению или расширению бизнеса. В качестве примера, приведем следующие выдержки из интервью: *«мы раньше, меньше работали и больше имели, сейчас наоборот, больше работаем и меньше имеем ... , но люблю движение, нравится общаться с людьми, заниматься такой организаторской работой. Я даже перед сном строю планы как все сделать...»* (Ж, торговля, опыт – 25 лет); или *«...было в планах сделать магазин самообслужу, переоборудовать, внутри переделать, если совсем туго будет с продуктами перейдем на что-то другое»* (Ж, торговля, опыт – 17 лет). Торговля в сельских населенных пунктах очень развитая сфера, но учитывая, то, что сетевые магазины начинают теснить индивидуальное предпринимательство, рождаются трудности конкуренции, появляется неудовлетворённость результатами бизнеса, но формируются стремления к изменению, переходу на другие товары или услуги. Еще один пример: *«приобрел себе простую мультиварку, минимум продуктов, изготовил, сфотографировал и через социальные сети рекламировал... Просто приготовили 4 порции... основная работа сейчас на заказ, мы приготовили и увезли..., чтобы прожить в месяц, нужно около 80 тысяч заплатить: аренда, свет, налоги, кредиты. Ну просто тяжело»* (М, общепит, опыт – 3 г.). Таким образом, затраченные значительные усилия не обеспечивают полную удовлетворённость от конечного результата, но дальнейшие планы по улучшению и расширению имеются.

Четвертый тип – негативно-пассивные ожидания, они характеризуются тем, что неудовлетворенность результатом и вознаграждением, ведет к отсутствию стремлений к изменениям, улучшениям: *«да, взяла кредит у государства, заплатила проценты, и плачу непомерные налоги. Я просидела 10 лет по безработице дома, а теперь все считают деньги в моем кармане, чтоб я много не съела, вот за столько лет я в таком плачевном состоянии... занимаюсь, чтобы себя прокормить, ... хочу детям своим помочь... мне сложно сейчас, честно говоря, очень сложно, я не справляюсь»* (Ж, торговля, опыт – 13 лет). В данном случае, предприниматель, затратил значительное количество усилий, но результат неудовлетворителен. Примером негативно-пассивных ожиданий могут еще послужить выдержки: *«мне лично 200 км туда и 200 км обратно, сами понимаете, это бензин трачу, время свое трачу... цены очень*

большие, так что сложно, просто уже по привычке занимаюсь» (М, сфера услуг, опыт – 21 г.). В итоге, предприниматели акцентируют внимание на затраченных усилиях, что не приносит удовлетворения, ведет к ослаблению мотивации занятия бизнесом и пессимистическому настрою, что не способствует формированию целеполагания, оно приобретает пассивный характер.

Таким образом, ожидания предпринимателей зависят от того к какому результату ведут затраченные усилия и какое следует вознаграждение. Исходя из данных, выделены следующие ожидания: позитивно-активные (удовлетворённость результатом, вознаграждением, ведущая к инновациям, дальнейшему целеполаганию); пессимистическая удовлетворенность (низкая удовлетворённость результатами деятельности мотивирует стремления что-то поменять, улучшить); оптимистическая неудовлетворенность (хотя оценки труда пока не полностью удовлетворяют предпринимателя, но это стимулирует к изменению планов и новшествам); негативно-пассивные (неудовлетворенность результатом и вознаграждением, отсутствуют стремления к изменению, улучшению). Не всегда удовлетворенность результатом и вознаграждением ведет к позитивным ожиданиям и, наоборот, неудовлетворённость деятельностью может спровоцировать появление новых планов и устремлений.

Список литературы

1. Акимова О.Е. Вектор мотивации предпринимательской деятельности в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. С. 1-10.

2. Борисов С.В., Роговский Е.И. Исследование особенностей организации малого и среднего предпринимательства в сельской местности // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 2. С. 159-164.

3. Егорова Н.Г. Проблемы малого предпринимательства в сельском хозяйстве // Концепт. 2017. Т. 23. С. 48-51.

4. Малышев О.М., Соломонов А.П. Развитие предпринимательства в современной России: проблемы и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6. С. 135-141.

5. Шабанов М.Г. Особенности и факторы развития предпринимательства в сельском хозяйстве региона // Вопросы структуризации экономики. 2005. С. 141-147.

EXPECTATIONS OF RURAL ENTREPRENEURS (ON THE EXAMPLE OF TOMSK REGION)

The results of interviews with rural entrepreneurs of the Tomsk region allowed to identify four areas of expectations regarding business. Each type of expectation includes different intentions, satisfaction with the result of activities and the desire for business development. The first type of expectations (positive-active) is characterized by satisfaction with the results of work and remuneration, providing the desire for business development; the second (pessimistic satisfaction) – is associated with the lack of intentions to search for innovations in the activity, in the presence of job satisfaction; the third (optimistic dissatisfaction) – indicates that dissatisfaction with the result and remuneration provokes the desire for innovation; the fourth (negative-passive) – dissatisfaction with the results of activity blocks the intention of doing business.

Keywords: rural entrepreneurs, expectations in business activity, satisfaction of work results

УДК 316.343

В.Е. Каманина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена социологическому осмыслению вопроса профессиональных практик современных журналистов; социокультурная модернизация российского общества требует от них активной позиции, освоения новых профессиональных навыков.

Ключевые слова: журналист, социальная роль журналистов, профессиональные практики

Одним из ключевых условий становления общества и его социокультурного развития является диалоговое взаимодействие между властью и индивидом. Главнейшая роль в формировании эффективной коммуникации принадлежит журналистам, выступающим посредниками между представителями органов власти и социумом. Именно они насыщают социокультурное пространство идеями, нормами и ценностями.

Вопрос о социальной роли журналистов, их функций и месте в социокультурных процессах рассматривается во многих работах отечественных исследователей. Однако недостаточно изучены процесс трансформации массовой коммуникации, определяющий новую расстановку сил в общероссийском и региональном медиапространствах; то, как изменились статус и содержание труда журналистов; соответствует ли журналистика целям,

которые ставит перед ней новый этап развития мира. Усиливающиеся процессы в сфере СМИ нуждаются в специальном социологическом анализе.

Современное общество живет в цифровой эпохе: печатные издания, телевидение, радио в их традиционном виде сменяют новые мультимедийные проекты. В быстро меняющемся мире информации важно определить: какие источники популярны у населения; с какими препятствиями граждане сталкиваются при получении информации; в каких сведениях испытывают недостаток.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), главным источником новостей для большинства россиян остается телевидение, однако его популярность со временем снижается (62% в 2015 г., 52% в 2017 г.). Радио и газеты называют существенно реже (3% и 4% участников опроса соответственно). Одновременно растет популярность Интернета (включая информационные сайты, социальные сети и блоги), который сегодня используют для поиска новостных материалов 32% всех опрошенных (в 2015 г. – 22%). Уже сегодня для молодежи сеть является главным источником новостей для 65% 18-24-летних, 50% 25-34-летних [1].

Исследование, проведенное социологами в населенных пунктах Ульяновской области, выявило, что удовлетворение информационных потребностей населения преимущественно происходит также с помощью сети Интернет, на него указали 77% респондентов. Наибольшую активность проявляют молодые люди в возрасте до 35 лет, а также жители городов. Они предпочитают использовать Интернет для образовательных и развлекательных целей [3, с. 57].

Вместе с технологическими изменениями и социокультурной модернизацией общества меняются представления о функциях и профессиональные практики журналистов. Журналистика отказывается от воспитательных и пропагандистских задач и переориентируется в общей массе на информационные и развлекательные функции. Она стала более нейтральной, преобразовавшись в объективистски-информационную систему, активную влиятельную силу. Д. Маккуэйл отмечает: «В своей самой широкой практике журналистика стремится к безоценочному взгляду при освещении событий» [2, с. 301]. Спектр ролей журналистов стал шире; взамен вертикальной структуры общения выстраивается модель равноправного диалога с аудиторией.

Проведенные нами глубинные интервью со студентами направления «Журналистика» помогли выявить мнения относительно профессиональных практик журналистов. Метод глубинного интервью позволяет выявить установки и мотивы индивидов, что необходимо для исследования. В период с

21 января по 25 марта 2019 года было проведено 15 глубинных интервью со студентами ульяновских вузов.

В ходе обучения у студентов должен сформироваться определенный образ профессии. Однако, как показал анализ данных, полученных в ходе глубинного интервью, наблюдается несоответствие идеального и реального образов профессии. Данный аспект может оказывать негативное влияние на формирование профессиональных практик будущих журналистов.

«В детстве, мечтая о профессии журналиста, я представляла себе эту работу иначе. Журналисты больше не работают «в полях», не пишут большие литературные тексты. Что же нас ждет впереди? Смогу ли я работать в новых условиях на невыносимо высоких скоростях?» (Информант 1).

Студенты детально описывают, какими навыками должен обладать современный журналист, постоянно совершенствуя свой личностный и профессиональный потенциал. *«Журналист должен бежать впереди цифровых технологий, он должен будет запоминать и пересказывать, то есть хорошо ориентироваться в потоках разнообразной информации и выстраивать из них цельную картину. Более того, он должен рассчитывать информацию в зависимости от аудитории и пересказывать большие объемы фактов в тех случаях, когда она не готова погрузиться в длинное чтение»* (Информант 2).

Важные аспекты, отмеченные студентами в ходе интервью, – личностный компонент и способ творческой деятельности. Первый связан с основными мотивами для поступления на факультет журналистики, внутренним призванием индивида служить общественному благу. Способ творческой деятельности отражает изменения в обществе, информационных технологиях и структуре профессии.

«Журналист – это коммуникабельный и талантливый человек. Информационные заметки станут обыденной функцией роботов. Посудите сами, не так уж и трудно научить искусственный интеллект создавать сухие факты. Журналист будет славиться гениальностью аналитических статей, несравненной лаконичностью и красотой художественной публицистики. Носитель этой профессии должен, прежде всего, увлечь аудиторию и дать ей понять, что без его статьи сегодняшний день будет неполноценным» (Информант 3).

Итак, анализ данных, выделенных из интервью студентов профильного направления, позволил уточнить ключевые профессиональные практики журналистов: понимание роли журналиста в условиях модернизации общества; мотивация выбора профессии; постоянное совершенствование личностного потенциала и профессиональных компетенций, отвечающих требованиям

информационной объективности и гражданского равнодушия; развитие способа творческой деятельности.

Список литературы

1. Интернет против телевидения: битва продолжается. Данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (Дата обращения: 03.10.2019).

2. МакКуэйл Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. М., 2013. 354 с.

3. Шиняева О.В. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и анти-риска / О.В. Шиняева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2019. №1. С. 53-61.

V.E. Kamanina

PROFESSIONAL PRACTICES OF JOURNALISTS IN THE CONDITIONS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the sociological understanding of the issue of professional practices of modern journalists; the sociocultural modernization of Russian society requires them to take an active position and develop new professional skills.

Keywords: journalist, the social role of journalists, professional practices

УДК 316.722.5

С.В. Каргаполов, С.М. Аммор, Н.А. Калинина

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА)

В данной статье в рамках результатов конкретного социологического исследования студенчества изучается такое социальное явление как межличностное общение и его трансформация в эпоху интернета.

Ключевые слова: межличностное общение, эпоха интернета, трансформация

В современном мире, в котором нормой становится стремительно меняющаяся действительность, под влиянием информационных технологий, захватившей все сферы жизнедеятельности общества, происходит трансформация социальной реальности, что не может не вызывать интерес у

исследователей. В данной работе мы бы хотели определить, какую роль в межличностном общении играет интернет, каковы основные преимущества и недостатки интернетизации общения.

Под руководством С.В. Каргаполова среди студентов вузов Астрахани, Волгограда и Москвы было реализовано социологическое исследование «Электронная культура студенчества вузов» методом анкетирования. В Астрахани опрошено 670 чел., в Волгограде – 450 чел., в Москве – 1240 чел.; в Астрахани и Волгограде опрос реализован в октябре-ноябре 2018 г., в Москве – в марте 2019 г. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. В данной статье мы используем результаты «московской части» массива. В фокусе нашего внимания – гендерные различия в ответах юношей и девушек.

Так, подавляющее большинство юношей (94%) и девушек (91,6%) выразили согласие с тем, что интернет – ценность современной цивилизации и культуры. Тем не менее, подавляющее большинство девушек (72,4%) и юношей (83,7%) также выразили согласие с утверждением «Существует опасность интернет-зависимости, ухода в виртуальную реальность». Но 25% девушек и 14,6% юношей выразили несогласие с этим утверждением. Таким образом, подавляющее большинство студентов признает опасность интернет-зависимости, и среди девушек гораздо больше доля тех, кто считает, что уход в виртуальную реальность не опасен.

Выразили несогласие с утверждением «Интернет разделяет людей по уровню дохода» 58,8% юношей и 66,5% девушек, тем не менее каждый третий юноша и каждая четвертая девушка согласились с ним. Это говорит о том, что такое явление как социальное неравенство переходит и в интернет-пространство [5]. Но, что интересно: с утверждением «Интернет уравнивает всех людей вне зависимости от уровня доходов» 74,8% юношей и 65% девушек согласились. Это говорит о том, что сегодня интернет для людей является комфортной площадкой для общения, поскольку стирается социальное расслоение не только в аспекте доходов, но и в дееспособности. «Ежегодно повышается роль интернет-сообществ в интегрированном образовании, инклюзивном воспитании и профессиональном общении. Социальные сети способствуют психологическому сопровождению людей с инвалидностью, формируя адекватное отношение к своим и чужим ошибкам; принятие собственного дефекта; самоуважение; оценивание своих возможностей; уверенность в своих силах, общение на равных» [1, с. 124].

С утверждением «Интернет отсекает возможность живого общения между людьми» согласилось 45,3% юношей и 47% девушек. Это говорит о том, что респонденты понимают важность непосредственного зрительного контакта, невербальных средств и прикосновений в живом общении. Но тем не менее, 50,6% юношей и 50% девушек выразили несогласие, это говорит о тенденции переноса общественных отношений в социальные сети. Сегодня мы можем не только писать текст собеседнику, но и записывать голосовые сообщения и устанавливать видеосвязь. «Глобальная сеть интернет, порождая новую форму социальной коммуникации, не изменяет и не дополняет ее содержание» [3, с. 62-63].

С утверждением «Интернет разрушает границы личного пространства» согласились 42,2% юношей и 41,3% девушек. Это демонстрирует распространенность в интернете публикаций с подробностями личной жизни людей. Больше всего это заметно у блогеров, они «внедряют» подписчиков в свою жизнь, и вот «фолловеры» уже знают, где и как живет медийная личность, с кем общается и какую одежду носит. Тем не менее, 52,8% юношей и 53,2% девушек выразили несогласие и не признают проблемы целостности приватного пространства в эпоху современности.

Что интересно: значительная доля опрошенных – 80,2% юношей и 80,6% девушек – согласились с утверждением «Интернет сближает людей». Мы считаем, что интернет-зависимость возникает как раз таки из-за того, что на данной платформе люди не чувствуют социального неравенства, могут легко наладить контакт и сблизиться с единомышленниками. Например, в случае людей с ОВЗ «активное использование сети Интернет все чаще приводит к Интернет-аддикции, патологической увлеченности глобальной сетью и стремлении к замещению реальной жизни виртуальной, что выражается в стремлении инвалидов (в особенности, молодого возраста) проводить в Интернете все возрастающие промежутки времени» [1, с. 124].

С утверждением «Ограничение эмоционального контакта в интернете может привести к психологическим проблемам» согласились 55,5% юношей и 52% девушек. И все же 36,2% юношей и 38,5% девушек выразили своё несогласие. Это говорит о том, что в обществе высока доля тех, кому легко заменить общение в реальном, физическом пространстве на социальные сети. Это может проявляться из-за нехватки коммуникаций в реальной жизни: «для российской молодежи прослеживается тенденция усиления интернет-зависимости при отсутствии семейной жизни», «наличие детей можно интерпретировать как сдерживающий или стимулирующий фактор интернет-зависимости», а «по мере усиления интернет-зависимости, уменьшается количество друзей в реальности» [2, с. 175].

Целью использования в анкетировании утверждения «В интернете трудно адекватно оценить собеседника из-за его анонимности» было выявить то, как чувствуют себя респонденты, находясь в пространстве сети-интернет. 72,6% юношей и 75,9% девушек выразили согласие с утверждением. Каждый пятый юноша и каждая пятая девушка не согласились с ним. Это говорит о следующем: эти респонденты считают, что могут понять, какова личность анонима через общение с ним.

При оценке утверждения «Виртуальный мир во многом превосходит реальный мир, основная функция виртуального мира – создание нового искусственного мира, в котором все ощущения человека заменяются имитацией» ответы респондентов разделились почти пополам. 46,1% юношей и 39,3% девушек выразили согласие, в то время как 45,4% и 51,4% соответственно выразили несогласие. Это говорит о том, что мнение общества по данному вопросу находится в диссонансе, поэтому невозможно проследить конкретную тенденцию. Но можно сказать одно: женщин, которые могут согласиться с тем, что виртуальный мир может выступать заменой реальности, меньше чем тех, кто не согласится.

С утверждением «Виртуальный мир дублирует реальный мир, и основная функция виртуального мира – обслуживание реального мира» согласилось 63,8% юношей и 59% девушек. Это говорит о том, что пока еще общество, по крайней мере его подавляющая часть, не готова отказаться от живого общения и воспринимает интернет-пространство как вспомогательный элемент для ускоренной коммуникации.

С утверждением «Интернет – мир свободного самовыражения открытости, и самореализации» согласилось подавляющее большинство: 83% юношей и 83,8% девушек. Это говорит о том, что интернет остается свободной от социального неравенства и нетерпимости площадкой, что как раз и привлекает молодежь. Им комфортно, потому что там они могут выражать свои мысли и чувства, могут найти единомышленники. «Интернет способствует продвижению по каналам вертикальной социальной мобильности», завоеванию популярности. [4, с. 243-244]; «в глобальной сети интернет происходит активное формирование локальных групп: интернет сообществ» [6, с. 101].

С утверждением «Интернет – это враждебная территория, необходима карта этой территории и четкое знание ее законов и допустимых действий. Ошибки опасны, и их тяжело исправить» не согласилось 50,6% юношей и 56,5% девушек. И все же остаются респонденты, которые разделяют данное мнение – 39,3% юношей и 32,6% девушек. Таким образом, молодежь чувствует себя безопасно в интернет-пространстве, но также значительна доля тех респондентов, которые считают, что интернет – враждебная территория. Как бы

то ни было, эта доля респондентов осознает важность ответственного поведения в интернете и анализе того, какую информацию можно туда загружать.

В заключение мы можем сказать, что интернет в современном мире выступает новой формой коммуникации. Общение в социальных сетях позволяет не чувствовать социальное неравенство, что очень важно, ведь данное явление в особенности влияет на молодежь в силу ее неустойчивого положения в трансформирующихся социальных системах. Интернет осуществляет и интегрирующую функцию, поскольку площадка позволяет формировать определенные социальные группы. Более того, общение в интернете позволяет людям с инвалидностью общаться с другими людьми на равных, они перестают фокусировать внимание на своем дефекте, вследствие чего улучшается общее психическое состояние.

Из положительных аспектов использования интернета как формы коммуникации вытекают определенные минусы. Комфортная среда социальных сетей замещает живое общение, так как человек все меньше видит смысл в коммуникациях вне этой среды. Желание избежать трудностей в реальной жизни вызывает интернет-зависимость в человеке, так как ему не хочется покидать комфортную для него среду и сталкиваться с реалиями жизни и столь малым по сравнению с социальными сетями количеством единомышленников.

Подавляющее большинство респондентов хоть и согласно с мнением о том, что интернет сближает людей, считает, что в интернет пространстве нужно быть осторожным. Мы расцениваем это как положительный прогноз, так как чем больше люди будут осведомлены об опасности халатного отношения к интернету, тем стремительнее будет снижаться интернет-зависимость.

Список литературы

1. Бухтиярова И.Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №6-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-kak-faktor-razvitiya-sovremennogo-inklyuzivnogo-obschestva> (Дата обращения: 26.05.2019).

2. Варламова С.Н., Гончарова Е.Р., Соколова И.В. Интернет-зависимость молодёжи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг. 2015. №2 (125) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-molodyozhi-megapolisov-kriterii-i-tipologiya> (Дата обращения: 26.05.2019).

3. Виртуальная реальность // Социология: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. С. 62-63.

4. Гимадеева Д.Р. Популярность и социальная мобильность в эпоху информационного общества // Вестник экономики, права и социологии. 2011. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnykeps.ru/0411/53.htm> (Дата обращения: 26.05.2019).

5. Менталитет и электронная культура современной молодёжи (опыт социологического анализа): монография / Арясова А.Ю., Дулина Н.В., Каргаполов С.В., Каргаполова Е.В.; под ред. Н.В. Дулиной. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2016. 174 с.

6. Mann, M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state // The global transformations reader: an introduction to the globalization debate /ed. by D. Held, A. McGrew. – 2nd ed. – Cambridge: Polity, 2003. – С. 135–147.

S.V. Kargaplov, S.M. Ammor, N.A. Kalinina

TRANSFORMATION OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE INTERNET AGE (ON THE RESULTS OF THE INTERREGIONAL SOCIOLOGICAL STUDY OF STUDENTS)

In the article, based on the results of a specific sociological study of students, a social phenomenon such as interpersonal communication and its transformation in the Internet Age is being studied.

Keywords: interpersonal communication, the Internet Age, transformation

УДК 316.722:316.342

Е.В. Каргаполова, Ю.А. Челак, М.А. Ланина, Е.А. Педан

МОТИВАЦИЯ ЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА МЕГАПОЛИСА: ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В данной статье на основе результатов конкретного социологического исследования студенчества изучаются гендерные особенности мотивации чтения художественной литературы студенчества вузов Москвы.

Ключевые слова: художественная литература, чтение, мотивация, гендер

Чтение занимает большую роль в жизни человечества. Детям оно помогает развивать речевой аппарат, мышление, фантазию; взрослым – дает возможность найти ответы на интересующие их вопросы, развиваться как личность, повышать уровень грамотности [2, 3].

Для разностороннего изучения мира существуют разные жанры литературы. Кто-то выбирает научные статьи, кто-то – художественную

литературу. Любая литература хорошего качества прекрасна и несет свою пользу. «Грамотные люди читают художественную литературу», – писал Нил Гейман. Чтобы вырастить ребенка грамотным, его нужно научить читать. Еще одно качество, которому человек учится посредством чтения, – это эмпатия. Благодаря этому чувству человек начинает чувствовать себя частью большого мира [1].

Считается, что литературу можно разделить на «мужскую» и «женскую». Женщины отдают большее предпочтение художественной литературе, им импонирует эмоциональная наполненность и смысловая нагрузка в литературе. Мужчины же выбирают либо более легкие для прочтения произведения, доставляющие удовольствие, либо книги, приносящие пользу, например, основанные на научных трудах [4].

Исследователи стали все больше внимания уделять гендерным характеристикам чтения. В 2006 г. были опубликованы данные о том, что разница в успехах в чтении девушек и юношей людей составила около 16% (50-66 баллов). Тогда этим показателям придали немалое значение, ведь чаще всего именно молодые мужчины становятся в зрелом возрасте управленцами. Им, как никому другому, необходимо образование и, в первую очередь, самообразование и интерес к нему. Как известно, грамотные люди – начитанные люди [1].

Рассмотрим гендерные особенности мотивации чтения художественной литературы на основе некоторых результатов конкретного социологического исследования «Круг чтения художественной литературы студенчества России», реализованного в июне 2019 г. Метод сбора первичной информации – анкетирование. Разработчик инструментария – д.с.н., проф. кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Каргаполова. Объект исследования – студенты вузов Москвы, Волгограда и Астрахани очной формы обучения. Общий объем выборки: 2960 чел., из которых 2100 чел. – студенты вузов Москвы. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса SPSS. В данной статье используются результаты по «московской» части массива.

При ответе на вопрос о целях чтения художественной литературы вариант «для информации» с частотой раз в день и чаще выбрали 31,4% опрошенных, из которых 32,4% девушек и 29,7% юношей; раз в неделю – 28,4% респондентов (29,6% девушек и 26% юношей); раз в месяц – 19,3%; раз в полгода – 8,3%; реже,

чем в год – 5,4%. На основе полученных данных можно сказать, что уровень образования людей значительно снижен из-за нежелания читать и узнавать информацию путем чтения художественной литературы. Для получения нужной информации на данный момент люди предпочитают использовать новостные источники и интернет. Сейчас людям проще найти что-то в «гугле» нежели читать.

Для познания окружающего мира читают художественную литературу 25,6% опрошенных раз в неделю, 23,4% – раз в месяц, 18,9% – раз в день и чаще, 15,1% – раз в полгода. Реже, чем раз в год, читают с этой целью 8,5% студентов, а 6,9% затрудняются ответить на этот вопрос. Отказ был получен от 1,5% респондентов. Исходя из этого, можно понять, что люди все-таки познают окружающий мир способом чтения художественной литературы, но все же есть довольно немалая доля тех, кто предпочитает иные способы, нежели чтение художественной литературы.

Для саморазвития и самопознания 29% студентов читают примерно раз в неделю (из них 30,5% девушек и 26,4% юношей). Каждый четвертый опрошенный читает произведения художественной литературы раз в день и чаще, и в этой категории девушек также несколько больше, чем юношей, – 25,9% против 21,5%. Примерно столько же опрошенных (23,7%) читают художественную литературу с этой целью раз в месяц. Несложно заметить, что мужчины увлекаются художественной литературой для саморазвития и самопознания значительно реже, нежели женщины: юноши чаще выбрали вариант ответа «реже, чем раз в год», чем девушки, – 10% против 3%. Возможно, это связано с большей склонностью женщин к эмпатии и большим их интересом к изучению своего внутреннего «Я».

Каждый третий опрошенный обращается к произведениям художественной литературы для подготовки к учебным занятиям раз в месяц, каждый третий-четвертый (27%) – раз в неделю. Девушки чаще читают художественную литературу для подготовки к учебным занятиям, чем юноши: 28,9% против 23,6% раз в день и чаще; 35,7% против 29,8% раз в неделю. Это, вероятнее всего, связано с характером будущей профессиональной деятельности юношей и девушек: юноши в большей степени ориентированы на технические специальности, в ходе подготовки к которым обращение к текстам художественной литературы требуется реже, чем на гуманитарных, особенно филологических направлениях, которые чаще выбирают девушки.

Для самообразования 30,1% девушек читают художественные книги раз в день и чаще, что на 5,4% больше, чем у юношей. Девушки чаще читают с этой же целью с частотой «раз в неделю» (33,1% против 28,2%). То есть опять же

можно заметить, что женский пол больше склонен к ежедневному саморазвитию в сфере обучения.

Для досуга, отдыха и развлечения читают произведения художественной литературы 27,8% респондентов раз в день и чаще, 26,7% опрошенных – раз в неделю, 24,1% – раз в месяц и 11,2% – раз в полгода. Реже чем раз в год читают 5,8% студентов, а 3% затрудняются ответить на этот вопрос. Людям сейчас стало намного легче и проще проводить свой свободный досуг не за чтением художественной литературы, а за более современными видами развлечений, например, телевизором или компьютером. Это довольно «пассивные» в плане умственных нагрузок виды досуга, в отличие от чтения художественной литературы, когда необходимо постоянно вчитываться в текст. Хотя и необходимо отметить, что девушки гораздо чаще используют чтение произведений художественной литературы как вид досуга, чем юноши: 31,6% девушек выбрали этот вариант ответа с частотой раз в день и чаще, тогда как среди юношей эта категория составила 21,3%.

Для удовольствия раз в неделю читают художественную литературу раз в день и чаще 22,7% юношей и 36% девушек. Доля выборов юношей превышает долю выборов девушек начиная с ответа «раз в месяц». Затруднились ответить или вовсе отказались так же в большей степени именно мужчины (9,9% против 3,4%). Из этого можно сделать вывод, что женщины гораздо чаще читают художественную литературу для удовольствия.

В заключение можно сказать, что девушки читают литературу во всех случаях чаще юношей и преследуют посредством этого совершенно разные цели. Юноши чаще всего выбирают литературу для получения новой информации. Каждый день читает примерно треть опрошенных женщин. В среднем, это примерно на 6% больше, чем мужчин, читающих ежедневно. В то же время людей, отказавшихся от ответа или затрудняющихся ответить, в большинстве случаев, больше среди мужчин. Возможно, из-за подобной тенденции количество мужчин-управленцев сократится, и они уступят свое место женщинам.

Список литературы

1. Гейман Н. Зачем читать художественную литературу // Аналитика культурологии. 2015. №1 (31). С. 127-131.
2. Книжная культура современного студенчества (на примере Нижневолжского региона) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, М.А. Симоненко. Астрахань: АГАСУ, 2017. 184 с.
3. Логинова Н.А., Радюк В.А. Индивидуальные характеристики чтения художественной литературы и ценностно-смысловая сфера в пожилом возрасте

// Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание. Сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых: в двух томах; под науч. ред. А.В. Шаболтас, С.Д. Гуриевой. СПб.: СПбГУ, 2018. Т. 2. С. 58–64.

4. Сметанникова Н.Н. Как и что читают мужчины / Н.Н. Сметанникова // Высшее образование сегодня. 2018. №7. С. 63-67.

E.V. Kargapolova, Y.A. Chelak, M.A. Lanina, E.A. Pedan

MOTIVATION OF READING FICTION AMONG STUDENTS IN THE MEGAPOLIS: GENDER SPECIFICS

In the article on the basis of the results of a specific sociological research of students the gender peculiarities of motivation to read fiction of students of Moscow universities are studied.

Keywords: fiction, reading, motivation, gender

УДК 316.776.33

А.В. Клинкова

ИНТЕРНЕТ-СМИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ЭФФЕКТЫ

В статье рассмотрены подходы к изучению современных эффектов воздействия Интернет-СМИ на аудиторию, приведена классификация эффектов в зависимости от аспекта проявления, а также описаны конкретные проявления эффектов на основе данных последних исследований.

Ключевые слова: Интернет-СМИ, медиaproстранство, новые медиа, эффект коммуникации

Появление и распространение Интернета повлекло за собой глобальные трансформации в политической, экономической, социокультурной и других сферах жизни общества, их взаимопроникновение и объединение. Для СМИ чрезвычайно важно не отставать от этих процессов, в связи с чем произошло успешное внедрение СМИ в Интернет-пространство. Развитие Интернет-СМИ уже достигло достаточного уровня, чтобы считать их полноценным каналом коммуникации, и с каждым годом оно становится всё стремительнее. Постоянные изменения современного общества и форм представления информации в Интернете обуславливают актуальность изучения влияния Интернет-СМИ на их пользователей, а также его конкретных проявлений.

Целью статьи является определение современных эффектов воздействия Интернет-СМИ на аудиторию.

Исследование эффектов Интернет-СМИ восходит к проблеме эффектов средств массовой коммуникации (СМК), сущность которых заключается в «изменениях в сознании и поведении людей, происходящих под воздействием массовой коммуникации» [3]. Исчерпывающую классификацию эффектов, обобщенную по качественным параметрам, приводит М.М. Назаров: согласно его теории, эффекты можно разделить на когнитивные – связанные с познавательной активностью и получением знаний, аффективные – основанные на изменении эмоционального и морального состояния, и поведенческие – связанные с конкретными откликами, действиями индивида [3]. На современном этапе изучение эффектов массовой коммуникации рассматривается с учетом совокупности факторов: содержания сообщений (собственно информации, транслируемой СМИ), индивидуальных характеристик аудитории, а также особых характеристик Интернет-СМИ, отличающих их от других каналов коммуникации – гипертекстуальность (связь разных источников сообщений посредством внутренних и внешних ссылок), интерактивность (возможность быстрого взаимодействия с аудиторией) и мультимедийность (комбинирование текстовых и визуальных форм представления информации).

Особый подход к изучению влияния Интернета в целом на аудиторию продемонстрирован в исследовании Е.В. Викторовой и Е.Р. Бадаевой: они отмечают, что «новое» применение эффектов информационного воздействия заключается в сочетании «старых» эффектов и усилении или ослаблении их отдельных составляющих – когнитивной, аффективной и поведенческой. Так, более высокая оперативность получения информации через Интернет в сравнении с другими каналами усиливает так называемый «эффект сопричастности» – ощущение участия в событиях, происходящих здесь и сейчас. Кроме того, на фоне изобилия и разнообразия получаемой информации, возможности ее отбора, круглосуточного доступа к ее отслеживанию в условиях интерактивности и реального времени эффект сопричастности приводит к возникновению нового эффекта – эффекта погружения: с одной стороны, при нахождении информации по определенной тематике пользователи за счет гипертекстуальности Интернет-ресурсов посредством перехода на похожие страницы получают больше знаний, с другой – вынуждены взаимодействовать с информацией, которая не являлась их первоначальной целью поиска (например, реклама). По словам авторов, такие эффекты влекут за собой значительные социокультурные последствия – ухудшение эмоционального состояния аудитории, ощущение «перегруженности», перерастающие в ограничение потребления информации через Интернет и другие [1].

Согласно данным исследования «Медиапотребление в России – 2019», проведенного компанией «Делойт», новостные, аналитические и официальные сайты в Интернете являются основным источником информации для 78% респондентов всех возрастных категорий. Примечательно, что показатель не изменился в сравнении с 2018 годом: люди знают и продолжают использовать эти источники.

Аффективный эффект влияния Интернет-СМИ подтверждается отдельным показателем уровня доверия аудитории к источникам медиаинформации: новостные, аналитические и официальные сайты в Интернете являются наиболее значимым источником по уровню доверия в России (42% респондентов).

Особый интерес представляет показатель значения происхождения источника информации: так, почти две трети респондентов (64%) говорят о том, что для них важно, из какого источника они получают информацию, при этом большинство опрошенных предпочитают получать информацию из российских источников (56%). Данный факт иллюстрирует уже сформированные у аудитории определенные представления о достоверности, актуальности, релевантности информации, а также может быть интерпретирован как следствие влияния стереотипов о характере информации в зарубежных источниках: современное общество склонно к убеждению, что зарубежные источники необъективны и имеют целью «очернить» российские реалии. Можно утверждать о проявлении так называемого «эффекта культивирования», когда формируемая особая версия «социальной реальности» у аудитории зачастую схожа с транслируемыми в СМИ образами.

Говоря о мотивах потребления информации пользователями, можно отметить, что основными причинами посещения Интернет-ресурсов является поиск информации (96% в рабочие дни и 88% в выходные) и чтение новостей (81% в рабочие дни и 72% в выходные), что демонстрирует высокую степень необходимости получения аудиторией новых знаний и удовлетворения информационных потребностей [2].

Таким образом, новые эффекты Интернет-СМИ в большинстве своем являются усилением «старых», традиционных эффектов, обусловленные изменением технических форм воплощения, а также проявлением определенных аспектов их влияния. В качестве когнитивных эффектов можно выделить усиленный эффект удовлетворения познавательного интереса за счет регулярного и быстрого получения и распространения информации и знаний через Интернет; в качестве аффективных: 1) эффект культивирования – формирование определенных ценностных представлений, конструирование различных версий «социальной реальности» за счет образов, транслируемых в Интернет-СМИ; 2) повышение лояльности и уровня доверия к Интернет-СМИ в

целом и к определенным источникам; в качестве поведенческих: 1) усиленный эффект погружения – увеличение потоков получаемой информации; 2) эффект сопричастности – ощущения себя участником происходящего за счет оперативного получения информации о событиях в любом уголке мира.

Дальнейшее углубление в специфику воздействия современных форм коммуникации на аудиторию и конкретизация эффектов этого воздействия требуют постоянного исследования и систематизации. Постоянные трансформации современных коммуникаций, постепенное исчезновение барьеров между источниками и получателями информации, превращение получателей информации в ее источники также расширяют границы информационного воздействия и способствуют возникновению новых проявлений, представляющих особый интерес для современной науки. Дальнейшее изучение проблемы может поспособствовать открытию и созданию принципиально новых моделей коммуникации, способных до неузнаваемости трансформировать процессы не только обмена информацией, но и совместной деятельности людей.

Список литературы

1. Викторова Е.В., Бадаева Е.Р. «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-i-starye-sotsiokulturnye-effekty-informatsionnogo-vozdeystviya-na-lichnost-v-prostranstve-internet> (Дата обращения: 04.11.2019).

2. Исследование компании Deloitte «Медиапотребление в России-2019» [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2019.pdf> (Дата обращения: 04.11.2019).

3. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования / М. М. Назаров. – М.: Аванти плюс, 2004.

A.V. Klinkova

ONLINE MEDIA IN THE MODERN MEDIA-SPACE: TRADITIONAL AND NEW EFFECTS

The article considers approaches to the problem of modern effects of online media impact, provides a classification of effects depending on the aspect of display and describes particular effects based on recent researches data.

Key words: online media, media-space, new media, communication effect

ПОВЫШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК КАК УСЛОВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Рассматриваются функции, выполняемые публичными библиотеками. Анализируется роль публичных библиотек в жизнедеятельности современного общества. Выявлены способы повышения функциональности публичных библиотек.

Ключевые слова: функции публичных библиотек, социокультурное развитие, имидж библиотеки, инновации

В современных условиях роль публичных библиотек заметно ослабляется с появлением информационных и коммуникационных технологий, активным использованием обществом глобальной сети Интернет. Однако следует отметить, что современные публичные библиотеки старательно используют новые технологии для поддержания своего имиджа и для улучшения качества выполнения своих функций.

Во все времена библиотеки являлись хранилищем книг, источником знаний. «Библиотека с древности осуществляла функции социальной памяти человечества, собирая, аккумулируя, сохраняя и предоставляя необходимую информацию и документы, содержащие ее» [2, с. 139]. Говоря о значимости публичной библиотеке нельзя не привести цитату А. И. Герцена: «Публичная библиотека – это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым найдет ту пищу, которую ищет; это запасной магазин, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост» [2, с. 147].

В новых условиях функции публичных библиотек модернизируются в соответствии с запросами социума. В наши дни библиотека активно развивается как центр образовательных и информационных услуг, через открытие различного рода клубов, проведение интерактивных мероприятий, акций, лекций познавательного и развлекательного характера. Происходит внедрение онлайн-услуг, библиотеки сотрудничают с электронными сервисами, появляются электронные каталоги, продление книг онлайн, виртуальный библиограф, платные услуги – все это помогает библиотекам удовлетворять информационный спрос населения на более высоком уровне.

Пользование онлайн-услугами привлекает в библиотеки молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, поскольку это поколение сформировалось в период введения цифровых технологий [4, с. 86].

Сегодня библиотеки, наряду с выполнением культурно-просветительской, образовательной и информационной деятельности в большей степени играют роль инициаторов гражданского взаимодействия, вследствие чего происходит демократизация библиотечного дела и общества в целом; формируется общественное согласие и стабильность, осуществляется развитие интеллектуального потенциала людей.

Однако выполнение новых функций публичными библиотеками наталкивается на объективные барьеры и субъективные трудности. Чтобы их проанализировать, мы использовали результаты социологического исследования кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного исследования, проведенного в 2018г.; его назначение – выявление нового имиджа публичных библиотек в условиях перехода к цифровым технологиям. Выборка анкетного опроса составила 700 жителей областного центра в возрасте от 18 до 65 лет.

Библиотека является приоритетным учреждением культуры в регионе: треть жителей посещает ее 2-3 в месяц; это значительно чаще, по сравнению с другими учреждениями. Данный факт свидетельствует о том, что библиотека как социальный институт не перестает быть значимым для населения. Анализ отношений показал, что большинство населения считает библиотеку местом сохранения и передачи культурного наследия. Среди тех, кто считает, что библиотеки не нужны чаще встречаются учащиеся и студенты в возрасте от 18-24 лет, а также предприниматели. В то же время представители молодых семей чаще других нуждаются в консультациях, которые организуют публичные библиотеки. Считают, что библиотеки важны для части населения, люди в среднем возрасте от 31-40 лет, а также руководители среднего и высшего звена, бедные и малообеспеченные семьи.

Цель посещения библиотеки у людей, занимающих различные должности различается, лидирующую позицию абсолютно у всех респондентов занимает получение литературы (см. Рис. 1); сегодня активно используется онлайн-канал. Это можно объяснить тем, что, готовясь к занятиям, они обычно используют Интернет, но бывают случаи, когда нет необходимой информации в сети, тогда учащимся необходима помощь специалиста. В библиотеке можно уйти в мир культуры от повседневных проблем (рабочие, служащие без специального образования, предприниматели), а также пообщаться с интересными людьми, экспертами.

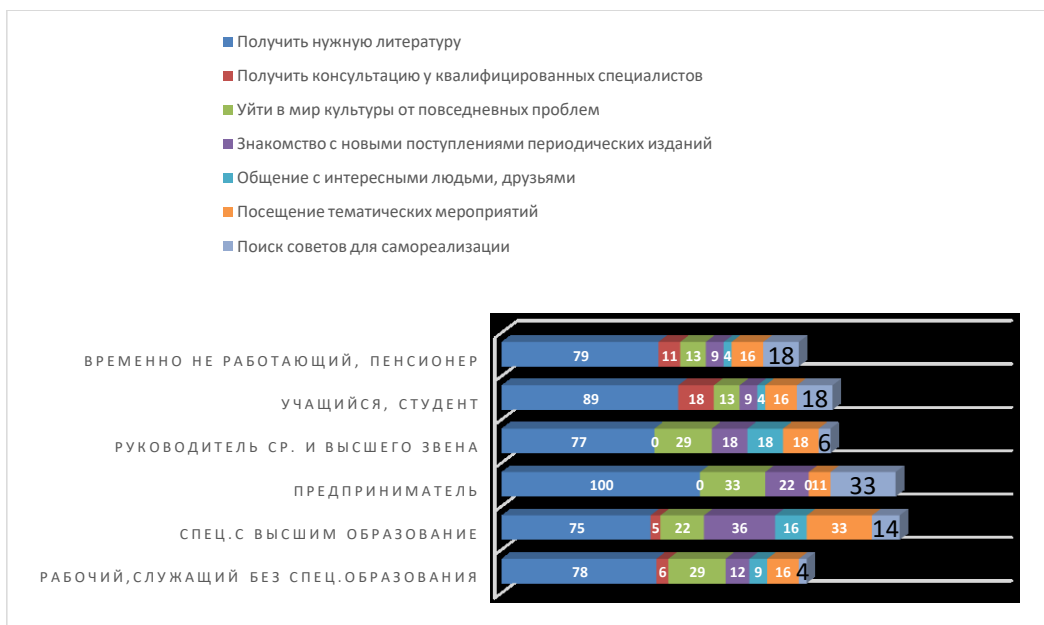

Рис. 1. Цель посещения библиотек в зависимости от должности (в % от числа опрошенных; n = 700)

В сегментах с разным экономическим статусом факторы, влияющие на востребованность функций библиотек, тоже оказались различными. Так для бедных более важен большой фонд книг и в меньшей степени уровень массовой работы, наличие индивидуального места для работы. Для среднедоходных групп читателей важен уровень массовой работы, комфортная обстановка в библиотеке. Для состоятельных и богатых горожан востребованность функций библиотек зависит от доступа в Интернет, цифровых услуг.

Публичная библиотека в современном обществе представляет собой «уникальное пространство виртуальных и реальных коммуникаций населения, формирования социокультурных интересов личности, организации доступа к информационным сетям» [1, с. 118]. Нами выявлены факторы, влияющие на востребованность услуг библиотек в разных сегментах населения: наличие доступа к Интернету, дополнительных сервисных услуг, комфортная обстановка, наличие зон отдыха и общения; большой фонд книг.

Публичная библиотека – это один из социальных институтов, которые неотделимы от социокультурной инфраструктуры муниципальной территории. В ходе исследования мы выявили, что наиболее востребованные функции библиотек это образовательная, кумулятивная, информационно-координирующая. Именно эти функции играют важную роль в ходе реализации программ социокультурной модернизации региона.

В качестве наиболее эффективных средств повышения функциональности публичной библиотеки следует выделить рекламу, PR-технологии, социокультурное проектирование, маркетинговые инструменты, имиджевые

коммуникации. Социокультурное проектирование реализуется посредством инновационных библиотечных средств. «Инновационная деятельность библиотек неразрывно связана с проектной деятельностью – инструментом реализации библиотечных инноваций, фактором формирования социально-культурной среды региона» [1, с. 118].

В связи с вышесказанным возникает острая необходимость формирования имиджа библиотеки, а также применения новых инструментов для модернизации социокультурной деятельности публичных библиотек региона. Активно используются социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Twitter», благодаря которым производится рассылка информации о работе в клубах, предстоящих культурных мероприятиях, акциях. Данный прием является эффективным, поскольку так публичные библиотеки взаимодействуют со своей аудиторией и потенциальными пользователями. Роль коммуникации в формировании имиджа современной публичной библиотеки очень высока, поскольку суть имиджевых коммуникаций заключается в постоянном общении, совместной работе, обмене информацией с пользователями.

Итак, отталкиваясь от вышеприведенной информации можно сделать вывод, что для повышения функциональности публичных библиотек требуется активно применять имиджевые коммуникации, сотрудничать с клиентской базой, вводить инновации с целью расширения своих возможностей для привлечения большего количества пользователей и развития социокультурного аспекта региона.

Список литературы

1. Голубева, Н.Л. Инновационно-проектная деятельность публичной библиотеки: социокультурный аспект / Н.Л. Голубева, Н.С. Иванова, С.П. Самохина // Библиотековедение и документальная информация. 2017. №4 (67). С. 117-120.
2. Долгова, Н.Ю. Формирование социальных функций библиотеки / Н.Ю. Долгова // Идеи и идеалы. 2018. №3 (37). С. 138-147.
3. Малявкина, И.В. PR-технология как средство продвижения социально-культурного проекта / И.В. Малявкина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. С. 248-251.
4. Слепова, О.М. Роль публичных библиотек в преодолении информационно-цифрового неравенства населения / О.М. Слепова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. С. 81-93.
5. Слепова, О.М. Деятельность публичных библиотек в контексте социальной адаптации населения / О.М. Слепова, О.В. Шиняева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. №4 (48). С. 108-118.

IMPROVING THE FUNCTIONALITY OF PUBLIC LIBRARIES AS A CONDITION FOR THE SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION

The article considers the functions of public libraries and the role of public libraries in the vital activity of modern society. In this article brought to light the ways of improving the functionality of public libraries.

Keywords: functions of public libraries, sociocultural development, library's image, innovations

УДК 343.9

A.E. Кузнецов

АУЕ: ПАНИКА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

В статье рассматривается криминальное движение АУЕ. Россия, как и часть стран мира, находится в состоянии криминальной революции. Экспансия АУЕ и тюремной культуры – часть глобального кризиса традиционной пенитенциарной системы. Поддерживается концепция культуры контроля Стэнли Козна.

Ключевые слова: подростковая преступность, пенитенциарная система, делинквенция

«Казань. 16-летние члены АУЕ вымогали у сверстника деньги. Тот пришел на встречу с отцом. Члены банды убили их и забрали у них ключи от квартиры. Во время налета на квартиру убили и мать мальчика» [1]. Преступления АУЕ в концентрированном виде характеризуют собой специфику подростковой преступности *вообще*: они совершаются в составе группы, с особым цинизмом и немотивированной жестокостью.

АУЕ («арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство») – преступные группировки подростков, организованные совершеннолетними преступниками и распространяющие свое влияние через социальные сети и образовательные учреждения [2]. Численность и влияние групп АУЕ стремительно выросли за последние несколько лет. Возникли они и в Пермском крае [3, с. 96].

Движение АУЕ – явление малоизученное. В доступных (открытых) публикациях АУЕ характеризуется как «зарожденная в пенитенциарных учреждениях нашей страны криминальная субкультура, обросшая слоем “воровской романтики”» [4, с. 119; 2]. Причины распространения АУЕ – (1) «применение Интернета», (2) процессы асоциализации и десоциализации

(«разрушения у личности старых норм и ценностей и усвоение новых, антиобщественных»), формирующие у подростков «психологический механизм вовлечения личности в преступную деятельность» [2], а также (3) «активное и массовое увлечение молодежи криминальной субкультурой» [4, с. 119].

Очевидно, что приведенные здесь определения и объяснения допускают некоторые возражения. Во-первых, АУЕ представляет собой опасность не как образ мышления и взаимодействия *внутри этих групп* («субкультура»), а как образ действия, специфически организованного и *направленного вовне* – на жертв АУЕ, на правоохранителей и аудиторию социальных сетей. Во-вторых, любые преступные организации и движения возникают *в контексте деятельности и организации системы органов правопорядка*.

Среди мер противодействия АУЕ перечисляются: «стимулирование институтов гражданского общества, создание некоммерческих организаций», «стимулирование деятельности правозащитных организаций», «изменение государственной политики в сфере исполнения наказания, с переносом акцента на ресоциализацию граждан»; и «разработка фильтров для средств коммуникации, направленных на нивелирование тюремной субкультуры» [5, с. 26-27].

Предложенные меры представляются нам недейственными.

Во-первых, понятие «субкультура» уже предполагает *отрицание общественных ценностей и норм*. Поэтому усиление мер правозащиты и ресоциализации в отношении лиц, презирающих правовые и нравственные нормы (которыми должны руководствоваться эти меры), можно отнести к повышению общего уровня защиты прав граждан РФ, но никак не к мерам борьбы с АУЕ.

Во-вторых, полагаем, что демонстративный цинизм и жестокость преступлений, совершаемых членами АУЕ, свидетельствуют об их *осознанном стремлении попасть в тюрьму и о намеренной эскалации культуры насилия* (жесткие ограничительные меры органов правопорядка и исполнения наказания в отношении подсудимых и заключенных выдаются за «насилие», а провоцирующие эти меры эксцессы – за «ответное» насилие).

Именно в связи с последним обстоятельством считаем, что опасность АУЕ недооценена. Что существенное сможет противопоставить общество стремительной экспансии АУЕ, кроме снижения возраста уголовного преследования и ужесточения наказания – т.е. тюрьмы? Официальные органы хранят официальное молчание. Исследователи видят в АУЕ *культурный феномен* («субкультура», «воровская романтика»), его причины и средства противодействия сводятся к сугубо *техническим* или *психологическим* факторам (применение Интернета и распространение социальных сетей,

«психологический механизм», «массовое увлечение», «разработка фильтров для средств коммуникации», «ресоциализация»). Как общество отреагирует на угрозу АУЕ, когда власти начнут официальную кампанию борьбы с ним? Некоторые обстоятельства позволяют предположить, что развитие борьбы общества с АУЕ пойдет по сценарию т.н. «моральной паники».

Основной аргумент теории моральной паники – элиты стремятся усилить контроль над обществом, запугивая его мнимыми или реальными криминальными и социальными опасностями. Такую опасность должны представлять хулиганство, ВИЧ, похищения детей, педофилия, наркотизация, иммиграция, насилие на ТВ, уличная преступность и молодежные субкультуры [10]. Например, агенты социального контроля (чиновники, активисты и СМИ) обращают внимание аудитории на бесчинства молодежных группировок, выдают эти эксцессы за беспрецедентные, невиданные доселе по масштабам и разрушительности выходки, апеллируют к моральным дефектам молодых делинквентов – «безнравственности, отсутствию родительского контроля, избытку свободного времени, ведущим к преступлению» [15, р. 561-562].

Итак, моральные паникеры подыскивают *пресловутые* и, в то же время, *неустрашимые* или же *мнимые* причины морального разложения молодежи. В то же время «общество» представляется пассивной жертвой необузданных подростков. Вкупе с аргументом к неустрашимым причинам, это позволяет мобилизовать поддержку призывов к ужесточению надзорных и карательных мер, применяемых к несовершеннолетним делинквентам [11; 17]. Алармистская атмосфера подогревается нарративами о знаковых, символических событиях, призванных усилить озабоченность и страх [12, р. 2]. Такие события должны быть одиозны – вызывать отвращение и ожесточение: публика должна действовать, руководствуясь эмоциями.

Жестокость наказания и аргумент к моральной распушенности – неразрывно связаны: «крайняя ригидность судебной и исправительной систем означает, что чем труднее понять преступление, тем легче обратиться к идеям общей дикости как простейшему объяснению; и это оправдывает жестокость приговоров» [9, р. 167]. Современная пенитенциарная система полагается на тюремное заключение как основное средство наказания, изоляции и устрашения. Неэффективность и злоупотребление этой системой описаны в классических работах [13; 18], и, как кажется, не могут вызвать сомнений. Напротив, изоляция даже не предотвратила распространение тюремной культуры за стены самой тюрьмы [См.: 6]. Более того, еще в «Карательном городе» (1979) Коэн предсказал не менее опасную экспансию тюремных порядков: механизмы тюремного контроля будут распространены за пределы мест лишения свободы в форме разнообразных мер надзора и ограничения, которые общество будет

«добровольно» применять к потенциальным и бывшим уголовникам [7]. Бремя исполнения этой функции – часть «культуры контроля» [8], сформировавшейся в следующих условиях:

1) правоохранительная система оказалась бессильна перед ростом преступности в XX веке и уклоняется от принятия адекватных мер и ответственности;

2) это снижение участия официальных органов охраны правопорядка, правоприменения и наказания в контроле над преступностью оправдывается (2a) ужесточением контроля общества над деятельностью правоохранителей, (2b) государственной бюрократии – над издержками этой работы, а также – (2c) новой правозащитной доктриной преимущества прав заключенных на достойные условия содержания перед правом других граждан на защиту здоровья, достоинства и жизни. Происходит "стирание границ между свободой и тюрьмой, заключенным и отпущенником, виновным и невинным" [14]. Более того, экспансия АУЕ представляет собой только часть *криминальной революции* наряду с другими проявлениями:

1. Правоохранители становятся объектом пристального правозащитного контроля как *потенциальные преступники* (склонные нарушать права подозреваемых и осужденных), бюрократического контроля – как *недобросовестные* исполнители *ненужной* работы (ажотируется тотальная экономия и сокращение штатной численности).

2. Тюрьма становится искомым и почетным местом пребывания для людей, избравших криминальную карьеру и терроризирующих добропорядочных граждан иногда только для того, чтобы (вновь) попасть в тюрьму. Безопасность же *граждан* обеспечивается решетками, заборами, сигнализациями, пропускными пунктами и частными охранниками: экология города превращается в подобие тюрьмы – место изоляции законопослушного человека, которую (в отличие от уголовника) он не выбирал, но оплачивает из собственных средств.

3. Условия содержания в тюрьме, напротив, улучшаются; применяются смягченные меры пресечения и наказания; переполненность тюрем используется как аргумент для досрочного освобождения заключенных. Забота о комфорте и правах заключенных стали более весомы, чем защита жертв их преступлений, прошлых и будущих.

Общество некритично восприняло идею, что большие тюрьмы и длительные сроки заключения – зло, что тюрьма должна быть комфортным местом пребывания. Оно упустило из виду постепенное превращение собственного жилища в подобие дорогой и пожизненной колонии. Оно допустило дискредитацию и виктимизацию правоохранителей. Возможно, в

свете описанной нами трансформации обществу придется прибегнуть к совсем неординарным мерам защиты – например, вводить заключенных в кому [16]. Или же, в духе криминальной революции, оно вновь предпочтет применить их к себе?

Список литературы

1. Бойко, А. Новая криминальная чума России: Банды малолеток уже крышуют торговые центры / А. Бойко // Комсомольская правда. 2019. 29 января. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26934/3985431/> (Дата обращения: 18.10.2019).

2. Методические рекомендации по предупреждению вовлечения несовершеннолетних обучающихся в неформальные объединения, идеология и деятельность которых направлена на криминализацию подростков и молодёжи. URL:

<https://www.ooazeya.ru/sites/default/files/doc/metoda1.pdf> (16.11.2019).

3. Миков, П.В. Профилактика вовлечения детей в деструктивное и саморазрушительное поведение в сети интернет: опыт Пермского края / П.В. Миков, Е.С. Истомина // Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт: матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. Участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов в рамках Недели науки на фак-те правового и социально-педагогического образования ПГГПУ (19–20 апреля 2017 г., г. Пермь, Россия) / отв. за вып. Л. А. Метлякова; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. С. 94-97. URL: https://pspu.ru/upload/pages/38604/Bezopasnoje_detstvo_2017.pdf (Дата обращения: 18.10.2019).

4. Пырчев С.В. Подростковая преступность и незаконный оборот оружия. Меры противодействия / С. В. Пырчев // Академическая Мысль. 2018. №1 (2). С. 119-121. URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/010/368/829/AM_1_2_mart_2018.pdf (Дата обращения: 18.10.2019).

5. Шестак В.А. Тюремная субкультура как культурологический феномен в России / В.А. Шестак, А.П. Дуничкина // Образование и право. С. 23-28. URL: https://education.law-books.ru/wp-content/uploads/2019/09/ОиП-6-2019.indd_.pdf (Дата обращения: 18.10.2019).

6. Cecil D.K. Prison Life in Popular Culture: From The Big House to Orange Is the New Black / D.K. Cecil. Boulder: Linne Rienner, 2015. 233 p.

7. Cohen, S. The punitive city: notes on the dispersal of social control / S. Cohen // Contemporary Crises. 1979. No.3 (4). P. 341-363. <https://doi.org/10.1007/BF00729115>

8. Cohen, S. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers / S. Cohen. L. & N.Y.: Routledge classics, 2002. 282 p. (Reprint of 1972.)

9. Critcher, C. Structures, cultures and biographies / C. Critcher // Hall, S. Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-war Britain. / S. Hall, T. Jefferson (eds). London: Routledge, 1976. P. 167-173.
10. Critcher C. Moral Panic Analysis: Past, Present and Future / C. Critcher // Sociology Compass. 2008. No.2/4. P. 1127–1144. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00122.x
11. Garland, D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society / D. Garland. Oxford: Oxford University Press, 2001. 336 p.
12. Jennings, W. Moral panics and punctuated equilibrium in public policy: an analysis of the criminal justice policy agenda in Britain / W. Jennings, S. Farrall, E. Gray, C. Hay // Policy Studies Journal. 2017. P. 1-28. doi: 10.1111/psj.12239
13. Lynch, M.J. Big Prisons Big Dreams: Crime and the Failure of America's Penal System / M.J. Lynch. New Brunswick: Rutgers University Press, 2007. 257 p.
14. Lynch, M. From the Punitive City to the Gated Community: Security and Segregation across the Social and Penal Landscape / M. Lynch // University of Miami Law Review. 2001. Vol. 56. No. 89. URL: <https://ssrn.com/abstract=2092084> URL: <https://repository.law.miami.edu/umlr/vol56/iss1/6> (Дата обращения: 18.10.2019).
15. McRobbie, A. Rethinking 'Moral Panic' for Multi-Mediated Social Worlds / A. McRobbie, S.L. Thornton // The British Journal of Sociology. 1995. Vol. 46. No. 4. P. 559-574. URL: <http://www.jstor.org/stable/591571> (Дата обращения: 11.04.2019).
16. Oleson, J.C. The Punitive Coma / J.C. Oleson // California Law Review. 2002. Vol.90. DOI: 10.2307/3481241
17. Pickett, J.T. Security at the Expense of Liberty: A Test of Predictions Deriving From the Culture of Control Thesis / J.T. Pickett, E.A. Stewart, D.P. Mears, M. Gertz // Crime and Delinquency. 2013. No.59(2). P. 214-242. DOI: 10.1177/0011128712461612
18. Wacquant, L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity / L. Wacquant. Durham, NC: Duke University Press, 2009. 384 p.

A.E. Kuznetsov

CONVICTS' WAYS UNITED: PANICS IN THE CITY

The paper considers juvenile gangs known as the CWU (“Convicts’ ways united”), a criminal movement expanding itself in Russia. I claim that Russia is involved into a criminal revolution. The CWU progress is a part of the global crisis of the existing penal and penitentiary system. I find Stanley Cohen’s conception of ‘control culture’ supported.

Keywords: juvenile crime, penitentiary system, delinquency

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРА ДЕТСТВА: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье конкретизированы понятия «детство», «культура детства», «колыбельная песня». Систематизированы и выявлены социокультурные функции колыбельной песни в традиционном и современном обществе.

Ключевые слова: колыбельная песня, культура детства, социокультурные функции

Обращаясь к понятию детства, стоит дать ему определение. Детство – ранний период формирования индивида, в течение которого человек приобретает и впитывает в себя ценности, традиции, нормы поведения, знания и умения, именно на них основывается его дальнейшее личностное развитие.

Употребляя понятие «детство», нельзя не задуматься об определении «культура детства» и его значении. С точки зрения И.А. Зайцевой, «культура детства – это сложная, полиструктурная ценностно-нормативная система, включающая в себя ритуалы, символические образы и атрибуты, культурные практики, образцы поведения взрослых и детей в процессе их коммуникации в конкретном пространственно-временном континууме» [2, с. 238-239]. Она разделяет культуру детства на два сектора: официальная культура детства, «представленная различными социальными институтами (семья, государственные образовательные учреждения, СМИ и т.д.), создающими культуру для детей» [2, с. 239] и субкультуру детства – мир детского творчества.

В данном исследовании нас будет интересовать специфика функционирования колыбельной песни в первой сфере культуры детства. Под культурой детства мы понимаем пространство, в котором происходят взаимодействие: взрослый-ребенок, ребенок-ребенок, ребенок-взрослый. При этом в каждом взаимодействии создаются артефакты культуры (предметы, явления, творчество и т.п.).

Со времен Нового времени детство начинает оцениваться как особый мир. Говоря о современном состоянии пространства мира детства, многие исследователи говорят о кризисе традиционной модели воспитания и образования. «Мы наблюдаем разрыв межпоколенческих связей, когда старшее поколение, как носитель и транслятор культурных ценностей и норм, утрачивает кумулятивные и коммуникативные функции в системе семейных взаимоотношений» [3, с.86].

В патриархальной России семья и община на всех этапах взросления заботились о формировании качеств ребенка, необходимых в самостоятельной взрослой жизни. Решению воспитательных задач способствовали обрядовые, бытовые и игровые практики, разнообразные педагогические приемы.

Особая роль в личностном становлении ребенка как прежде, так и в настоящее время принадлежит детскому фольклору, многие традиционные жанры которого в течение последних десятилетий значительно трансформированы или вовсе утрачены. Стремительный процесс модернизации общества, системы образования и воспитания требует от взрослых быстроты преобразований, смены подходов, взглядов, в том числе и на традиционную культуру детства. Этому может способствовать обращение к фольклорным традициям своего народа, как к выработанным веками средствам формирования личности и межпоколенной трансляции социокультурного опыта, направленным на укрепление духовности в обществе, на сохранение культурной и этнической идентичности.

Одним из традиционных методов общения с младенцем в традиционном обществе являлось пение колыбельной песни. «Колыбельная песня – это жанр детского фольклора и народного художественного творчества, которое представляет собой незамысловатое повествование, наполненное повседневным и семиотическим характером, облеченное в музыкальную форму»[4, с.212].

Колыбельная песня является хранительницей культуры общества, в котором она была создана. Однако современные родители редко используют колыбельную песню в повседневной практике укачивания ребёнка, прибегая к помощи технических средств: мультфильмы, мобильные приложения, аудиозаписи. Но, несмотря на определённую трансформацию художественных текстов и музыки, колыбельная не потеряла своего фундаментального и практического значения в воспитании ребенка, передавая бытовой уклад жизни, культурные традиции народа и общества. Колыбельная заключает в себе весь мировоззренческий комплекс представлений о своем адресате – младенце. В колыбельной закладываются основы восприятия мира ребенком, она передает стереотипы поведения, гендерные различия, устройство общества, окружающей среды, религиозное мировоззрение.

Отвечая на вопрос о значимости и роли колыбельной песни в мире детства, стоит обратиться к функциональному методу исследования и рассмотреть функции колыбельной песни. Проанализировав источники, мы сделали вывод, что жанр народного детского фольклора – колыбельная песня выполняет различные функции в пространстве мира детства.

Когнитивная функция выражается в воздействии на ребёнка с целью его успокоения и дальнейшего погружения в сон. Равномерное и монотонное пение и покачивание малыша способствует быстрому засыпанию.

Коммуникативная функция реализуется в исполнении колыбельной песни, когда между ребенком и исполнителем устанавливается тесная взаимосвязь при помощи психофизиологических реакций. Коммуникация происходит в разных направлениях: от взрослого к младенцу (реакция психофизиологических реакций последнего); от младенца к взрослому (ребенок напевает мотив мелодии, доречевой период общения); от старшего ребенка к другому ребенку.

Педагогическая функция колыбельной песни выражается в том, что она способствует оформлению первой коммуникативной системы простейших знаков, которые могут понимать и различать родители и близкие малыша, развивает навыки речи, знакомит с названиями предметов. За счет воздействия на речь развивается и мышление. Вместе с колыбельной ребенок обретает новые представления об окружающей среде: предметах, живой и неживой природе, основах жизни.

Функция самоидентификации заключается в том, что посредством детского фольклора ребенок познает свою этническую идентичность, соприкасаясь с архетипами национальной культуры. Слушая колыбельную, он получает совокупный метод его далеких предков, самостоятельно переживая всю историю человечества. В колыбельных передаются нравственные идеалы от одного поколения к другому, пробуждая в человеке чувство родной земли и языка. Колыбельная – это часть традиционной культуры, которая наводит ребенка на развитие национального личностного «я» со своими ценностями и стратегиями поведения в будущем.

Эстетическая функция колыбельной песни связана с тем, что она развивает эстетические чувства, а тем самым совесть, сердечность и другие нравственные идеалы. Благодаря ей ребенок с рождения с голосом матери воспринимает специфику национальной музыкальной культуры, ее мелодичность и такт. Он познает мир не только умом, но и душой.

Обрядовая функция данного жанра народного фольклора связана с тем, что колыбельная близка старинным народным заговорам, так как в ней присутствует особый тип исполнения, структура, элементы магии. Колыбельная – это постоянно воспроизводимый ритуал, который обеспечивает правильное и безопасное развитие нового человека. Она в некотором роде играет роль инициации, когда иницируемый получает новые знания, отражающие представления об устройстве и его происхождение, об отношении между человеком и духами, о власти охотника над животными.

В современном мире детства колыбельная песня претерпевает своеобразные трансформации, теряя часть функционала. Современная колыбельная песня содержит в себе некоторые мотивы, сюжеты, образы традиционной колыбельной песни, а также выполняет такие функции как, коммуникативная, педагогическая, эстетическая, самоидентификации. Обрядовую и когнитивную функции колыбельная песня не реализует в их первоначальном смысле. Потеря обрядовой функции обусловлена утратой религиозных традиций славян, сакральных смыслов, веры в духов и нечистую силу среди современных авторов.

Таким образом, колыбельная песня играет значительную роль для взрослого и ребенка. Взрослый при помощи колыбельной песни налаживает с ребенком эмоциональный контакт, у него есть возможность рассказать ему об окружающем его мире, развивать задатки к творческому мышлению. Ребенок в свою очередь изучает свое окружение и на первоначальном уровне формирует свою собственную картину мира. Колыбельная может стать эффективным средством противостояния отрицательным явлениям современности, фактором аккумуляции и популяризации многовекового опыта народа, ценностного потенциала нации как важнейших условий духовного преображения общества и человека, при этом реализуя широкий социокультурный функционал среди взрослых и детей.

Список литературы

1. Белинская Е.П. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, Е.О. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
2. Зайцева И.А. Культура детства в эпоху глобализации / И.А. Зайцева // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: матер. Международ. науч.-практич. конф. / Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. Самара, Изд-во Самар. госуд. ин-та кул.-ры., 2013. С. 238-242.
3. Зайцева И.А. Ценности семьи и моральный фанатизм домашнего миропорядка: подрывные стратегии и символические манипуляции в меняющемся мире / И.А. Зайцева // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. Ч. I. С. 85-89.
4. Кузнецова М.Е. Гендерные установки поведения в русской колыбельной песне: опыт сравнительно-культурологического осмысления / М.Е. Кузнецова // Культура и молодежь: жизнь в движении: мат-лы конф. / Под ред. С.В. Соловьевой. Самара, Самар. гос. ин-т культуры, 2018. С. 121-123.

SOCIO-CULTURAL FUNCTIONS OF A LULLABY IN THE SPACE OF THE WORLD OF CHILDHOOD: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

The article concretizes the concepts of «childhood», «childhood culture», «lullaby song». The socio-cultural functions of a lullaby in traditional and modern society are systematized and revealed.

Keywords: lullaby song, childhood culture, socio-cultural functions

УДК 316.77

П.М. Лапин

АУДИТОРИЯ ИНТЕРНЕТ-СМИ MEDUZA В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В работе представлены общий анализ социальных сетей ВКонтакте, Facebook и Twitter и результаты контент-анализа, который позволил сравнить реакции читателей интернет-СМИ Meduza в этих трёх социальных сетях на новостные публикации. Был рассчитан средний коэффициент вовлечённости (ERpost), на основе которого выявлены темы новостей, наиболее и наименее интересные читателям. Процесс обсуждения пользователями новости в комментариях рассмотрен с целью выявления наиболее активной и эмоциональной аудиторий.

Ключевые слова: Интернет-СМИ, Meduza, аудитория, ERpost, вовлечённость.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция обращения в поисках новостного контента к сети Интернет. Доля россиян, использующих интернет для поиска новостных материалов, выросла на 10% (22% в 2015 г., 32% в 2017 г.). Кроме того, Интернет является главным источником новостей для наибольшей части молодых людей в возрасте 18-34 года [2]. Таким образом, интернет-СМИ становятся более востребованными. Кроме того, они активно пользуются средствами массовой коммуникации, например, сообществами в социальных сетях ВКонтакте, Facebook, Twitter.

Целью данной работы является проведение сравнительного анализа реакции читателей интернет-СМИ Meduza в сообществах различных социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Twitter) на новостной контент.

На основе анализа нескольких источников [8, 9] было осуществлено сравнение социальных сетей ВКонтакте, Facebook и Twitter (см. Табл. 1).

Сравнительный анализ структуры социальных сетей (август 2019)

		ВКонтакте	Facebook	Twitter
Доля россиян, посетивших социальную сеть, в %		84,5	32,4	8,2
Доля уникальных авторов среди пользователей (написавших хотя бы 1 сообщение, приватные сообщения не учитывались)		24,4	8,0	16,7
Структура уникальных авторов, в %	Женщины	54,0	55,0	40,0
	Мужчины	46,0	45,0	60,0
	До 18 лет	17,8	6,6	Нет данных
	18-24 года	22,2	17,	
	25-34 года	32,7	26,8	
	35-44 года	15,4	23,5	
	45-54 года	5,9	15,0	
55+ лет	6,0	11,1		

Одно из исследований показало, что российских пользователей ВКонтакте и Facebook более всего привлекает контент именно новостных СМИ. Однако аудитория ВКонтакте сильнее всего реагирует на новости, связанные с экономикой и политикой, а аудитория Facebook – с позитивными событиями и праздниками [2, с. 45].

Аудитория ВКонтакте более молодая, чем в Facebook, состоит преимущественно из визуалов, поэтому здесь делается акцент на наглядность новостного контента [5]. Следует также обратить внимание на формальные особенности постов для Twitter: во-первых, здесь преобладают мужчины, в отличие от ВКонтакте и Facebook (см. Табл. 1). Во-вторых, существует ограничение по количеству знаков: до 280 штук в одном посту. Из-за этого в Twitter следует формировать новости максимально лаконичным и понятным образом. Аудитория привыкла к хэштегам, поэтому их можно более активно использовать для привлечения новых читателей [7].

Пользователи ВКонтакте активно читают новостную ленту [5], в то время как аудитория Facebook нацелена на поиск деловых контактов [6].

Каждый второй активный автор Facebook живёт в Москве. Специалисты отмечают, что нигде в мире у этой социальной сети нет такой грандиозной привязки к одной точке на карте (в соотношении с общим числом пользователей в стране). Можно предположить, что из-за этого проявляется более активный, чем в других социальных сетях, интерес к бизнесу, политике, IT-сфере, культуре [6].

Как мы видим, аудитории социальных сетей ВКонтакте, Facebook и Twitter имеют свои особенные черты. Таким образом, исследовательский интерес представляет реакция пользователей данных социальных сетей на один и тот же новостной контент. Данная проблематика была рассмотрена на примере анализа новостных публикаций интернет-СМИ Meduza.

В рамках эмпирического исследования был использован метод контент-анализа. Выборочную совокупность составили 100 новостных событий, освещённых интернет-СМИ Meduza за период с 16 сентября по 16 октября 2019 года. Каждое новостное событие было транслировано в группы и публичные страницы социальных сетей ВКонтакте, Facebook, Twitter. Проанализировано 300 постов, выпущенных интернет-СМИ Meduza.

Структуру выборочной совокупности можно представить несколькими тематическими блоками:

Новости, связанные с правовой сферой (преступления, задержания) – 32%;

Политические новости (внутренняя и внешняя политика) – 23%;

Новости про культуру – 16%;

Новости, касающиеся фильмов и сериалов – 13%;

Новости, связанные с российской и мировой экономикой – 7%;

Спортивные новости – 5%;

Новости, касающиеся исторических событий – 4%.

Результаты контент-анализа показали, что интернет-СМИ Meduza транслирует новостной контент в Twitter быстрее: в среднем, разница во времени между публикацией на сайте и в сообществе социальной сети составляет 20 минут. Однако стоит отметить, что половина новостей была оформлена в Twitter менее чем за 5 минут. Скорость публикации новости для группы в Facebook составляет в среднем 140 минут, а для сообщества ВКонтакте – 2,5 часа (150 минут).

В рамках исследования был рассчитан средний коэффициент вовлечённости читателей Meduza относительно одной публикации (ERpost)¹ в различных социальных сетях. Лидером по данному показателю оказалась аудитория интернет-СМИ Meduza, представленная в Facebook (0,15%). В три раза меньшую вовлечённость продемонстрировали читатели Meduza во ВКонтакте (0,05%) и замыкают тройку члены сообщества Meduza в Twitter (0,03%).

Важно сказать, что ERpost напрямую зависит от количества членов сообщества: чем больше участников группы, тем меньше показатель ERpost. Так, число подписчиков Meduza в Twitter превышает 1,2 млн, во ВКонтакте читателей

¹ $ERpost = \frac{\text{Все реакции публикации (лайки, репосты, комментарии)}}{\text{кол-во подписчиков}} * 100\%$

почти в два раза меньше (660 тыс.), а меньше всего подписчиков Meduza имеет в Facebook – 390 тысяч.

В научном сообществе отсутствуют чётко сформулированные критерии, позволяющие интерпретировать значение ERpost, однако некоторые крупные компании предлагают свои количественные показатели для оценки. Например, существует позиция, что ERpost < 1% для крупной страницы в Instagram является низким показателем [1]. Для крупных страниц в сети Twitter средний ERpost = 0,3% [4]. Опираясь на перечисленные выше показатели, можно сделать вывод, что коэффициент вовлечённости (ERpost) читателей интернет-СМИ Meduza в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Twitter, является достаточно низким.

Аудитории ВКонтакте, Facebook и Twitter демонстрируют наиболее высокую степень вовлечённости в новости следующих тематик: правовая сфера, политика и история. А спортивные новости оказались наименее интересными.

При анализе активности пользователей в комментариях учитывались только те комментарии, которые набрали наибольшее количество ответов и лайков от других пользователей, просмотревших данную новость. Количественные показатели ответов и лайков под такими комментариями были использованы в анализе как индикаторы пользовательской активности и интенсивности обсуждения новости. Самую высокую активность в комментариях проявляют аудитория Meduza ВКонтакте (средние значения лайков и ответов на комментарии 55,6 и 18,1), на втором месте расположены участники группы Meduza в Facebook (средние значения лайков и ответов на комментарии 33,4 и 6,5), а замыкает тройку аудитория Meduza в Twitter (средние значения лайков и ответов на комментарии 13,9 и 2,3).

В качестве показателя уровня эмоциональности аудитории было рассмотрено количество эмодзи², использованное пользователями при комментировании новости. Получилась следующая ситуация: самая эмоциональная аудитория интернет-СМИ Meduza находится во ВКонтакте, она в среднем использует 11,1 эмодзи в комментариях. Читатели Meduza в Facebook в среднем используют 4,6 эмодзи, чтобы обсудить новость в комментариях. Аудитория в Twitter оказалась самой неэмоциональной: в сообществе данной социальной сети в среднем используется 2,2 эмодзи (в 5 раз меньше, чем во ВКонтакте) в комментариях под сообщением.

Была выявлена статистически значимая связь³ между показателем ERpost и наибольшим количеством лайков под комментарием под постом для аудиторий ВКонтакте и Facebook. Аудитория Meduza с большей долей вероятности (в

¹ Эмодзи – маленькая картинка, смайлик, отражающий определённую эмоцию.

³ Коэффициент корреляции Пирсона = 0,38 для ВКонтакте и 0,5 для Facebook. (α на уровне более 99,9%).

отличие от читателей в Twitter) поставит отметку «мне нравится» не только новостному посту, но и комментариям других пользователей.

Также стоит отметить наличие положительной связи¹ между коэффициентом ERpost и количеством использованных эмодзи в комментариях: пользователи не просто обсуждают новость, но и вкладывают в свои сообщения определённые эмоции. Таким образом, сохраняется тенденция активного использования эмодзи в интернете, иногда они даже замещают собой слова и словосочетания.

Резюмируя вышесказанное, получаем следующие выводы:

Аудитория интернет-СМИ Meduza примерно одинаково вовлечена в новостной контент во всех трёх проанализированных социальных сетях, но показатель ERpost достаточно низкий.

Отсутствуют существенные различия в интересах аудиторий.

Самая активная и эмоциональная аудитория находится ВКонтакте.

Список литературы

1. What is a Good Engagement Rate on Instagram? Scrunch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scrunch.com/blog/what-is-a-good-engagement-rate-on-instagram> (Дата обращения: 20.10.2019).

2. Дьяченко, О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: Анализ активности и информационных предпочтений аудитории / О.В. Дьяченко // Вестник Московского университета. Журналистика. 2016. №1 (10). С.28-45.

3. Интернет против телевидения: битва продолжается (2017). ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=814> (Дата обращения: 20.09.2019).

4. Коэффициент вовлечённости (ER). Определение ER, его виды и способы расчёта. Начало работы с вовлечённостью и причины её ухудшения. Picalytics.ru – Сервис глубокой аналитики Instagram аккаунтов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blog.picalytics.ru/tutorial/er> (Дата обращения: 20.10.2019).

5. Особенности аудитории «ВКонтакте». Digital-агентство Demis Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demis.ru/articles/celevaya-auditoria-vkontakte/> (Дата обращения: 21.09.2019).

6. Особенности аудитории Facebook в России. Digital-агентство demis group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demis.ru/articles/celevaya-auditoriya-facebook/> (Дата обращения: 21.09.2019).

¹ Коэффициент корреляции Пирсона = 0,23 для ВКонтакте (α на уровне 98%), 0,53 для Facebook и 0,43 для Twitter (α на уровне более 99,9%).

7. Особенности целевых аудиторий Вконтакте, Facebook, Twitter и Instagram. Информационный ресурс для маркетологов, PR-специалистов и профессионалов коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <https://yudjes.com/ru/blog/osobennosti-celevyh-auditoriy-vkontakte-facebook-twitter-i-instagram-art4919> (Дата обращения: 21.09.2019).

8. Статистика социальных сетей. Система мониторинга соцмедиа Brand Analytics [Электронный ресурс]. URL: https://brandanalytics.ru/statistics/author/?hub_id=3&date=201908&country_id=20&period_type=month (Дата обращения: 21.09.2019).

9. Топ интернет-проектов в России (август 2019 года). Рейтинг интернет-проектов Яндекс.Радар [Электронный ресурс]. URL: https://radar.yandex.ru/top_list?type=social&month=2019-08 (Дата обращения: 26.09.2019).

P.M. Lapin

MEDUZA INTERNET MEDIA AUDIENCE IN SOCIAL NETWORKS

The paper presents a general analysis of the structure of social networks VKontakte, Facebook and Twitter and the results of content analysis, which allows us to compare the reactions of readers of online media Meduza in these three social networks to news publications. The average engagement rate (ERpost) was calculated, according to it topics were identified as the most and the least interesting to readers. The user's discussion of the news in the comments is considered in order to identify the most active and the most emotional audiences.

Key words: Internet-media, Meduza, audience, ERpost, engagement

УДК 316.422

А.О. Барг, Н.А. Лебедева-Несевря

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ПОВЫШЕНИЮ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ГОД ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Обсуждается восприятие населением повышения пенсионного возраста в России в рамках пенсионной реформы 2018–2028 гг. Показано, что в момент обсуждения пенсионной реформы и непосредственно после принятия решения граждане были настроены крайне негативно по отношению к планируемым решениям. Опрос работающего населения в Пермском крае показал, что большинство респондентов не видят позитивных последствий повышения пенсионного возраста. Негативные эффекты реформы работающие граждане связывают в основном с рисками ухудшения здоровья.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, опрос

С момента принятия Государственной Думой Российской Федерации Федерального закона, закрепившего повышение общеустановленного пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин, прошло чуть более года [1]. Принятию изменений в пенсионное законодательство предшествовала активная дискуссия как в научных кругах [2], так и среди населения. Причем, согласно опросу Фонда «Общественное мнение», 80% россиян летом 2018 г. отрицательно относились к решению повысить возраст выхода на пенсию [3]. Почти половина респондентов (49%) полагали, что повышение пенсионного возраста недопустимо в принципе, 27% считали, что пенсионная реформа должна была быть проведена, но «не сейчас и не таким образом». В сентябре 2018 г. население высказывалось чуть менее категорично, однако среди определенных социальных групп негативные настроения по-прежнему доминировали. Так, в ходе опроса Фонда «Общественное мнение» 8–9 сентября 2018 г. 81% россиян в возрасте 31–45 лет заявили о своем отрицательном отношении к повышению пенсионного возраста, 53% респондента в данной возрастной группе говорили, что пенсионная реформа недопустима в принципе. Опрос, проведенный Левада-Центром в конце сентября 2018 г., показал, что 63% россиян относились к повышению пенсионного возраста резко отрицательно, 22% – скорее отрицательно [4].

Цель – на материалах пилотажного исследования описать отношение россиян к повышению пенсионного возраста спустя год после официального принятия изменений пенсионного законодательства.

Материалы и методы. Раздаточное анкетирование работников промышленного предприятия в Пермском крае. Сроки проведения – июль–август 2019 г. Объем выборки – 390 человек. Исследовались две группы работников – занятые во вредных условиях труда (299 человек) и занятые в допустимых и оптимальных условиях труда (91 человек). Несмотря на то, что, согласно ФЗ №350-ФЗ, работники, занятые во вредных (тяжелых) условиях труда, сохраняют право оформления досрочной пенсии по старости, не все работающие во вредных условиях труда могут «набрать» требуемый страховой стаж (специальный стаж работы во вредных (тяжелых) условиях труда), следовательно, потенциально решение о повышении пенсионного возраста может коснуться любого работника, независимо от класса его условий труда.

Результаты. Проведенный опрос показал, что практически все работники (99%) осведомлены о том, что в России изменен возраст выхода на пенсию. Однако оценить, скажется ли на них изменение пенсионного законодательства, смогли не все респонденты. Так, 21% опрошенных сказали, что на них однозначно скажется решение повысить пенсионный возраст, 30% – что точно не скажется, а 49% затруднились сформулировать определенную позицию.

Среди работников, занятых во вредных условиях труда, доля затруднившихся ответить на вопрос «Как вы думаете, на вас лично скажется решение повысить пенсионный возраст?» выше, чем среди работников с допустимыми и оптимальными условиями труда – 52% против 38% соответственно. Возможное влияние респонденты характеризовали преимущественно негативно – «не доживу до пенсии», «после 60 будет тяжело работать», «уменьшится продолжительность жизни», «выйду на пенсию с плохим здоровьем», «ухудшится здоровье», «тяжелые нагрузки приведут к ухудшению здоровья»¹. Негативные эффекты, связанные с повышением пенсионного возраста, работники в основном ассоциируют с рисками для здоровья, как следствие, значительная часть респондентов планируют менять свое отношение к здоровью – вести более здоровый образ жизни (61%), перейти на менее вредную работу (9%), чаще проходить медицинские осмотры (7%). Среди работников, занятых во вредных условиях труда, ориентации на изменение образа жизни менее выражены – 59% респондентов данной группы хотят поменять свой образ жизни против 67% в группе работников, занятых в оптимальных и допустимых условиях труда. Примечательно, что 22% опрошенных не планируют ничего предпринимать в связи с возможной ситуацией вынужденной пролонгации трудового периода. Причем, в группе работников, занятых в относительно «благоприятных» условиях труда доля настроенных пассивно не ниже, чем в группе работающих во вредных условиях труда – 24% против 22% соответственно.

Следует отметить, что установки работников на здоровый образ жизни пока не нашли практического воплощения – среди занятых во вредных условиях труда лишь 42% опрошенных сказали, что ведут здоровый образ жизни, среди работающих в оптимальных и допустимых условиях труда таковых было 53%.

Выводы. Результаты проведенного опроса показали, что, несмотря на высокий уровень осведомленности работающих граждан о реализации в России пенсионной реформы, говорить о сформированности позиции в отношении влияния принятых решений и осознания требуемых со стороны самих граждан действий, невозможно. Значительная часть опрошенных не могут определить, скажется ли на них изменение пенсионного законодательства и если да, то что в этой связи необходимо предпринимать. Требуется реализация системных информационных мероприятий, адресованных работающим гражданам и нацеленных на формирование осознанной позиции относительно преимуществ и рисков, ассоциированных с повышением пенсионного возраста.

¹ Оригинальные формулировки респондентов при ответе на открытый вопрос.

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ.

2. Пенсионный возраст: оставить нельзя повысить? Материалы секции VI Социологической Грушинской конференции 17 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://fom.ru/starost/index.html> (Дата обращения: 25.11.19)

3. Отношение россиян к повышению пенсионного возраста // Официальный сайт ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14104> (Дата обращения: 25.11.19)

4. Пенсионная реформа: пресс-выпуск // Официальный сайт Левада-Центра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/27/pensionnaya-reforma-4/> (Дата обращения: 25.11.19)

A.O. Barg, N.A. Lebedeva-Nesevria

ATTITUDE OF RUSSIANS TO INCREASE PENSION AGE: A YEAR AFTER REFORM

The peoples' perception of increasing the retirement age in Russia (as part of the pension reform of 2018–2028) is discussed. It is shown that at the time of discussion of the pension reform and immediately after the adoption of the decision, citizens were extremely negative in relation to the planned decisions. A survey of the working population in the Perm Region showed that most respondents do not see the positive consequences of increasing their retirement age. Working citizens associate the negative effects of the reform mainly with the health risks.

Key words: retirement age, pension reform, working population, survey.

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ И СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ

В настоящей статье рассмотрены основные виды коммуникативных барьеров и способов их устранения студентами ПГНИУ. Результаты социологических исследований показывают, что значимое число студентов испытывает трудности в процессе общения. Коммуникативные барьеры служат помехой на пути понимания собеседниками друг друга. Для эффективности процесса коммуникации собеседникам необходимо учиться преодолевать трудности в общении. Если не предпринимать меры по их устранению, коммуникативные барьеры могут привести к негативным последствиям.

Ключевые слова: коммуникация, студенты, коммуникативный барьер, виды коммуникативных барьеров, устранение коммуникативных барьеров

Зачастую в процессе общения у людей возникают проблемы с восприятием информации, которые отражаются на результативности их общения и деятельности. Каждый человек когда-либо сталкивался с проблемами в общении. Эти проблемы обусловлены множеством факторов, например, личностными особенностями человека, коммуникативной ситуацией, неприятием собеседника и др. Эти трудности мешают человеку наладить эффективную коммуникацию с собеседником, важно понимать то, какие последствия влекут за собой барьеры и каким образом люди борются с ними. Данный феномен получил название «коммуникативных барьеров».

В социологии коммуникативные барьеры понимаются как «помехи, препятствующие контакту между коммуникатором и реципиентом, адекватному приему; пониманию и усвоению сообщений в процессе коммуникации» [2, с. 52]. В одном из словарей дается следующее определение: «препятствия психологического характера, которые возникают в процессе передачи адекватной информации» [3, с. 110-126]. Исходя из этих определений, коммуникационные барьеры представляют собой помехи, возникающие в процессе коммуникации и препятствующие ее успешному протеканию.

Существует множество подходов к изучению коммуникативных барьеров. Например, Б.Ф. Поршнев, историк и социолог, выпустил работу, в которой представил барьеры непонимания в коммуникации. Логический барьер возникает тогда, когда коммуниканты не согласны с доводами или представлениями, которые они приводят в процессе коммуникации. Фонетический барьер связан с акустическими и физиологическими особенностями речи. Семантический барьер проявляется в ситуациях, когда

коммуниканты не понимают смысла отдельных слов или целых высказываний друг друга. Стилистический барьер возникает, когда для выражения мыслей используются разные средства языка, обусловленные различными стилями при подаче информации. В ходе исследования проверим, какой барьер является самым распространенным среди студентов [1, с. 189].

Исследовательский интерес заключается в изучении коммуникативных барьеров в студенческой среде. В период студенчества у человека формируется направленность ума и склад мышления, характеризующие его профессиональную направленность. В этот период человеку необходимо обзавестись устойчивыми социальными связями, уметь находить подход к абсолютно разным людям. Умение выстраивать такие социальные связи является залогом успешного будущего студентов, а наличие трудностей в общении может оказывать негативное воздействие как на самого студента, так и на его дальнейшую профессиональную деятельность. Объектом исследования являются студенты 4 курса философско-социологического факультета очного отделения ПГНИУ. Интересным является выяснение того, насколько хорошо современные студенты осведомлены о способах устранения коммуникативных барьеров и как они применяют эти способы на практике.

В качестве метода проведения исследования был выбран интернет-опрос. В исследовании приняло участие 73 человека, из них 80% (59 человек) девушек и 20% (14 человек) – юношей. Словосочетание «трудности в общении» в анкете является синонимом коммуникативных барьеров.

На сегодняшний день большинство респондентов испытывает трудности в общении несколько раз в неделю (28 опрошенных). 25 респондентов отмечают, что испытывают трудности несколько раз в месяц. Напротив, лишь трое опрошенных указали, что не испытывают трудностей в процессе общения. Такие результаты говорят о том, что коммуникация – достаточно трудный процесс, в процессе которого трудности возникают довольно часто и нынешние студенты действительно с ними сталкиваются. В основном, трудности в общении респонденты связывают с целым рядом факторов, это недопонимание в процессе общения (46 опрошенных), личностные особенности человека и ситуации нервного напряжения, эти факторы выбирают 42 респондента. Необходимо также отметить, что недопонимание в большинстве случаев возникает у студентов в общении со сверстниками (57 опрошенных). Также студенты сталкиваются с трудностями при общении с незнакомыми людьми, с людьми старшего возраста и с людьми противоположного пола, на каждый из этих факторов указывают 3 опрошенных респондента.

Практически в равной степени респонденты отмечают, что трудности в общении зависят от ситуации (42%) и от самого человека (41%). Этот факт

свидетельствует о том, что большинство студентов обращает внимание на то, как общаются они сами. Больше всего в процессе общения студенты обращают внимание на повышенный тон собеседника (81%), на напряженный вид лица собеседника (40%). В ответе на вопрос «Какие трудности в общении Вы испытываете чаще всего?» (рис. 1) 2/3 респондентов (67%) считают главной трудностью в общении стеснение в общении с новыми людьми, половина опрошенных респондентов связывают трудности в общении со страхом неприятия, чуть больше трети опрошенных (40%) – с неумением выражать собственные мысли. Непонимание невербальных знаков и намеков и непонимание того, как надо общаться являются самыми нераспространенными вариантами ответа, их выбирают всего 8% опрошенных.

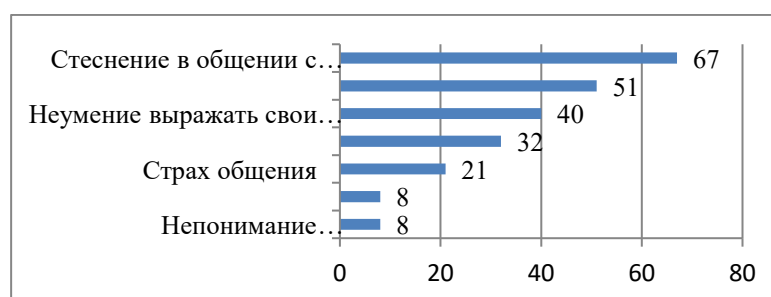

Рис. 1. Какие трудности в общении Вы испытываете чаще всего? (в %)

На вопрос «Как Вы считаете, что может способствовать избежанию трудностей в общении в повседневной жизни?» каждый второй опрошенный отмечает, что нужно уметь правильно доносить свои мысли до собеседника, при этом уметь не только слушать, но и слышать его. Респонденты отмечают, что избежанию трудностей может способствовать умение ставить себя на место другого и принимать его точку зрения. 3/4 (75%) опрошенных отмечают, что хотят устранять трудности в общении, причем в ответах на вопрос «Как Вы боретесь с трудностями в общении?» они отмечают, что пытаются найти общий язык с собеседником, разбираются в себе и стараются больше общаться, развивая коммуникативные навыки. Также самым распространенным ответом на вопрос «Какие действия Вы предпринимаете для устранения трудностей в общении?» (рис. 2) является попытка налаживания контакта с собеседником (59%), а также почти половина респондентов (53%) пытаются разобраться в себе и действовать самостоятельно.

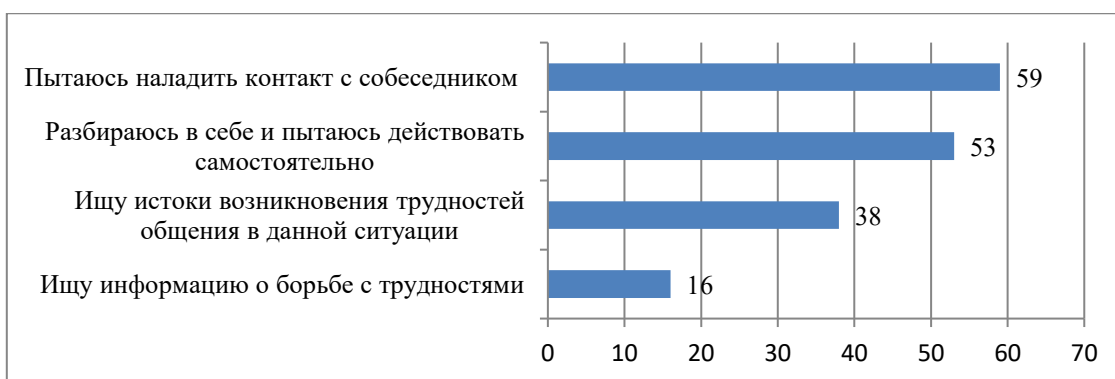

Рис. 2. Какие действия Вы предпринимаете для устранения трудностей в общении? (в %)

Далее был проведен анализ общительности нынешних студентов. Треть респондентов относят себя к общительным людям, вторая треть – отчасти считают себя общительным человеком, отчасти нет, лишь 11 респондентов не считают себя общительными людьми. Уровень общительности и активности респондентов проверялся через вопрос о регулярном участии в различных мероприятиях. Половина опрошенных респондентов (51%) не принимает участие в мероприятиях, что может означать их низкую заинтересованность в этом, низкую активность, нежелание вступать в контакты с новыми людьми. При анализе таких критериев, как неуверенность в себе, желание общаться с новыми людьми, робость и застенчивость, выяснилось, что нынешние студенты заинтересованы в общении с новыми людьми, считают себя уверенными в себе, предпочитают общение в больших компаниях, а также легко вступают в контакт с новыми людьми.

Ответы на вопрос: «Какие последствия влекут за собой трудности в общении?» показывают, что вариант «плохое психоэмоциональное состояние» выбирает 60 человек из 73 (82%), что говорит о том, что это является самым значимым последствием трудностей в общении для студентов. Менее значимыми последствиями стали: «замкнутость в себе» (45%) и «нежелание общаться с собеседником» (63%).

Сравним полученные данные с результатами исследования, проводившегося в 2013 году в Саратове. Исследованию подлежали коммуникативные барьеры в молодежной среде. Результаты показали, что у 50% опрошенных респондентов возникают проблемы при общении. В отличие от результатов нашего исследования, это исследование показало, что основным барьером для общения молодежи является неуверенность в себе (48%). Также исследование показало, что самокритика человека также является важным фактором в возникновении трудностей в общении. По большей части, проблемы

в общении респондентов возникают из-за предвзятого отношения к окружающим, неуверенности в себе, неценности и одиночества.

Таким образом, в большинстве случаев возникновение этих трудностей связывается с отсутствием взаимопонимания между собеседниками, это говорит о наличии семантического барьера, при котором собеседники не понимают смысла отдельных слов или целых выражений друг друга. У нынешних студентов ПГНИУ существует тенденция к решению трудностей в общении. Основным способом устранения коммуникативных барьеров является попытка понимания чужой точки зрения (75%). Кроме того, это нейтрализация эмоций, развитие коммуникативных навыков и умения слушать собеседника. Итак, коммуникативные барьеры затрудняют процесс общения в нашей повседневной жизни, через понимание и внимательное, уважительное отношение к собеседнику лежит ключ к избежанию этих трудностей.

Список литературы

1. Поршнева Б. Ф. «Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.)»: Наука; Москва; 1979. 216 с.

2. Учебный социологический словарь / Рос. о-во социологов; МГИМО(У) МИД РФ ; общ. ред. С.А. Кравченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Экзамен, 1999. 352 с.

3. Чернова Г. Р., Слотина Т. В. Ч-49 Психология общения: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2012. 240 с.

E.A. Markova

COMMUNICATION BARRIERS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

This article describes the main types of communication barriers and ways to address them students of the Perm state University. The results of sociological studies show that a significant number of students experience difficulties in the process of communication. Communication barriers are a hindrance to the understanding of the interlocutors of each other. For the effectiveness of the communication process, the interlocutors need to learn to overcome difficulties in communication. If you do not take measures to eliminate them, communication barriers can lead to negative consequences.

Key words: communication, students, communicative barrier, types of communicative barriers, elimination of communicative barriers.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВОЗРАСТНОЙ КОГОРТЫ РОССИЯН

Статья посвящена анализу тенденций изменения ценностей людей среднего возраста в современном российском обществе. Исследование основывается на методике изучения ценностей Ш. Шварца. На материалах 5-й (2005–2009 гг.) и 6-й (2010–2014 гг.) волн проекта «The World Values Survey» показано, что наблюдаются тенденции сохранения высокой значимости традиционных ценностей и ценностей безопасности, стабильности у средневозрастной когорты россиян, а также некоторый рост материалистических ценностей и ценностей новизны и риска. Сделан вывод, что ценности людей среднего возраста выполняют стабилизирующую роль в модернизации общества.

Ключевые слова: ценности, тенденции, средневозрастная когорта, россияне среднего возраста.

Ценности выступают фундаментальными мотивационными установками, определяющими поведение людей в их повседневной жизнедеятельности. На макроуровне ценности служат одним из важнейших социокультурных факторов, обуславливающих специфику социетального развития. В современной России когорта среднего возраста являются основным трудовым ресурсом, а потому именно от нее и особенностей разделимых ею ценностей во многом зависит степень и характер осуществляемых модернизационных преобразований. Цель настоящей статьи – проанализировать динамику ценностных изменений у людей среднего возраста в российском обществе.

Исследование ценностей россиян среднего возраста опирается на методику Ш. Шварца [1]. Эмпирической базой исследования являются материалы проекта «The World Values Survey» за 2005–2009 гг. (5-я волна) и 2010–2014 гг. (6-я волна) [2]. Объем выборочной совокупности в рамках 5-й волны исследования составил 2033 человека (из них в возрасте 30–60 лет – 1081 человек), в рамках 6-й волны – 2500 человек (из них в возрасте 30–60 лет – 1381 человек).

Согласно результатам анализа, в пятерку лидирующих ценностей россиян среднего возраста включаются: доброта (среднее ценностное значение составляет 1,1 в 2005–2009 гг. и 0,1 в 2010–2014 гг.); традиция (0,6 и 0,3 соответственно); конформность (0,4 и 0,2), забота о природе (0,4 и 0,1) и безопасность (0,3 и 0,4). Менее значимыми выступают такие ценности, как творчество (0,1 и (–) 0,04), достижение успеха ((–) 0,4 и (–) 0,1), гедонизм ((–) 0,7 и (–) 0,2), богатство ((–) 0,7 и (–) 0,3) и риск ((–) 1,1 и (–) 0,5) (см. рис. 1).

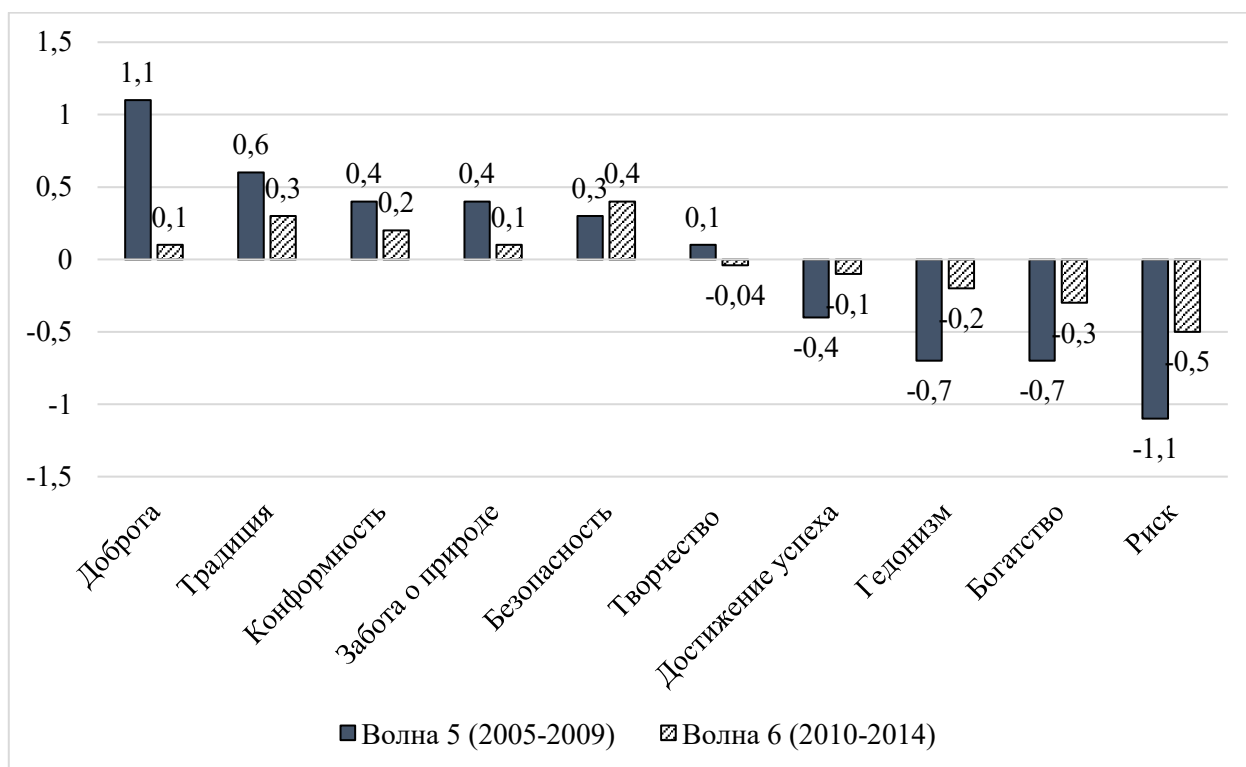

Рис. 1. Иерархия ценностей средневозрастной когорты россиян (средние значения, баллы)

В рамках анализируемого периода можно проследить следующие изменения в ценностях россиян среднего возраста.

Во-первых, россияне среднего возраста чуть меньше стали разделять ценности традиции, конформности, заботы о природе. Вместе с тем, их роль до сих пор сильна, а значение ценности безопасности даже чуть увеличилось. Показанные особенности отражают специфику жизненного пути средневозрастной когорты, которая пережила острые трансформации 1990-х гг. Последующий за ними период стабилизации начала 2000-х вновь сменился экономическими кризисами и нестабильностью 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг., существенно понизивших уровень жизни россиян. Отсюда тенденция сохранения высокой ориентации на традиционализм, порядок и безопасность, или, используя подход Р. Инглхарта, – на ценности выживания [3].

Во-вторых, наблюдается тенденция к росту значимости ценностей достижения жизненного успеха, гедонизма, богатства и риска. С одной стороны, подобная тенденция свидетельствует о растущей установке преодолеть существующие депривации в материальной и финансовой сферах, что и обуславливает рост материалистических ценностей. С другой стороны, можно отметить некоторый намечающийся запрос на изменения в условиях существовавшей длительное время политики стабилизации в российском

обществе. Однако в целом этот запрос у средневозрастной когорты выражен слабо, пока это все же больше традиционалистски ориентированная группа населения.

Подчеркнем, что высокая ценность безопасности при низкой ценности самостоятельности (творчества) и новизны характерны для людей среднего возраста в большинстве регионов России в силу действия общих исторических факторов социализации. При этом, ценностный потенциал жителей среднего возраста неодинаков в регионах, имеющих разный инновационный статус. В регионах-«инноваторах» жители демонстрируют более высокую ориентацию на ценности открытости изменениям (независимость, свобода, инициативность). Жители менее инновационных территорий скорее поддерживают традицию, порядок, государственный патернализм.

В-третьих, отдельно отметим особенности вариации ценности доброты. Столь существенные различия, выражающиеся в снижении значимости доброты, объясняются прежде всего различием методики, используемой для измерения данной ценности в рамках 5-й и 6-й волн исследования. Так, если в рамках 5-й волны индикатором доброты выступало оказание помощи людям, то в рамках 6-й волны – возможность сделать что-то полезное для общества.

Таким образом, наблюдаются тенденции сохранения высокой значимости традиционных ценностей и ценностей безопасности, стабильности у средневозрастной когорты россиян, а также некоторый рост материалистических ценностей и ценностей новизны и риска. С позиций модернизационных преобразований это, скорее, свидетельствует о том, что ценности людей среднего возраста выступают важной для модернизации общества стабилизационной основой. Иницирующей модернизацию ценностный потенциал выше у молодой когорты россиян, которые сильнее ориентированы на ценности достижения успеха, самостоятельности, творчества, риска и новизны.

Список литературы

1. Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. By M.P.Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992. Vol.25. P.1-65.
2. Data & Documentation [Электронный ресурс] / Официальный сайт проекта «The World Values Survey». – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 02.11.2019).

3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

Yu. S. Markova

TENDENCIES OF CHANGE IN VALUES OF THE MIDDLE-AGE COHORT OF RUSSIANS

The article is devoted to the analysis of trends in the values of middle-aged people in modern Russian society. The study of values is based on the methodology of S. Schwartz. Based on the materials of the 5th (2005–2009) and 6th (2010–2014) waves of the “The World Values Survey” project, it is shown that there are tendencies for maintaining the high importance of traditional and security values, stability in the middle-aged cohort of Russians, as well as a slight increase in materialistic values and values of novelty and risk. It is concluded that the values of middle-aged people play a stabilizing role in the modernization of society.

Key words: values, trends, middle-aged cohort, middle-aged Russians

УДК 316.343.727+316.346.2-055.2

Е.Е. Махметова

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена вопросам состояния женской предпринимательской активности в России на сегодняшний день, условиям, способствующим ее развитию, мотивам и проблемам, с которыми сталкиваются женщины при построении своего бизнеса. Исследование проводилось на основе анализа научной литературы, посвященной женскому предпринимательству, анализа статистической отчетности и всероссийских опросов.

Ключевые слова: женщина-предприниматель, гендер, мотивация, условия, проблемы

В течение последних десятилетий в России, как и во всем мире, происходит радикальное реформирование социально-экономических отношений, связанных, в том числе, с изменением роли, функций женщины в обществе. На сегодняшний день женщина является активным участником экономической деятельности страны во всех производственных областях, включая предпринимательство. Она получила доступ к сфере политики, бизнеса и управления, но ее статусные позиции по-прежнему находятся на менее высоком, чем у мужчин, уровне, если говорить, в первую очередь, о трудовой деятельности. Так, в сфере государственного управления, принятия решений, крупного и среднего предпринимательства преобладают мужчины. Однако стоит отметить, что в

течение последних 5-10 лет произошла настоящая революция в плане женского лидерства на рабочих местах. Сегодня в нашей стране женщины занимают уже около 40% высших управленческих должностей, они же возглавляют 43% компаний [5, С.100]. В странах с развитой рыночной экономикой эти показатели в 3-5 раз ниже. В качестве одной из причин такого успеха женщин в бизнесе считают советское наследие. В Советском Союзе все были равны, имели равные права и равные возможности [4, С.112].

Невзирая на все прогрессивные тенденции в женской предпринимательской деятельности, интересен тот факт, что количественно данная социально-демографическая группа по сей день преобладает в низкооплачиваемых и малодоходных секторах экономики [5, С.100].

Неравномерное распределение мужчин и женщин в разных профессиональных сферах говорит о присутствии в российском обществе в некоторой степени гендерной сегрегации, которая берет свое начало из утверждения о том, что «мужская роль – активная и, как правило, связана с публичной сферой деятельности, а женская – пассивная, лежит в рамках частной сферы жизни, ограниченной бытом» [6, С.7]. Отсюда вытекают предписания относительно поведения, связанного с гендерными ролями. В настоящее время наборы гендерных ролей в большинстве развитых стран уже не имеют настолько четких границ и рамок, в соответствии с чем гендерная сегрегация начинает все меньше проявляться в жизни общества, в том числе и в России.

Женщине и по сей день свойственно выполнение семейно-бытовых функций, однако они могут носить второстепенный характер. На передний план зачастую выходят потребности в самореализации и самоутверждении. Особенно сильно это заметно при анализе исследований, посвященных изучению мотивационных составляющих деятельности женщин, занимающихся предпринимательством. Так, женщины в отличие от мужчин, строят свой бизнес в основном с целью реализации своих социальных качеств. [2, С.56]. Женщины-предприниматели главным мотивом для занятия предпринимательской деятельностью называют возможность получения дополнительного дохода (37%) и потребность в самореализации (28%). Мужчины-предприниматели в данном вопросе указывают на желание работать на себя (40%), обретение независимости (39%) и возможность увеличения уровня дохода (14%) [4, С.113].

В России для оценки уровня предпринимательской активности женщин разработан индекс предпринимательской активности женщин – WBI, отражающий уровень благоприятствования деловой и социальной среды для развития женского предпринимательства. По данному индексу Россия занимает лишь 56 место в мире. WBI основан на трех ключевых показателях: отношение общества к предпринимательству, личные качества и таланты, экономические

условия и инфраструктура. Свою оценку дают женщины-предприниматели и женщины, работающие по найму или временно не работающие [4, С.111].

Так, большинство женщин (96%), которые не имеют собственного дела, отметили, что положительно относятся к предпринимательской деятельности, многие женщины (73%) видят себя в качестве предпринимателя, лишь 11% женщин не готовы заняться предпринимательской деятельностью [3].

Изучая личные качества женщин, которые вносят вклад в ее предпринимательские навыки, исследователи выявили, что наиболее выраженными оказались такие черты как креативность, интуиция, желание приумножить капитал, минимальная склонность к риску и низкая по сравнению с мужчинами уверенность в себе [4, С.110].

Нужно отметить, что гендерная разница в построении и ведении бизнеса между мужчинами и женщинами несомненно присутствует и имеет свою специфику. К примеру, перед современными женщинами-предпринимателями особо остро встает задача совмещения своих семейных и трудовых обязанностей. Им свойственна высокая профессиональная нагрузка, сопряженная с выполнением бытовых функций и, как следствие, катастрофическая нехватка времени. Логично предположить, что этот факт может накладывать негативный отпечаток на эффективность деятельности женщин в трудовой сфере. Однако на сегодняшний день сложилась неоднозначная ситуация. По результатам одних социологических исследований известно, что женщины-предприниматели оценивают собственный опыт сочетания домашних и производственных обязанностей довольно положительно, они в целом, как и мужчины, удовлетворены своими возможностями в предпринимательстве [1, С.105]; по результатам других – более одной трети женщин отмечают, что проблемы высокой занятости домашними делами и наличие маленьких детей являются весомыми трудностями на пути к началу построения бизнеса [4, С.112].

Женщины также отмечают наличие ряда объективных преград на пути построения карьеры предпринимателя. Так, Абросимова О.В. выделяет 6 групп факторов и условий, препятствующих ведению женского бизнеса.

Первая группа проблем касается неопределенности сложившейся системы отношений между бизнесом и властью, что является характерной чертой для субъектов РФ и проявляется в сильной зависимости женского предпринимательства от субъективных оценок и решений представителей власти. Обусловлено это явление, по мнению опрошенных женщин, в первую очередь, такими аспектами, как недоработки правовой базы и устойчивое существование гендерных стереотипов.

Во вторую группу входят слабое проявление предпринимательского единства, разобщенность отдельных экономических акторов в регионах, к третьей относятся проблемы безопасности предпринимательства, что в контексте становления женского бизнеса приобретает особое значение.

Четвертую группу составляют проблемы недостаточности специальных профессиональных знаний у женщин-предпринимателей. Значительная доля женщин на руководящих должностях считает, что необходимо повышать свой профессиональный уровень. Выраженность ориентированности женщин на профессиональный рост практически не меняется во времени и не имеет региональной специфики.

Пятая группа проблем связана со спецификой политического сознания и поведения женщин в бизнесе. Так, женщины-предприниматели осознают необходимость защиты своего бизнеса политическими методами.

Последняя группа проблем охватывает вопросы, обусловленные несовершенством поддержки малого и среднего бизнеса в российских регионах.

Стоит отметить, что из всех групп факторов, наиболее актуальными для опрошенных оказались проблемы экономической нестабильности в стране и регионе (63,8%), недостаток размера начального капитала (42,9%), высокий уровень конкуренции (40,4%) [1, С.106], 16% опрошенных в качестве главной причины выделили неуверенность в себе и 10% нехватку знаний и опыта [3].

Примечательно, что женское предпринимательство выполняет своего рода функцию трансформации мышления постсоветского общества. Оно изменяет отношение к женщинам как субъектам рынка труда в общественном сознании. По данным Росстата, женщины составляют 54% трудоспособного населения нашей страны [5. С.27]. В бизнесе занято лишь от 27% до 32% (треть предпринимателей – женщины). Вопреки невысокому проценту участия данной категории населения в бизнесе, женское предпринимательство в России в настоящее время играет значимую роль, прежде всего потому, что женщины являются одним из решающих факторов общественного производства в целом. Г. Минцберг пишет: «Прошли те времена, когда женщины преуспевали, научившись играть по правилам мужских игр. То, в чем сегодня нуждается экономика, может дать именно женщина» [4, С.108].

Сегодня учреждаются центры по поддержке женщин в бизнесе, создаются специальные льготные проекты для женщин, ведущих активную предпринимательскую деятельность. Например, на базе совета федерации была создана площадка встреч Валентины Матвиенко с женщинами-предпринимателями, которая по сей день позволяет оказывать конкретную адресную поддержку и выступает своеобразным социальным лифтом по развитию женского бизнеса. Однако наличие уже имеющихся проектов по

стимулированию и эффективному развитию женского предпринимательства не всегда покрывает все потребности данного сектора экономической деятельности, поэтому необходимо направить еще большее количество доступных ресурсов для оптимизации условий по работе в рамках имеющегося направления трудовой активности, поскольку оно благоприятно влияет на экономику в целом.

Кроме того, женский бизнес выполняет в значительной степени и существенные социально значимые функции. Так, именно развитие женского бизнеса в некоторой степени способствует преодолению бедности, создает условия для доминирования «здорового образа жизни», нацелено на улучшение качества жизни человека. До 90% социального предпринимательства в России находится в руках женщин. Женщины занимаются социальными проектами, сферой образования, воспитанием подрастающего поколения, а также благотворительными проектами. Стоит отметить, что данные направления в бизнесе позволяют им эффективно совмещать свои традиционные роли, связанные с материнством, воспитанием детей и выполнением профессиональных обязанностей, которые не противоречат их женской природной сущности.

Таким образом, предпринимательская деятельность женщин в России в целом способствует наиболее полной реализации их социально-экономического потенциала, стимулированию вертикальной социальной мобильности женщин на рынке труда и развитию экономики в государственных масштабах. Тем не менее, существует ряд проблем, которые препятствуют повышению уровня развития женского бизнеса, и их необходимо минимизировать, в первую очередь, усилив поддержку со стороны государства.

Список литературы

1. Абросимова О.В. Возможности современной женщины в сфере предпринимательской деятельности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. С. 100-107 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-sovremennoy-zhenschiny-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.11.2019).

2. Галлямов Р. Р. Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3(131). С. 56-67 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bagsurb.ru/about/journal/svezhiy-nomer/Gallyamov.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

3. Индекс предпринимательской активности женщин WBI 2017 // Комитет по развитию женского предпринимательства «ОПОРА России» [Электронный ресурс] URL: <http://women-opora.ru/proekty/> (дата обращения: 12.11.2019).

4. Норсун Т.А. Развитие женского предпринимательства в России на современном этапе // Вестник забайкальского государственного университета. 2016. С. 107-114 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva-v-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 01.11.2019).

5. Женщины и мужчины России. 2018: Стат.сб./ Ж56 Росстат. – М., 2018. – 241 с. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.gks.ru%2Ffree_doc%2Fdoc_2018%2Fwo-man18.pdf&cc_key= (дата обращения: 31.10.2019).

6. Семёнова Ю.А. Гендерная асимметрия российского предпринимательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2010. С. 6-7 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-asimmetriya-rossiyskogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 13.11.2019).

7. Уфимцева Е. И. Воскресная школа в системе религиозного образования русской православной церкви // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. С. 44-52 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voskresnaya-shkola-v-sisteme-religioznogo-obrazovaniya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения: 02.11.2019).

E.E. Makhmetova

WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: FEATURES AND PROBLEMS

Today, the conditions conducive to its development, the motives and problems that women face when building their business. The study was conducted on the basis of the analysis of scientific literature, devoted to the analysis of statistical reporting and all-Russian surveys.

Keywords: woman entrepreneur, gender, motivation, conditions, problems

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Статья посвящена изучению социального предпринимательства в некоммерческом секторе. Приводится обзор зарубежных исследований, в которых раскрываются малоизученные аспекты социального предпринимательства. Анализируются данные глубинных интервью с руководителями некоммерческих организаций Волгоградской области, в которых отмечаются ограничения и возможности некоммерческого сектора в социальном предпринимательстве; выделяются барьеры для социально предпринимательской деятельности некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальный предприниматель, некоммерческая организация, некоммерческий (третий) сектор

Тематика социального предпринимательства (далее СП) в последние несколько лет стала все чаще появляться на страницах не только научных публикаций, но и в СМИ. Интерес к этой теме поддерживается как со стороны государства, инициировавшего различные мероприятия по поддержке СП, так и со стороны общества.

С принятием в июле 2019 г. поправок в законодательство о малом и среднем бизнесе и внесением в правовые акты понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» начинается отсчет официального правового статуса социального предпринимателя. Однако организации третьего (некоммерческого) сектора на данный момент остались вне правового поля СП и не могут рассчитывать ни на официальный статус социального предпринимателя, ни на финансовую поддержку государства.

Зарубежный опыт свидетельствует, что коммерческие организации, занимающиеся социальными инициативами, оформляют свою деятельность юридически, создавая, например, в США, малоприбыльные общества с ограниченной ответственностью (low-profit limited liability companies – L3Cs) или организации общественной пользы (benefit corporations – B-Corps) [4].

С. Алворд, С. Браун, С. Летсс утверждают, что НКО, не занимающиеся деятельностью, приносящей доход, не берущие плату за свои услуги, все чаще «остаются за пределами мейнстрима» [3]. Аналогичной позиции придерживаются Т. Миллер, М. Греймес, Д. Мак Милен, Т. Вогус, заявляя, что НКО в меньшей степени должны полагаться на правительственное

финансирование, им необходимо научиться использовать предпринимательские методы, чтобы повысить свой доход [5].

Недостаток литературы, посвященной НКО, осваивающим сферу социального предпринимательства, отмечают как зарубежные, так и отечественные исследователи. Обсуждение данной проблемы ведется на страницах международного издания «Journal of Social Entrepreneurship», где отмечается: недостаточно изучены факторы, влияющих на намерения руководителей НКО заняться социальным предпринимательством; не исследованы необходимые внутренние организационные условия; коммерциализация трансформирует цели, мотивы, методы распределения доходов, систему управления в НКО, стремится оттеснить социальную миссию [6].

В исследовании ЦИРКОН отмечается, социальные предприниматели стали отчетливее понимать суть СП, его отличительные особенности. Об это говорят сравнительные данные за 2013 и 2018 гг. [1]. Исследователи отмечают, что СП в России находится в стадии становления, социальные предприниматели как социальная группа, как сообщество, объединенное общими интересами, ценностями и нормами, только складывается.

Чтобы охарактеризовать проблемы, с которыми сталкивается некоммерческий сектор, осваивая СП, обратимся к данным глубинного интервью (N=25) с руководителями НКО Волгоградской области. Данное исследование было проведено в рамках научного проекта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в 2018 г.

Руководители НКО рассказали о своем понимании социального предпринимательства и статуса социального предпринимателя: *«Социальные предприниматели – это те люди, кто все доходы от предпринимательской деятельности, направляют, прежде всего, на развитие, на совершенствование и модернизацию. Например, на развитие и модернизацию старого оборудования, улучшение качества социальных услуг, создания новых рабочих мест»* (Эксперт 2, М., 43 года).

Социальный предприниматель занимает активную социальную позицию, сознательно себя ограничивает в прибыли: *«Чтобы осознанно уменьшить свое количество прибыли, идти на какие-то не очень популярные или не очень выгодные для себя шаги, человек должен иметь активную социальную позицию»* (Эксперт 3, Ж., 46 лет).

Руководители НКО отмечают характерные черты СП, подчеркивая его социальную направленность и наличие финансовой устойчивости. Отмечают,

что СП невозможно без предпринимательского подхода: *«Здесь всё равно первое идёт социальное предпринимательство. Это – хочу зарабатывать, хочу собственное дело, хочу получать доход»* (Эксперт 5, Ж., 32 года).

Однако указывают на инновационный компонент, желание социального предпринимателя идти не как все: *«В социальном предпринимательстве хочу получать доход, но не хочу по накатанной, как все, например, открывать магазины продуктовые или магазины одежды. А хочу найти нишу, которая не занята никем, но социуму нужна. Не знаю там, детские парикмахерские, ну, всё что угодно. То есть вот это и есть социальное предпринимательство. Оно решает те задачи, которые не решены социумом»* (Эксперт 5, Ж., 32 года).

Волгоград называется городом, в котором есть потенциал и возможности для развития СП: *«Вы знаете, Волгоград – это вообще один сплошной потенциал, вот... и всего. Ввиду того, что здесь практически ничего нет. А когда ничего нет, то это очень хорошо, ну как, знаете, одно дело там толкаться локтями, да... как в уже развивающемся бурно городе, а и совсем другое дело у нас»* (Эксперт 9, Ж., 38 лет).

«Потенциал у нас есть. Не благодаря, а вопреки. У нас есть удивительные люди, они стараются, они работают. Они, главное, горят. Они многого не знают. Их по голове стучают, та же налоговая, а они идут дальше» (Эксперт 1, Ж., 67 лет).

Были названы и условия, наличие которых способствует тому, что НКО сможет успешно работать в сфере социального предпринимательства: *«Если будет создан алгоритм, который позволит это всем делать. Что в этом алгоритме? Получение необходимых допусков, как говорится, профессиональная подготовка специалистов для качественной работы. Документы, лицензии, ресурсы, человеческие и материальные ресурсы и алгоритм, как действовать социальным предпринимателям»* (Эксперт 11, М., 47 лет).

Были отмечены и барьеры, которые препятствуют социально предпринимательской деятельности НКО: *«Есть проекты, которые могут приносить доход, но нет специалистов, которые готовы стать менеджером данного проекта»* (Эксперт 12, Ж., 49 лет).

«Увеличивается объем бухгалтерской работы. Принимая во внимание наш ресурс, я очень сомневаюсь, что мы бы это потянули... Увеличивается работа, отчетность, количество отчетности перед проверками. Это тоже бумажная работа, которую просто нужно...я не говорю, что я не умею этого делать, но этому нужно уделить время» (Эксперт 17, Ж., 51 год).

В России разработан такой механизм бесплатного сопровождения предпринимательских проектов НКО, как социальный акселератор. Несмотря на

положительны опыт социального акселератора, была отмечена низкая жизнеспособность коммерческих проектов НКО на примере ЦРНО. Из двадцати проектов НКО – участников акселератора через год жизнеспособным оказался только один проект [2].

Отметим, что внесенные летом 2019 г. изменения в закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» вывели из правового поля социального предпринимательства некоммерческий сектор. В целях развития СП в среде НКО необходимо вносить изменения в другие законы (в ФЗ «О некоммерческих организациях», ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и др.). Среди барьеров СП для НКО можно отметить ограниченность внешних и внутренних ресурсов НКО; недостаток компетенций, отсутствие практических навыков реализации бизнес-проектов, отсутствие бизнес-мышления; этические сомнения («продавать – это стыдно»), неготовность целевой аудитории НКО к платным социальным услугам.

Список литературы

1. Аналитический центр ЦИРКОН. «Социальный предприниматель – 2018 Автопортрет». Отчет по результатам исследования (версия 3 от 10.09.18) http://www.zircon.ru/upload/iblock/4e7/socialnyj_predprinimatel_2018_avtoportret.pdf (дата обращения 25.10.2019)
2. Программа поддержки социального предпринимательства ЦРНО <http://spclub.crno.ru/sotsialnyiy-akselerator/> (дата обращения 25.10.2019)
3. Alvord, S.H., Brown, L.D., Letts, C.W. Social entrepreneurship and societal transformation // *Journal of Applied Behavioral Science*. 2004. № 40(3). pp. 260–282.
4. Kistruck, G., Beamish P. The Interplay of Form, Structure, and Embeddedness in Social Entrepreneurship // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2010. № 34 (4). pp. 735-761
5. Miller, T. L., Grimes M. G., McMullen J. S., Vogus T. Venturing for Others with Heart and Head: How Compassion Encourages Social Entrepreneurship // *Academy of Management Review*. 2012. № 37 (4). pp. 616-640.
6. Tan W.-L., Yoo S.-J. Social Entrepreneurship Intentions of Nonprofit Organizations // *Journal of Social Entrepreneurship*. 2015. Vol. 6, No. 1, pp. 103-125.

PRACTICE OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN NON-PROFIT ORGANIZATIONS: LIMITATIONS AND OPPORTUNITIES

The article is devoted to the study of social entrepreneurship in the non-profit sector. The article provides a review of foreign studies of social entrepreneurship, reveals little-studied aspects of social entrepreneurship. The data of in-depth interviews with the heads of non-profit organizations of the Volgograd region are analyzed in this paper; the limitations and opportunities of the non-profit sector in social entrepreneurship are noted in the interview. Heads of non-profit organizations call barriers to social entrepreneurship NGOs.

Keywords: social entrepreneurship, social entrepreneur, non-profit organization, non-profit (third) sector

УДК 261.7

П.Ф. Сироткин

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПАРАДИГМЕ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ

В последнее время идея гражданского единения становится одной из направляющих в идеологических схемах Российского государства. Сама идея гражданского единения берет свою основу в советской парадигме «советский народ», где обоснование социальной идентичности производилось исходя из классового принципа. В современной конструкции вместо идеологического компонента производится попытка заменить его духовно-нравственным компонентом, выполняющим, по мнению авторов конструкта, стабилизирующую и объединяющую роль. По мнению ряда идеологов, продвигающих парадигму гражданского единения, центральную роль духовно-нравственного компонента должна занимать религия.

Ключевые слова: гражданское единение, религиозный компонент, религия

Говоря о религиозном компоненте гражданского единения следует отметить значительную сложность рассматриваемого предмета и большую неоднозначность, как в общественном, так и в научном дискурсе.

Общественный дискурс дает нам несколько типовых точек зрения на значимость религиозного компонента гражданского единения, различные вариации которых можно обобщенно представить следующими высказываниями, взятыми из интервью жителей Пермского края, взятые из авторских исследований, проведенных в 2014-2015 годах в ответ на вопрос «Религия в большей степени объединяет или разобщает людей?»:

«Религия объединяет в том случае, когда человек с конкретным религиозным убеждением ощущает единство со своими единоверцами».

«Религия если и не разобщает, то не объединяет точно. Но я считаю, что это нормально. Потому что все люди разные».

«В мире происходят многочисленные разногласия между приверженцами разных вероисповеданий, что приводит к разобщению или противостоянию».

Говоря о научном дискурсе, мы видим еще более глубокую философскую проработку религиозного контекста вопросов единения.

Теоретическое обоснование понимания религии как фактора стабильности и интеграции общества разработано Толкоттом Парсонсом, одним из крупнейших социологов XX века. Однако эти выкладки говорят скорее об обществе монорелигии, либо об абстрактной религиозности, работающей на социальную интеграцию экономически и социально разных частей общества.

Анализ текстов современных российских ученых говорит скорее о отсутствии прямой взаимосвязи между гражданским единением и состоянием религиозной среды, все же некоторые тенденции уловить можно.

Так И.А. Арзуманов считает религиозный мотив по выработке гражданского единения сложно применимым [1]. Проблема заключается в том, что в условиях значительной поликонфессиональности общества религиозный фактор становится препятствием к гражданскому единению, так как в любой религиозной культуре сильны эгоистичные мотивы доктринальных основ религии. Проблема не соответствия

Можно пойти дальше и вспомнить одного из крупнейших социологов современности Никласа Лумана «тот, кто в общении ориентирован на истину (упорядочивающее средство для научного общения и научных текстов) не способен понять того, кто ориентирован на веру как ориентир религиозных текстов, но именно благодаря этому конститутивному размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не исключают из социума как слабоумных» [2, с.313].

По мнению С.А. Никольского первичными базовыми основаниями единения людей в национальном государстве выступают согласованная историческая память, идентично толкуемые ценности и смыслы культуры как регуляторы каждодневного бытия, разделяемые гражданами цели дальнейшего общественного развития. [3, с.26] Мы видим, что в этом случае понятие религиозности может быть проявлено в разряде ценностей.

По мнению С.Д. Лебедева с стране сложился «проправославный консенсус», при котором преобладающая направленность может быть охарактеризована как пассивно-одобрительная: люди в массе своей демонстративно-символически проявляют признаки позитивного отношения к

религии и в особенности к «православию», при этом дистанцируясь от того и другого в своих повседневных практиках [4].

Возможно, что как раз исходя из сложившейся тенденции проправлславного консенсуса мы можем говорить о религиозных аспектах гражданского единения. Наличие доминирующей религиозной субкультуры дает нам возможность размышлять о религии не как о сложно-структурированном социальном феномене, а как об традиционном элементе сложившегося общества, его морально-нравственной основе. В этом случае религиозной компонент общественной жизни существует безотрывно от самого общества, влияя на его стабилизацию и работая на гражданское единение. Фактически наличие сильного религиозного фактора моноконфессиональной направленности способствует упрочнению складывающихся в социальных отношениях, а также легитимизирует и освящает государственную идеологию любого содержания, в том числе и возможную идеологию гражданского единения. Подобная ситуация наблюдалась в 60-80-года XX века в Советском Союзе при попытке идеологически обосновать формируемую социальную общность «советский народ», используя в качестве освящающего и легитимизирующего фактора квазирелигию – коммунизм. Коммунизм имел все черты религиозного культа: «Святую Троицу» в лике Маркса-Энгельса-Ленина, «Патриарха»- генерального секретаря, «священнослужителей» – партактив, «богослужения» – партийные и комсомольские собрания, «крестные ходы» – демонстрации на праздники, а также «Рай – Царствие Господне» – коммунизм, который был где-то там, но или не в этой жизни, или в этой, но на определенном отдалении. Наличие этой квазирелигии служило идеологическим базисом всей советской действительности, формально единой. Однако события конца 80-х, начала 90-х показали, что расчет на прочность идеологии в сохранении гражданского единства советского народа не реализовались. Попытки сформировать новую парадигму единства общества привели власть к решению восстановить существовавшую в начале XX века формулу «Самодержавие, Православие, Народность» в немного видоизменной конструкции: «Сильное государство», «Традиционные религии на территориях с приоритетом Православия», «Опора на лубочную Историю».

Теоретически, гражданское единение, скорее социальный, а не экономический или правовой феномен, что позволяет говорить о возможной стабильности в социокультурной сфере общества. Единственное допущение, которое должно быть при оценке религиозного фактора при конструировании идеологии гражданского единения, это его моно или мультikonфессиональность. При примате монорелигиозности страны – религиозный фактор является одним из ведущих. В качестве примера можно

привести ведущее влияние Элладской православной церкви в Греции и Республике Кипр на единение населения этой страны, или Католическую церковь в Испании или Италии на формирование единой испанской или итальянской гражданской общности. В отличие от парадигмы «единения с властью», где потенциал любой религии или религий будет направлен на сакрализацию властной вертикали и установленных государством норм, и ценностей, а контакты между конфессиями будут полностью формализованы и сведены к минимуму, парадигма «гражданского единения», формируется из большого количества неформальных контактов по горизонтали, что подразумевает значительное влияние религиозного фактора на этот процесс. В мультиконфессиональном обществе каждая из конфессиональных ячеек религиозного пространства сакрализирует свой набор норм и ценностей, и далеко не всегда эти ценности и нормы разделяются другими религиозными структурами. Понимая это, можно предположить, что если разные религии создают отличные нормы и ценности, то уж религиозная мораль является единой для всех религиозных групп. Следовательно, даже в мультирелигиозном обществе у разных религий есть общий компонент – морально-нравственное состояние верующего, которое можно использовать в целях формирования принципов гражданского единения. Конечно, это особенность религии особенно сильна в доиндустриальных обществах, однако при наличии ряда факторов теоретически вполне может быть реализована и в современном обществе. Одним из факторов, несомненно является запрос на духовное саморазвитие личности. В Российской Федерации в последние годы по данным различных социологических агентств к верующим себя относят от 70 до 92% граждан. Наличие групп верующих в стране требует учета религиозного аспекта в процессе создания идеологии гражданского единения россиян.

Список литературы

1. Арзуман И.А. Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян . [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/religiozno-kulturnye-i-filosofsko-pravovye-aspekty-formirovaniya-grazhdanskogo-edineniya-rossiyan> (Дата обращения: 12.10.2019)
2. Антоновский Ю.А. Общество как общение и разобщение /Ю.А.Антоновский//Луман Н. Дифференциация: пер. с нем. Москва: Логос, 2006. 314 с
3. Никольский С.А. Современное российское самосознание, национальное единение и патриотизм /С.А. Никольский// Интегративная перспектива в гуманитарных науках. Пермь.: ПГАИК, 2014. №1. С. 25-35.

4. Лебедев С.Д. Проправославный консенсус в России начала XXI века как феномен религиозной ситуации. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propravoslavnyy-konsensus-v-rossii-nachala-xxi-veka-kak-fenomen-religioznoy-situatsii> (Дата обращения: 12.10.2019)

P.F. Sirotkin

RELIGIOUS COMPONENT IN THE PARADIGM OF CIVIC UNITY

Recently, the idea of civil unity has become one of the guiding ideological schemes of the Russian state. The very idea of civil unity takes its basis in the Soviet paradigm "Soviet people", where the justification of social identity was made on the basis of their class principle. In the modern design, instead of the ideological component, an attempt is made to replace it with a spiritual and moral component, which, according to the authors of the construct, performs a stabilizing and unifying role. According to a number of ideologists promoting the paradigm of civil unity, the Central role of the spiritual and moral component should be occupied by religion.

Keywords: civil Union, the religious component, the religion.

УДК 316.354:351/354

А.В. Старикова

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье раскрывается сущность и основные направления реализации государственной молодежной политики, через обзор и сопоставление нормативных документов. Вкратце излагается реализация молодежной политики на региональном уровне.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, направления, реализация

Молодежь в настоящее время – это капитал, стратегический ресурс для развития, совершенствования и сохранения общества. В содержании государственной молодежной политики она характеризуется как социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет со специфическими интересами и ценностями [1, с.2]

Молодому поколению уделяется значительное внимание, оно становится предметом обсуждения ученых разных сфер, политических деятелей, общественных структур и представителей власти. Необходимость особого отношения определяется спецификой ее положения в обществе, функций, которые она несет (ответственность за сохранение, развитие и преемственность историй и культуры поколений). Результатом таких дискуссий является

государственная молодежная политика, суть которой расширение возможностей для эффективной самореализации и адаптации молодежи, повышение ее потенциала для достижения устойчивого развития и конкурентоспособности, упрочение лидерских позиций на мировой арене [1]. Данная система мер является механизмом посредством, которого проходит самоактуализация молодых людей с учетом интересов общества и через взаимодействие молодежи с ним, различными социальными классами, группами и слоями, институтами.

Молодежная политика – это интеграция мер, программ и проектов в одно целое с усилением регулирующей роли современного государства [2, с.73] Она представляет собой совокупность различных официальных документов, декларации должностных лиц и иных высказываний представителей государства, которые отражают цели, задачи и мероприятия, проводимые в рамках государственной молодежной политики (далее ГМП).

Одним из основных документов по молодежной политике, определяющий направления ее развития является «Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года»» [1]. Он отражает актуальное состояние и проблемы общества, а также, следовательно, приоритетные задачи, направления деятельности и механизмы, нацеленные на максимизацию потенциала молодого поколения в различных сферах. Основные направления, согласно документу, ориентированы на формирование ценностных систем, мировоззрения молодежи, а также создание условий для развития ее потенциала и реализации его в социально-экономической среде. Поддержка молодых семей, создание условий для их формирования и поддержания является еще одним важным направлением деятельности и реализации ГМП.

В «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года» [3] целью является определить приоритеты государственной политики в области воспитания и социализации детей. Основные ее положения нацелены на развитие социальных институтов воспитания (семья, образование, СМИ, культура и наука), на обновление и совершенствования воспитательного процесса (гражданское и патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, трудовое воспитание, экологическое воспитание, физическое развитие и культура здоровья). В.В.Путин акцентирует внимание на развитии духовно-нравственное воспитание и ценностей. Результатом чего является координационный центр для созданий контента отвечающего поставленной задаче [4].

Таким образом, цели «Стратегии развития воспитания» направлены преимущественно на формирование потенциала молодежи, а «Основы государственной молодежной политики» акцентируют внимание на мотивации

и формах деятельности, ориентированной на использовании ресурсов и возможностей в разных сферах.

Мероприятия и проекты ГМП являются результатом ее реализации и отражают ее мотивации, цели и стратегии. В «Плане мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» [5]. Можно отметить группы мероприятий по модернизации нормативно-правового регулирования молодежной политики, по формированию системы ценностей и условий для воспитания и развития молодого поколения, по созданию условий для молодых семей, по развитию в просветительской деятельности. В стране активно реализуются такие мероприятия и проекты, как «Лидеры России», «Доброволец России», «Мой первый бизнес», «Профстажировка», платформа «Россия – страна возможностей». Данные мероприятия являются механизмом достижения цели молодежной политики – совершенствование условий для самореализации молодежи, раскрытие ее потенциала для развития общества и повышения роли социальной группы в жизни страны [1].

Патриотический настрой, и воспитание является еще одним направлением Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 годы». Она ориентирована на формирование патриотического сознания и совершенствование патриотического воспитания граждан. В настоящее время данную функцию выполняет организация «Юнармия», созданная Сергеем Шойгу [6]. В её основе лежат принципы военно-патриотической активности, уважения к культуре и истории, товарищеских отношений.

На государственном уровне молодежной политики можно выделить следующие направления ее развития: формирование системы ценностей (культуры, семьи, развития, здоровья, безопасности, труда и т.д.), создание условий для реализации своих возможностей и потенциала (просветительское воспитание, профессиональное, патриотическое), совершенствования и формирование институтов воспитания. Они ориентированы не только на молодое поколение, а также на общество в целом для формирования его устойчивого положения и развития.

Упорядочивание и совершенствовании молодежной политики на региональном уровне, то есть создание структур по работе с молодежью на территории отдельных субъектов, является важным фактором эффективности ГМП, чему уделяет внимание и руководитель Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодѣжь) Александр Бугаев [7]. Так, в Пермском крае одним из основных акцентов, согласно «Методическим рекомендациям по организации работы органов исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления, реализующих государственную молодежную политику» [8], является организация инфраструктуры и их управленческой функции в сфере

реализации государственной молодежной политики. Основные направления деятельности, нацеленные непосредственно на молодежь, выражаются через обязанности и предоставляемые услуги субъектом РФ. Таким образом, функция региона направлена на организацию мероприятий досугового, интеллектуального, творческого, профессионального или профилактического характера.

Итак, из всего этого следует, что эффективная реализация ГМП обеспечит рост молодежи, нацеленной на положительные рациональные действия, то есть, так которая ведет здоровый образ жизни, занимает активную жизненную позицию, работает над своим профессиональным личностным и духовным развитием, с развитым духом патриотизма, готовая защищать свои интересы и государства (общества) для последующего его развития.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года»//[Электронный ресурс].URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (Дата обращения 03.11.2019)

2. Меркулов П.А. Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики//Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). С.69-75

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». // [Электронный ресурс].URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (Дата обращения 10.11.2019)

4. Филипенко А. Путин поручил исследовать поведение молодежи в интернете. // РБК.2019. [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/society/17/10/2019/5da787c19a794750cc06280f> (Дата обращения 04.11.2019)

5. Распоряжение Правительства РФ от 12.12.2015 №2570-р (ред.от 28.07.2017) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года»//[Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/104671/> (Дата обращения 10.11.2019)

6. Смитюк Ю. Шойгу: основная задача «Юнармии» воспитать патриотов РФ, а не военных. // ТАСС.2019. [Электронный ресурс].URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3321648> (Дата обращения 11.11.2019)

7. Александр Бугаев: регионам нужны свои органы по работе с молодежью. // РИА Новости.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170418/1492470541.html> (Дата обращения 04.11.2019)

8. Приказ Росмолодежи от 13.05.2016 N 167 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, реализующих государственную молодежную политику». // [Электронный ресурс].URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosmolodezhi-ot-13052016-n-167-ob/> (Дата обращения 11.11.2019)

A.V. Starikova

DIRECTIONS OF ACTIVITY OF THE STATE YOUTH POLICY OF RUSSIA

The article reveals the essence and main directions of implementation of the state youth policy through comparison of its normative documents. The implementation of youth policy at the regional level is briefly outlined.

Key words: youth, state youth policy, directions, implementation.

УДК 304.3

A.C. Суворова

СТРАТЕГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Актуальность заключается в изучении влияния Интернета как новой реальности, в которой формируются и укрепляются многообразные формы потребительского поведения студенческой молодежи. Само потребление уже значительно технологизировалось и продолжает меняться под действием инноваций. В статье проанализированы особенности потребительского поведения молодежи в интернет-среде. Автор приходит к выводу, что молодежь отличает комбинированный способ потребления, совмещающий анализ рынка товаров через интернет-источники, оформление покупки и получение товара в оффлайн-режиме. Среди факторов, мотивирующих молодежь покупать онлайн, были выделены: ориентация на выгодное предложение, ориентация на мобильное потребление, ориентация на большой выбор товара.

Ключевые слова: потребительское поведение, молодежь, интернет-магазин, интернет-среда

Сегодня целые сферы повседневной человеческой деятельности оказались перенесены в информационное пространство интернета. В частности, значительные изменения претерпели практики потребительского поведения. Интернет масштабно и ускоренно формируется как рынок товаров и услуг, а

молодёжь, как социальная группа, которая обладает быстрым реагированием на социальные изменения, высокой социальной мобильностью и глубокой социальной дифференциацией, чувствует себя в нём уверенным пользователем.

Вследствие этого, реклама, СМИ, PR и, в целом, большой пласт коммерческой стороны Интернет – жизни нацелен именно на студенческую молодёжь, её интересы, запросы и потребности [3, 140]. Именно поэтому возрастает необходимость изучения Интернета как новой реальности, в которой формируются и укрепляются многообразные формы и особенности потребительского поведения студенческой молодёжи.

Потребительское поведение является сложной формой взаимодействия между людьми, основой которой становится не столько удовлетворение бытовых потребностей, сколько потребление в рамках систем культуры. В то же время — это активная социальная деятельность индивида, которая протекает до совершения покупки, во время покупки и, собственно, после совершения покупки [2, 154]. Это особый феномен, который характеризуется такими чертами, как вариативность предлагаемых товаров и услуг, конструирование личности через потребительские практики, ориентация на престижное потребление, взаимодействие на основе рыночного обмена [1, 12].

Целью данного исследования является анализ потребительского поведения студенческой молодежи г. Екатеринбурга в интернет-среде. Опираясь на результаты социологического исследования, мы определили специфику потребления студенческой молодежи и выделили факторы, влияющие на ее потребительское поведение.

Эмпирической базой исследования послужили материалы проведенного автором статьи социологического исследования методом онлайн-опроса, которое было проведено в декабре 2018 года. Выборка исследования составила 170 человек, отобранных на основе потоковой выборки (разновидность интернет – выборки).

Автором была определена целевая аудитория, обладающая такими отборочными характеристиками как возраст от 14 лет и старше, и наличие опыта покупок в интернет-магазинах, с помощью техники самоотбора, основанной на согласии интернет пользователей принять участие в исследовании. Обработка массива данных осуществлена с помощью программы «Vortex».

Материалы опроса показали, что молодые люди совершают интернет-покупки, в основном, один раз в полгода (39 %) или один раз за 1–3 месяца (29 %). Однако посещение интернет-магазина не всегда сопровождается покупкой: наиболее предпочтительным становится использование интернет-каталогов с целью знакомства с ценами и ассортиментом (55% респондентов делают это регулярно).

Однако перед потребителем встает вопрос о доверии к интернет-посредникам. Так, системам оплаты товара доверяет половина опрошенных (55%), треть молодых людей (32%) относится нейтрально, остальные – не доверяют. Услугам почты доверяет треть опрошенных (39%), каждый второй – относится нейтрально (51%), остальные – не доверяют. Чтобы избежать болезненные моменты посредничества, студенты чаще всего забирают интернет-покупки самостоятельно с ближайшей точки выдачи.

Потребительское поведение студенческой молодёжи обусловлено рядом факторов, которые напрямую связаны с аспектами социокультурными и социально-демографическими характеристиками студенчества как социальной группы.

Именно Интернет-пространство, наряду с объективными факторами социальной среды, формирует установки и запросы молодых людей, обеспечивая, при этом, доступ к огромному перечню товаров и услуг по всему миру, будучи универсальной и общедоступной площадкой.

Таким образом, на первый план выходит комбинированный способ потребления, совмещающий анализ рынка товаров через интернет-источники (анализ цен и предложений, поиск информации о товаре, проверка наличия), оформление покупки (бронирование/совершение предварительной оплаты, быстрая онлайн-оплата) и получение товара непосредственно на оффлайн-рынке, что позволяет существенно минимизировать риски, связанные с интернет-посредниками.

Помимо этого, выявлены основные факторы, мотивирующие молодежь покупать онлайн, среди них: ориентация на выгодное соотношение цены и качества, ориентация на мобильное потребление, ориентация на большой выбор товара.

Исследование проведено при поддержке проекта «Мой первый грант» Уральского гуманитарного института (Уральский федеральный университет).

Список литературы

1. Алешина И. В. Поведение потребителей: Учебное пособие для вузов / И. В. Алешина. – М.: Фаир-Пресс, 2000. 384 с.

2. Банникова Л. Н. Потребление как общесоциологическая категория: предметное поле и основные аспекты анализа / Л. Н. Банникова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2007. — N 51, вып. 3. С. 154-167.

3. Цыбулька А.М. Проблемы ценностных ориентаций современной российской молодёжи в изменяющейся социокультурной среде. Система ценностей современного общества. – 2014. – №33. – С. 140.

A.S. Suvorova

YOUTH CONSUMPTION STRATEGIES ON THE INTERNET

The relevance lies in the study of the influence of the Internet as a new reality in which diverse forms of consumer behavior of student youth are formed and strengthened. Consumption itself has already been significantly technologicalized and continues to change under the influence of innovation. The article analyzes the features of youth consumer behavior in the Internet environment. The author concludes that young people are distinguished by a combined method of consumption, combining the analysis of the market for goods through online sources, checkout and receiving goods offline. Among the factors motivating young people to buy online, were highlighted: orientation to a profitable offer, orientation to mobile consumption, orientation to a large selection of goods.

Key words: consumer behavior, youth, online store, online environment

РАЗДЕЛ 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

УДК 311.3/.4

Г.Б. Аслямова

ОНЛАЙН-БАЗЫ ВТОРИЧНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ: КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ НАЧИНАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Анализ данных – это необходимое условие познания современного общества. Наиболее оптимальный и распространенный способ анализировать данные – базы вторичных данных, с помощью которых можно проанализировать, сгруппировать, выявить причины и тенденции процессов и явлений, происходящих в обществе.

Ключевые слова: база вторичных данных, исследования, социологические данные, интернет-ресурс

База вторичных данных – это инструмент научных исследований, позволяющий сгруппировать, проанализировать, составить некий прогноз и наглядно рассмотреть процессы, происходящие в обществе. База вторичных данных – необходимое средство изучения современности, без которого не может обойтись ни один человек, связанный с изучением групп людей, общества, и мира в целом.

Анализируя наиболее распространенные базы данных, можно выделить определенные положительные и отрицательные стороны каждой из них, и, относительно полученных результатов, – выбрать оптимальные варианты, которые имеют набор данных, необходимый для полного и детального анализа общества.

Рассмотрим наиболее известные базы вторичных социологических данных.

«Единый архив экономических и социологических данных (ЕАЭСД) – это ресурс, который обеспечивает свободный и открытый доступ к результатам эмпирических исследований в сфере наук об обществе. Данный архив был основан в 2000 году и в настоящее время включает в себя более 1600 массивов социологических исследований и более 125 временных рядов основных показателей российской экономики». ЕАЭСД обеспечивает сохранность данных исследований РФ и иностранных источников (около 10%) в соответствии с принятыми международными стандартами, позволяет исследователям включить

результаты своей работы в сферу международного научного сообщества, скачать необходимые базы экономических и социологических данных [3].

Статистика СНГ – база данных, предоставляющая информацию по внутри- и внешнеэкономической деятельности стран СНГ, социально-демографической ситуации внутри них. За 1992-2018 гг. Статкомитет СНГ подготовил 631 методологическую работу и рекомендацию, большинство из которых, были опубликованы отдельными брошюрами или в статистическом бюллетене «Статистика СНГ» Статкомитета СНГ. Основная деятельность Статкомитета СНГ заключается в доступе к информации по таким показателям, как: макроэкономическая и финансовая статистика, статистика цен, международные стоимостные сопоставления стран Содружества, статистика внешнеэкономической деятельности, производства и предпринимательства, социально-демографическая статистика, экономические классификации и статистический инструментарий [5].

«Европейское Социальное Исследование (European Social Survey / ESS) – это многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения. ESS был основан в 2001 году. На сегодняшний день доступны для анализа данные восьми волн – 2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014 и 2016 годов. 9-я волна была проведена осенью 2018 года и данные станут доступны по всем странам (включая Россию) осенью 2019 года. Сбор данных происходит каждые два года в большинстве европейских стран (с 2006 года – РФ), выборка составляет 1500-3000 интервью в каждой стране. Принципы волн: единые методы построения выборки, сбора информации, организации и обработки данных». Применяется наиболее совершенная современная методика в области массовых опросов.

Что касается целей ESS, то здесь можно выделить три основные цели:

- описать и объяснить изменения, происходящие сегодня в моральном, социальном и политическом климате в Европе;
- показать возможности применения и распространить стандарты строго научного подхода и методологии в области измерения установок в сравнительных исследованиях;
- способствовать более интенсивному использованию социальных показателей и показателей, которые измеряют установки и ценности, наряду с более распространенными экономическими показателями [2].

Всемирное исследование ценностей (World Values Survey) – исследования изменения ценностей людей и их влияния на социальную и политическую жизнь. WVS основан в 1981 году и специализируется на национальных опросах, проводимых в 87 странах (включая РФ), которые содержат почти 90% населения мира. Всемирное исследование ценностей – это крупнейшее некоммерческое,

межнациональное исследование временных рядов человеческих убеждений и ценностей, когда-либо выполненное, которое в настоящее время включает интервью с почти 400 000 респондентами. Кроме того, WVS является единственным академическим исследованием, охватывающим весь спектр глобальных вариаций, от очень бедных до очень богатых стран, во всех основных культурных зонах мира [8].

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ – интернет-ресурс, который содержит в себе информацию по социально-экономическим показателям Российской Федерации: «структура доходов и расходов, материальное благосостояние, работа и миграционное поведение, здоровье и структура питания, образовательное поведение и досуг». Опросы для сбора данных строятся «на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области». Благодаря значительной панельной составляющей, есть возможность не только для статистического анализа, но и для динамического. На данный момент НИУ ВШЭ с 1994 года (ежегодно) проведено 27 волн (на 2018 год) [4].

Общее социальное исследование в США (General Social Survey / GSS) – это единственный полномасштабный опрос на основе личного интервью, предназначенный для отслеживания изменений, как в социальных характеристиках, так и в установках, которые в настоящее время происходят в Соединенных Штатах. На протяжении более чем четырех десятилетий GSS изучало растущую сложность Американского общества. В настоящее время General Social Survey продолжает собирать данные о современном американском обществе, чтобы отслеживать и объяснять тенденции и константы в отношениях, поведении и атрибутах [6].

Международная программа социального исследования ISSP – это программа межнационального сотрудничества, проводящая ежегодные исследования по различным темам, имеющим отношение к социальным наукам. Сюда относятся: роль правительства, социальные сети, социальное неравенство, семья и изменение гендерных ролей, религия, национальная идентичность, окружающая среда, досуг и спорт, здоровье и здравоохранение. Исследования проводятся в 42 странах (включая РФ). Данная программа была основана в 1984 году и, с момента своего основания, в опросах ISSP приняло участие более миллиона респондентов. Что касается методологии исследований, методологический комитет координирует работу шести групп, занимающихся различными областями кросс-культурных методов, причем все они занимаются вопросами эквивалентности: демография, отсутствие ответов, утяжеление, эффекты режима, анкетирование, перевод [7].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) – старейший российский исследовательский институт. Он был основан в 1987 году, и, начиная с 1990 года, «провел около 1000 регулярных всероссийских репрезентативных опросов («омнибусов») (до 2005 г. такие опросы проходили ежемесячно, затем еженедельно, а начиная с января 2017 г. – ежедневно)». ВЦИОМ предоставляет информацию о состоянии и динамике социального развития, общественного мнения, массового сознания и поведения, характерных для различных социальных групп населения и территориальных общностей. К основным направлениям исследования всероссийского центра изучения общественного мнения можно отнести: политические, социальные и маркетинговые исследования, исследования брендов, мультимедийные исследования, экспертиза объектов интеллектуальной собственности, финансы и страхование, научные проекты[1].

Необходимо также отметить, что к некоторым из вышеупомянутых интернет-ресурсов имеется свободный доступ, а некоторые, такие базы вторичных данных, как ЕАЭСД, ESS, WVS, НИУ ВШЭ, GSS, ISSP, – требуют пройти несложную регистрацию, с целью дальнейшего скачивания баз данных, или же расширения возможностей действий на сайтах.

Интернет-ресурсы ЕАЭСД, GSS, WVS имеют дополнительные возможности анализа данных: на них можно произвести одномерный частотный анализ он-лайн, построить различные графики, диаграммы, прогнозы, и, тем самым, еще находясь на ресурсе, получить необходимый срез информации по проблеме, скачав уже обработанные данные.

На основе рассмотренных баз данных, их методологии, охвата, предоставляемой информации, можно сделать вывод, что каждая из них – уникальна: она имеет определенную цель, принципы, методологию, – свою особую концепцию. Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу, что нельзя выбрать одну оптимальную базу данных, так как каждая из них решает определенные проблемы, предоставляет доступ к данным, необходимым в конкретной ситуации. Одна база данных может не иметь тот массив данных, который представлен в другой, и наоборот. Но можно оперировать ими в зависимости того, какую цель преследует искатель информации.

Список литературы

1. О компании // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/about/aboutus/> (Дата обращения: 21.10.2019)
2. Главная: Европейское Социальное Исследование // Европейское Социальное Исследование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (Дата обращения: 21.10.2019)

3. Об архиве – ЕАЭСД // Единый Архив Экономических и Социологических данных [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/arch_about.shtml (Дата обращения: 21.10.2019)

4. Описание проекта – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/rlms/project> (Дата обращения: 21.10.2019)

5. Методологические работы Статкомитета СНГ // Межгосударственный Статистический Комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.com/rus/methodlist.htm> (Дата обращения: 21.10.2019)

6. О компании GSS/NORC // GSS General Social Survey NORC [Электронный ресурс]. URL: <http://gss.norc.org/About-The-GSS> (Дата обращения: 21.10.2019)

7. Международная Программа Социальных Исследований // International Social Survey Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://www.issp.org/menu-top/home/> (Дата обращения: 21.10.2019)

8. Who we are // World Values Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (Дата обращения: 21.10.2019)

G.B. Asliamova

ONLINE DATABASES OF SECONDARY SOCIOLOGICAL DATA: A BRIEF GUIDE TO A BEGINNING RESEARCHER

Data analysis is a necessary condition for knowing modern society. The most optimal and common way to analyze data is secondary databases, with which you can analyze, group, identify the causes and trends of processes and phenomena occurring in society.

Key words: secondary data base, research, sociological data, Internet resource

УДК 316.33

А.С. Дубровина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье обосновывается необходимость социологического изучения здоровья населения современной России. С позиции социологической науки уточняется понятие отношение к здоровью. Систематизируются элементы этой категории в отечественной

социологии. На основе анализа определений выделены ключевые из них: оценка здоровья, удовлетворённость здоровьем, деятельность по отношению к здоровью, место здоровья в системе ценностей. Опираясь на интерпретацию отношения к здоровью отечественных исследователей, предлагается авторское определение данной категории.

Ключевые слова: здоровье, отношение к здоровью, структура отношения к здоровью

В настоящее время проблема здоровья населения находится в центре социологического дискурса. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, демографические показатели в стране ухудшаются. По данным Росстата, в период с 2014 по 2016 гг. общий коэффициент смертности стабильно сохранялся на высоком уровне: для женщин он варьировался от 14 до 14,4 (умершие на 1 тыс. человек), для мужчин – от 11,9 до 12 (умершие на 1 тыс. человек) соответственно [4, с. 20]. Кроме того, в РФ отмечается рост заболеваемости среди населения. Эта динамика отражена в следующих цифрах: в 2015 году количество зарегистрированных заболеваний было на 8172,1 выше чем в 2010, в 2016 – на 2736 выше чем в предыдущем году. [4, с. 29].

Во-вторых, в настоящее время отмечается обострение ситуации с распространением алкоголизма и наркомании. Так, в 2016 году 64,7 человек на 100 тысяч были взяты под диспансерное наблюдение с диагнозом алкоголизм, в этом же году 176,8 человек на 100 тысяч состояли на учёте с диагнозом наркомания [4, с. 47]. Высокие показатели смертности и заболеваемости населения РФ во многом свидетельствуют о низком уровне санитарно-гигиенической культуры граждан, а также неблагоприятной ситуации с поведенческими практиками людей в отношении здоровья.

В-третьих, ситуация в сфере здравоохранения не в полной мере способствует формированию устойчивых практик самосохранительного поведения населения. Например, система здравоохранения в России в фактически не несёт ответственности за здоровье отдельного гражданина, перекладывая эту ответственность на него. Люди оказались неготовыми к этим изменениям, поскольку не знали, как адаптироваться к новой ситуации [3, с. 4]. Всё вышеперечисленное в совокупности обуславливает актуальность изучения проблемы здоровья в настоящее время.

В середине прошлого века научное сообщество пришло к пониманию ограниченности рассмотрения здоровья только лишь с точки зрения медицинских наук. Социальная обусловленность здоровья, мотивы поведения индивидов по отношению к здоровью – эти и другие аспекты сделали здоровье предметом социальных наук.

Отношение к здоровью – одна из ключевых категорий социологии здоровья. Это понятие отражает связь личности с обществом: отношение к

здоровью формируется на основе ценностей и норм, принятых в обществе, а выражается, в свою очередь, через конкретные действия индивида, направленные на сохранение или ухудшение здоровья.

Разные авторы представляют свои определения этой категории. В научной среде до сих пор не существует единого мнения относительно того, какое из определений является наиболее точным. Анализ социологической литературы позволит нам систематизировать и обобщить определения отношения к здоровью, а также на этой основе представить своё видение данной категории.

Среди исследователей, рассматривающих отношение к здоровью, можно отметить И. В. Журавлёву. Она даёт следующее определение: «Мы определяем отношение к здоровью как сложившуюся, на основе имеющихся у индивида знаний, оценку собственного здоровья, осознание его значимости, а также действия, направленные на изменение состояния здоровья» [3, с. 22]. В основу своего определения учёный кладёт несколько показателей, определяющих данную категорию. Среди них самооценка здоровья, его место в системе ценностей, удовлетворённость здоровьем, а также конкретные действия, направленные на заботу о здоровье. По мнению исследователя, эти действия заключаются, во-первых, в сохранении здоровья (например, превентивное поведение, лечение) и в его совершенствовании (способность организма адаптироваться к меняющейся среде). То есть, отношение к здоровью заключается в выборе определённой стратегии поведения по отношению к нему, основой для которого служат ценностные установки индивида, сформированные на основе социальных.

Другой исследователь, М. В. Димов, представил своё определение категории отношения к здоровью: он понимает его как социокультурный феномен, «который представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей, а также определённую оценку индивидом физического и психического состояния» [1, с. 179]. В этом определении сделан акцент на связи личности с социальной реальностью, подчеркнул зависимость отношения к здоровью от социальных явлений. Эта зависимость проявляется в том, что социальные явления выполняют определённые функции по отношению к здоровью индивида: одни из них способствуют улучшению здоровья, а другие – несут для него угрозу.

Г. Ю. Козина понимает отношение к здоровью через эмоциональные компоненты, а также через действия по отношению к здоровью. По её мнению, «отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на физическое и душевное

благополучие» [6, с. 71]. Учёный выделила типы отношения индивида к здоровью: самосохранительный, разрушительный и равнодушный. Этим типам соответствуют действия, предпринимаемые индивидом. Например, для первого типа характерна забота о собственном здоровье, руководство принципами здорового образа жизни. Второй тип, напротив, характеризуется действиями разрушительного характера, среди которых зачастую фигурируют вредные привычки (курение, употребление алкоголя и наркотиков, неправильное питание и т.д.). Третий тип предполагает отсутствие каких-либо действий по отношению к здоровью, что, как правило, приводит к негативным последствиям для здоровья.

Похожих взглядов придерживается О. Ю. Камакина. Структура отношения к здоровью, по её мнению, состоит из четырёх взаимосвязанных компонентов: деятельностного, ценностного, когнитивного и эмоционально-волевого [5]. Также она выделяет два типа отношения к здоровью индивида – самосохранительный и рискованный. Первый тип характеризуется направленностью на сохранение и поддержание здоровья, способствует адаптации индивида к меняющимся условиям окружающей среды. Второй, противоположный первому тип, препятствует сохранению и поддержанию здоровья, долгой продолжительности жизни, мешает адаптации к условиям окружающей среды. Данная типологизация отношения к здоровью основана на действиях индивида негативного и позитивного характера. Исходя из этого, можно сказать, что деятельностный компонент является ключевым. В свою очередь, деятельность по отношению к здоровью определяется ценностями индивида. Индивидуальные ценности формируются на основе общественных. Эта взаимосвязь показывает важность рассмотрения отношения к здоровью именно в социальном контексте.

А. И. Фёдоров определяет отношение к здоровью через следующие элементы: самооценка здоровья, медицинская информированность, ценностные установки и деятельность человека по отношению к здоровью [7, с. 91]. Самооценка здоровья определяет и регулирует поведение по отношению к здоровью: индивид действует исходя из того, на каком уровне он оценивает своё здоровье. Медицинская информированность проявляется в наличии знаний и навыков оказания первой помощи, лечения и профилактики распространённых заболеваний и т.д. Ценностные установки индивида формируются на основе социальных, в том числе через институты, которые прививают определённые ценности в отношении здоровья и здоровьесберегающего поведения (семья, образование, государство, СМИ и т.д.). Поэтому можно сказать, что данное определение также подчёркивает социальный характер категории отношение к здоровью.

На основе анализа определений отношения к здоровью отечественных исследователей, представляется возможным систематизировать их и выделить из них ключевые элементы данной категории (см. табл.).

Таблица

Сущность категории отношение к здоровью и её ключевые элементы

Автор	Определение	Ключевые элементы
И. В. Журавлёва	Сложившаяся на основе имеющихся у индивида знаний оценка собственного здоровья, осознание его значимости, а также действия, направленные на изменение состояния здоровья	оценка здоровья; эмоции по отношению к здоровью (удовлетворённость); деятельность по отношению к здоровью; место здоровья в системе ценностей
М. В. Димов	Социокультурный феномен, представляющий собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, угрожающих здоровью людей, а также определённую оценку индивидом физического и психического состояния	
Г. Ю. Козина	Отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на физическое и душевное благополучие	
О. Ю. Камакина	Структура отношения к здоровью состоит из деятельностного, ценностного, когнитивного и эмоционально-волевого компонентов	
А. И. Фёдоров	Отношение к здоровью определяется через самооценку, медицинскую информированность, ценностные установки и деятельность человека по отношению к здоровью	

Итак, на основании рассмотренных определений отечественных исследователей, можно определить данную категорию следующим образом: отношение к здоровью – социальный феномен, выражающийся в конкретных

действиях, предпринимаемых индивидом относительно своего здоровья, в основе которых лежит оценка собственного здоровья, удовлетворённость им и занимаемое место в системе ценностей.

Представляется важным продолжать изучать категорию отношение к здоровью для более глубокого понимания её структуры и факторов. Кроме того, важно фиксировать изменения в отношении к здоровью со стороны населения для того, чтобы понимать, каким образом на практике реализовывать меры, направленные на здоровьесбережение населения.

Список литературы

1. Димов М.В. Здоровье как социальная проблема // Социально-гуманитарные знания, 1999. №6. С. 170-185.
2. Журавлёва И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. С. 238.
3. Журавлева И.В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Ин-т социологии РАН. – Москва, 2005. С. 46.
4. Здоровоохранение в России. 2017: Стат.сб./Росстат. – М., 2017. С. 170.
5. Камакина О.Ю. Отношение к здоровью детей младшего школьного возраста и их родителей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. С. 26.
6. Козина Г.Ю. Концептуальная модель воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека. // X Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2008. С. 69-83.
7. Федоров А. И. Отношения подростков к здоровью: социологический анализ // Образование и наука. 2008. №1 (49). С.91-96.

A.S. Dubrovina

DEFINITION OF CATEGORY ATTITUDE TO HEALTH IN DOMESTIC SOCIOLOGY

The article substantiates the need for a sociological study of the health of the population of modern Russia. The concept of attitude to health is clarified from the perspective of sociological science. The elements of this category in domestic sociology are systematized. Based on the analysis of definitions, their key ones are identified: health assessment, satisfaction with health, activity in relation to health, the place of health in the value system. Based on the interpretation of the attitude to the health of domestic researchers, the author's definition of this category is proposed.

Keywords: health, attitude to health, health attitude structure

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРИИ СЕТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ

В статье анализируется влияние социальных сетей, т.е. социального окружения, на здоровье индивида. Описываются несколько подходов для объяснения этого влияния на микроуровне. Рассматриваются методологические основания теории сетей М. Грановеттера для исследования социальных сетей как фактора здоровья.

Ключевые слова: социальные сети, здоровье, теория сетей

На сегодняшний день ведущую роль в определении здоровья отводят социальным факторам, указывая, что удельный вес их влияния составляет 50-55% от общей совокупности факторов здоровья [2]. Все социальные факторы тесно связаны между собой и находятся под воздействием социальных условий. На микроуровне таковыми условиями является социальное окружение или социальные сети как реальные контакты индивида.

В научной литературе предлагается несколько подходов для объяснения влияния социальных сетей на здоровье индивида. В первом случае акцент делается на том, что индивид имеет возможность извлекать из социальных сетей, в которые он включен, различные ресурсы (психологические [5], материальные и информационные [7] и др.) необходимые для поддержания и восстановления здоровья [4]. Второй подход указывает, что социальные группы с сильными внутренними связями способны воздействовать на индивидуальное поведение в сфере здоровья [8] и эффективно использовать неформальные санкции в случае реализации членами группы девиантного поведения [9], снижая, тем самым, индивидуальные и социальные риски здоровью. Третий подход описывает изменение физиологических параметров (кровяного давления, уровня гормонов, например, окситоцина) у индивидов с различной степенью включенности в социальные интеракции.

Результаты авторского исследования в качественной традиции¹ подтвердили высокий потенциал влияния сетей в решении вопросов обусловленности здоровья, однако для выявления и описания статистической связи и ее характера необходимо проводить исследование в позитивистской парадигме. В качестве методологического основания для исследования

© Елисеева С.Ю., 2019

¹ Авторское социологическое исследование, выполненное методом глубинного интервью с работниками системы образования г. Пермь (объем выборочной совокупности n=12 человек, способ отбора информантов: критериальный отбор). Полевой этап проводился в феврале-марте 2018 года.

социальных сетей как фактора здоровья предлагается рассмотреть возможность использования теории сетей М. Грановеттера. Исследователь выделяет две функции социальных сетей для индивида: во-первых, сети формируют или ограничивают поведение индивида, во-вторых, индивиды для достижения определённых задач могут манипулировать этими сетями. Такие функции укладываются в классификацию подходов влияния социального окружения на здоровье.

Для изучения социальных сетей индивида М. Грановеттер предлагает использовать три показателя: 1) плотность социальных контактов, 2) сила связи, 3) структура социальной сети. Первый показатель – плотность сети характеризуется «отношением количества наблюдаемых связей в сети, сформированной субъектом и его друзьями, к числу всех возможных связей» [1]. Исследователь предлагает разделять сети на 1) туго связанная сеть (*close-knit network*), когда друзья индивида знакомы между собой, и 2) свободно связанная сеть (*loose-knit network*), когда не знакомы. Кроме этого, в одной социальной сети могут быть области с разной плотностью, т.е. существует эффективно действующая сеть (*effective network*), при которой индивид, как правило, взаимодействует с теми, кто знаком между собой, при обратной ситуации – это расширенная сеть (*extended network*). Для решения вопросов здоровья значимой может оказаться именно туго связанная сеть, где члены сети знакомы между собой и имеют большую вероятность образовать группу с сильными связями, которая позволит индивидам внутри группы формировать здоровьесохранные практики и поддерживать друг друга в реализации этих практик. Высокая плотность сети обеспечивает реализацию первой функции – формирование или ограничение поведения индивида.

Реализация второй функции сетей зависит от второго и третьего показателей. Сила связи, по мнению М. Грановеттера, это «комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (*emotional intensity*), близости или взаимного доверия (*confiding*), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» [1]. Выделяется три типа силы связи: сильная связь, слабая связь и отсутствующая связь, отдельно выделяются связи-мосты. Сильная связь характеризуется высокой плотностью, наличием прямых контактов, сосредоточенностью членов сети внутри одной группы и частотой («по крайней мере два раза в неделю») совместно проведенного времени (*larger time commitments*). Наличие в сети косвенных контактов, меньшая плотность сети объясняют слабую связь, так как члены сети распределены по другим группам и связаны с теми, с кем не связан сам субъект сети. Связи-мосты соединяют членов различных малых групп и являются каналами, по которым передается информация от одной социальной сети к другой. Мостами чаще всего

выступают слабые связи, хотя и «сильная связь может являться мостом, только если ни у одной из ее сторон нет каких-либо других сильных связей, что маловероятно для любой социальной сети независимо от ее размера (хотя возможно для какой-то малой группы)» [1].

В существующих исследованиях социальной обусловленности здоровья подчеркивается значимость именно сильных связей для индивида [3], так как эти контакты способны и готовы обеспечить индивида большим количеством ресурсов, а индивид готов их принять вследствие высокого уровня доверия к ним. Однако М. Грановеттер отмечает, что большее значение для индивида оказывает структура его социальной сети, нежели плотность сети или сила связи. Например, при решении вопросов со здоровьем индивиды начинают встраивать «цепи социальных отношений» (с точки зрения теории сетей – «мосты») при поиске учреждений и специалистов в сфере медицины¹. Это связано с тем, что сильные связи подвержены исчерпаемости ресурсов внутри групп, тогда как слабые связи, будучи элементами другой сети, имеют доступ к информации, которой другая сеть может не располагать. Отсюда следует важный тезис о силе слабых связей, которые выступают важным источником мобильности. Социолог указывает, что, «чем меньше у субъекта непрямых контактов, тем более ограниченными будут его знания о мире» [1]. Кроме этого, слабые (косвенные) связи оказывают влияние на ресурсы, которые предоставляют сильные (прямые) связи, так как информация от последних зависит, в первую очередь, от того, кем являются их знакомые, что также оказывается немаловажным в решении вопросов здоровья.

Интересно, что существует и обратная связь здоровья и социальных сетей, описанная в исследованиях американских ученых из Корнелльского университета и Университета Южной Каролины. Согласно полученным данным, люди с хроническими заболеваниями включены в меньшее количество социальных сетей, а их разнообразие формируется преимущественно родственниками, а не знакомыми и друзьями [6]. В целом, ухудшение физического здоровья (в отличие от ситуации развития некоторых психических заболеваний типа расстройств настроения) связано с риском создания более изолированных сетей на основе родственных или институциональных связей [10].

В теории сетей подтверждается высокий потенциал использования социальных сетей в решении любых вопросов, в том числе вопросов здоровья. Формальные каналы уступают неформальным, так как представляют собой предельный случай длинных цепей диффузии, вследствие чего индивиды могут

¹ По материалам того же авторского исследования.

воспринимать информацию от таких каналов как неправдивую или неточную. Короткие цепи, представленные сильными и слабыми неформальными связями, быстрее передают информацию и позволяют индивидам использовать ресурсы этих социальных сетей для решения вопросов здоровья. Для продолжения исследований в изучении вопросов социальной обусловленности здоровья важным является рассмотрение не только количество социальных контактов индивида и частота взаимодействия с ними, но и плотность, сила связи и структура социальной сети.

Список литературы

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. 2009. С. 31-50
2. Лисицын Ю.П. Образ жизни как основа здоровья. Анализ факторов риска заболеваемости: проблемная статья // Медицинская газета. 2010. №19. С. 21-23.
3. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Значение социального капитала для здоровья в странах Европы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 112-133.
4. Berkman L.F., Glass T. Social integration, social networks, social support, and health, in: eds. L.F. Berkman and I. Kawachi, Social epidemiology. New York: Oxford University Press, 2000. P. 137-173.
5. Cohen S., Wills T.A. Stress, social support, and the buffering hypothesis// Psychological Bulletin. 1985. Vol. 98, № 2. P. 310-357.
6. Cornwell B. Good health and the bridging of structural holes // Social networks, 2009, 31(1), 92–103. doi:10.1016/j.socnet.2008.10.005
7. House J.S. Work stress and social support. Addison-Wesley Reading, Mass, 1981. 156 p.
8. Kawachi I., Berkman L.F. Neighborhoods and Health. New York: Oxford University Press, 2003. 368 p.
9. Kawachi I., Kennedy B.P., Glass R. Social capital and self-rated health: a contextual analysis // American journal of public health. 1999. Vol. 89. № 8. P. 1187-1193.
10. Moore, S., Teixeira, A., & Stewart, S. Do age, psychosocial, and health characteristics alter the weak and strong tie composition of network diversity and core network size in urban adults? // SSM – population health. 2016. № 2. P. 623–631.

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF THE USE OF NETWORK THEORY IN THE STUDY OF SOCIAL CONDITIONALITY OF HEALTH

The article analyzes the influence of social networks, i.e. social environment, on the health of an individual. Several approaches are described to explain this effect at the micro level. The methodological bases Of M. Granovetter's theory of networks for the study of social networks as a factor of health are considered.

Keywords: social networks, health, network theory

УДК 303.01

А.И. Зуйкина

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ОРГАНИЗАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ДОВЕРИЕ ЕЕ ЧЛЕНОВ

В статье рассматривается корпоративная культура организации как научная категория, ее взаимосвязь с организационным доверием членов организации, а также влияние корпоративной культуры на эффективность компании, ее положение на рынке и установление партнерских отношений с другими организациями. Автором представлены уровни корпоративной культуры и организационного доверия, условия возникновения доверия в организации, методики оценки корпоративной культуры, приведен пример исследования влияния доверия руководству на финансовую эффективность компании.

Ключевые слова: корпоративная культура, организация, организационное доверие

В настоящее время в условиях трансформации общества, выхода на рынок новых поколений, изменения условий работы, развития новых видов деятельности, увеличении конкуренции на рынке существует ситуация, когда одни организации становятся успешными, в то время как другие организации распадаются. В поисках способов увеличения эффективности работы компании, все больший интерес исследователей и предпринимателей, управленцев вызывают особенности корпоративной культуры организации, ее влияние на мотивацию работников компании и, в дальнейшем, успешность на рынке товаров или услуг.

В исследованиях этой тематики часто используются два похожих термина: «организационная культура» и «корпоративная культура». Ученые до сих пор спорят, какой из этих терминов является более широким. На разграничение и соотношение представленных терминов обращали особое внимание такие ученые как В.А. Спивак, Г.Л. Хаеа, М.В. Рыбакова, Н.Н. Могутнова, О.В. Устинова, О.Г. Тихомирова, О.Л. Еськов, С.А. Барков, С.А. Шапиро, Т.О.

Соломандина, Ю.Г.Семенов, Ю.Д. Красовский, Ю.И. Саратовцев, Э. Шейн, Т. Дил и А. Кеннеди, Г. Хофстед, М. Бурке, К. Камерон и Р. Куинн. [2, с. 4-5]

Например, Грошев И.В. считает, что понятие «организационная» используется при изучении локальной отраслевой организации, «корпоративная» – многопрофильной международной корпорации, а «предпринимательская» применяется к организации как субъекту хозяйствования. [1, с. 10]

В случае, когда «организационная культура» является более широким понятием, учеными подразумевается, что не всякая организация является корпорацией, поэтому целесообразнее использовать именно «организационную культуру». При трактовке «корпоративной культуры» как общепрофессиональной, «организационная культура» становится более узким понятием. [12, с. 174]

Несмотря на наличие этих споров и нюансов, есть третья точка зрения – оба понятия можно использовать в качестве синонимов. Именно этот подход будет использоваться в статье. За основу возьмем понятие «корпоративная культура».

Согласно теории менеджмента, корпоративная культура базируется на основополагающих ценностях, разделяемых членами организации. Согласно этим ценностям формируются стили руководства, поведения, общения и деятельности. [3]

Таким образом, корпоративная культура – это сформировавшийся на протяжении всего развития организации способ ее жизнедеятельности, выработанные и усвоенные идеалы, ценности, принципы и нормы, уникальный «генофонд» организации, определяющий характер ее внутренних отношений, формы организации хозяйственной деятельности и управления, образ взаимоотношений с внешней средой. [9, с. 273]

Основной целью корпоративной культуры является формирование мотивации работников к более продуктивной реализации своего потенциала, что способствует сплочению коллектива, улучшению экономических показателей самой организации. [4, с. 81]

Согласно концепции Э.Шейна (модель «айсберга»), корпоративную культуру необходимо изучать на трех уровнях (см. рис.1):

Уровень артефактов – то, что наблюдает сторонний человек при взаимодействии с организацией. В него входят: технологии, архитектура, формальная структура, поведение, язык, ритуалы и т.д.;

Уровень провозглашенных ценностей – регулирование поведения членов организации;

Уровень базовых предположений – представление о природе времени, пространства, человеческих отношений, верования, этические установки.

При этом, Э.Шейн обращает внимание, что формирование организационной культуры происходит с нижнего уровня, но ее изучение необходимо начинать с уровня артефактов, постепенно погружаясь в нюансы конкретной организации. [11]

Стоит также отметить, что различие культур двух похожих организаций объясняется различным опытом внешней и внутренней адаптации членов каждой из компаний. Внешняя адаптация связана с поиском организацией своей ниши на рынке и приспособлением к изменяющимся внешним условиям. Внутренняя адаптация направлена на интеграцию членов коллектива, повышение их эффективности. Одной из важных составляющих организационной культуры являются символы организации, которые подчеркивают принадлежность ее работников к единому целому. [9, с. 275]

Рис. 3. Уровни корпоративной культуры по Э.Шейну

Для оценки корпоративной культуры в литературе выделяются две группы методик: качественные и количественные (см. Табл.1). [10, с. 130-132]

Группы методик оценки корпоративной культуры

Качественные методики	Количественные методики
описательный характер исследования, анализ собранных данных о компании на основе мнения сотрудников, внутренних конфликтов, неформальных связей, ресурсов компании и т.д.	получение численной оценки состояния организации с помощью опросов сотрудников.
Типология Т.Е.Дила и А.А.Кеннеди Типология Р.Акоффа Типология М.Бурке Типология Ч.Хэнди Типология У.Оучи Типология Ф.Клукхольма и Ф.Л.Стродберга Типология Г.Ислам и М.Зипур Методика К.З. или диаграмма средства японского антрополога Кавакита Джиро Методика AGIL Т.парсонса Типология М.Марка и К.Пирсона Типология Ф.Р.Манфреда, Ке де Ври и Д.Миллера Типология С.Медока и Д.Паркина Методика Ф.Харриса и Р.Морана Методика Шейна	Модель исследования организационной культуры Д.денисона (DOCS) Методика Г.Хофстеде Методика диагностики организационной культуры К.Камерона и Р.Куинна (OCAI) Методика О'Рейли, Чатмана и Кондуэлла (ОСР) Методика Кука и Лафферти (ОСІ) Методика Ван де Поста и Конинга Методика С.Гласера и С.Заману (ОСS) Методика «Культурное поле» Т.О.Соломандиной Методика И.Д.Ладанова Методика Н.В.Левкина Методика О.Е.Стекловой Методика Л.С.Савченко

Внедрение и реализация успешной корпоративной культуры зависит в том числе от степени доверия сотрудников организации. Авторами концепции организационного доверия являются Р.С.Майер, Дж.Х.девис и Ф.Ш.Шурман. Они определяют доверие как характеристику взаимодействия двух сторон (объект и субъект доверия), при существовании профессиональной компетентности, доброжелательности, цельности и надежности в отношениях. [6]

Р.Б.Шо, специализирующийся на тематике организационного поведения, утверждает, что доверие – «это мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри организации и в отношениях между организациями». [13, с.10]

Е.С. Яхонтова отмечает актуальность в сфере расчета оптимальной степени доверия, которая бы способствовала снижению рисков организации, увеличению ее эффективности. Особенно необходима эта информация при планировании организационных изменений, так как доверие между руководством и подчиненными во многом может определить результативность этих организационных изменений. [14]

Выделяются следующие условия доверия сотрудников к руководству [5]:

Компетентность и справедливость руководителей, умение правильно оценить результат труда и вознаградить работника;

Оперативное принятие решений для увеличения эффективности работы предприятия;

Добросовестность и честность по отношению к сотрудникам и акционерам;

Наличие обратной связи.

Высокий уровень доверия в организации способствует повышению социальной мобильности работников, обмена информацией, развитию коммуникации, понимания, эффективного взаимодействия между сотрудниками в организации. Таким образом снижаются риски, появляются дополнительные возможности для решения сложных задач, стоящих перед организацией, экономятся ресурсы и устанавливаются положительные партнерские отношения. Низкий уровень доверия, напротив, тормозит любые преобразования организации, внедрение инноваций, ее развитие.

Положительное влияние высокого доверия в организации демонстрируется на примере результатов исследования У.Уайетта – организации, в которых сотрудники доверяли своим лидерам, имели на 42% более высокую доходность, чем организации, в которых существовало недоверие. [8, с.8]

Таким образом, действительно, корпоративная культура на сегодняшний день является эффективным и обязательным инструментом организации по увеличению эффективности своей работы, сплоченности коллектива, повышению гибкости к внешним и внутренним изменениям, улучшению своего положения на рынке. В условиях большой конкуренции, напряженных отношений между организациями и внутри коллективов, необходимо помнить, что именно доверие способно в наибольшей степени сплотить людей, занимающихся деятельностью, направленной на одну цель. Только так сотрудники будут совместно решать сложные задачи организации, делиться опытом. Доверие необходимо развивать на всех уровнях: между сотрудниками, между работниками и руководителями, между руководителями и между

организациями. Развитие доверия способствует установлению прочных партнерских отношений, что очень важно для развития бизнеса.

Именно поэтому очень важно обращать особое внимание на корпоративную культуру организации, развивать эту идею среди управленческого сектора и использовать обилие различных методик для разработки, оценки и корректирования корпоративной культуры отдельных организаций, исследовать корпоративную культуру успешных организаций со своей спецификой.

Список литературы

1. Грошев И.В., Емельянов П.В., Юрьев В.М. Организационная культура: учеб. пособие для вузов. – СПб.: ЮНИТИ, 2004

2. Дышаева А.А. Методика исследования корпоративной культуры предприятия. 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/61439/1/m_th_a.a.dyshaeva_2018.pdf (дата обращения: 08.11.2019)

3. Иванов И.Н. Менеджмент корпорации https://www.cfin.ru/management/people/culture/corporate_culture.shtml

4. Исмагилов Р.М. Совершенствование корпоративной культуры организации в условиях функционирования системы менеджмента качества // Омский научный вестник. 2012. – 80-83с.

5. Истомин Е.П. Формирование организационной культуры и доверия [Электронный ресурс]. URL: http://www.elitarium.ru/organizacionnaja_kultura_doverije/ (Дата обращения: 08.11.2019)

6. Леонов Н.И., Леонова И.Ю. Влияние доверия в организации на стратегии поведения сотрудников в конфликтной ситуации // Вестник удмуртского университета, 2016. – Т.26, вып.1. – 53-70с.

7. Николаева Г.Н. Развитие организационной культуры как фактор повышения эффективности управления персоналом// Известия Байкальского государственного университета, 2006. – 68-70 с.

8. Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность // Наукоедение. 2017. Т.9., №2.

9. Семенов В.И. Корпоративная культура организации как социологическая категория // Вестник ИрГТУ, 2015 №5. – 271-275 с.

10. Тху Чанг То. Исследование организационной культуры: методология количественной оценки и анализа // Экономика, 2014, № 2. – 130-133 с

11. Уровни и элементы организационной культуры [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/1679042222104/menedzhment/urovni_elementy_organizatsionnoy_kultury (дата обращения: 06.11.2019)

12. Широина Е.М. Современные научные взгляды и подходы к определению организационной культуры и корпоративной культуры // Наука и современность, 2011. № 13-3. – 172-176 с.

13. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы..: дело, 2000. – 272 с.

14. Яхонтова Е.С. Оценка доверия в контексте управления персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки // Социологические исследования. 2004. №9. – 117-121 с.

Zuikina A.I.

CORPORATE CULTURE OF THE ORGANIZATION AND ORGANIZATIONAL TRUST OF ITS MEMBERS

In the article considers the corporate culture of the organization as a scientific category, its relationship with the organizational trust of the organization's members, also the influence of corporate culture on the effectiveness of the company, its market position and partnerships with other organizations. The author presents the levels of corporate culture and organizational trust, the conditions for the emergence of trust in the organization, methods for assessing corporate culture, provides an example of a research of the influence of trust management on the financial efficiency of the company.

Key words: corporate culture, organization, organizational trust

УДК 30

С.А. Ключников

НАПРАВЛЕНИЯ РАССМОТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В нашей работе мы остановились на отдельных пока еще не решенных методологических проблемах использования системной методологии для изучения социальных объектов. Это определение статуса систем в обществе, уровня их целостности, системообразующих и не системообразующих зависимостей, соотношение вертикальной и горизонтальной структур, их взаимодействия с макросистемой в контексте формирования поведения человека.

Ключевые слова: система, социум, изучение.

Уже давно существует спрос на теорию, позволяющую более точно описывать текущие социальные процессы, учитывающую субъективность их участников и множество факторов, влияющих на их течение [1, с. 272 и др.].

На эту роль вполне обоснованно может претендовать системная методология, которая имеет свою гносеологическую, онтологическую и праксеологическую направленность.

На поприще приспособления системной методологии к изучению и анализу эмпирических социальных объектов были совершены определенные прорывы и в то же время остаются необъясненные факты, нерешенные гносеологические проблемы.

Представление о социальной системе усложняется, ее компонентами могут являться группы, общности и другие технические, информационные, культурные феномены [2, с. 16]. В связи с этим рассмотрение социальных систем может принимать многоаспектный характер, при котором внимание исследователей привлечено к какой-то одной из ее сторон.

И эта часть социума рассматривается как определенная подсистема социального системного объекта или вообще, как отдельная система. Так выделяется культурная система в обществе, куда входит наука, религия и другие подобные феномены [3, с. 20-21]. Но при этом возникает вопрос, имеют ли эти феномены статус системы, поскольку не включают социальных носителей, которые и обеспечивают связи между культурными составляющими. То же можно сказать и о выделении материальных, информационных и прочих составляющих социума.

Далее, исходя из общесистемной методологии, характеристика, которую, прежде всего, необходимо изучать на объекте, который рассматривается как система – это его целостность [4, с. 43], которая проявляется через зависимости между элементами [5, с. 33-34]. Именно целое связано с возникновением новых качеств системы, по отношению к свойствам элементов [4, с. 167-168].

Применительно к социуму мы видим те же методологические установки [4, с. 24-26, 31, 39] [6, с. 21]. Сама эта социальная целостность рассматривается как величина переменная, применительно к каждой системе.

Но необходимо говорить не только о различном уровне целостности (интегрированности) социальных объектов внутри определенного класса [4, с.67], например, фирм, прочих организаций, но и о различном уровне целостности отдельных типов социальных систем. Но попытки построить типологию социальных объектов по уровню целостности пока не предпринимаются.

Далее, целостность системы формируется благодаря связям между элементами. Между людьми складываются определенные связи, а точнее

зависимости, которые существуют как в непосредственной первоначальной, так и опосредованной форме [7, с.292]. Преимущественно обращается внимание на системообразующие зависимости, которые, прежде всего, определяют целостность объекта [4, с.17-18] [8, с.9-10].

Но применительно к социальным системам, как весьма сложным, это видение также усложняется. Признается, что сами зависимости между людьми могут иметь как положительную, так и отрицательную валидность. Предполагается, что социальные системные образования развиваются по закону диалектики единства и борьбы противоположностей, в качестве которых выступают гармония и конфликт. Таким образом, в системе поддерживается устойчивость [9, с.20, 102-103] [10, с.20]. На наш взгляд, можно говорить применительно к каждой социальной системе, что в ней существует, по крайней мере, пара системообразующих зависимостей с противоположной валидностью, которая формирует структуру системы.

Но система включает и другие не системообразующие зависимости [8, с.9-10]. Применительно к социальным системам, мало внимание оказывается их происхождению.

Каждый человек принадлежит одновременно нескольким системам. В этом отношении системный подход даже противопоставляют классовому [11, с.120-121]. Надо обратить внимания на то, каким образом это членство в других группах оказывает влияние на исходную систему и какие дополнительные зависимости при этом возникают.

Подчинение элементов целому, обеспечивающее их функциональную согласованность, составляет один из главных признаков системных зависимостей. Поэтому утверждается, и применительно к социальным системам, что в сформировавшейся системе надстраивается уровень регуляции и управления, который делает структуру системы иерархичной [4, с.25-26; 5, с. 13-15].

Но с другой стороны говорится о том, что структура социальной системы может быть достаточно гибкой, подвижной, сетевой, и включает, прежде всего, горизонтальные зависимости [12].

Поэтому, последовательно реализуя это направление, необходимо построить для каждой системы с определенным уровнем целостности, некую «идеальную» модель ее сетевой организации на основе только горизонтальных зависимостей, а существование вертикальной иерархии объяснить невозможностью реализации этой модели.

Одной из важнейших гносеологических проблем системного подхода к социальным объектам, является соотношение личности и такой глобальной системы как общество. При этом выделяются два направления.

Первое предполагает, что основным уровнем рассмотрения реальных социальных систем – это уровень конкретных групп, в рамках которых происходит удовлетворение человеческих потребностей. [13]. Второе научное направление исходит из того, что ведущее значение для определения поведения человека является макросреда, которая включает в себя большие группы людей, все общество [14].

Но в этой дискуссии упускается очень важный момент. Каждое первичное социальное образование имеет свою институциональную принадлежность. Это обстоятельство предполагает определяющее влияние совокупности институализированных групп на общество, перестраивая его в соответствии со своими интересами, а затем само это перестроенное общество оказывает влияние на другие институты и их группы. В этом контексте можно по-новому представить себе зависимости между личностью, группой, обществом.

Таким образом, в нашей работе мы остановились на отдельных пока еще не решенных методологических проблемах использования системной методологии для изучения социальных объектов. Это определение статуса систем в обществе, уровня их целостности, системообразующих и не системообразующих зависимостей, соотношение вертикальной и горизонтальной структур, их взаимодействия с макросистемой в контексте формирования поведения человека. Это не полный перечень таких методологических вопросов, но на наш взгляд первоочередной. И ответив на них, мы можем существенно расширить и углубить использование системной методологии в изучении социума.

Список литературы

1. Бено Верлен Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география 272-299 / Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». — СПб.: «Владимир Даль», 2008. — 831 с.
2. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2 т. / Рос. акад. наук, Урал, отд-ние; под общ. ред. А. И. Татаркина; [редкол.: Татаркин А. И. (отв. ред.) и др.]. — М. : ЗАО «Издательство «Экономика»; Екатеринбург : УрО РАН, 2011. — Т. 1: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем. — 308 с.
3. Гаджиев Р.С. О содержании социокультурных систем // Вопросы философии. 2018 № 11 С. 16–24
4. Лёвин В.Г. Л 36 Системоведение: Теория. Методология. Практика. — М.: Издательство «Спутник +», 2016. — 333 с.

5. Попов В.П., Крайнюченко И.В. Теория и анализ систем. Пятигорск: ПГГТУ, 2012. – 236 с.
6. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? К.Х. Момджян, Д.Г. Подвойский, В.С. Кржевов, А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш // *Вопросы философии*. 2016. № 1 с.17-42
7. Отношения общественные // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов.— М.: Академический Проект, 2003.— 560 с.— («Summa »). с.292
8. Кузьмин С.А. Социальные системы: Опыт структурного анализа. – М.: Наука, 1996.– 191 с.
9. Сушков И.Р. Психологические отношения человека в социальной системе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 412 с.
10. Хищенко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
11. Клейнер Г. Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) // *Вопросы экономики* 2018 №8 с.118-127
12. Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М.В, Ромма, НА. Вальдмана. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. -327 с.
13. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический Проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 448 с.
15. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.

S.A. Klyuchnikov

DIRECTIONS OF CONSIDERATION OF SOCIAL OBJECTS USING SYSTEM METHODOLOGY

In our work, we focused on some as yet unsolved methodological problems of the use of system methodology for the study of social objects. This definition of the status of systems in society, their level of integrity, backbone and not a system dependency ratio of vertical and horizontal structures, their interaction with the macrosystem in the context of the formation of human behavior.

Key words: system, society, study.

**ИЗМЕРЕНИЕ ВЕРТИКАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ IT КОМПАНИИ Г. ПЕРМЬ)**

В статье рассматривается доверие в организации, как сложный составной феномен. Особое внимание уделяется вертикальному доверию, которое, в свою очередь, так же имеет составной характер. В работе приводятся результаты исследования показателя вертикального доверия, измеренного по адаптированной методике Шоклей-Залабака, предлагается оценка применимости методики к российской выборке. Так же проверяется гипотеза о связи ряда характеристик сотрудников и показателем вертикального доверия.

Ключевые слова: доверие, вертикальное доверие, доверие в организации, организационное доверие.

Дж. Коулман, описывая социальный и человеческий капитал неоднократно указывает на доверие, в качестве значимой его составляющей, как в ситуациях межличностного взаимодействия, так и в случае взаимодействия с абстрактными системами[1]. Доверие становится некоторой обязательной характеристикой социальной жизни. Его можно рассматривать как неотъемлемую часть взаимодействия людей как в обществе в целом, так и в рамках совместной деятельности в организациях. Согласно модели Х.Смита, доверие, как элемент социального капитала, формируется при соблюдении ряда условий: целостность, восприимчивость, лояльность, благоразумие, открытость, компетентность, честность, выполнение обещаний и последовательность[2]. Что указывает на составной характер доверия и его сложную структуру. На основании чего выделяются три уровня доверия: корпоративный, командный (групповой) и личный.

Доверие является связующим элементом, который должен работать как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне. Так С.В. Хашаева относит его к конвенциональным отношениям, которые сознательно выстраиваются, поддерживаются и разрушаются («конвенциональные отношения – это личностно-ориентированные отношения, выражающие всю гамму интересов и притязаний людей»)[3]. В таком контексте доверие становится ресурсом конкурентоспособности организации. Можно говорить, что горизонтальное доверие описывает в первую очередь неформальные отношения, а вертикальное обращает внимание на формальные отношения и отношения с руководителем. Вертикальное доверие позволяет фиксировать сочетание формальной и неформальной составляющей организации.

Изучение доверия в организации на российской выборке, кроме составного характера феномена доверия, так же осложняется необходимостью поиска и адаптации методик измерения доверия.

Материалы и методы. Материалом стали результаты собственного социологического исследования, проведенного на базе одной из IT-компаний города Перми. В исследовании приняло участие 90 человек, что составляет около 40% сотрудников (% от общего количества сотрудников, включая сотрудников обслуживающего персонала которые не участвовали в исследовании). Для компьютерной обработки данных были использованы пакет SPSS Statistics 17.0 и Microsoft Office Excel.

Результаты.

В ходе исследования проверялась применимость адаптированной методики Шоклей-Залабака [4] для измерения вертикального доверия. Сорок пять суждений оригинальной методики были переведены на русский язык, перевод и уточнение интерпретаций основывается на интервью с сотрудниками компании на базе которой, в дальнейшем, проводилось исследование. В итоговый русскоязычный вариант вошли тридцать три суждения, описывающие вертикальное доверие в целом и через его отдельные характеристики. На возможность использования методики для оценки вертикального доверия в целом указывают: наличие связи между суждениями, каждое из которых участники исследования могли оценить по четырёхпольной шкале, и показатель надежности шкалы (Табл.1).

В рамках методики Шоклей-Залабака вертикальное доверие рассматривается как сложный конструкт, модель предполагает наличие девяти субшкал, которые определяют составляющие вертикального доверия. Однако заложенные в оригинальной методике высказывания не во всех случаях имеют устойчивое положение как составные элементы той или иной субшкалы. Так можно встретить высказывания, которые, в разных исследованиях, могут оказываться в составе разных субшкал [4]. В представленном исследовании результаты факторного анализа так же неоднозначны, так модель из девяти субшкал (как приводится в оригинальной методике) не соответствует оригинальной методике разбиение суждений по субшкалам, а три из девяти субшкал строятся на основании одного суждения. Именно эти три суждения имели минимальное значение тесноты связи со всеми остальными суждениями. Несмотря на то, что исходная модель предполагала девять субшкал, оптимальной для данного исследования стала модель с шестью субшкалами.

Шестисоставная модель строится с учетом: порогового значения тесноты связи = 0,33, КМО = 0,866. Результатом факторного анализа в этом случае стали следующие субшкалы (названы по аналогии с исходной методикой):

доброжелательность (1), удовлетворенность (2), предсказуемость (3), открытость (4), компетентность (5) и идентификация (6). Наиболее низкий показатель надежности шкалы можно наблюдать в случае «доброжелательности». Это может быть связано с тем, что суждения, составляющие ее имеют отношение как определенным ориентациям и установкам в отношениях с руководителем, так и к ориентациям в отношении других участников команды. Так же можно уточнить что в случае с «удовлетворенностью» речь будет идти об оценке результатов работы команды, а «компетентность» относится к оценке процесса. Так же «открытость» в большей степени характеризует отношения в команде, а «предсказуемость» – отношения с руководителем.

Табл.1

Значение показателя надежности шкалы (Альфа Кронбаха)

Вертикальное доверие	1	2	3	4	5	6
0,843	0,352	0,712	0,9	0.784	0.63	0,53

Табл.2

Среднее значение показателя вертикального доверия (min=1, max=4)

Вертикальное доверие	1	2	3	4	5	6
2,8621	3,4028	2,8801	3,2289	3,3393	2,8502	2,5843

Если говорить о самом значении показателя вертикального доверия, то по результатам исследования оно тяготеет к значению «3», что соответствует скорее высокому уровню вертикального доверия. При этом можно сказать, что наибольшие значения зафиксированы по субшкалам: «доброжелательность», «предсказуемость» и «открытость» (Табл.2). Если смотреть на показатель доверия и значения составляющих его факторов в разрезе команд, можно предположить, что результаты по командам не отличаются от общего результата, т.е. мы не можем говорить о существовании в исследуемой организации отдельных команд с выраженным высоким или низким значением вертикального доверия. То же можно сказать в отношении субшкал, структура в группах идентична общей.

Так же в ходе исследования было обнаружено отсутствие связи между показателем вертикального доверия (а также его составляющих) уровнем образования сотрудников, их возрастом, общим трудовым стажем и стажем работы на предприятии. Так же на данной выборке не удалось зафиксировать зависимости между вертикальным доверием и полом респондента.

Выводы. В ходе исследования была показана применимость адаптированной методики Шоклей-Залабака по измерению вертикального доверия. Однако требуется пересмотр ряда суждений, а также фиксирует проблему одновременной фиксации отношений с руководителем и другими участниками команды. На основе материалов исследования проиллюстрировано, что наибольший вклад в среднее значение вертикальной мобильности в целом для организации вносят субшкалы: «доброжелательность», «предсказуемость» и «открытость». Остался открытым вопрос о детерминантах доверия, так как включенные в исследование дополнительные характеристики не показали устойчивых связей с вертикальным доверием, что говорит о необходимости расширения списка исследуемых характеристик.

Список литературы

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность – 2001. – №3. – С.121-139.
2. Манина В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблемы измерения; Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. Менеджмент. 2012. Вып.2. С. 115-121.
3. Хашаева С. В. Анализ социального капитала организации. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/403/Action403-117767.pdf> (дата обращения 27.10.2019).
4. Dietz G. and Hartog, D. (2006) 'Measuring trust inside organisations., Personnel review., 35 (5). pp. 557-588.

M.V. Kurteeva, K.O. Somkhishvili

VERTICAL TRUST IN ORGANIZATION (ON THE EXAMPLE OF IT COMPANY IN PERM)

Trust in the organization as a complex composite phenomenon is presented in the article. Particular attention is paid to vertical trust, which also has a composite character. The paper presents the results of a study of the vertical trust indicator measured by the adapted Shockley-Zalabak method.

Key words: trust, vertical trust, trust in the organization, organizational trust.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

В статье анализируются взаимосвязи человеческого потенциала, человеческого и социального капиталов с точки зрения их комплексного развития.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, социальный капитал

Генезис научных представлений относительно человеческого потенциала характеризуется чрезвычайным богатством и разнообразием идей и подходов. Тем не менее на пути к целостной концепции человеческого потенциала остается ряд недостаточно осмысленных вопросов, что отчасти связано с тем, что комплексные исследования проблем развития человеческого потенциала, эффективного использования человеческого и социального капитала еще не получили достаточного развития в современной России [1].

Согласно одному из подходов, сущность человеческого потенциала можно представить как способности, потребности и готовности человека проявить свои теоретические возможности на практике [3;8]. В экономическом плане это находит свое выражение в способности производить предметы и услуги, что в свою очередь квалифицируется некоторыми исследователями как человеческий капитал людей [9, 15].

Общий тренд реализации этой способности сегодня все более связан с индивидуальным выбором, кастомизацией продуктов, адресным характером государственных услуг [5;6]. Однако рост человеческого капитала, являющегося неотъемлемой частью этого процесса и требующего от людей повышения квалификации и обновления знаний, невозможен без интеграции в сети социальных отношений и социальной сплоченности. Поэтому успех инвестиций в человеческий капитал во многом опосредован наличием социального капитала – совокупностью результатов, освоенных и используемых социальными акторами социальных связей в виде материальных и духовных благ, преимуществ, выгод (родительского вклада, родственных и дружеских связей, следование нормам взаимопомощи, доверия и взаимных обязательств, развития социальных сетей и др.) [4].

Именно наличие социального капитала обеспечивает необходимую социальную интеграцию потребностей, способностей и готовностей носителей разных потенциалов, мобилизацию их ресурсов, устойчивость к вызовам,

помогающие противостоять внешним негативным воздействиям и обеспечивать продуктивную деятельность и саморазвитие.

Данная роль социального капитала оказывается востребованной и достаточно успешной, когда сама система социальных связей опирается на потребности, способности и готовности индивидов и социальных общностей их формировать, развивать, сохранять и защищать, отстаивая целостность и единство своего потенциала. Это особенно важно, поскольку в условиях нерегулируемого распределения и перераспределения человеческого потенциала в географическом и социальном пространствах в его структуре могут возникать и часто реально возникают лакуны, разрывы, сдвиги в связях между его компонентами, что приводит к ослаблению его дееспособности, к нарушениям выполняемых его носителями социальных ролей и функций.

К примеру, резкий рост образовательного потенциала населения развивающихся стран с 1960 по 1985 гг. практически никак не сказался на темпах экономического роста, поскольку не получил социальной «поддержки» из-за дефицита социального капитала [7]. Более того, возникший избыток образованных граждан усилил процесс «утечки умов» из развивающихся стран. Таким образом, без модернизации социальных отношений человеческий капитал может оказаться невостребованным или даже приводить к дезинтеграции человеческого потенциала социума, сопровождаться деформацией и деградацией.

В свою очередь, эффективное решение социальных проблем обязательно приводит к повышению индекса развития человека, что, в свою очередь, демонстрирует Саудовская Аравия [10].

Поэтому одним из комплементарных назначений социального капитала является воссоздание, поддержка и в необходимых ситуациях развитие системы устойчивых связей между носителями человеческого потенциала и такой формой его проявления как человеческий капитал. Следовательно, приумножение социального капитала должно стать одним из направлений политики развития человеческого потенциала, поскольку социальный капитал требует внимания к отношениям, которые формируют реализацию потенциала человеческого капитала, как для индивидуума и коллектива, так и для всего общества. Этот вывод подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями, которые свидетельствуют о потенциально важных связях между человеческим и социальным капиталом. Имеющиеся данные показывают, что человеческий и социальный капитал может играть ключевую роль в обеспечении широкого спектра позитивных результатов, включая повышение уровня доходов, удовлетворенности жизнью и социальной сплоченности. Однако некоторыми исследователями выражается озабоченность по поводу

способа распределения и уровня качества каждой формы капитала, что может отразиться на будущем благосостоянии людей. В первую очередь, эти опасения связаны с тем, что государственная политика имеет ограниченные возможности для изменения качества, запасов и распределения человеческого и социального капитала в краткосрочной перспективе. Однако если государственные, частные и добровольные акторы смогут добиться долгосрочных улучшений как в человеческом, так и в социальном капитале, то это несомненно будет способствовать росту и человеческого потенциала [2].

Список литературы

1. Докторович А. Б. Генезис концепций и теорий человеческого развития // [Электронное научное издание]: Альманах Пространство и Время. 2014. – Т. 7. – Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-kontseptsiy-i-teoriy-chelovecheskogo-razvitiya-1/>(дата обращения: 27.10. 2019)
2. Егоров В. К. Особенности условий формирования человеческого потенциала нового поколения в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 100-113.
3. Иванов О. И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. 2014. – №6. – С. 89-95.
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. – № 3. – С. 122–139.
5. Pritchett L. "Where has all the education gone?"// The World Bank economic review. 2001. – Vol. 15. – № 3. – P. 367-391.
6. Schuller T. The Complementary Roles of Human and Social Capital [Электронный ресурс] // Birkbeck College, University of London. URL: <https://www.oecd.org/innovation/research/1825424.pdf/>_(дата обращения: 27.10. 2019).
7. Semrau T., Hopp C. Complementary or compensatory? A contingency perspective on how entrepreneurs' human and social capital interact in shaping start-up progress // Small Business Economics. 2016. – Vol. 46 — Issue 3. – P. 407–423.
8. Sen A. Development as capabilities expansion [Электронный ресурс] // Journal of development planning. 1989. – Vol. 19. URL: http://morgana.unimore.it/Picchio_Antonella/Sviluppo%20umano/svilupp%20umano/Sen%20development.pdf/ (дата обращения: 27.10. 2019).
9. Thurow L.C. Investment in Human Capital // Wadsworth Series in Labor Economics and Industrial Relations. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, Inc., 1970. – 145 p.

10. Мохаммед О.А.К. Индекс развития человека как показатель социального развития королевства Саудовская Аравия // Власть. – 2012. – № 8. – С. 136 -140.

V.M. Nilov

HUMAN POTENTIAL, HUMAN AND SOCIAL CAPITAL: INTERCONNECTION AND COMPLEMENTARITY

The article analyzes the relationship of human potential, human and social capital from the perspective of their integrated development.

Key words: human potential, human capital, social capital

УДК 316.346.32-053.6

A.C. Спирин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются теоретические и методические вопросы проведения эмпирического исследования политической культуры молодёжи, проведённое автором. Обобщаются аспекты применения теоретического материала к построению инструментария сбора социологических данных.

Ключевые слова: политическая культура, молодёжь, исследования, методика

Молодёжь как электоральная единица избирательного процесса в последующие годы начнёт играть решающую роль в процессе выборов, особенно в последующие выборы в Госдуму-2021 и президентские 2024-го года в зависимости от избранного внутривнутриполитическим блоком Кремля курса взаимодействия с электоратом. Сами по себе исследования на тему активного, пассивного и нейтрального участия молодёжи в политике достаточно многочисленны, но порождают огромное количество условностей на этапе исследования в вопросах теоретического и методического его построения.

Будучи наиболее радикализированной и протестной аудиторией в любые времена истории, молодёжь в вопросах изучения её политической культуры является наиболее сложной общностью – особенно с развитием роли Интернета в её коммуникационной, информационной и образовательной модели поведения. Привычные 5-10 лет назад способы массовой коммуникации, эффективно охватывавшие в том числе и молодёжь в вопросе её диалога с властью, уже не

работают, а политические акторы до сих пор не имеют точного понимания – как, когда, в каких условиях и с помощью каких инструментов можно осуществить эффективную коммуникацию с молодой аудиторией.

В 2018-ом году автором было осуществлено исследование на тему политической культуры молодёжи, носившее название «Новые медиа» как субъект политического медиапространства: коммуникативные эффекты» (выборка составила 480 респондентов) и проведённое среди представителей молодёжи города Ульяновска возрастом от 18 до 33 лет. Оно показало определённые теоретические и методические тонкости его проведения.

Политическая культура молодёжи как часть модели её в том числе электорального поведения, проявляющегося наиболее часто и зримо, составлялась нами для осуществления исследования из трёх компонентов: политическая грамотность (базовое знание о политических процессах, государственном устройстве, работе политических субъектов и понимание сути геополитических процессов), политические ценности и политические практики (опыт участия в выборах, политических мероприятиях и обсуждениях).

В теоретической части исследования мы использовали теорию «установления повестки дня» исследователей Д. Шоу и М. МакКомса [1, с. 178], по которой молодёжь также получает через средства массовой коммуникации не только информацию о самом событии, но и информацию об относительной значимости этого события – и эта теория нашим исследованием фактически была опровергнута: наличие массового освещения политических событий не влияет на проявление у молодёжи политической культуры через получение политических новостей. Так, процент полностью осведомлённых (знающих даты, основных лиц и суть события) по вопросам президентских выборов, Единого дня голосования, принятия законов о «пенсионной реформе», «повышении налогов», «оскорблении властей» и «суверенном Рунете» составил 0%. «Знающих почти всё» – отдельные детали без конкретики и связывания фактов в систему – не более 35% по каждому из перечисленных событий. В вопросе региональной политической повестке ситуация ещё хуже: знающих «в общих чертах» (они читали об этом короткие материалы, но не имеющих своей позиции по вопросу) о выборах мэра города и в законодательное собрание региона не более 20%, а не знающих о событиях – 57% и 36% соответственно.

Это опровергает теорию «установления повестки дня»: глобальное и глубокое освещение в традиционных СМИ политических событий для молодёжи не меняет ситуацию и не повышает её политическую культуру просто потому, что молодая аудитория для коммуникации, информатизации и образования использует так называемые «новые медиа» – социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, агрегаторы новостей, блоги и Интернет-СМИ.

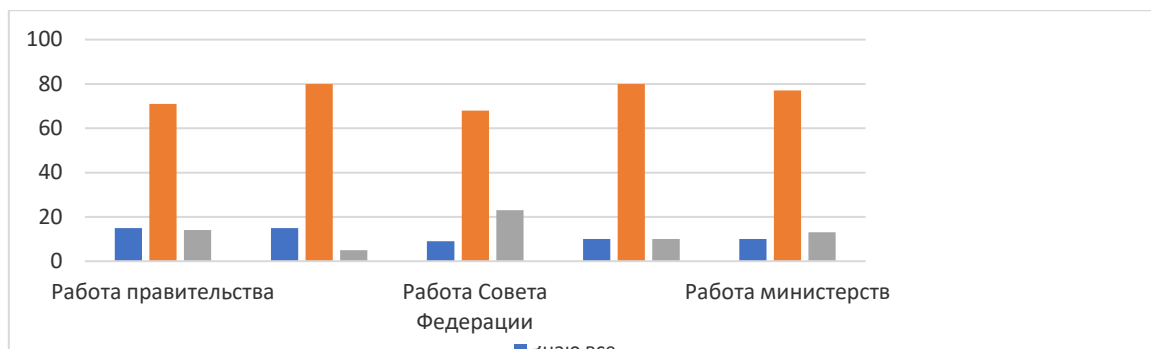

Рис. 1. Осведомлённость молодёжи о работе органов власти

В вопросе осведомлённости молодой аудитории о работе органов власти (Рис.1). стоит заметить усреднённое знание – поверхностное, без деталей и полного понимания сути и задач работы.

Одной из методических проблем в исследовании политической культуры молодёжи была попытка выяснить объективное мнение и желание аудитории по вопросу приемлемого политического курса – вопросы о политике в целом у любой аудитории вызывают внутреннюю самоцензуру и желание выразить конформистское мнение по вопросу, поэтому для определения желаемого политического курса и строя, для выделения ценностей мы использовали вопросы о приемлемом политическом лидере из числа исторических персон: Петре Первом, Александре Первом, Владимире Ленине, Иосифе Сталине, Владимире Путине и Дмитрие Медведеве, что дало большую точность для определения реальных запросов молодёжи.

Таким образом, при определённых сложностях в вопросах методического и теоретического сопровождения эмпирического исследования политической культуры молодёжи мы замерили необходимые нам показатели, в том числе проверив отдельные теории и сделав вывод: молодая аудитория как исследуемая группа общественности существенно отличается от других общностей, что заставляет особо внимательно изучать источники вторичной информации и похожий опыт других исследователей для более точного построения исследования.

Список литературы

1. McCombs, M.E. and Shaw, D.L. 1972. The agenda setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36: 176-87.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL QUESTIONS OF THE EMPIRICAL STUDY OF POLITICAL CULTURE OF YOUTH

The article discusses the theoretical and methodological issues of conducting an empirical study of the political culture of youth, conducted by the author. Aspects of applying theoretical material to the construction of tools for collecting sociological data are summarized.

Key words: political culture, youth, research, methodology.

УДК 316

К.Д. Холкина

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В данной статье рассмотрены теоретико-методологические основы формирования социальной идентификации российской молодежи в условиях цифровизации общества в разных сферах жизни: профессионально-образовательной, культурно-досуговой, гражданско-политической.

Ключевые слова: социальная идентичность, идентификация молодежи

Процессы социальной идентификации молодежи давно являются объектом изучения исследователей разных отраслей научного знания: социологического, культурологического, психологического, философского. Усиление цифровизации общества формирует новые основания для самоидентификации, что актуализирует данную тему на современном этапе изучения процессов социальной идентификации молодежи.

Цель нашей работы – проанализировать теоретико-методологические основы становления идентичности российской молодежи в разных сферах общественной жизни.

Введение понятия «идентичность» в научный оборот связано с работами Э. Эриксона. Он определил социальную идентичность, как «твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем многообразии социальных отношений». основополагающие положения об идентичности, как деятельностном процессе, представлены в теории социальной идентичности И. Гоффмана и в положениях его приверженцев Э. Гидденса, Ф. Джеймисона,

3. Баумана. Эта группа концепций рассматривает современную идентичность как серьезно нарушенную, нуждающуюся в «лечении» или реконструкции.

В связи с изменением культурной парадигмы внимание ученых фокусируется на социальной идентификации в контексте коммуникации; исследуются новые практики и формы, новые условия идентификации не только в реальной жизни, но и в сетевом пространстве. А.В. Конева, рассматривая «цифровую идентичность» в контексте виртуальной сетевой коммуникации, говорит о трансформации оснований идентичности и формировании новых идентификаций. Автор заостряет внимание на специфических особенностях цифровых технологий, служащих основанием для изменения привычек человека, способов коммуникации, социализации и идентификации, языковых практик. В этом ключе актуальным становится поиск и идентификация себя в новых цифровых условиях [2, с.53]. Проблема обретения идентичности человеком цифровой эпохи рассмотрена в работе Д.И. Спичевой. Автор отмечает, что дезориентация молодежи, отсутствие социализирующих институтов вынуждают молодых людей пользоваться готовыми образцами, ценностями, ориентирами, транслируемыми через массмедиа [5].

Рассмотрим показатели исследования идентичности молодежи в условиях цифровизации общества в разных сферах общественной жизни: профессионально-образовательной, культурно-досуговой, гражданско-политической.

В процессе *профессионально-образовательной идентификации* молодые люди осваивают нормы и правила профессиональной деятельности; определяют эмоциональное принятие своей принадлежности к профессионально-образовательному сообществу; строят субъективно выражающуюся систему ожиданий и предпочтений, идеальные образы и профессии; формируют профессиональные нормы, ценности и атрибуты. Социологи называют современное общество программируемым, отмечая, что молодые люди в нем находятся в зависимости от анонимного программиста. Для информационного общества характерно всеобщее высшее образование, узкопрофильность, виртуализация образа жизни, коммуникации, высокая зависимость от СМИ, информационных потоков, формирующих сознание молодежи. Результаты исследований показывают, что молодое поколение часто живет фантазией, виртуальными представлениями. Оно все больше ориентируется на высокие доходы, коммерческие успехи.

Среди достижений цифровых коммуникаций в профессионально-образовательной сфере и ее влияния на становление социальной идентичности молодежи необходимо учитывать: широкий массив информации о мире профессий; использование образовательных платформ в Интернете; поиск

ценностных позиций в конкретном рабочем пространстве; сведения о рейтинге профессий на рынке труда (международном, национальном, региональном). Однако цифровые технологии не всегда положительно влияют на формирование идентичности молодежи. Вторичный анализ результатов исследований показывает: у 59% молодых специалистов профессия не соответствует склонностям, у 40% – потребностям рынка; наблюдается преобладание социальных ориентаций над профессиональными; обесценивается живое образовательное и профессиональное общение [1, с.165].

Культурно-досуговая сфера близка и понятна молодежи. Однако среди основных тенденций в становлении культурной идентичности А. Мажитова отмечает: противоречивость, размытость, отсутствие общезначимых культурных идеалов. Результаты исследования, проведенного на базе Нижегородского государственного университета (n=360), показывают, что для трети опрошенных живое общение стало отходить на второй план, а Интернет заменяет им реальность. Молодые люди реже стали встречаться с друзьями, отдавая предпочтения общению в социальных сетях. Возникает понятие иллюзорности, в процессе которого создаются иллюзии полноценного общения; но, в то же время, они подчеркивают плюсы форумов и социальных сетей – это новые знакомства, поиск единомышленников. Треть молодых людей для проведения досуга регулярно обращается к Интернет-ресурсам, электронным библиотекам, архивам. Чтобы расслабиться и отдохнуть, пятая часть использует игровые сайты. Подобные сайты затягивают молодежь в новую неизведанную реальность, что приводит к негативным последствиям: конфликты с близкими, разрушение круга общения, неудовлетворение реальной жизнью, отсутствие жизненных целей. Большинство респондентов согласны, что существуют иные способы развлечения и отдыха, но популярность Интернета состоит именно в доступности, мобильности, простоте и удобстве использования, его интерактивности [3, с.103].

Изучая роль цифровых технологий в формировании *гражданско-политической идентичности* молодежи, О.В. Попова отмечает, что политическая идентичность российской молодежи находится в состоянии конверсии, поскольку в ее основе лежат противоречивые представления: негативное восприятие текущей политической действительности вполне сочетается с адаптированным восприятием экономических принципов современной жизни в России, положительные представления о далеком историческом прошлом страны и ее богатой культуре сочетаются с ощущением ущербности современных российских реалий. В сознании российской молодежи присутствуют тенденции негативной мобилизации вследствие предпринимаемых некоторыми политическими акторами попыток сплочения

этой группы на основе общей ненависти к чему-либо (ксенофобия, этноцентризм, изоляционизм).

Общаясь в социальных сетях, на форумах молодые люди обмениваются мнениями, делятся впечатлениями, что выявляет несформированность политической культуры, снижение электоральной активности. Результаты исследования Кубанского государственного университета свидетельствуют о том, что 83% молодежи не просматривают в Интернете страницы, сайты политических партий; не принимали участия в политических дискуссиях. Оценивая степень доверия к политической информации, получаемой из Интернета, 34% отмечают как невысокую.

Влияние информационного пространства на политическую идентификацию молодежи осуществляется посредством формирования политической реальности виртуализации политического процесса. Среди Интернет-ресурсов молодые люди доверяют государственным – 49%; независимым – 39%; блогосфере – 7%; коммерческим – 3%; оппозиционным – 2%. Тем не менее, только 18% респондентов считают, что все без исключения Интернет-источники искажают информацию; 43% опрошенных думают, что важно заниматься отслеживаем информации в официальных источниках [4, с. 9].

Итак, теоретико-методологический анализ показал, что становление социальной идентичности молодежи в современных условиях происходит непросто: молодые люди вынуждены постоянно соотносить свои возможности с перспективами развития социума. Для самостоятельного исследования этой проблемы в качестве теоретико-методологической базы мы выделили: 1) структурно-функциональный, коммуникативный подходы; 2) принципы комплексности и системности; 3) теории эффектов массовой коммуникации М.М. Назарова; конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана.

Идентичность молодого поколения – результат социализации, формирующийся в пространстве коммуникации при диалектическом единстве активности субъекта и общества. Активность общества связана с воздействием на молодежь через систему социальных ожиданий, предъявлением ему норм, ценностей, общественно одобряемых моделей поведения. Низкий уровень состояния хотя бы одного из результирующих показателей социальной идентичности приводит к рассогласованию идентификационного поведения. Цель социологического исследования мы видим в определении, какие структурные и факторные показатели вызывают проблемы в социальной идентификации российской молодежи.

Список литературы

1. Волкова О.А. Особенности формирования профессиональной идентичности молодежи в регионах / О.А. Волкова // Вестник Томского государственного университета. – №3. – 2017. – с.165-166
2. Конева А.В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации / А.В. Конева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2018. – с. 50-59.
3. Мажитова А.Р. Социокультурная среда как фактор идентичности молодежи / А.Р. Мажитова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, Тамбов. – 2013. – №3. – с.101-104.
4. Попова О.В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга / О.В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – №6. – с. 4-13
5. Спичева Д.И. Проблема обретения идентичности человеком цифровой эпохи / Д.И. Спичева // Томск, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://connect-universum.tsu.ru/blog/1161.html>

K.D. Holkina

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR RESEARCH INTO THE PROCESS OF SOCIAL IDENTIFICATION OF RUSSIAN YOUTH

This article considers theoretical and methodological foundations of formation of social identity of Russian youth in conditions of digitalization of society in different spheres of life: vocational-educational, cultural-leisure, civil-political.

Keywords: social identity, identification of young people

РАЗДЕЛ 3. БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАЦИЙ И РЕГИОНОВ

УДК 316.4

С.Б. Абрамова

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНБУРГА: ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА

В статье рассматривается образ города как фактор, определяющий привлекательность города для жизни. Образ города для жизни понимается как совокупность оценочных характеристик, позволяющих показать восприятие города жителями на основе удовлетворения широко спектра их потребностей в условиях данного города. Образ города Екатеринбурга описывается по результатам опроса молодых горожан ($n=750$) в июле 2019 г. Материалы исследования позволяют выделить уровень территориальной идентификации молодых екатеринбуржцев, их удовлетворенность условиями жизни, планы по длительности проживания в Екатеринбурге. Эмоциональный компонент образа города замерен через чувство гордости и демонстрирует дуальность восприятия Екатеринбурга и многоплановость возможностей выбора, чем в нем можно гордиться.

Ключевые слова: образ города, привлекательность города, молодежь, мобильность

Город как многоаспектный феномен включает в себя не только объективные характеристики, фиксирующие его географическое положение, площадь, систему объектов промышленного, торгового и иного назначения, но и представления людей об этом городе, складывающиеся в систему приписываемых городу качеств, характеристик, а также связанных с ним ассоциаций, стереотипов и настроений. В свою очередь, образ города предполагает выделение его внутренней структуры. С позиции различных авторов, в качестве элементов структуры образа города могут выступать лежащие в его основе нарративы и тексты, архетипы и мифы, институциональные сферы, внешний и внутренний образ и др.[1] Одним из наиболее перспективных направлений структурирования выступает основанный на конструктивистском подходе анализ образа города путем выделения факторов, которые влияют на его формирование. Этот подход показывает, как образ города формируется из особенностей ценностей и традиций его населения, особенностей самого городского пространства и знаковых мест, особенностей социальных событий, условий, образа жизни и культуры. Именно этот подход позволяет выделять в структуре образа города особый элемент – образ города для жизни, связанный с территориальной идентичностью жителей города, их

планами на территориальную мобильность, удовлетворенностью городской средой и пр.

Привлекательность города, первоначально понимаемая преимущественно в русле экономического подхода как инвестиционная привлекательность, в последнее время становится предметом внимания социологии и урбанистики как один из ключевых факторов, определяющих социальное самочувствие населения, установки мобильности жителей, миграционный потенциал территории, градостроительные планы и множество других показателей [2]. В свою очередь, выявление тех показателей, которые определяют привлекательность города, их иерархию для различных социально-демографических групп, позволяет понять, почему жители города стремятся остаться в городе или покинуть его. Данная система показателей становится основой для сравнительного сопоставления «своего» города с другими территориями (как в процессе реального посещения, так и через образы этих территорий, получаемые через СМИ, межличностные контакты, рекламы и другие источники).

В апреле-июле 2019 года было проведено исследование с целью изучения наиболее привлекательных городов для проживания и реализации потребностей в оценках молодого поколения. Для реализации проекта было опрошено 750 молодых жителей Екатеринбург (47% – студенты, 53% – работающие) в возрасте до 30 лет. Всего опрошено 40% юношей и 60% девушек. Одной из основных задач исследования выступало понимание факторов оценки привлекательности города, а также выявление оценки Екатеринбурга по этим параметрам и связанных с этих процессов территориальной идентичности молодых людей и их планов по территориальной мобильности.

Идентификация себя как жителей одного города характерна примерно для половины молодых людей: 36% считают себя прежде всего жителями Екатеринбурга, 8% относят себя к жителям своего родного населенного пункта. Соответственно, 56% расширяют свою территориальную идентичность: 7% до жителя Свердловской области, 25% до россиянина, 24% до максимального всемирного охвата. Интересно, что среди тех, для кого Екатеринбург не является родным городом, 12% сохраняют свою идентичность с городом рождения. Уроженцы Екатеринбурга поделились на две равные части: 48% ощущают себя преимущественно жителем этого города, а 52% имеют расширенную идентификацию.

78% опрошенных заявляют о том, что в целом их устраивают условия жизни в Екатеринбурге. Этот показатель не зависит от пола участников исследования, возраста, рода занятости (студент или работающий), места рождения. Одним из наиболее сильного фактора, влияющим на него, выступает

уровень материального положения: чем выше доход, тем более удовлетворены условиями жизни в городе респонденты. Следовательно, удовлетворенность условиями жизни имеет выраженный контекст, связанный не только с объективным наличием тех или иных условий в городе, но и с их субъективной доступностью.

Закономерно, что показатель удовлетворенности условиями жизни в Екатеринбурге влияет на намерение покинуть город. Если среди удовлетворенных условиями только 10% планируют прожить здесь не более 3 лет, то среди негативно оценивающих условия – 24%. Однако следует отметить, что в целом только 12% участников проекта однозначно полагают, что останутся в Екатеринбурге на всю жизнь. И это объясняется как наличием сформированных намерений на смену города для проживания (56%), так и, напротив, отсутствием четкой жизненной стратегии по территориальной мобильности (32%). Неопределенность планов здесь может косвенно рассматриваться как наличие потенциальной готовности к смене жительства, как в силу возможных внешних обстоятельств, так и изменения субъективного отношения к городу Екатеринбургу.

Эмоциональный контекст, который выступает неотъемлемой характеристикой личностного восприятия города, был замерен через оценку чувства гордости за город. Его испытывают 62% опрошенных, в равной мере студенты и уже работающие жители Екатеринбурга. Это чувство более свойственно местным жителям (70% по сравнению с 57% у приезжих). Если среди тех, кто прожил в городе 1 год, 40% указывают, что есть что-то, чем они гордятся как жители Екатеринбурга, то среди проживших 4 года этот показатель достигает 68% и практически сравнивается с местными уроженцами. Мы можем предполагать, что именно этот временной период требуется для появления сформированной в достаточной степени идентичности с новым местом жительства; следовательно, при частых сменах города проживания, длительности пребывания менее 4 лет у человека просто не успевают сложиться образ города и отношение к нему у как у «местного» жителя. Однако данная гипотеза требует дополнительной проверки в последующих проектах, в том числе с использованием качественных стратегий исследования.

Чувство гордости жителей Екатеринбурга связано с несколькими контекстами. Во-первых, екатеринбуржцы оценивают сами себя как отличающихся от жителей других городов: это описывается как общая позиция («здесь живут особенные люди», 8%), либо с указанием каких-либо черт характера или поведения («активная жизненная и гражданская позиция», 22%, «творческие люди», 6%, «уральский характер», 3% и др.). Во-вторых, гордость за город опирается на восприятии его дуальности, связи прошлого и будущего

через настоящий момент. Так, архитектура города есть отражение историчности и современности, сочетание конструктивизма и модерна (10%). Сам город трактуется как обладающий богатой историей (7%), но в то же время вовлеченный и лидирующий в процессах инновационного развития (6%). В-третьих, город видится как масштабный и значимый, влияющий на жизнь горожан и страны в целом в разных сферах. Он является центром культурной жизни (8%), местом проведения событий мирового масштаба (5%), родиной уральского рока (3%) и спортивных достижений (4%).

Образ Екатеринбург, таким образом, не является однозначным. Он отражает неопределенность социальных процессов личностного уровня и вероятность социальных рисков, испытывает влияние социально-демографических факторов и процессов адаптации. Образ Екатеринбурга основывается на достаточно высокой оценке текущих условий жизни, но при этом не обеспечивает «удержание» жителей от планов территориальной мобильности. Все это указывает на значимость и теретико-методологическую перспективность изучения данной проблематики с целью усиления обоснованности управленческих проектов в сфере развития и управления городским планированием.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31151.

Список литературы

1. Везнер Л.Н. Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. №4. С. 221-224.
2. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 160–169.

S.B. Abramova

IMAGE OF YEKATERINBURG: ATTRACTIVENESS OF THE CITY IN YOUTH RATINGS

The article considers the image of the city as a factor determining the attractiveness of the city for life. The image of the city for life is understood as a set of evaluative characteristics that allow residents to show the perception of the city on the basis of satisfying a wide range of their needs in the conditions of a given city. The image of the city of Yekaterinburg is described by a survey of young city dwellers (n = 750) in July 2019. The research materials highlight the level of territorial identification of young Yekaterinburg residents, their satisfaction with living conditions, and plans for the duration of their stay in Yekaterinburg. The emotional component of the image of the city is

measured through a sense of pride and demonstrates the duality of perception of Yekaterinburg and the diversity of choice possibilities, which can be proud of.

Key words: image of the city, attractiveness of the city, youth, mobility

УДК 316.453

Е.Л. Бахтин

РАЗВИТИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЕГО РОЛИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Данная статья посвящена изучению роли предпринимателя и предпринимательства в жизни общества. В статье анализируются как исторически изменялись подходы к определению понятия предпринимательство, какую роль разные ученые отводили предпринимательству и его влиянию на жизнь сообществ. В конце дается набор ключевых атрибутов, характерных для предпринимателей и предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, малое и среднее предпринимательство, МСП, предприниматель

Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации, будучи новым экономическим явлением 30 лет назад, в настоящее время состоялось и является важнейшим способом ведения предпринимательской деятельности.

Малые и средние предприятия – это 5,6 млн. хозяйствующих субъектов [5], рабочие места для 18 млн. граждан, что составляет почти 25% [6] от экономически активного населения РФ. Таким образом, каждый четвертый работник в целом по России в настоящее время занят в секторе МСП.

Необходимо отметить, что возможность расширения занятости в секторе МСП значительна, так в странах Европейского Союза, основного экономического партнера России, на малый бизнес приходится 70% рабочих мест в экономике.

Аналитический центр НАФИ, Платформа знаний и сервисов для бизнеса «Деловая среда» и Министерство экономического развития Российской Федерации в ходе исследования [1] получили следующие данные:

24% россиян считает, что сегодня легко стать предпринимателем;

29% респондентов хотели бы стать предпринимателями;

в понятийном аппарате россиян есть разница между «предпринимателями» и «бизнесменами». К предпринимателям относятся более позитивно:

цель предпринимателя – «заработать на хлеб»,

цель бизнеса – «обогащение»

под «бизнесом» чаще понимают крупные компании с большим оборотом,

под «предпринимательством» – компании с минимумом сотрудников и небольшим оборотом.

Несмотря на это, Сбербанк России в своем недавнем исследовании (Развитие малого и среднего бизнеса в России – 29 апреля 2019 г) [7] подсчитал, что распространение предпринимательской активности в России остается ниже среднемирового. Собственный бизнес активно ведёт порядка 2,9% населения.

Но предпринимательство не всегда имело значимую роль для развития экономики страны. Подходы к пониманию предпринимательства и роли предпринимателя в развитии экономики менялись и развивались на протяжении нескольких столетий. Р. Хизрич и М. Питерс [12] считают, что понятие предприниматель (анг. entrepreneur) происходит из французского языка и в начале 17 века обозначало человека, заключавшего контракты с государством, стоимость которых была фиксирована. Если человеку удавалось выполнить контракт за меньшую сумму денег, то разницу он оставлял себе.

Первым ученым, который дал определение понятию предприниматель был Р. Кантильон в своей работе «Очерк о природе торговли вообще» [11]. В ней он определил предпринимателя как человека с неопределенным нефиксированным доходом. По его мнению, предпринимательство может принести как большой доход, так и привести к банкротству из-за множества внешних факторов.

А. Смит, определял предпринимателя как собственника капитала, который ради реализации какой-либо коммерческой идеи, получения прибыли идет на экономический риск [8].

Ж. Б. Сэй [9] продолжил развивать идеи предложенные А. Смитом. Согласно его теории есть три фактора производства – земля, труд и капитал, которые и являются источниками богатств общества. При этом он разделяет доходы от капитала и доходы от предпринимательской деятельности. По его мнению, предприниматель – это агент, который комбинирует три фактора производства для максимизации прибыли.

М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [2] рассуждает о предпринимательстве в контексте религии. Он отмечает, что предприниматели протестантской веры успешнее в своем деле, чем католические предприниматели. По мнению автора, данная ситуация обоснована тем, что в протестантстве труд – один из главных добродетелей. В понимании М. Вебера предпринимательская деятельность – это воплощение рациональности. За честный и добросовестный труд, человек получает честное вознаграждение и становится ближе к Богу (по мнению протестантской церкви).

В центре своей теоретической системы Шумпетер ставит предпринимателя как ключевую фигуру капитализма. В работе «Теория экономического развития» [10] он раскрывает сущность предпринимательства

как «универсальной функции любой экономической формации», состоящей в «осуществлении новых комбинаций». Предприниматель – это хозяйствующий субъект, функцией которого является осуществление новых комбинаций и который выступает как его активный элемент. Для предпринимателя характерно [10]:

- 1) создание нового материального блага или прежнего блага, но с новыми свойствами;
- 2) введение нового, инновационного способа производства;
- 3) завоевание нового рынка сбыта или расширение прежнего;
- 4) использование новых материалов или полуфабрикатов, известных или неизвестных ранее;
- 5) введение новой организационной структуры.

Дж. М. Кейнс к пониманию предпринимательства подошел с социально-психологической точки зрения. По его мнению предприниматель – своеобразный социально-психологический тип хозяйственника, для которого главное «не столько рациональная калькуляция Вебера или новаторство Шумпетера, сколько набор определенных психологических качеств» [4]. Среди основных предпринимательских качеств он выделял:

- умение соотнести потребление и сбережения;
- способность к риску;
- дух активности;
- уверенность в перспективах.

П. Друкер в работе «Бизнес и инновации» [3] описывает предпринимателя как человека, который использует любую возможность с максимальной для себя выгодой.

Р. Хизрич и М. Питерс в совместной работе «Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха» [12] определяют предпринимательство как процесс создания нового продукта или услуги, которая обладает ценностью для потребителя. Создавая новую услугу или продукт, предприниматель затрачивает на это своё время и силы, берет на себя весь риск, в том числе финансовый, психологический и социальный, но сам получает в награду деньги и удовлетворение от достигнутого.

Все данные выше определения и подходы к пониманию предпринимательства демонстрируют долгий путь развития и позволяют нам выделить ключевые атрибуты предпринимателя и предпринимательской деятельности:

Максимизация прибыли и сокращение издержек (А. Смит, Ж. Б. Сей, П. Друкер);

Предпринимательство – это высокорискованная деятельность (Р. Кантильон, А. Смит);

Наличие бизнес идеи (А. Смит, П. Друкер);

Комбинирование различных ресурсов и их перемещение в зону максимальной прибыльности (Ж. Б. Сей, Й. Шумпетер, П. Друкер);

Определенный набор личностных качеств (Й. Шумпетер).

Прежде, чем достичь высокого значения в экономике развитых стран, предприниматели прошли долгий путь развития от простых торговцев (покупали товар, а затем перепродавали) до современных инноваторов, создателей новых товаров и услуг.

Список литературы

1. 25 миллионов россиян хотели бы попробовать себя в предпринимательстве – НАФИ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/25-millionov-rossiyan-khoteli-by-poprobovat-sebya-v-predprinimatelstve/> (Дата обращения: 30.10.19).

2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. // М.: Прогресс, 1990. 808 с. (Социологич. мысль Запада).С. 44-271.

3. Друкер П.Ф. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles (1985). Русскоязычное издание: Бизнес и инновации. // М.: «Вильямс», 2007. 432 с. ISBN 0-88730-618-7.

4. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. (The General Theory of Employment, Interest and Money). // Серия: Классики экономической науки – XX век // Издательство: Гелиос АРВ, 2002 г., 352 с., ISBN 5-85438-052-8.

5. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с "Планом мероприятий ("дорожной картой") по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года"): Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

6. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»

7. «Сбербанк» – Исследования [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО Сбербанк. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/about/issledovaniya> (Дата обращения: 30.10.19).
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. // М: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
9. Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии // Ж.-Б. Сэй. М.: Мысль. 1986. 480 с.
10. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития // М.: Прогресс, 1982. 436 с.
11. Cantillon R. (2010) [1755]. An Essay on Economic Theory. // Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute. p. 70. ISBN 0-415-07577-7.
12. Hisrich R. and Peters M. Entrepreneurship: Starting, Developing and Managing a New Enterprise. // Irwin Publishing Ltd, p. 6, ISBN 0-256-14147-9.

E.L. Bakhtin

DEVELOPMENT OF APPROACHES TO DEFINITION THE CONCEPT OF THE ENTREPRENEURSHIP AND ITS ROLE IN SOCIETY

This article is devoted to the study of the role of entrepreneurs and entrepreneurship in society. The article analyzes historical approaches to the definition of the entrepreneurship, what role different scientists assigned to entrepreneurship and its impact on the life of communities. At the end of article, we give the set of specific attributes of entrepreneurs and entrepreneurship.

Keywords: entrepreneurial activity, small and medium enterprises, SME, entrepreneurs

УДК 316.42

В.Н. Блохин

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ

Статья посвящена рассмотрению возможностей, способствующих повышению уровня жизни сельских сообществ. По мнению автора, сельские сообщества в сравнении с жителями городов значительно медленнее приспосабливаются к социально-экономической и социокультурной трансформации, что негативно влияет на уровень жизни людей и привлекательность села, как пространства для жизни. Целью управленческой политики является обеспечение перехода сельских сообществ к устойчивому развитию. Составляющими устойчивости является внедрение комплекса инноваций, которые отличаются ресурсосбережением и безопасностью для окружающей среды.

Ключевые слова: сельские сообщества, уровень жизни, устойчивое развитие, трансформации, управление

Актуальной задачей любого государства является повышение уровня жизни населения. В настоящее время наблюдается интенсивная социально-экономическая и социокультурная трансформация, что обусловлено процессом научно-технической революции и глобализацией. Наиболее быстро и продуктивно новые возможности используют жители городов, в то время как сельское население в силу своей консервативности и патриархальности часто не может адаптироваться к происходящим изменениям.

Важная роль в повышении уровня жизни сельских сообществ принадлежит продуманной управленческой стратегии. Такая стратегия должна включать всестороннюю оценку социально-экономической, социокультурной, экологической и демографической ситуации в конкретных сельских сообществах. На основе полученной информации будет возможно определить наиболее актуальные проблемы и угрозы, характерные для того или иного сообщества и, в тоже время, будут выявлены наиболее перспективные возможности развития.

Урбанизация характерна практически для всех регионов планеты. По состоянию на 2019 г. около 55% населения Земли живет в городах. Однако важно не допустить сверх быстрого вымирания деревень, сосредоточения огромного количества людей в городах чревато возникновением комплекса проблем. Поэтому необходим инновационный научно-управленческий подход к территориальному развитию, что позволит повысить привлекательность села и предотвратить чрезмерную концентрацию людей в городских центрах.

Социально-экономическое развитие сельских сообществ должно основываться на принципах устойчивости, что предполагает постоянный рост, но не любой ценой, а на основе ресурсосберегающих и «зелёных» технологий, что позволяет обеспечивать безопасность окружающей среды, сохранять местную природу [Рисунок 1]. Прежние пути развития производства, в том числе сельскохозяйственного, являются неприемлемыми, поскольку не обеспечивают потребности растущего населения планеты и наносят ущерб экологии, что негативно влияет на здоровье людей. Здоровье и безопасность населения составляют человеческий капитал, который выступает главным приоритетом концепции устойчивого развития общества и экономики, сформулированной под эгидой Организации Объединённых Наций.

Рис. 1. Схема устойчивого развития

Составляющими устойчивого развития, которые возможно использовать на постсоветском пространстве являются:

- предоставление максимальных финансовых и административных полномочий региональной власти;
- содействие диверсификации сельской экономики – развитие сферы услуг (агротуризм, сервисное обслуживание сельскохозяйственной и иной техники, альтернативная энергетика, производство и продажа местной продукции с соответствующими логотипами);
- обеспечение охраны природной среды и проведение образовательных мероприятий по повышению экологического сознания местного населения;
- борьба с девиациями в сельской среде (борьба с пьянством, социальным иждивенчеством, маргинализацией, преступностью), сохранение традиционных морально-нравственных качеств сельских жителей, популяризация сельского образа жизни;
- развитие социальной инфраструктуры сельских территорий (школы, фельдшерско-акушерские пункты, отделения почты, магазины, подключение к сети Интернет) [1, с. 18].

Основой сельской экономики в постсоветских странах остаётся аграрный сектор, который нуждается в технологическом переоснащении. Современные аграрные технологии предполагают использование следующих возможностей:

- спутниковая навигация, позволяет упростить и оптимизировать ориентацию техники на местности, даёт возможность отслеживать нахождение техники и животных в любой момент времени;
- беспилотные транспортные средства и летательные аппараты (дроны) – помогают получать и анализировать информацию о состоянии и темпах посева, уборки урожая;

– IoT-платформы – позволяют осуществлять контроль данных, которые поступают с датчиков, сенсоров и других устройств;

– Big Data – производит анализ данных, получаемых с датчиков за любой временной промежуток, что важно для определения динамики сельскохозяйственного производства и разработки прогнозов на будущее [3].

Среди наиболее перспективных аграрных инноваций можно отметить:

– рукава для зерна – это огромные мешки, не пропускающие влагу и воздух, что позволяет сохранять качество урожая;

– капельное орошение – современная капельная технология не только обеспечивает равномерное распределение воды во время полива растений, но и способна самоочищаться, не зависит от качества водных ресурсов и изменения уровня давления;

– биологические средства борьбы с вредоносными насекомыми – разведение полезных насекомых, способных уничтожать вредителей, их также используют для естественного опыления овощных культур;

– инновационное программное обеспечение – разработка информационных технологий специально для управления и повышения эффективности конкретных сельскохозяйственных комплексов;

– уникальные средства защиты посевов – применение медленно расщепляющихся гербицидов и инсектицидов избирательного действия, которые не вредны для полезных насекомых.

Аграрный сектор, который использует инновационные технологии, не только увеличивает производительность труда, также трансформируются условия жизни сельчан, у людей появляется больше свободного времени, что позитивно сказывается на развитии человеческого капитала.

Таким образом, внедрение технических инноваций ведёт к увеличению продуктивности во всех отраслях сельского хозяйства, что повышает уровень доходов сельчан, способствует развитию социальной инфраструктуры. Благодаря «умным» технологиям появляется возможность сохранения сельских сообществ, популяризации сельского образа жизни.

Информационные технологии пронизывают различные сферы нашей жизни, в сельских сообществах постсоветских государств происходит расширение доступа сельчан к сети Интернет и компьютерно-коммуникационным технологиям. Повышение уровня информатизации сельских сообществ было отмечено автором в процессе проведения социологических исследований (опросы, наблюдение, глубинные интервью) в сельских сообществах российско-белорусского приграничья в 2015-2017 гг. Исследования затрагивали различные сферы жизни сельских сообществ, в том числе удовлетворённость условиями труда.

Полученные данные, показывают, что более 60% российских и белорусских респондентов имеют в своих домохозяйствах компьютерную технику. Однако только чуть более половины из них пользуются Интернетом. В процессе общения с респондентами было выявлено, что компьютерной техникой в основном пользуются молодые люди и люди среднего возраста. Представители старшего поколения, составляют основу сельского населения большинства регионов России и ряда постсоветских стран, их поведение характеризуется доминированием консерватизма и отсутствием интереса и способностей в освоении технических инноваций.

В целях усвоения навыков информационной грамотности требуется принятие ряда административных мер, направленных на повышение образовательного уровня сельчан, популяризацию технической грамотности. Центрами повышения образовательного уровня сельчан должны стать сельские школы и учреждения культуры [2, с. 85].

Таким образом, в сельских сообществах должен сформироваться новый технологический стандарт работы, соответствующий критериям постиндустриального общества. Сельские сообщества сохраняют культурную и мировоззренческую специфику, однако, не смотря на это, важно обеспечить переход на новый технологический уровень – к инновационному сельскому хозяйству. Без технологической революции невозможно остановить депопуляцию и вымирание деревень. Целью развития сельских сообществ должно быть устойчивое развитие, высокое качество жизни населения на основе постоянного технологического прогресса.

Список литературы

1. Григоренко, А.В., Запольский, М.И. Интеграция субъектов сельских территорий: некоторые подходы по оценке их деятельности / А.В. Григоренко, М.И. Запольский // Вестник НАН Беларуси. – 2008. – № 1. – С.18-23.
2. Зволинская, О.В., Головин, А.В. Теоретические подходы к формированию муниципальных ресурсоэффективных агропродовольственных комплексов / О.В. Зволинская, А.В. Головин // Вестник РУДН. – 2009. – №3. – С. 85-91.
3. Иванов, А., Моисеев, В. Сельское хозяйство по-умному [Электронный ресурс]. URL: http://controleng.ru/wp-content/uploads/iot_35.pdf (Дата обращения: 17.10.2019).

FEATURES IMPROVE THE LIVING STANDARDS OF RURAL COMMUNITIES

The article is devoted to the consideration of opportunities that contribute to improving the living standards of rural communities. According to the author, rural communities in comparison with residents of cities adapt much more slowly to socio-economic and sociocultural transformation, which negatively affects people's living standards and the attractiveness of the village as a space for life. The purpose of management policy is to ensure the transition of rural communities to sustainable development. The components of sustainability is the introduction of a complex of innovations that are distinguished by resource saving and environmental safety.

Key words: rural communities, standard of living, sustainable development, transformation, management

УДК 316.334.56

Г.А. Гимранова

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА

На данный момент можно утверждать, что особой популярностью для осуществления городских коммуникаций пользуются интернет-ресурсы. Но нерешенным является вопрос о том, насколько подобные средства могут быть полезными и удобными при решении вопросов городского планирования и благоустройства. Для решения поставленных в ходе исследования задач были использованы открытые данные, размещенные для пользователей интернет-портала «Управляем вместе». Анализ ключевых функций портала «Управляем вместе» позволил сделать выводы о результатах деятельности портала в настоящее время и вместе с тем определить некоторые его слабые стороны.

Ключевые слова: город, портал, участие

Городское пространство принято рассматривать не только с точки зрения его физической составляющей, но и социальной, которая включает в себя коммуникативный компонент [1]. Стоит отметить, что реализация коммуникативной функции городского пространства возможна в том случае, если основные «потребители» городской среды, т.е. жители города, включены в городское сообщество [1]. Только при соблюдении этого условия процесс коммуникации между городскими субъектами становится возможным.

Теоретические аспекты изучения коммуникативных процессов в городе можно отследить в работах С. Маккуайр, О. Пичугина, С. Тосони, Е. Скобелевой, В. Мурылева и др. В настоящий момент всё большему развитию подвергаются

совершаемые в пределах городского пространства коммуникации, опосредованные электронными и интернет-средствами. Наиболее распространенными из них являются интернет-порталы. Особую значимость для горожан имеют порталы по решению вопросов городского планирования и благоустройства. В связи с этим можно говорить о том, что создание городского пространства, «наделенного потенциалом выполнять коммуникативную функцию, является востребованной и важной задачей», в ход выполнения которой следует включать «максимально широкие слои заинтересованных групп»[1]. В частности, жители г. Перми имеют возможность пользоваться подобным порталом, который называется «Управляем вместе». Интернет-портал «Управляем вместе» создан по инициативе губернатора Пермского края М. Г. Решетникова и представляет собой «набор интерактивных инструментов, с помощью которых жители Прикамья могут принять участие в реализации программы развития края, направить свои замечания по текущему содержанию объектов социальной и транспортной инфраструктуры и внести предложения в программу дальнейшего развития региона» [2].

Текущее состояние и дальнейшее развитие города напрямую зависят от того, «насколько эффективно организовано в нём управление»[3], поэтому важной становится оценка результатов функционирования портала «Управляем вместе».

Соответственно, *цель исследования* – проанализировать формы участия жителей г. Перми в процессе городского планирования и благоустройства посредством портала «Управляем вместе» и оценить деятельность портала.

Эмпирической базой выступают результаты контент-анализа сообщений портала «Управляем вместе», опубликованных за период с мая по октябрь 2019 года.

Портал предлагает своим пользователям принять участие в решении городских проблем в трех формах: отправить сообщение, проголосовать и принять участие в краудсорсинге. Наиболее активным способом принять участие в реализации Программы развития для пермских пользователей портала является публикация сообщений о проблемах в городе. Раздел насчитывает 19567 сообщений, среди которых лидируют описания проблем о дорогах (53,59% опубликованных проблем), дворах (30,16%) и рекламных конструкциях (4,88%). Далее см. табл.1.

Тематика сообщений проблем в Перми на портале «Управляем вместе»

Тематика проблем	Количество опубликованных проблем	Процент от общего количества проблем
Дороги	10486	53,59
Дворы	5902	30,16
Рекламные конструкции	954	4,88
Нестационарные торговые объекты	698	3,57
Парки и общественные территории	608	3,1
Общественный транспорт	558	2,85
Уличное освещение	169	0,86
Содержание многоквартирных домов	83	0,42
Спасибо	55	0,28
Капитальный ремонт многоквартирных домов	18	0,09
МФЦ	17	0,07
Доступность здравоохранения	10	0,05
Борщевик	7	0,04
Спорт для каждого	2	0,01

При этом для описания проблем о дорогах или дворах выделяется наибольшее количество категорий. На портале отмечается активность ответов администрации на описания от пользователей. Количество проблем с ответом составляет 18692 проблемы (95,5% опубликованных проблем), среди которых аналогично лидируют проблемы о дорогах (52,53% среди проблем с ответом), дворах (30,98%) и рекламных конструкциях (5,09%). Далее см. табл.2.

Проблемы Перми на портале «Управляем вместе» с ответом

Тематика проблем	Количество проблем с ответом	Процент от общего количества проблем с ответом	Процент от количества проблем по тематике
Дороги	9818	52,53	93,63
Дворы	5790	30,98	98,1
Рекламные конструкции	952	5,09	99,79
Нестационарные торговые объекты	671	3,59	96,13
Парки и общественные территории	577	3,09	94,9
Общественный транспорт	547	2,93	98,03
Уличное освещение	161	0,86	95,27
Содержание многоквартирных домов	79	0,42	95,18
Спасибо	52	0,28	94,55
Капитальный ремонт многоквартирных домов	17	0,09	94,44
МФЦ	17	0,09	100
Доступность здравоохранения	9	0,05	90
Спорт для каждого	2	0,01	100
Борщевик	0	0	0

Процент решенных проблем аналогично находится на высоком уровне. Количество решенных проблем насчитывает 16101 (82,3% опубликованных проблем). Лидерство также принадлежит решениям проблем о дорогах (50,61% среди решенных проблем), дворах (32,51%) и рекламных конструкциях (5,57%).

Можно отметить, что между населением и городской властью благодаря предложенному portalу осуществляется успешное взаимодействие по вопросам решения основных городских проблем Перми. Помимо высокого процента ответов и решенных проблем это подтверждает процент проблем с готовящимся ответом (15%), что говорит об активности и инициативности, в том числе со стороны администрации города.

Еще одним способом получения знаний о реализации программы развития города является раздел информирования о развитии. За 2019 г. он насчитывает

5480 сообщений о новых и восстановленных объектах. Среди таких объектов высокие показатели принадлежат тематике многоквартирных домов (41,9%), дорог (11,7%) и дворов (10%).

В разделе также можно проследить рейтинг районов Перми в решении проблем городского развития. В процентном соотношении решенных проблем лидируют Новые Ляды, Индустриальный и Кировский районы, наименьшая активность наблюдается для Свердловского и Мотовилихинского районов, однако в этих двух районах проживает наибольшее число жителей. Далее см. рис.1.

Рис 1. Рейтинг районов Перми в решении городских проблем

Обратим внимание на еще один раздел портала – голосования по наиболее актуальным городским темам. За период существования портала проведено 8 голосований, темами которых становились будущее города, образование, транспорт, спорт, цифровая экономика, строительство эспланады и аэропорт.

По каждому из голосований для пользователей портала существует возможность ознакомиться с результатами, в том числе и в графическом представлении. Наиболее визуальными являются результаты голосования о городской эспланаде, включающие в себя свыше 50 таблиц и диаграмм. При этом были проведены с указанием конкретных инициаторов только голосования на тему эспланады и на тему образования.

На портале присутствует и раздел краудсорсинга. В данный момент он не пользуется такой активностью и инициативностью, как публикация проблем и информирование о развитии. Количество участвующих пользователей составляет 827 жителей, в разделе предложена 271 идея, среди которых будет реализовано 85 идей (31,2%).

Выводы. По итогам исследования можно сделать вывод о том, что на данный момент портал является эффективным инструментом в решении различных городских проблем. Это выражается как в высоком показателе количества ответов на опубликованные проблемы и решенных проблем, так и в процентном соотношении решенных проблем в конкретных категориях. Кроме того, обращение к органам власти посредством портала позволяет сэкономить собственные временные ресурсы на взаимодействие с властными органами при сравнении с личным посещением общественных приемных в ограниченные часы.

Основные темы публикаций проблем связаны с дорогами и дворами, среди информирования лидируют сообщения о новых многоквартирных домах. При этом выделяются отдельные тематики проблем, решаемые всегда или практически всегда. К таким тематикам относятся спорт, МФЦ и рекламные конструкции.

С течением времени активность жителей на портале начинает возрастать, что также свидетельствует об эффективности такого способа взаимодействия. Разделы, предлагающие пользователям принять участие в голосованиях и краудсорсинге, не имеют такого количества открытых данных, которые можно обнаружить при анализе раздела с сообщениями. Это характеризует портал как не в полной мере открытый в информационном плане.

Однако при рассмотрении опубликованных проблем и информировании о новых или восстановленных объектах следует уделять внимание всем районам в равной степени, что на данный момент не соблюдается. Для повышения показателей результативности портала необходимо улучшить активность и инициативность представителей городской власти в тех районах города, где жители не вовлечены в нужной степени во взаимодействие с властью через подобные каналы.

Стоит уделить внимание и развитию раздела краудсорсинга. Для этого можно предлагать проекты, касающиеся самых распространенных проблемных тематик, так как именно они больше всего популярны среди пользователей проекта и могут являться стимулом для улучшения показателей раздела.

Список литературы

1. Чернявская О. Город как коммуникативное пространство. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/data/2012/10/25/1245778687/Чернявская%20Город%20как%20Окоммуникативное%20пространство.pdf> (Дата обращения: 08.10.19).
2. Управляем вместе. [Электронный ресурс]. URL: <https://vmeste.permkrai.ru> (Дата обращения: 08.09.19).

3. Зерчанинова Т. Социальная эффективность деятельности органов местного самоуправления городских округов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-effektivnost-deyatelnosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-gorodskih-okrugov> (Дата обращения: 21.10.19).

G.A. Gimranova

‘WE MANAGE TOGETHER’ PORTAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE FUNCTION OF THE CITY

At the moment it can be argued that Internet resources are especially popular among urban communications. But the unresolved is the question of how such tools can be useful and convenient in solving issues of urban planning and improvement. To solve the tasks posed during the study, open data was used, posted for users of the ‘We Manage Together’ web portal. An analysis of the key functions of the ‘We Manage Together’ portal allowed us to draw conclusions about the results of the portal’s activities at present and at the same time identify some of its weaknesses.

Keywords: city, portal, participation

УДК 316.45

Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина, Э.Б. Гаязова

К ВОПРОСУ О РИСКАХ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ)

Исследованы миграционные и этноконфессиональные риски в условиях развития городских агломераций. Проведен анализ теоретических подходов к интерпретации категории «риск», выявлены факторы, способствующие возникновению миграционных и этноконфессиональных рисков.

Ключевые слова: риск, агломерация, миграция, географическое пространство.

Риск стал неотъемлемой характеристикой жизни общества в целом и всех групп его населения. Из года в год усиливается рост межнациональных и межэтнических миграций, который, по оценкам западных специалистов, выступает серьезным вызовом сложившимся мировым системам: политической, экономической и социокультурной [1, с. 80-88]. Актуальность исследования этноконфессиональных и миграционных рисков в определенных географических пространствах обусловлена тем фактом, что современные российские города находятся в мировом тренде урбанизации [2, с. 48]. Нельзя однозначно

© Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З., Гаязова Э.Б., 2019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00981.

утверждать, что этнические, конфессиональные и миграционные риски в регионе, в том числе в Казанской агломерации, полностью отсутствуют.

В науке существует подход к определению риска как констатации опасности, угрозы физического и социального благополучия. Такой риск наиболее остро переживается людьми и может быть определен как витальный риск. Второй подход определяет риск с позиции действий субъекта в направлении альтернативного выбора избегания ситуаций риска. Два варианта взаимно дополняют друг друга, по своей сути рассматривая признание факта опасности и действия по выбору варианта выхода из ситуации опасности, в сторону рискованного или консервативного. Интеграция научных знаний: философских, социологических и психологических, создает предпосылки для изучения механизмов формирования мнений людей относительно своего поведения в ситуации риска, влиянии на этот процесс различных факторов.

Предварительный анализ позволяет определить потенциал таких рисков как: миграционные (состав населения, неоднородность расселения, геттоизация), культурные (преобладание одних культур, архаизация, рурализация, фольклоризация, риски идентичности), политические (партии с национальными программами, социально-классовое расслоение, радикализм, экстремизм), бытовые (дискомфорт повседневности), экономические (сегрегация на рынке труда, дискриминационные трудовые практики), общественные (релятивистская мораль, нарушения прав, отсутствие оснований для солидарности).

В статье «Миграционные и этноконфессиональные региональные риски в восприятии населения» [3, с. 41-44] определено, что формированию этнических и конфессиональных рисков способствуют следующие факторы:

- низкий уровень духовного образования населения России, присущий как общей массе населения, так и религиозным деятелям;
- внешние факторы (деятельность миссионеров из зарубежных стран, поддержка местных радикалов международными исламистскими группировками и др.);
- особенности взаимоотношений государственных и религиозных институтов;
- процесс «религиозного возрождения»;
- коммуникативные процессы между людьми в социальных сетях;
- недостатки в сфере государственной молодежной политики, концептуальные подходы к реализации которой были выработаны десятилетиями ранее, и в современных условиях не вполне отвечают требованиям борьбы с ксенофобией.

Классификация этноконфессиональных и миграционных рисков раскрывается в системе индикаторов, а именно:

- изменение состава населения вследствие миграции;
- возникновение районов, заселенных представителями конкретной национальности;
- возникновение районов, заселенных представителями конкретной религии;
- проявления несвойственного коренным жителям поведения в быту;
- проявления несвойственного коренным жителям поведения на работе;
- проявления несвойственной коренным жителям религиозной атрибутики (одежды, символики и т.д.);
- проявление ритуалов, обычаев, типов одежды и т.д., характерных для мигрантов;
- увеличение детей мигрантов в образовательных учреждениях;
- увеличение детей мигрантов в дошкольных образовательных учреждениях;
- увеличение конкуренции на рынке труда из-за притока мигрантов;
- возникновение нелегального рынка труда из-за притока мигрантов;
- преобладание представителей одной национальности или религии в определенных сферах экономики;
- рост преступности и обострение криминогенной обстановки из-за мигрантов;
- обострение межнациональных конфликтов из-за притока мигрантов;
- распространение радикальных националистических идей;
- распространение радикальных религиозных идей.

По имеющимся прогнозам, в ближайшее время нашу страну ожидает серьезное сокращение численности трудоспособного населения. Так, согласно среднему варианту прогноза Росстата, к 2025 г. его численность уменьшится на 14 млн. чел., или на 16%. Такой обвал ресурсной составляющей рынка за столь короткий период будет невозможно возместить за счет технического прогресса и реструктуризации экономики [4].

Этнический ландшафт города Казань формируется следующими потоками: ежегодно 225 тыс. мигрантов приезжают в город и Республику Татарстан. Миграция сыграла существенную роль в приросте населения, так как рождаемость в Казани стала превышать смертность только с 2009 года. Казань является крупным центром притяжения мигрантов как из-за пределов республики Татарстан и России, так и из других стран. Максимальный миграционный прирост населения отмечался в середине 1990-х годов, в том числе и за счет немалого числа этнических татар. В 2000-е годы репатриационная миграция уступила место временной трудовой, что сказалось на отдельных качественных характеристиках потока: стало меньше выходцев из крупных

городов, снизился образовательный уровень приезжающих. Казань стягивает население из сельских районов республики Татарстан, с регионов Приволжья, Урала.

Результаты массового опроса показали, для городской агломерации наиболее характерны следующие виды этноконфессиональных рисков: 22% респондентов по шкале 0-10 баллов в максимальной степени указали на возникновение нелегального рынка труда из-за притока мигрантов, 21% – увеличение детей мигрантов в образовательных учреждениях, распространение радикальных религиозных идей (19%), преобладание представителей одной национальности или религии в определенных сферах экономики (19%), увеличение конкуренции на рынке труда из-за притока мигрантов (19%), увеличение детей мигрантов в дошкольных образовательных учреждениях (19%), обострение межнациональных конфликтов из-за притока мигрантов (17%).

Для поддержания стабильности в межэтнических взаимоотношениях важно своевременно выявлять ситуации возможных рисков и угроз, так как современному социуму присуща высокая выраженность различных социальных проблем, начиная от существующей угрозы личной безопасности, наличия материальных и жилищных проблем, заканчивая проблемами в культурной сфере, которые также значимы, так как их проявления могут восприниматься или трактоваться в качестве дискриминации различных этнических групп. В представлении населения мигранты порождают ощущения риска, связанного: с изменением состава населения вследствие миграции, возникновением районов, заселенных представителями конкретной национальности и религии; проявлением несвойственного коренным жителям поведения в быту и на работе; проявлением ритуалов, обычаев, типов одежды и т.д., характерных для мигрантов; увеличением детей мигрантов в образовательных учреждениях, в т.ч. и дошкольных; снижением заработной платы на рынке труда, увеличением конкуренции на рынке труда, возникновением нелегального рынка труда из-за притока мигрантов, преобладанием представителей одной национальности или религии в определенных сферах экономики; ростом преступности и обострением криминогенной обстановки из-за мигрантов; обострением межнациональных конфликтов и распространением радикальных идей.

Переселение представителей различных этнических и конфессиональных групп из других стран накладывает повышенную ответственность на исполнительные органы власти в реализации национальной политики в локальных агломерациях. На мегаполисы накладывается повышенная нагрузка, поскольку основной приток беженцев приходится на крупные агломерации (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск).

Исследование российских социальных процессов социологической наукой в современных условиях будет неполным без выявления рисков гиперактуализации этнического статуса социальных групп и фокусирования городских сообществ на проблемах межэтнических и межконфессиональных отношений в городских агломерациях.

Таким образом, можно выделить следующие характеристики в области этноконфессиональных процессов:

Представители этнических и конфессиональных общин города отличаются высокой общественной активностью (в сравнении с другими городскими сообществами), что позволяет им самостоятельно определять и находить решения для своих проблем.

Наблюдается этнокультурное содержание этнической идентичности (с уклоном в народную, этнографическую культуру) в противовес политическому и гражданскому содержанию этнической идентичности на рубеже веков.

Универсальность образа успешности для Казани в глазах представителей различных этнических групп: веротерпимость, национальная дружелюбность и толерантность, культурность человека вне зависимости от национальности и вероисповедания, ответственность, открытость гражданской позиции, настойчивость и воспитанность (культурность как образ жизни).

Особые условия города Казани для представителей этнических групп, прибывших из других регионов, ближнего и дальнего зарубежья: в экономической сфере доступность качественного и специализированного высшего образования; высокий уровень заработных плат по сравнению с другими городами Республики Татарстан, этнически сопряженный характер распределения рабочих мест как в государственном секторе, так и в других значимых сферах экономики; разнообразие видов профессиональной деятельности, доступность общественного и частного транспорта. В политической сфере – государственная политика толерантности, региональная поддержка молодежи. В культурной сфере – отсутствие конфликтов в межэтнической и межрелигиозной среде, уважение к иным культурам в городе, красота города. В социальной сфере – условия в городе для развития детей мигрантов.

Список литературы

1. Свирина О.Н. Этнические стереотипы как одна из причин социально-психологических рисков в межэтнических отношениях мигрантов и коренного населения // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2016. №4. С. 80-88.

2. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Никитина Т.Н. Исследование этноконфессионального пространства городской агломерации методом картографии // Управление устойчивым развитием. 2018. №6. С. 46-51.

3. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Миграционные и этноконфессиональные региональные риски в восприятии населения // Управление устойчивым развитием. 2018. №5. С. 41-44.

4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан: URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 26.10.19).

R.I. Zinurova, T.N. Nikitina, L.Z. Fathullina, Gayazova E.B.

TO THE QUESTION OF RISKS IN URBAN AGGLOMERATIONS (ON THE EXAMPLE OF KAZAN)

The migration and ethno-confessional risks in the conditions of the development of urban agglomerations are investigated. The analysis of theoretical approaches to the interpretation of the category of «risk» is carried out, the factors contributing to the emergence of migration and ethno-confessional risks are identified.

Key words: risk, agglomeration, migration, geographical space.

УДК 316.472.4:485.22

В.А. Нагаев, Д.Ю. Нархов

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТА КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Изучаются виртуальные социальные сети как основной источник возникновения и развития социальных протестов студенческой молодежи. Вводится определение «Социальные сети Интернета» как особого типа виртуальной сети, акторами которой выступают аватары реальных социальных объектов. На конкретных примерах изучаются свойства социальных сетей, детерминирующие протесты студенчества. Делается вывод о необходимости учитывать способность социальных сетей в повышении протестных настроений при организации работы с молодежью.

Ключевые слова: Социальные сети, молодежный протест, гражданская культура, политическая активность, Интернет-СМИ, профилактика протестных настроений

Активно распространяемый в социологии молодежи сетевой подход основан на понимании социальных сетей как некоторой совокупности «множественных устойчивых однородных связей в обществе, выделяемых из разносторонних отношений между акторами (индивидами, группами,

организациями, др. общностями), выступающими в качестве узлов» [1]. Такие сети связывают реально функционирующие социальные объекты – общности, группы, социальные организации и так далее. Вместе с тем, развитие Интернета привело к появлению интеактивных многопользовательских платформ и сайтов, позволивших выстраивать, воспроизводить и поддерживать социальные отношения в виртуальном пространстве. В качестве акторов этих компьютерных сервисов выступают аватары – цифровые представители как реальных, так и вымышленных социальных объектов. Для обозначения таких сетевых структур в научный оборот был введен термин «виртуальные социальные сети». Часть таких сетей приобрела масштаб глобального, общемирового социокультурного феномена (Фейсбук, Вконтакте, Телеграмм, Инстаграмм и др.). В данной статье термин «социальные сети Интернета» будет использоваться для обозначения виртуальных социальных сетей, аватары которых представляют реально существующие социальные объекты и структуры.

Активная цифровизация социального пространства молодежи связана прежде всего с технологическим развитием Интернета – в его мобильном варианте (смартфон, планшетные устройства и т.п. с высокой скоростью передачи данных) и содержательном наполнении – медиаконтентом, превратившим виртуальные социальные сети в альтернативные традиционные средства массовой информации.

На сегодня социальные сети Интернета развиваются быстрыми темпами, что способствует активному ее использованию в целях размещения экстремистских материалов для повышения уровня протеста. Данная проблема охватывает многие развитые страны, и так же актуальна для России. С помощью социальных сетей сети Интернет и возможностей, которые предоставляют веб-сервисы, члены экстремистских движений активно воздействуют на сознание граждан. Большей частью общества, на которую оказывают влияние, экстремисты является молодёжь. В последнее время происходит обострение проблемы социального протеста во всем мире. В настоящее время данный вопрос рассматривается как проблема общегосударственного значения и угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Социальные сети – доверенный источник информации для молодежи, в отличие от отфильтрованной телевизионной информации, так как в Интернете существует феномен «вседозволенности» в распространении информации, порождаемый потенциальной возможностью скрыть реальный статус актора за аватаром, принадлежность которого, впрочем, весьма легко устанавливается. Другой вопрос, что большая часть молодежи этого фактора воспринимать не хочет. Власти разных стран с неодобрением относятся к чрезмерной свободе в социальных сетях, поэтому в целях безопасности создаются различные рычаги

для управления. Молодежь, которая высказывает свое радикальное мнение в отношении власти в социальных сетях, уверена, что среди многомиллионной аудитории, найдутся единомышленники, которые поддержат. По мнению К.Б. Гетманского, «социальные сети, в отличие от изданий эпохи Просвещения, подвергавшихся гонениям со стороны государства за распространение памфлетов и других сатирических произведений, а также за публикацию неугодных научных произведений социального, политического и философского характера, практически свободны от какой-либо цензуры» [2, с. 197].

Если в первом десятилетии XXI в. молодежь большей частью была аполитична или лояльна к власти [3, с. 43; 4, с. 199-203; 5, с. 11-115; и др.], то сегодня ситуация меняется. Как особенно яркие примеры социальных протестов молодежи в 2019 году в России можно выделить такие как «Борьба за СКВЕР» в Екатеринбурге, протесты против недопуска независимых кандидатов на выборы в Московскую Городскую Думу. И там, и там протестные акции имели выраженный социально-политический контекст. Чувство недоверия к власти уже включено в структуру массового сознания молодежи и активно используется в политической жизни, о чем свидетельствуют события в Екатеринбурге и Москве летом 2019 г. Она становится выгодной в политической сфере. Используя чувство протеста особенно студенческой молодежи, легко манипулировать массами и направлять их чувства в определенное русло, используя при этом социальные сети. Они становятся инструментом управления политической жизни молодежи. В принципе протестные настроения молодежи возникают вследствие социальных проблем, неблагополучия и общего недовольства. Соответственно, если жизнь налаживается, то оно постепенно угасает. Если чувство аполитичности молодежи возрастает, то прилагаются специальные усилия и механизмы оппозиции, чтобы возродить, подпитать настроения политического протеста. С этой целью провоцируются определенные события, имеющие политическое предназначение, манипулирование информацией в СМИ.

Протестные настроения в студенческой среде были и в советские годы, однако в силу специфики социального устройства они не освещались и не анализировались в СМИ. Но в постсоветские годы для СМИ – это одна из острых тем, поскольку тема протестов особенно среди молодежи стала одним из инструментов современной политической жизни России. Чаще всего открыто протестные акции никто в СМИ не поддерживает. Открытая поддержка протестов осуществляется только от оппозиционных СМИ («Дождь», «Эхо Москвы»), и особенно это видно в социальных сетях. Интересно, что порой даже конкретные суждения медийных персон выступают формой ее поддержки.

Видно, что в последнее время очень модно стало осуждать Российскую власть в Интернет-СМИ среди элит для молодёжи. Например, о намерении «Поддержать горожан» на митинге в Москве, сообщили через социальные сети, и затем реально участвовали в проведении санкционированных протестных митингов рэпер «Фейс», группа "Кровосток", группа «IC3PEAK», Юрий Дудь, «Oxxxymiron» и другие.

Социальные сети Интернета – это платформа для гласности. Это видно на примере восточных стран, где прошла серия «цветных» революций: Тунис, Египет, Ливия. Молодые граждане активно использовали сети Интернет в организации акций протеста и демонстрации недовольства властью. По этому же плану пошла и российская оппозиция, не признавшая выборы в Мосгордуму, а также не согласившаяся с решениями судов о наказании активных участников несанкционированных митингов. Протестные акции лета-осени 2019 г. были организованы в социальных сетях и нашли отражение в большинстве регионов страны. Центральные телеканалы особо не освещали данные события или вовсе хранили молчание, а в это время во всемирной паутине формировались митинги. Социальные сети доказали свою высокую коммуникативную способность.

Свременная молодежь полагает, что со стороны государства все чаще применяются элементы цензуры, а информация, которая распространяться в социальных сетях Интернета, не поддается фильтрации в той же степени, как на телевидении. Сейчас с помощью глобальной всемирной паутины можно самому освещать различные события в прямом эфире (трансляции) через социальные сети, которых не будет ни в одном журналистском репортаже, вследствие чего нарушается система поставки официальной информации СМИ через центральные телеканалы, с которыми всегда работает государство. Новейшая история показала, что с приходом глобальных информационных преобразований можно завоевать любую страну с помощью социальных сетей. Это обстоятельство необходимо использовать в организации политической, гражданской работы с молодежью, а потому тема профилактики социальных протестов молодежи и изучение вызывающих их причин будет только набирать актуальность.

Список литературы

1. Радаев В. В. Сети социальные // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3659470> (Дата обращения: 02.10.2019)
2. Голубева Н.А., Пархоменко А.Н. Особенности отношений к СМИ и в СМИ в осуществлении социализации современных подростков // Мир психологии. – 2011. – №4 (68). – С. 196-205.

3. Теория и практика устойчивого ценностно-позитивного развития молодёжи: Коллективная монография под ред. С.В. Тетерского, Т.К. Ростовской. – М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2016. – 280 с.

4. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 272 с.

5. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян [и др.] / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 244 с.

V.A. Nagaev, D.Yu. Narkhov

SOCIAL INTERNET NETWORKS AS A SOURCE OF SOCIAL PROTEST OF STUDENT YOUTH: ACTUALIZATION OF THE PROBLEM

Virtual social networks are being studied as the main source of the emergence and development of social protests of students. The definition of “Social Networks of the Internet” is introduced as a special type of virtual network, the actors of which are avatars of real social objects. Using concrete examples, we study the properties of social networks that determine student protests. It is concluded that it is necessary to take into account the ability of social networks to increase protest moods when organizing work with young people.

Keywords: social networks, youth protest, civic culture, political activity, online media, the prevention of protest moods.

УДК 316

Е.С. Резникова

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ КРЕАТИВНОГО КЛАССА

В данной статье речь идет об одном из ключевых ресурсов социально-экономического развития современного общества, который выражен в развитии такого явления как социальное предпринимательство и его специфике.

Ключевые слова: креативный класс, социальное предпринимательство, социально-экономическое развитие

Согласно мнению американского социолога Р. Флориды, в современной экономике происходят изменения, появляются новые потребности, выраженные в формировании нового класса. Под классом ученый прежде всего понимает

совокупность людей, обладающих общими интересами, и склонных думать, чувствовать и вести себя сходно, что определяется видом работы, который обеспечивает им средства к существованию. Особенность нового, креативного, класса заключается в том, что люди зарабатывают на жизнь креативным трудом. Их главная экономическая функция заключается в генерировании новых идей, новых технологий [1, с. 23]. Новый класс охватывает людей, занятых в сфере архитектуры, дизайна, образования, искусства, финансов, предпринимательства и пр., и то, что их объединяет – это креативность (технологическая, культурная и экономическая). Согласно концепции Р. Флориды, именно творческая, креативная деятельность выступает главным двигателем развития современной экономики.

Вместе с тем, в последние годы во всем мире, в той или иной степени, развивается идея социального предпринимательства, которая отражает основные положения концепции креативного класса и соотносится с новыми потребностями экономики. Этому относительно новому виду социально-экономической деятельности присваивают важную роль в развитии социальной и экономической сфер общества, поскольку социальные предприниматели несут в себе не только цель достижения материального благополучия, но и осуществление некоторой социальной миссии, они стремятся организовать свою деятельность таким образом, чтобы она имела общественную значимость. Социальный предприниматель должен суметь выстроить свою деятельность таким образом, чтобы: во-первых, его деятельность приносила прибыль (т.е. она должна строиться на принципах традиционного предпринимательства), во-вторых, прибыль служила бы инструментом для достижения поставленных целей, прежде всего социального характера, в-третьих, служила бы неким образцом, который позволил бы решать подобные проблемы и в других регионах страны, и наконец, эта деятельность должна носить инновационный характер [2]. Инновационность – это тот критерий, который присутствует в ключевых подходах идентификации социального предпринимательства, поскольку совмещение социальной и экономической составляющих требует от предпринимателя особого образа мыслей, изобретения новых бизнес-моделей. Инновационность, которая выражается в генерации новых форм бизнес-моделей, в которые вплетены и социальная, и экономическая составляющие – есть основа социального предпринимательства, именно это делает его отличным от таких смежных явлений как благотворительность, традиционный бизнес и бизнес в социальной сфере. Так, социальные предприниматели – это люди, которые находятся в поиске новых способов, комбинаций, позволяющих решать проблемы социального характера быстрее и эффективнее, при этом используя методы предпринимательства.

В научной среде сформирован значительный интерес к проблеме социального предпринимательства, который представлен в трудах как зарубежных, так и отечественных авторов, среди которых Б. Дрейтон, Л. Мартин, М. Юнус, Н. А. Антонинова, М. Баталина, А.А. Московская и др. На социальное предпринимательство сегодня возлагают большие надежды и считают его одним из наиболее значимых инструментов развития социально-экономической сферы общества. Организуют разнообразные формы его поддержки (информирование, юридическая помощь, материальная поддержка, образовательные мероприятия и т.д.), которая исходит от разных субъектов: государство, фонды поддержки и развития малого и среднего бизнеса (в том числе, социального предпринимательства), крупный бизнес, гражданское общество. Запрос на его развитие исходит не только от государства, но и от общества, поскольку социальное предпринимательство – это не просто возможность занять определенное материальное положение, но и реализовать свои идеи, свои творческие способности и удовлетворить стремления и желания быть нужным, нести благо для общества.

Таким образом, мы можем сказать, что последние тенденции в сфере экономики демонстрируют значимость творческого, креативного подхода в развитии общества, а государство и другие субъекты выделяют ресурсы для его поддержания и развития. Творческий этос становится главным источником развития общества, в то время как креативность – одной из характеристик современной экономики.

Список литературы

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Издательский дом "Классика-XXI", 2007. 421 с.

2. Критерии социального предпринимательства. Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusfranch.ru/partners/fond_quotnashe_budushcheequot/. / <http://www.nb-fund.ru/> (Дата обращения: 03.10.2019).

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT OF THE CREATIVE CLASS: ABOUT THE KEY RESOURCE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT MODERN SOCIETY

This article is about one of the key resources of the socio-economic development of modern society, which is expressed in the development of such a phenomenon as social entrepreneurship and its specificity.

Key words: creative class, social entrepreneurship, socio-economic development

УДК 332.1

Т.С. Соловьева, А.В. Попов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕЙКХОЛДЕРОВ В РАМКАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ *

В работе рассматриваются вопросы сотрудничества различных акторов в области развития социальных инноваций. На данных экспертного опроса анализируется уровень взаимодействия органов власти, частного бизнеса, научно-образовательных организаций, структур гражданского общества и социальных предпринимателей в рамках поддержки социально-инновационной деятельности на территории регионов Северо-Западного федерального округа России.

Ключевые слова: социальные инновации, регион, стейкхолдеры, взаимодействие

Социальные инновации выступают эффективным способом решения многих социальных проблем, что находит отражение в политической повестке многих государств. Как показывает практика, социальные инновации играют большую роль в решении вопросов устойчивого развития [3] и в самом общем виде представляют собой новые идеи, успешно отвечающие текущим социальным целям [4]. При этом социальные инновации могут инициироваться государством, частным сектором, НКО и т.д., но чаще всего они возникают на стыке различных секторов. Изучение механизмов и моделей сотрудничества стейкхолдеров в рамках развития социальных инноваций имеет важное значение, так как это позволяет не только решать конкретные проблемы, но и предоставляет возможность исследования процессов социальных изменений [5].

С целью выявления уровня взаимодействия различных стейкхолдеров в отношении развития социальных инноваций в 2019 г. авторами был проведен

экспертный опрос на основе анкетирования представителей следующих групп акторов (n=171): органов власти и государственных структур (n=34), частного бизнеса (n=32), гражданского общества (n=3), научно-образовательных организаций (n=39) и социальных предпринимателей (n=33). Исследование осуществлялось в 10 регионах Северо-Западного федерального округа в форме онлайн-опроса. Эксперты выбирались по признакам месторасположения, принадлежности к определенной когорте акторов и компетентности. Анализ данных экспертного опроса выполнялся с помощью программы SPSS Statistics. Основным вопросом, в рамках которого проводилась оценка, выступил следующий: «*Оцените, пожалуйста, уровень взаимодействия между [актор 1] и [актор 2] по вопросам развития социальных инноваций в регионе*». Экспертам предлагалось оценить «взаимодействие в целом» посредством 5-балльной шкалы (1 – низкий уровень, а 5 – высокий уровень). Итоговый индекс рассчитывался на базе средней арифметической взвешенной, деленной на 100, в результате его значения могли находиться в диапазоне от 0 до 1. При этом по принципу моды были выделены три уровня взаимодействия (низкий, средний и высокий). Для выявления конкретных направлений поддержки использовались уточняющие вопросы.

Ограниченность взаимодействия между акторами социальных инноваций является ключевым препятствием их развития в России [1, с. 98-99], хотя многие из них заинтересованы в партнерских отношениях друг с другом. Рассмотрим, как оценивают уровень взаимодействия по вопросам развития социальных инноваций бизнес, органы власти, научно-образовательные учреждения, организации гражданского общества, социальные предприниматели.

Согласно результатам исследования, худшие оценки взаимоотношениям с другими группами дали представители частного бизнеса (рис. 1). Исключение составили только связи с научно-образовательными организациями, взаимодействие с которыми они оценили как «среднее» (значение индекса 0,448). В отношении других стейкхолдеров был отмечен низкий уровень взаимодействия.

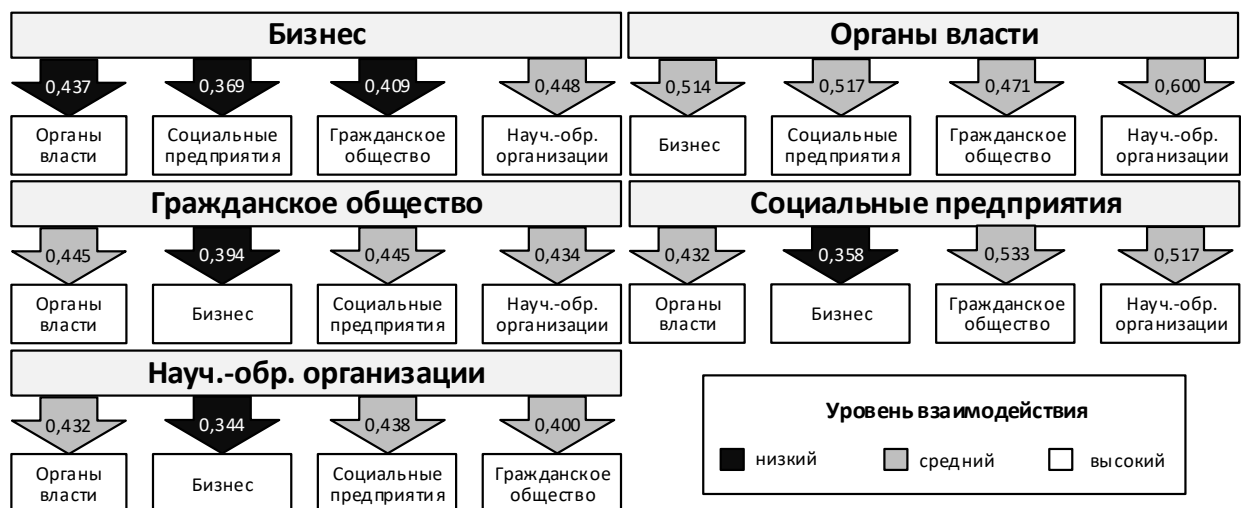

Рис. 1. Уровень взаимодействия различных акторов по вопросам развития социальных инноваций

Более всего частный бизнес поддерживает других акторов посредством оказания финансовой помощи, информационно-консультационного, инфраструктурного и технического обеспечения инновационной деятельности. В то же время предприниматели весьма часто затруднялись назвать конкретные направления сотрудничества в области развития социальных инноваций. Следовательно, партнерские отношения бизнеса с другими стейкхолдерами являются наименее устоявшимися. В зарубежной практике обычно наиболее развитыми выступают отношения бизнеса с университетами и исследовательскими центрами [2, с. 76-77].

Организации гражданского общества, научно-образовательные учреждения и социальные предприятия в целом поставили «средние» оценки состоянию взаимодействия. Необходимо отметить, что представители всех групп акторов указали на неразвитость связей с бизнесом. В данном случае научно-педагогические работники наименее позитивно оценили уровень взаимоотношений с частным бизнесом в вопросах развития социальных инноваций (0,344), однако, со своей стороны эксперты из числа бизнес-сообщества дали самые высокие оценки именно данному направлению взаимодействия.

Что касается организаций гражданского общества, то самые тесные деловые контакты установились с органами власти и социальными предприятиями (0,445), что в основном выражается в обеспечении информационно-консультационного сопровождения. Вместе с тем в отношении бизнеса каждый четвертый эксперт затруднился ответить на вопрос о конкретных мерах поддержки.

Научно-образовательные учреждения в сфере развития социальных инноваций наиболее плодотворно сотрудничают с социальными предприятиями (0,438) и органами власти (0,432). Главными направлениями являются информационно-консультационная, кадровая и инфраструктурная поддержка, а также обучение и научно-методическое сопровождение. При этом более 20% экспертов данной группы отметили, что научно-образовательные организации не оказывают никакой поддержки органам власти в вопросах развития социальных инноваций, что позволяет предположить, что услуги науки и образования по развитию социальных инноваций недостаточно востребованы со стороны властных структур.

Исследование показало, что социальные предприниматели наиболее активно взаимодействуют со структурами гражданского общества (0,533) и научно-образовательными организациями (0,517). В вопросах развития социальных инноваций социальные предприниматели в основном занимаются информационно-консультационной поддержкой. В рамках взаимоотношений с бизнесом и государственными структурами, как правило, оказывается помощь в формировании благоприятного имиджа социальных инноваций, со структурами гражданского общества и научно-образовательными организациями, причем в инфраструктурном сопровождении инновационной деятельности.

Данные экспертного опроса свидетельствуют о том, что органы власти существенно выше, чем другие стейкхолдеры, оценивают сотрудничество в сфере развития социальных инноваций, однако степень данного взаимодействия можно определить лишь как среднюю. Наиболее высокие оценки уровня развития партнёрских отношений органы власти дали связям с научно-образовательными организациями (0,600). Тем не менее, 30% экспертов оказались не в состоянии назвать формы поддержки академического сообщества в интересах развития социальных инноваций. Наиболее распространёнными видами сотрудничества органов власти с другими акторами выступают информационно-консультационное и инфраструктурное обеспечение. В отношении бизнеса и социальных предпринимателей (в отличие от научно-образовательных учреждений и структур гражданского общества) также часто оказывается финансовая поддержка в виде привлечения инвестиций, грантовых средств и т.д.

Таким образом, итоги исследования позволяют говорить о том, что взаимодействие различных стейкхолдеров по вопросам развития социальных инноваций в Северо-Западном федеральном округе находится в стадии становления и требует усилий представителей бизнес-сообщества, органов власти, научно-образовательных учреждений, структур гражданского общества, социальных предпринимателей по дальнейшему совершенствованию

сотрудничества. Представляется, что одним из ключевых направлений развития взаимоотношений может стать расширение контактов с бизнес-структурами, а также определение места и роли университетов и исследовательских центров в социально-инновационной деятельности. Повышение эффективности межсекторального сотрудничества приведет к формированию благоприятной среды для реализации социальных инноваций и совершенствованию института социального партнерства в решении многих проблем регионального развития.

Список литературы

1. Соловьева Т.С. Роль социальных инноваций в решении социальных проблем: опыт России и Беларуси / Т.С. Соловьева // Белорусский экономический журнал. 2017. № 3 (80). С. 92-103.

2. Butzin A., Terstriep J. Actors and Roles in Social Innovation / In: J. Howaldt, C. Kaletka, A. Schröder, M. Zirngiebl (Eds.). Atlas of Social Innovation. New Practices for a Better Future. Sozialforschungsstelle, TU Dortmund University: Dortmund, 2018. pp. 208-211.

3. Eichler G.M. What Sustainable Development Goals Do Social Innovations Address? A Systematic Review and Content Analysis of Social Innovation Literature / G.M. Eichler, E.J. Schwarz // Sustainability. 2019. Vol. 11(2). DOI: 10.3390/su11020522. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/2/522> (accessed 05 October 2019).

4. Annual Growth Survey / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (accessed 05 October 2019).

5. Moore M.L. Surmountable chasms: Networks and social innovation for resilient systems / M.L. Moore, F. Westley // Ecology and Society. 2011. Vol. 16(1). URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol16/iss1/art5/> (accessed 05 October 2019).

T.S. Soloveva, A.V. Popov

STAKEHOLDER COLLABORATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INNOVATIONS IN THE REGIONS OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA

The paper deals with the issues of cooperation between different actors on the development of social innovations. Based on the expert survey data, the authors analyze the level of interaction between authorities, business, scientific and educational organizations, civil society and social entrepreneurs in support of social and innovative activities in the regions of the Northwestern Federal District of Russia.

Keywords: social innovations, region, stakeholders, collaboration

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ГОРОЖАН ЭЛЕМЕНТАМИ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ «УМНОГО ГОРОДА» (НА ПРИМЕРЕ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ПЕРМИ)

Рассматривается оценка элементов инфраструктуры г. Перми в пространстве «умного города» на основе данных формализованного анкетирования, проведенного осенью 2018 г. Целью исследования, является изучение текущего состояния городского пространства г. Перми на основе характеристик, факторов и индикаторов (показателей) «умного города». Объектом выступили жители г. Перми в возрасте 18-45 лет. Анализируется их удовлетворенность элементами инфраструктуры (здравоохранением, безопасностью, бытовым обслуживанием, транспортом и ЖКХ, производством, наукой и образованием). Инфраструктура в исследовании понимается как часть пространства «умного города», поэтому оценивается с точки зрения использования в ней ИКТ.

Ключевые слова: «умный город», «умная инфраструктура», удовлетворенность жителей элементами инфраструктуры, ИКТ в инфраструктуре города.

Концепция «умного города» – это система принципов, описывающих город, в котором устойчивое экономическое развитие, высокое качество жизни создается и обеспечивается благодаря развитому социальному и человеческому капиталу, а также включению во все процессы информационных технологий [10].

На подготовительном этапе исследования анализировалась литература по проблематике умных городов [1-3; 5; 7; 8, с 7; 11-14], на основании чего был выделен ряд характеристик, которые декомпозируются на факторы и индикаторы. Характеристиками в указанном исследовании являются отличительные свойства «умного города», в т.ч. «умная экономика», «умное управление», «умная окружающая среда», «умные люди», «умная мобильность», «умная жизнь», «умная инфраструктура». Факторами (элементами, определяющими характеристики) в этом случае может быть, например, безопасность ИКТ, здравоохранение, образование, транспортная система.

Исследовательская *проблема* в нашем исследовании – изменения в повседневных практиках горожан в связи с внедрением информационных технологий. Осенью 2018 г. было проведено социологическое исследование с целью оценить текущее состояние городского пространства Перми на основе характеристик, факторов и индикаторов (показателей) «умного города». Одной из *задач* стала оценка состояния основных элементов инфраструктуры города с

точки зрения использования в них информационных технологий, полученная методом формализованного анкетирования. Опрашивались жители г. Перми в возрасте от 18 до 45 лет. Производился *квотный отбор* по полу и возрасту. Общий объем выборочной совокупности составил 100 респондентов.

В блоке вопросов, посвященном городской инфраструктуре, жителям г. Перми предлагалось оценить удовлетворенность состоянием здравоохранения сферы безопасности, ИКТ, транспортной системы, инженерных коммуникаций, сферы обслуживания жителей, образования и науки по 5-балльной шкале (1 – «полностью удовлетворен», 4 – «полностью не удовлетворен», 5 – «никогда не пользовался»). Анализ проводился с помощью факторного анализа. Пригодность данных оценивалась с помощью теста КМО и Барлетта [4, с 48] (модель на 72,9% описывает феномен [6, с. 203]). Полученные методом главных компонент и вращения *varimax* [6, с. 196] 4 фактора не поддаются качественному анализу (из-за малой выборки и частого совпадения расстояний между ответами слабо связанных по смыслу переменных [9, с. 100]). Объединение вопросов, входящих в эти факторы (см. табл. 1), в шкалы с последующим подсчетом коэффициента надежности-согласованности α -Кронбаха, показало, что надежность-согласованность данных шкал находится на удовлетворительном уровне: медицинское обслуживание (0,5), безопасность (0,67), бытовое обслуживание (0,3), образование, наука и производство (0,59). В факторы «Транспорт» и «Жилищно-коммунальное хозяйство» вошли по одной переменной, поэтому согласованность шкалы находится на низком уровне.

Таблица

Типология элементов инфраструктуры на основе факторного анализа

Фактор	Индикатор
<i>Медицинское обслуживание</i>	электронная регистрация на бесплатный и платный прием к врачу, консультацию, операцию
	дистанционное консультирование у медицинских специалистов
	электронная покупка лекарств, витаминов, медицинских приборов для домашнего использования
<i>Сфера безопасности</i>	система оповещения населения при чрезвычайных ситуациях по радио, телевидению, в сети Интернет
	защита детей в онлайн-среде
	информационная безопасность и охрана частной жизни
	охрана личного имущества с использованием цифровых устройств (сигнализация, датчики движения)

<i>Транспорт</i>	информация о движении транспорта в режиме реального времени
<i>Жилищно-коммунальное хозяйство</i>	использование эффективных ИКТ технологий в сфере ЖКХ (дистанционное управление водо-, тепло-, газо-, электросетями; подача показаний по сети Интернет; оплата по QR -коду
<i>Сфера бытового обслуживания</i>	электронным вызовом персонала для бытового обслуживания (уборка, чистка одежды, приготовление пищи)
	электронным заказом продуктов питания, приготовленной пищи
<i>Образование, наука, производство</i>	электронным документооборотом в государственных учреждениях (медицинских организациях, школах, ВУЗах)
	дистанционным обучением в Пермских учебных заведениях (например, с использованием Skype)
	высокотехнологичным производством на Пермских предприятиях (электроника, электронно-вычислительная техника, программное обеспечение)
	привлекательностью города для высококвалифицированных кадров

Для оценки удовлетворенности компонентами инфраструктуры, рассчитывались 2 индекса: $((3n+2n+1n)-(1n+2n+3n))/100$, где n – количество респондентов, выбравших вариант ответа (для каждого компонента в факторе) и общие индексы $K = (I1 + I2 + I3) / (3)$, где $I1, I2$ и $I3$ – значения первых индексов. Значение индексов изменяется в пределах $[-3; 3]$. Отрицательные значения говорят о неудовлетворенности, а положительные – удовлетворенность ими.

Если говорить об использовании ИКТ в *медицинском обслуживании*, то 57% респондентов удовлетворены регистрацией на прием к специалистам, а 2/3 – покупкой лекарственных средств и препаратов с помощью электронных систем. Что касается дистанционного консультирования, то в целом, отмечается низкий уровень использования этой услуги (только 49% пользовались такой функцией).

В *сфере безопасности* проявляется общая тенденция неудовлетворенности. 50% недовольны защитой детей в сети Интернет от опасностей (вирусов, аморального контента, мошенничества). Возможно, это связано с увеличением случаев мошенничества в Интернете и деятельностью

преступных организаций. Информационная безопасность и охрана частной жизни также оцениваются на низком уровне (2 из 3 человек недовольны).

Положительно оценивается *сфера доставки продуктов питания и бытового обслуживания* (уборка, приготовление пищи, чистка одежды). $\frac{3}{4}$ жителей говорят о соответствии ожиданий о качестве услуги доставки продуктов питания и пищи в Перми. При этом важно, что практика вызова персонала для бытового обслуживания мало распространена (44% никогда не пользовались ей). Причиной может быть функционирование малого числа таких организаций в г. Перми либо в них может не быть электронного вызова персонала.

В *сфере образования, науки и производства* половина опрошенных не удовлетворены электронным документооборотом, хотя он используется во многих учреждениях, при этом пятая часть населения с ним вообще не знакома. Также жители не знакомы с дистанционным обучением в Пермских ВУЗах (42%) и высокотехнологичным производством на Пермских предприятиях (33%). Рискогенной и для г. Перми, и для России является высокая неудовлетворенность (2 из 3 человек) привлекательностью города высококвалифицированным кадрам из-за миграции высокообразованных и квалифицированных кадров.

Уровень информатизации *транспортного обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства*, в целом, удовлетворительный (71% удовлетворены получением информации о движении транспорта в режиме реального времени, половина довольны использованием ИКТ технологий в сфере ЖКХ (управлением водо-, газо-, электросетями, возможностью подачи показаний по сети Интернет и оплатой счетов по QR-коду).

После, был составлен общий рейтинг элементов (см. рис. 1), показывающий, что наиболее положительно жителями оценивается информированность о движении транспорта: позитивных оценок качества работы приложений для мониторинга в 2 раза больше, чем негативных. Также число положительных оценок преобладает у использования ИТ в сфере бытового обслуживания (0,34 балла), ЖКХ (0,31 балла), здравоохранения (0,25 балла). Число отрицательных оценок преобладает у использования ИТ в сфере безопасности (-0,06) и науки, образования, производства (-0,06). Две негативно оцененные сферы нуждаются в реорганизации, возможно, с вмешательством государственных структур.

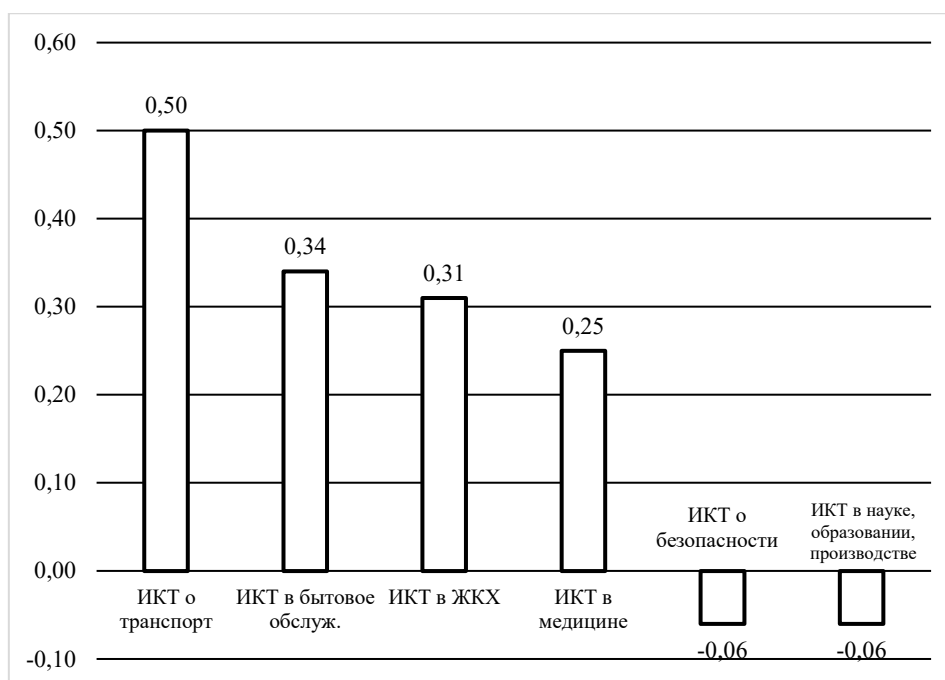

Рис. Общая оценка жителями г. Перми компонентов «умной инфраструктуры»

По результатам исследования могут быть сделаны следующие выводы о том, насколько население г. Перми удовлетворено состоянием элементов городской инфраструктуры:

Концепция «умного города» набирает все большую популярность при выборе стратегии развития города. Вместе с этим растет число разнонаправленных исследований smart city, в т.ч. социологических, которые выявляют степень соответствия принципов «умного города» потребностям населения.

При изучении «умной инфраструктуры» г. Перми, было выявлено что, в факторе «медицинского обслуживания» опрошенные более всего удовлетворены электронной покупкой лекарств и дистанционной регистрацией на приемы и консультации к врачам; В факторе «безопасность» – оповещением населения при чрезвычайных ситуациях; в факторе «бытовое обслуживание» – электронным заказом продуктов питания.

В целом, наиболее положительно оценивается информированность о движении транспорта в режиме реального времени. На среднем уровне оценивается использование ИКТ в сфере бытового обслуживания и ЖКХ.

Список литературы

1. Агеев М. Концепция умных городов: энергоэффективные технологии и решения для устойчивого развития; роль взаимодействия заинтересованных

сторон в создании умного города // Автоматизация и ИТ в энергетике. 2014. №9 (62). С. 38-40.

2. Ганин О.Б., Ганин И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // Местное самоуправление и развитие территорий. 2014. №1. С. 124-135.

3. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.

4. Дорогонько Е.В. Обработка и анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: учебно-методическое пособие. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2010. 60 с.

5. Индикаторы «умных городов» НИИТС: отчет о результатах исследовательской работы / М.И. Созинов, Г.С. Бочечка. М.: АО «Национальный исследовательский институт технологий и связи», 2017. 23 с.

6. Крыштановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS / под ред. Ю.Н. Толстовой и А.В. Рыжовой, рецензия Г.Г. Татаровой. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 281 с.

7. Организация Объединенных Наций, Экономический и Социальный совет // Показатели «умных» устойчивых городов, разработанные ЕЭК ООН-МСЭ, Женева, 14-15 декабря 2015. 14 с.

8. Технологии «умных городов»: что влияет на выбор горожан: отчет о результатах исследовательской работы / Дж. Вотцель, Е. Кузнецова. М.: McKinsey&Company, 2018. 66 с.

9. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: курс лекций. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.

10. BusinessDictionary: электрон. словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/smart-city.html> (дата обращения 30.01.18).

11. Cavada M., Hunt D. V.L., Rogers C. D.F. Smart cities: contradicting definitions and unclear measures // The 4th World sustainability forum, 1-30 November 2014. P. 1-12.

12. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European Medium-Sized Cities / Final report. Vienna UT: Centre of Regional Science, 2007. 26 p.

13. ISO smart cities – key performance indicators and monitoring mechanisms // ITU forum on smart sustainable cities Abu Dhabi-UAE, 3-4 May 2015.

14. Sustainable cities and communities – indicators for city services and quality of life: ISO 37120:2018 / International Organization for Standardization, 2018. 121p.

**SATISFACTION OF CITIZENS BY ELEMENTS OF INFRASTRUCTURE IN
THE «SMART CITY» SPACE (ON THE EXAMPLE OF A PILOT
RESEARCH IN PERM)**

The assessment of the infrastructure of the city of Perm in the space of the smart city is considered on the basis of data from a formalized survey conducted in the fall of 2018. The purpose of the study is to study the current state of the city space of Perm based on the characteristics, factors and indicators (indicators) of the smart city. The object of research is the residents of Perm, aged 18-45 years. Their satisfaction with the elements of infrastructure (health care, security, consumer services, transport and utilities, production, science and education) is analyzed. Infrastructure is understood as part of the space of a smart city, therefore it is assessed through the use of ICT in it.

Keywords: smart city, smart infrastructure, residents' satisfaction with the elements of infrastructure, ICT in the city's infrastructure.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ДЕПОПУЛЯЦИИ

УДК 316.77

А.О. Вяткина

МЕЖПОКОЛЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ПГНИУ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

В данной статье описываются результаты опроса студентов философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, направленного на выявление особенностей коммуникации с представителями разных поколений. С помощью анкетного опроса было выявлено, что чаще всего студенты общаются с людьми младше 20 лет или в возрасте от 20 до 40 лет. Исследование коммуникации студентов с родителями выявило следующие особенности коммуникации: большинство общается с родителями меньше часа в день, обсуждаемые темы сводятся в основном к бытовым вопросам, а также взаимоотношениям с друзьями и родственниками, основным коммуникативным барьером выступают различия в ценностях, а также отмечаются тенденции к улучшению общения между студентами и их родителями с возрастом.

Ключевые слова: межпоколенная коммуникация, межпоколенные взаимоотношения, коммуникация

В современном мире актуальность проблемы межпоколенной коммуникации приобретает особенно острый характер. Вечный конфликт ценностей «отцов» и «детей» никуда не исчез, а приобрел широкие масштабы, проявляясь как на микроуровне – внутрисемейном общении, так и на макроуровне – коммуникации в социуме. Межпоколенная коммуникация способствует передаче традиций, опыта, социальных норм и установок, влияет на умение слышать друг друга и уважать ценности других поколений. Все это во многом определяет стабильность и устойчивость общества. Однако, наблюдается что в России, как и во всем мире, снижается количество межпоколенных контактов, что может привести к неблагоприятным последствиям [1, с.802].

Теоретические и эмпирические исследования в области межпоколенной коммуникации направлены на анализ особенностей общения людей разного возраста и возникли благодаря повседневному, реальным нуждам. Возраст участников коммуникации зачастую становится определяющим фактором успешности и влияет не только на частоту коммуникации, но и на тематику, самораскрытие коммуникантов и уровень удовлетворенности общением.

Особенности межпоколенного общения могут быть объяснены с точки зрения нескольких теорий. Прежде всего, стоит обратить внимание на межгрупповую теорию, основное положение которой выражается в том, что существует две формы идентификации людей – личная и социальная. Первая раскрывается в категориях: физические и умственные качества, особенности поведения.

А вторая – в категориях: социальный статус, социальная роль. При межгрупповом общении каждая из форм идентификации проявляется тем или иным образом. В межпоколенном общении особую важность приобретает социальная принадлежность участников, так как происходит

актуализация стереотипов, групповая категоризация, а в некоторых случаях и дискриминация [2, с. 8-11].

Третья, описывающая особенности межпоколенной коммуникации, – это теория коммуникативного приспособления. Ее суть заключается в том, что люди склонны к модификации своей речи, в связи с наличием социальных или ситуативных факторов. Коммуникативное приспособление при общении выражается как в вербальных, так и невербальных формах. Подобная тактика вызвана стремлением людей быть похожими на своих собеседников, а, следовательно, быть более привлекательными, вызывать доверие [2, с. 14-18].

Объектом эмпирического исследования стали студенты Пермского государственного национального исследовательского университета. Выборочная совокупность составила 56 человек – студенты 3 и 4 курса философско-социологического факультета, обучающиеся на различных направлениях подготовки. Предметом исследования выступил феномен межпоколенной коммуникации. Основная цель исследования заключалась в выявлении особенности коммуникации студенческой молодежи с представителями разных поколений, а также специфику общения с родителями. Методом сбора данных послужил анкетный опрос.

Исследование предполагало выявление общей оценки частоты коммуникации студентов с представителями различных поколений, а также – эмоциональной реакции от общения. В результате в ответ на вопрос «Как часто вы общаетесь с людьми разного возраста?» были получены следующие данные: в возрастной группе «до 20 лет» студенты чаще всего выбирают варианты «общаюсь часто» – 17 респондентов; «общаюсь довольно часто» – 16 респондентов, «общаюсь иногда» – 18 респондентов и только 5 респондентов выбрали вариант «почти не общаюсь». Оценка частоты коммуникации с представителями возрастной группы «от 20 до 40 лет» дала совсем другие результаты. 36 респондентов ответили, что «общаются часто», при этом ни один из респондентов не выбрал вариант «практически не общаюсь». В возрастной

группе «от 40 до 60 лет» оценки частоты коммуникации распределились следующим образом: 25 респондентов общаются «довольно часто»; 19 респондентов отметили «общаюсь иногда»; 8 респондентов – «общаюсь часто»; 4 респондента – «практически не общаюсь». И наконец, при оценке частоты коммуникации с людьми «старше 60 лет» варианты «практически не общаюсь» и «общаюсь иногда» отметили по 22 респондента. Таким образом, мы можем заключить, что студенты общаются в основном со сверстниками своей возрастной группы.

Следующей задачей исследования была оценка тактик, применяемых студентами при общении с собеседниками в возрасте от 60 лет и старше. Результаты показали, что большая часть студентов (41 респондент) выбирают тактику использования простых и понятных слов, многие (29 респондентов) отметили, что стараются говорить громче. А также были отмечены и другие популярные у студентов тактики общения с собеседниками данной возрастной группы: избегание в разговоре определенных тем (25 респондентов); поиск общих тем (25 респондентов); заставляют себя быть вежливыми (24 респондента); говорить медленнее (16 респондентов).

Значительная часть вопросов анкеты была посвящена изучению коммуникации между студентами и их родителями. Прежде всего, студентам предлагалось оценить количество времени, посвященное ежедневному общению с родителями. Немного более половины респондентов отмечают, что общаются с родителями менее 1 часа в день, остальные ответы распределились равномерно между «от 1 до 2 часов» и «2 и более часов». Однако большинство респондентов «удовлетворены» или «скорее удовлетворены» количеством времени общения с родителями. 42 из 56 респондентов отметили, что инициаторами общения выступают в равной степени они сами и их родители.

Другим аспектом исследования было выяснение основных тем общения, а также сложностей в коммуникации. Ответы опрошенных показали, что наиболее обсуждаемыми темами являются: бытовые проблемы (54 студента); учебные дела (48); покупки (42); взаимоотношения с друзьями, родственниками и коллегами, также карьерные перспективы, работа (28 респондентов). Меньше всего студенческая молодежь обсуждает с родителями взаимоотношения со своей второй половиной (19 респондентов), прочитанные книги и просмотренные фильмы (19 респондентов).

Исследование барьера коммуникации, показало, что наиболее часто встречающийся барьер (22 респондента) – это ценностно-ориентационный. Данный барьер проявляется в различиях целей и стремлений родителей и детей, достижение этих целей играет для них большую роль, что зачастую приводит к неумению воспринять и понять цели других. Также для студентов в общении с

родителями актуален и барьер жизненного опыта (20 респондентов), выражающийся в столкновении мировоззрений и представлений о каких-то аспектах жизни.

Важным исследовательским вопросом выступила возможность изучения динамики общения студентов с родителями. В ответе на вопрос «Как изменилось Ваше общение с родителями с возрастом?» студенты чаще всего выбрали вариант «мы стали более близки в общении» (27 респондентов). Подобный результат может быть объяснен тем, что студенты 3 и 4 курсов являются уже достаточно взрослыми, несмотря на то, что их социальный опыт во многом отличается от родительского, тем не менее, старшекурсники могут общаться с родителями на равных, т.к. им уже знакомы многие социальные роли, разрыв между поколениями сокращается.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- студенческая молодежь общается в основном с представителями своего поколения. Данное положение обусловлено очевидным наличием межпоколенного разрыва;

- исходя из предыдущего положения, вытекает и тот факт, что большинство студентов посвящает достаточно мало времени общению с родителями, однако продолжительность общения их в основном удовлетворяет, и лишь малая часть опрошенных не удовлетворена количеством времени общения;

- студенты обсуждают с родителями различные, но общие для них темы, но не склонны делиться подробностями личной жизни, а также обсуждать досуг;

- несмотря на то, что общение между студентами и их родителями приобретает более близкий характер, с течением времени, коммуникативные барьеры все равно имеют место быть.

Список литературы

1. Суворова П.Е., Овсянникова Н.В. Культурные коды межпоколенной коммуникации / Современные исследования социальных проблем, 2015, №5, С. 802.

2. Романов А.Ю. Межпоколенческая коммуникация / А.Ю. Романов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 257 с.

INTERGENERATIONAL COMMUNICATION ON THE EXAMPLE OF COMMUNICATION BETWEEN STUDENTS OF PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY AND THEIR PARENTS

This article describes the results of a opinion poll of students studying on the faculty of philosophy and sociology of the Perm State National Research University, aimed at identifying the features of communication with representatives of different generations. Using a questionnaire survey, it was found that most often students communicate with people under the age of 20 or between the ages of 20 and 40. A study of students' communication with parents revealed the following communication features: the majority communicates with parents less than an hour a day, the topics discussed mainly come down to everyday issues, as well as relationships with friends and relatives, differences in values are the main communication barrier, and there are improvement trends communication between students and their parents with age.

Keywords: intergenerational communication, intergenerational relationships, communication.

УДК 316.6

А.В. Губина

ВНУТРИСЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В данной статье рассматриваются проблемы и пути их решения в государственной политике по отношению к институту семьи и брака.

Ключевые слова: домашнее насилие, виды насилия, насилие в семье.

На данный момент государственная семейная политика является приоритетным направлением для социальной политики России, так как семья-наиболее значимая часть общества, которая закладывает основные социальные нормы и влияет на процесс социализации личности, поэтому устойчивость такого института как семья является важным элементом в стабильности социально-экономических и политических отношений внутри государства. Тем не менее этот институт находится в критическом состоянии, и на это указывает проблема нарастания жестокости и насилия между членами семьи, именно по этой причине одной из наиболее важных задач в социальной политике государства должна быть разработка семейной политики, которая будет направлена на устранение возможных причин возникновения насилия в семье. Если рассматривать домашнее насилие со стороны нормы права, то следует отметить, что насилие в семье-это повторяющееся умышленное причинение физического и (или) морального вреда и страданий членам семьи, а также угрозы

совершения подобных действий, а также ущемление или лишение личной свободы. По моему мнению данное определение я бы сравнила с диспозицией статьи 117 Уголовного Кодекса РФ, она гласит: «Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса...». Также стоит рассмотреть насилие в семье со стороны психологии, то есть домашнее насилие – это действия, посредством которых один член семьи пытается подчинить себе остальных членов семьи – то есть управлять их мыслями и чувствами, иметь полный контроль над действиями своих близких. Из двух вышеперечисленных определений домашнего насилия стоит сделать вывод, что это не только физический ущерб, но и психологический, такой как оскорбления, унижения, психологическая жестокость.

Насилие в семье следует разделить на виды, в зависимости от действий субъекта насилия:

1. Моральное насилие-заключается в систематическом унижении человеческого достоинства, оскорблении и угроз физическим воздействием.

2. Физическое насилие обладает такими признаками, как нанесение побоев, избиение, истязание и другое.

3. Сексуальное насилие подразумевает принуждение к половому акту и насильственным действиям против желания человека.

4. Насилие, которое содержит в себе ограничения человека в вещах, от которых зависит его жизнедеятельность, примером будет служить ограничение доступа к пище и воде, а также медикаментозному обеспечению.

Следующая классификация домашнего насилия будет заключаться в объекте насилия:

Насилие родителей над детьми

Насилие над престарелыми членами семьи

Насилие одного супруга над другим

Именно на этой классификации я хотела бы сделать акцент в данной статье, а в частности раскрыть предпосылки, причины и ответственность за домашнее насилие одного супруга над другим.

Говоря о насилии в отношении женщин в русских семьях, стоит немного вспомнить историю, а именно произведение священника Сильвестра, которое называется «Домострой» (полное название: «Книга, называемая «Домострой», содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину – мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам»). Оно было написано во времена правления Ивана Грозного и являлось сводом советов и правил, определявших все стороны жизни русского человека в XVI в. Семейным

отношениям посвящена вторая часть данной Книги, в которой описаны действия в отношении жены и детей мужчины. Именно в данной части мы можем проследить, что мужчине уже предоставлено больше власти в семье, чем женщине, примером этого будет служить наставление о наказании жены и детей за их провинности с особой строгостью и жестокостью. Благодаря этому произведению мы уже можем сделать вывод, что превосходство мужчины над женщинами прослеживалось на протяжении всего периода истории России.

На современном этапе развития семейных отношений одной из причин домашнего насилия может быть алкогольное и наркотическое опьянение супруга, в следствие этого внутри семьи возникает конфликт и чаще всего в таком состоянии женщина терпит не только физическое насилие, но и любое другое указанное в статье выше. Также причиной насилия мужчины над женщиной может послужить несоответствие взглядов на семейные отношения, которые сопоставимы взглядам мужчины в древнерусской семье, что женщина полностью должна подчиняться мужу, зависеть от него и принятие такой позиции женщиной. В следствии этого мужчина пытается показать свое превосходство над ней через насилие, ведь существуют гендерные различия женского пола и мужского, а также психологические особенности мужчин. Следующей причиной домашнего насилия будет четкое разделение социальных ролей по признаку пола, это чаще всего выражается в психологическом насилии и заключается в действиях, направленных на ограничение общения женщины с другими людьми и ограничение в свободе передвижения. И если в целом говорить о насилии мужчины над женщиной в российских семьях, многие люди, считают, что это норма, и как показывает практика, сама женщина терпит оскорбления, унижения и истязания потому что пытается сохранить семью, но есть девушки, которые не могут терпеть такого отношения мужчины к себе и детям и предпринимает попытки уйти от него, но именно здесь возникает проблема. Она заключается в том, что после попыток ухода женщины из семьи начинаются угрозы со стороны мужа и применение физической силы, чтобы остановить ее. В следствие декриминализации семейного насилия в 2017 году насилие в семье подлежит наказанию по нормам административного права, а не уголовного, то есть после принятия законопроекта, который вносит изменения в статью 116 УК РФ путем исключения «побоев в отношении близких» из числа уголовных преступлений. Административная ответственность, предусмотренная за первичное совершение побоев – это штраф от 5 тыс. до 30 тыс. рублей, арест от 10 до 15 суток либо обязательные работы на срок от 60 до 120 часов. Также при доказывании домашнего насилия посредством снятия побоев и предоставления их для возбуждения уголовного дела возможно доказать только физическое насилие, а психологическое практически не доказуемо и никак не закреплено в

праве. Если говорить о психологическом насилии, косвенно можно обратиться к статье 110 Уголовного кодекса РФ, диспозиция которой звучит так: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего...», но для наказания по данной статье важно такое событие, как смерть человека или покушение на самоубийство, без установленного факта такого события, наказание по этой статье назначаться не будет. При рассмотрении данных проблем стоит обратить внимание на статистику преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи см. табл. 1. Количество преступлений в 2017 году, почти никак не изменилось на 2018 год, из этого следует сделать вывод, что разработка политики против домашнего насилия никак не развивается в праве нашего государства.

Таблица

Статистика преступлений, сопряженных с насильственными действиями

	2015		2016		2017		2018	
	Всего	Из них женщины	Всего	Из них женщины	Всего	Из них женщины	Всего	Из них женщины
Преступления, по которым имелись потерпевшие	49579	35899	64421	49415	34007	24981	33378	24478

Для решения такой важной задачи для государства, как сохранение института семьи и брака, по моему мнению, важно уделить внимание на поддержку молодых семей, которая заключается не только в материальной помощи, но и в психологической, ее можно осуществлять посредством создания центров психологической помощи семьям и обращением внимания людей на важность целостности семейного союза. Также я думаю, что стоит вернуть домашнее насилие в ряд уголовных преступлений и ужесточить наказание, если деяние было повторным. Государству следует обратить особое внимание на насилие в семье над детьми, ведь дети подвергаются насилию не реже, чем женщины или престарелые родственники, но тем не менее домашнее насилие играет особую роль в формировании личности ребенка и его отношения к семье.

Подводя итог вышесказанному стоит сказать, что, не смотря на придание домашнему насилию общественного резонанса с помощью социальных сетей и СМИ, государство не пытается обеспечить защиту лицам подвергнувшимся домашнему насилию и уровень ответственности за насилие над членами семьи снижается.

Список литературы

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: принята Резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН 20 декабря 1993 года.
2. Костыря, Е. А. Внутрисемейное преступное поведение женщин в контексте проблем семейной криминологии: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Костыря Е. А. – СПб., 1999. – 198 с.
3. Лысова, А. В. Женская агрессия и насилие в семье / А. В. Лысова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 167-176.
4. Шакина, В. А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: диссертация кандидата юридических наук : 12.00.08 / Шакина В. А. – Иркутск, 2002. – 204 с.

A.V.Gubina

DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN: A SOCIAL PROBLEM

This article discusses the problems and their solutions in public policy in relation to the institution of family and marriage.

Keywords: domestic violence, types of violence, home violence

УДК 316.36

И.А. Зайцева

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В данной статье поднимается актуальный в настоящее время вопрос трансформации семейных ценностей, которые в глобализирующемся мире обретают иные семантические и аксиологические характеристики. Автор выявляет основные закономерности и вызовы современной культуры, которые оказывают деструктивное воздействие на институт семьи.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, социокультурные трансформации, вызов

Устойчивость системы брачных отношений и выполнение семьей своих социокультурных функций служило основой стабильности и становления

человеческого общества в течение многих веков. Семья представляла собой базовую единицу общества, которая позволяла человечеству аккумулировать и передавать свой социальный опыт и культуру.

В настоящее время на первый план выходят деструктивные тенденции, нарушающие гармоничное функционирование и стабильное развитие семейной организации: увеличение количества разводов сопровождается уменьшением числа заключенных браков, ослаблением родительского влияния на детей, экономической и гражданской эмансипацией женщин и индивидуализацией мужчин, и другими тенденциями, которые не компенсируются факторами, стабилизирующими семейную организацию.

Тревогу и озабоченность вызывает процесс обесценивания таких базовых культурных ценностей, как брак, семья и родительство. Но, несмотря на это, мы видим, что на первый план у современной молодежи выходят такие аксиологические категории, как профессиональная самореализация и карьерный рост. Семья начинает пониматься «не как общественный институт, направленный на регулирование родственных взаимоотношений между ее членами, связанных между собой общностью быта, взаимной помощью, а как социально-экономическая организация...» [3, с. 86]. Идеи романтической влюбленности, самоограничения ради интересов семьи, ответственности за ее членов как основы семейно-брачных отношений сменяются идеями экономического контракта

С другой стороны, мы наблюдаем разрыв межпоколенных связей, когда старшее поколение, как носитель и транслятор культурных ценностей и норм, утрачивает куммулятивные и коммуникативные функции в системе семейных взаимоотношений.

Однако в эпоху всеобщей информатизации и меняющейся культуры под всевозрастающим влиянием массмедиа, которые, используя прессу, телевидение, радио и Интернет, навязывают общие ценности, модели и нормы поведения, иными словами, программируют общественное поведение определенным образом, происходит метаморфоза семейных ценностей и образа идеального брака. При этом доверие к средствам массовой информации так велико, что люди начинают воспринимать навязываемую им информацию в качестве официальной и достоверной даже несмотря на ее абсурдность. Глобальное сознание посредством шаблонного набора стереотипов о семье создает новую реальность (квазиреальность), в которой ценности семьи подвергаются новым испытаниям и вызовам.

Важный вызов, перед которым стоит современная семья – это смена гендерных ролей. В современном браке меняется положение и женщины, и мужчины. Если в XX в. преобладающей моделью семьи была нуклеарная для

которой было характерно четкое распределение гендерных ролей: обеспечивающий доход отец и заботящаяся о детях мать. То в XXI в. тенденция нуклеаризации семьи усилилась, благодаря возросшей эмоциональности супружества. Это привело не только к отделению молодой семьи от родительской, но и уменьшению числа детей, увеличению возраста рождения первого ребенка, числа повторных браков либо семей с одним родителем, к распаду сложных семейно-брачных отношений.

С одной стороны, любая женщина желает быть опекаемой и защищаемой мужчиной, быть любящей матерью, хранительницей домашнего очага. С другой стороны, эмансипированное общество требует от нее самостоятельности и независимости, в частности в сфере добывания денег. Оно внушает ей, что зависимость от мужа унизительна, и женщина начинает ощущать свою несвободу и уязвленную гордость. Это негативно сказывается на психическом здоровье, как самой жены, так и членов ее семьи. Эмансипированная женщина, «разорванная центробежными силами, превращается в ущербное существо, не способное стать ни нормальной домашней хозяйкой, ни полноценным членом социума» [5].

Женская эмансипация начинает усложнять жизнь и мужчинам, подрывая мужскую монополию на роль кормильца семьи, заставляя их вести конкурентную борьбу за место под солнцем. «Эмансипированное общество средствами массовой информации начинает навязывать мужчинам новые гендерные роли: мужчина-домохозяин, мужчина-нянька и пр. Культ сильного мужчины заменен на культ сильной женщины» [2, с.161].

В современном обществе возрос спрос на телевизионные программы, развлекательные ток-шоу, которые транслируют истории о частной жизни знаменитых людей или обычных граждан: об их семейных взаимоотношениях, скандалах, изменах, непристойном поведении. Это позволяет потребителю компенсировать духовную пустоту его внутреннего мира, обрести смысл его частной жизни. Если раньше конфликты регулировались и решались внутри семейного круга, а посредниками выступали представители старшего поколения, то в современном мире молодые люди все чаще обращаются к средствам массовой информации (статья в журналах, передачам с советами семейного психолога, сексолога и прочих специалистов, и «экспертов»). Это не может не приводить к нарушению общепринятого императива домашнего мироустройства, а также к усложнению процессов идентификации субъектов воспитания, к уменьшению роли семьи в качестве ретранслятора культурных ценностей данного общества.

Еще одним вызовом семейным ценностям и взаимоотношениями является проблема манипуляции правами детей. В последнее время все больше ощущимо

давление на российское общество со стороны различных международных структур в области защиты детства (например, Комитета ООН по правам ребенка, Международного Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) и пр.), манипулирующих концепцией защиты прав детей в таких сферах как, принудительное сексуальное просвещение подрастающего поколение, не учитывающее мнение родителей; «ограничение естественного права родителей воспитывать своих детей, нравственно формировать их, принимать решения в отношении их обучения и здоровья под видом борьбы за ложно понимаемые права детей; ослабление их уважения к родителям, создание механизмов для жалоб на них, усиление конфликтов между поколениями» [1].

Анализируя современное состояние семьи, многие исследователи трактуют его как кризисное. Однако в условиях кризиса, несмотря на различные деструктивные тенденции и отклонения от сложившихся социокультурных норм и образцов, она остается наиболее устойчивым социокультурным институтом, входящим в число наивысших ценностей.

По результатам социологического исследования «Семейные ценности в современных СМИ» [4], проведенного ЦИРКОН в 2013 г., среди наиболее распространенных семейных ценностей россиян являются: во-первых, полная семья, включающая как отца, так и мать, во-вторых, уважение к старшим членам семьи, в-четвертых, официально зарегистрированные брачные отношения. Широкую поддержку среди целевой аудитории получили такие аксиологические установки, как закрепление уз брака не только гражданской церемонией, но и церковным ритуалом, наличие в семье трех и более детей, наличие прочных межпоколенных связей, что сопровождается совместным проживанием нескольких поколений семьи. Негативное отношение и резкое отторжение вызывают такие чуждые для российского общества модели поведения как однополые браки и полигамия, а также супружеские измены и «свободная любовь».

Таким образом, формирование новых ценностных ориентаций, отражающих новые культурные реалии, невозможно без поддержки социокультурных институтов, ответственных за реализацию государственной культурной политики, ориентированной на сохранение традиционных ценностей. Необходимо осуществление мер, направленных на укрепление традиций семейных отношений, в основе которых лежит пропаганда в средствах массовой информации ответственного родительства, здорового образа жизни, правильных стратегий семейного воспитания.

Список литературы

1. Дударенок А.С. Семья и семейные ценности как объект политического манипулирования [Электронный ресурс] / А.С. Дударенок. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=47186> (Дата обращения: 21.10.2019).
2. Зайцева И.А. Пол и гендер как социальные конструкты культурных преобразований: интриги, соблазны и табу эмансипирующей культуры / И.А. Зайцева // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международ. науч.-практич. конфер. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, Изд-во Самар. госуд. ин-та кул.-ры., 2016. С. 158-162.
3. Зайцева И.А. Ценности семьи и моральный фанатизм домашнего миропорядка: подрывные стратегии и символические манипуляции в меняющемся мире / И.А. Зайцева // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. Ч. I. С. 85-89.
4. Семейные ценности в современных СМИ: резюме по результатам социологического исследования. ЦИРКОН. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4de/Semeynie_cen-nosti_v_SMI_Analiticheskoe_resume.23.10.13.pdf. (Дата обращения: 21.10.2019).
5. Танцоров И. Деньги или Любовь: анатомия женской эмансипации [Электронный ресурс] / И. Танцоров. URL: <https://psy.systems/post/igot-tancorov-dengi-ili-lubov> (дата обращения: 24.10.2019).

I. A. Zaytseva

FAMILY VALUES IN A CHANGING WORLD: MODERN CHALLENGES AND SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS

This article raises the topical issue of transformation of family values, which in the globalizing world acquire other semantic and axiological characteristics. The author identifies the main patterns and challenges of modern culture, which have a destructive impact on the institution of the family.

Keywords: family, family values, socio-cultural transformations, challenge

ФАКТОРЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Статья посвящена изучению внутренних и внешних факторов репродуктивного поведения современной семьи. К внутренним факторам, рассматриваемым авторами, относятся потребность в детях, репродуктивные мотивы и установки. Среди многообразия внешних причины, определяющих репродуктивное поведение, авторы останавливаются на нормах детности в обществе, национальных и религиозных ценностях, социально-экономических условиях в обществе.

Ключевые слова: Репродуктивное поведение, семья, потребность в детях, репродуктивные мотивы, установки

Семья как социальный институт выполняет важнейшие по отношению к обществу функции – рождение и дальнейшее содержание детей, социализация личности, формирование здорового поколения.

Репродуктивное поведение определяется как «система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье (а также вне брака)» [1, с. 362]. В более широком значении – как «целостная система действий, отношений и психических состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке и вне брака» [2, с. 131]. Противоположными репродуктивному поведению можно считать контрацептивный и абортный виды поведения, так как они направлены на предотвращение зачатия или нежелательного рождения ребенка, и выступают неким регулятором числа детей в семье.

Человек, не имеющий с физиологической точки зрения способности к рождению ребенка, может использовать другие возможности удовлетворить потребность в детях. Руководствуясь личными нравственными ценностями и желанием иметь полноценную семью с детьми, супруги решают либо взять ребенка из детского дома, либо обратиться к экстракорпоральному оплодотворению.

Все факторы, предшествующие репродуктивному поведению и оказывающие на него определенное влияние, можно разделить на внутренние и внешние.

К внутренним факторам относятся потребность в детях, репродуктивные установки и мотивы человека. Главная роль в регуляции репродуктивного поведения семьи принадлежит *потребности в детях*, которая включает в себя

репродуктивные мотивы, побуждающие к рождению детей. Потребность в детях определяется «социально-психологическим свойством социализированного индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность» [1, с. 376].

Репродуктивная установка – это «психическое состояние личности, обуславливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей» [1, с. 376]. Репродуктивные установки могут быть положительными, определяя готовность человека к рождению желаемого числа детей, его психологическую предрасположенность к данному событию, или отрицательными, которые связаны с отсутствием желания иметь детей, и предполагают выбор способа контроля рождения детей: помощь современных средств контрацепции или аборт. Репродуктивные установки, направленные на рождение детей, включают установку на беременность, на число и пол детей, на определение интервалов между рождениями детей.

В определенном числе детей» [1, с.380]. Данные мотивы определяют смысл появления детей для личности, достижение некоей цели. В связи с этим выделяют качества способов формирования и закрепления в сознании человека репродуктивных установок выделяются:

- репродуктивная культура общества;
- взаимодействия с людьми, которые придерживаются определенных установок;
- получение информации о репродуктивном поведении в целом из устных и письменных источников, через каналы массовой информации, произведения искусства и т.д.

Важно подчеркнуть, что репродуктивным установкам свойственно изменение в процессе жизнедеятельности семьи и появления детей.

Другой внутренний фактор, влияющий на репродуктивное поведение, это *репродуктивные мотивы*, которые представляют собой «психические состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода личных целей через рождение несколько таких мотивов: экономические, связанные со стремлением приобрести какие-то материальные выгоды или повысить экономический статус; социальные, ориентирующиеся на социокультурные нормы детности; психологические, побуждающие к достижению внутренних целей личности. К группе последних может относиться особая роль ребенка для родителя, стремление подарить детям свою любовь и заботу, воспитать из них полноценную личность и поделиться своим опытом, продолжить свой род и не быть одному и многое другое

На потребности, мотивы и установки рождения детей могут оказывать влияние религиозные и национальные традиционные ценности.

Религия формирует установку на недопустимость аборт и abortивных методов контрацепции, что способствует росту числа беременностей и снижению числа аборт, улучшению репродуктивного здоровья. Например, согласно религиозным заповедям христианства, зародыш ребенка уже является живым существом, вследствие чего совершение аборт считается убийством. Также являются недопустимыми и abortивные методы контрацепции, поскольку они искусственно прерывают развитие эмбриона на ранней стадии его жизни, что тоже приравнивается к убийству только что зароденного человека.

Появление ребенка на свет можно рассматривать как «Божий замысел», поэтому недопустимо вмешательство в репродуктивный цикл, поскольку в нем принимает участие не только человек, но и Бог, творя новую жизнь. На основе заповеди «не прелюбодействуй» религия формирует у человека нравственные ценности всеобъемлющей любви, целомудрия и супружеской верности, что способствует улучшению репродуктивного здоровья родителей и детей, снижению аборт и количества разводов, повышению рождаемости. Религии христианства и ислама поддерживают ценность расширенной, многодетной семьи, исходя из заповеди о почитании своих родителей и старших вообще.

Репродуктивные установки людей какой-либо национальности во многом зависят от того, насколько человек привержен национальной культуре, традициям рождаемости данного народа. Рассматривая восточную модель развития семьи, можно сказать, что она предполагает наличие устойчивых и прочных родственных связей, характеризующихся многочисленностью (например, Китай, арабские страны, наши восточные народы и т.д.). Рост населения продолжается во многих азиатских, мусульманских странах. Однако, в некоторых из них, например, Китае, Индии, Иране, проводится политика ограничения рождаемости до 1-2 детей, поскольку она была очень высокой в силу традиции создания многодетной семьи. Для большинства стран Запада характерен переход к нуклеарной семье и распространение малодетности. В европейских странах крайне низкая рождаемость, что ведет к старению населения и его долговременной убыли.

Одним из внешних факторов, влияющих на репродуктивное поведение семьи, являются социальные нормы детности, которые приняты в конкретном обществе. Изначально в интересах воспроизводства населения, в силу религиозной ценности и традиционной культуры общество в качестве социальной нормы устанавливало высокую рождаемость, которая была способна покрыть высокую смертность. Существовал строгий запрет на вмешательство в репродуктивный цикл, то есть запрещалось любое предупреждение и

прерывание беременности. Значение и поощрение многодетности заключалось и в том, что дети с раннего возраста участвовали в домашнем хозяйстве, были полноценными членами семьи и трудились на ее благосостояние, обеспечение старости. М.М. Ковалевский отмечал выгоду многодетности по отношению к патриархальной семье. Когда из единого рода выделялись отдельные семьи, между ними возникала конкуренция за детей, потому что каждая семья стремилась иметь как можно больше детей в хозяйстве [10, с. 52]. Большое количество детей в то время было напрямую связано с благополучием и процветанием семьи, ее экономической значимостью для государства в целом. Семьи были большими и многопоколенными, и это способствовало наращиванию социальных связей.

В современном обществе норма детности в развитых странах снижается до 3 детей и даже меньше. Это связано с тем, что детская смертность уменьшилась, улучшились санитарно-гигиенические условия жизни и медицина в целом, а значит, сократилась необходимость рожать больше детей для обеспечения шанса выжить хотя бы большинству. Немалое влияние на репродуктивное поведение оказало снятие запрета на применение мер контрацепции и на аборт, рождение детей с этого момента супруги могли регулировать самостоятельно. Также наиболее часто встречающимися явлениями становятся добрачные отношения, повторные браки, материнство вне брака, сокращение периода деторождения.

Современная семья больше тяготеет к супружеской, отношения родства и родительства уже не являются такими сильными как прежде. Семейное производство сменяется разделением дома и работы, изменение мужских и женских социальных ролей привело к семейно-бытовому хозяйству. В связи со сменой репродуктивной установки с многодетности на малодетность семью с тремя детьми в обществе воспринимают как многодетную, хотя по классификации она таковой не является, а семью с пятью или шестью детьми и вовсе признают, как отклонение от нормы или как необдуманный поступок со стороны родителей.

Социально-экономические факторы играют значительную роль. У членов семьи усиливаются в несемейные ориентации: становится важным получение образования, поиск высокооплачиваемой работы, что даст им определенный социальный статус, повышение уровня доходов и, соответственно, экономическое благополучие семьи, которое в современном обществе уже не зависит от количества детей и размера семьи. Интересно отметить, что с ростом уровня образования обоих супругов, как правило, количество детей в семье снижается. Особенно это касается женщин, поскольку многие из них стремятся построить карьеру и иметь высокий заработок наравне с мужчиной, а это требует от них немалых усилий. Карьерная стратегия и реализация личных амбиций в

молодом возрасте становится более приоритетной, при этом отодвигается время рождения первенца.

Также немаловажное значение имеет уровень экономического благосостояния, как всего общества, так и отдельной семьи: экономическое положение населения, уровень доходов, стоимость жизни и т.д.

Таким образом, при совокупном влиянии вышеизложенных факторов современная потребность в детях сводится в основном к рождению одного-двух детей, при этом увеличивается возраст матери при рождении первого ребенка. Это ведет к естественному сокращению населения, его старению, восполнению мигрантами убывающего населения. Для изменения ситуации необходимо комплексное воздействие на внутренние и внешние факторы репродуктивного поведения современной семьи через институты социализации и механизмы социальной политики страны.

Список литературы

1. Антонов, А. И. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований Москва–1976, Россия–2000 и Россия–2014) / А. И. Антонов, Т. Н. Грудина // Экономические стратегии. – 2015. – № 5-6. – С. 2-9.

2. Архангельский, В. Н. Репродуктивное и брачное поведение / В. Н. Архангельский // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 129-136.

3. Архипова, М. П. Репродуктивное поведение: известные факты и новые гипотезы / М. П. Архипова, М. Б. Хамошина // Акушерство и гинекология: Новости. Мнения. Обучения. – 2018. – №3 (21). – С. 15-20.

4. Бегиева, А. Ш. Формирование условий положительной динамики репродуктивного поведения населения региона / А. Ш. Бегиева // Вестник ГУУ. – 2015. – №13. – С. 262-270.

5. Бегина, И. А. Особенности репродуктивных установок сельских женщин / И. А. Бегина, Т. А. Калугина // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2018. – №4. – С. 413-418.

6. Бодров, А. В. Образ многодетной семьи в зеркале общественного мнения / А. В. Бодров, Е. А. Боярова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2016. – №5 (64). – С. 84-90.

7. Гладкая, В. С. Современные тенденции репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения женского населения в России / В. С. Гладкая, В. Л. Грицинская, Н. Н. Медведева // МиД. – 2017. – №1. – С. 10-15.

8. Журавлева, Т. Л. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? / Т. Л. Журавлева, Я. А. Гаврилова // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21. № 1. – С. 145–187.

9. Калачикова, О. Н. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко // Народонаселение. – 2018. – №4. – С. 109-121.

10. Ковалевский, М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М. М. Ковалевский, М. Иолшин. – СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1895. – 147 с. – (Популярно-научная библиотека). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=98025> (дата обращения: 02.10.2019).

I.V. Ilyina, N.A. Terentyeva

FACTORS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE FAMILY

The article is devoted to the study of internal and external factors of reproductive behavior of the modern family. The internal factors considered by the authors include the need for children, reproductive motives and attitudes. Among the variety of external factors that determine reproductive behavior, the authors dwell on the norms of childhood in society, national and religious values, socio-economic conditions in society.

Keywords: reproductive behavior, family, need for children, reproductive motives, attitudes.

УДК 314.336

В.М. Карпова

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНО-ДЕТНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ*

В статье рассматриваются некоторые способы измерения межпоколенной трансляции ценностных ориентаций, в частности ценности семьи и семейно-детного образа жизни. Приводятся результаты исследования, показывающего ослабевание семейных ценностей при переходе от поколения родителей к поколению детей за счет сниженной интенции в трансляции семейных ценностей со стороны родителей.

Ключевые слова: семейно-детный образ жизни, семейные ценности, поколение, межпоколенная трансляция ценностей

© Карпова В.М., 2019

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020 гг.)» №18-011-01037

Нарастающие негативные тенденции изменения численности населения России, все чаще звучащие сообщения о депопуляции, естественной убыли населения, а также снижении рождаемости, делают задачу повышения рождаемости и восстановления естественного прироста населения все более актуальным. При разработке методов повышения рождаемости можно отметить два главных направления: первое это создание наиболее благоприятных условий для реализации имеющейся у населения потребности в детях. К этому направлению можно отнести меры экономического стимулирования, субсидирования и материальной помощи семьям, например, введение материнского капитала. Однако более важным и в долгосрочной перспективе более перспективным является разработка инструментов повышения самой потребности в детях, в первую очередь за счет повышения ценности семейно-детного образа жизни, престижа родительства [1]. В этом направлении невозможно получить быстрые результаты, так как главным временем формирования ценностных ориентаций является детство и период первичной социализации. И тогда наиболее важным становится не только и не только пропаганда семейных ценностей, активно проводимая в современной России, но и межпоколенная передача имеющихся ценностных ориентаций от родителей к детям. Именно то, как будут воспитаны новые поколения, какие ценности и приоритеты будут поддержаны в их детстве, окажет влияние на их будущие репродуктивные установки и, соответственно, будет определять уровень рождаемости.

В связи с этим становится важной задача изучения механизмов межпоколенной трансляции ценностных ориентаций вообще и семейных ценностей в частности. В этой области можно выделить три основных подхода организации исследований. Во-первых, информацию о соотношении ценностей «отцов и детей» можно получить напрямую, сравнивая ценностные ориентации двух поколений, и предполагаю, что степень совпадения этих ориентаций может в той или иной степени характеризовать процесс межпоколенной трансляции ценностей [2]. Такой подход в большей степени отражает межпоколенную трансляцию ценностей в обществе, не только за счет семейной социализации, но и за счет межпоколенных взаимодействий в целом.

Другим путем измерения трансляции семейных ценностей является проведение опроса представителей различных поколений одной и той же семьи с последующим сравнительным анализом полученных ответов [3]. Такой подход с одной стороны дает очень хорошее представление о динамике ценностных ориентаций в рамках одной семьи, однако в нем достаточно сложно отделить влияние внесемейной социализации на ценностную сферу респондентов младших поколений. Результаты таких исследований показывают высокую

корреляцию ценностей родителей и детей, однако также в них отмечается значимая роль сверстников в социализации подростков и большую близость ценностей между сверстниками, чем между поколениями, даже в рамках одной семьи. Еще одним, качественно иным подходом к изучению ценностей, может быть проведение экспериментальных социолого-психологических исследований, как было сделано в рамках работы Шнуренко Т.Н. [4]. Этот подход с одной стороны гораздо более трудоемкий и не может быть использован в рамках массовых опросов, однако он раскрывает сам механизм передачи, формирования ценностей и может быть использован в дальнейшем при решении задачи воспитания молодого поколения с более значимыми ценностями семейно-детного образа жизни.

Кроме измерения непосредственно результата трансляции в форме сформировавшихся ценностных ориентаций также следует оценивать саму интенцию передачи, то есть стремление родителей видеть в своих детях те или иные ценности. Один из возможных способов такого измерения был использован в исследованиях, проводившихся под руководством кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Институтом социологии РАН в 2014-2016 годах [5]. В рамках этих исследований респондентам предложено проранжировать по степени важности для них и для их будущих или имеющихся детей ряд из 15 утверждений, соответствующих различным ценностным ориентациям. Для оценки намерения транслировать свое мировоззрение, воспитать своих детей, разделяющих ту же систему ценностей, что и родители оценивались путем сравнения средних рангов для каждой из ценностей, которые респонденты поставили, отвечая на вопрос «для себя» и «для детей» (рисунок 1). Для сравнения средних рангов использовался т-критерий Стьюдента для парных выборок.

Здоровье

Семья, дети, заботливые близкие

Материальное благополучие,
заработок, достаток

Интересная работа

Спокойная, безопасная жизнь

Свобода и самостоятельность в
жизни

Душевное благополучие,
согласие с собой, забота о
спасении души

Верные и надежные друзья,
общение

Уважение, благодарность других
людей

Возможность занятий по душе,
духовного развития, творчества

Физическая сила

Возможность путешествовать,
ездить без ограничений

Деньги в неограниченном
количестве

Высокий статус, положение в
обществе, карьера

Веселая, полная удовольствия и
приключений жизнь

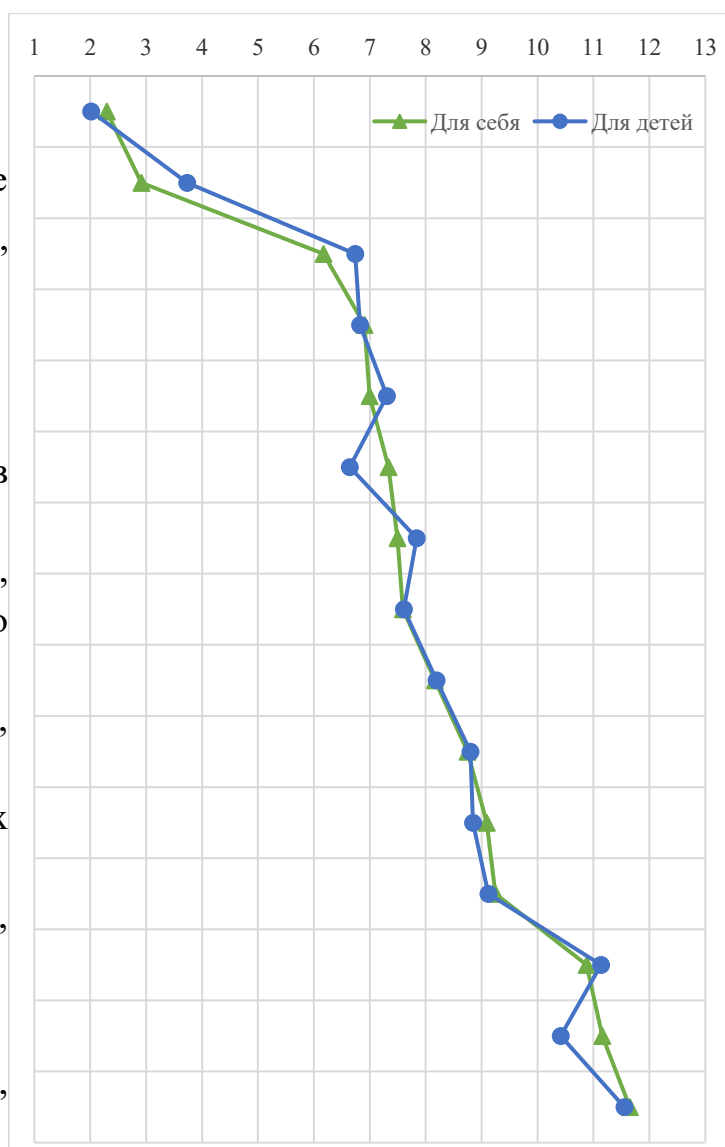

Рис. 1. Средние ранги 15 ценностей «для себя» и «для детей»

Результаты исследования показали, что наиболее важными ценностями для респондентов являются «здоровье» и «семья, дети, заботливые близкие» (средние ранги для себя 2,3 и 2,9 соответственно), причем все остальные ценности существенно отстают от первых двух (средний ранг не менее 6). Аналогичная картина наблюдается при сравнении средних рангов «для детей»: здоровье занимает первое место (средний ранг 2,02), а «семья» – второе (средний ранг 3,73). Однако для оценки намерения транслировать ценность семьи

будущим поколениям следует сравнить средние ранги данной ценности «для себя» и «для детей». Как показали результаты исследования, среди всех 15 предложенных респондентам утверждений ценность семьи показала наибольшее по модулю снижение среднего ранга (с 2,02 до 3,73).

Таким образом, даже такой первичный анализ показывает, что современные родители, даже разделяя ценности семейно-детного образа жизни, имеющие детей и ставящие ценность семьи на первое место, не выражают достаточно сильного намерения транслировать эту ценность своим детям, предпочитая для них ценности здоровья, свободы и личностного развития. Более подробный анализ факторов, определяющих степень трансляции ценностных ориентаций, может быть проведен при помощи использования многофакторного дисперсионного анализа и оценки характера межпоколенной трансляции ценностей в зависимости от социально-демографических и других характеристик респондентов.

Список литературы

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000
2. Герцен С.М. Динамика ценностных ориентаций молодежи в изменяющейся России: межпоколенный подход: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 – Тюмень, 2012
3. Руднев М. Г., Савелькаева А. С. Передача базовых ценностей внутри семьи: концептуализация и пилотное исследование // В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 397-404.;
4. Шнуренко Т.Н. Ценностные ориентации студенческой молодежи как результат межпоколенной преемственности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Курск, 2009
5. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, А. Б. Синельников, Е. Н. Новоселова и др. — Москва: Москва, 2018

V.M. Karpova

APPROACHES TO MEASURING INTER-GENERATIONAL TRANSLATION OF FAMILY-CHILD LIFESTYLE VALUES

The article discusses some methods of measuring the intergenerational translation of value orientations, in particular, the values of the family and family-child lifestyle. The results of a study showing the weakening of family values during the transition from a generation of parents to a

generation of children due to a reduced intention in the translation of family values by parents are presented.

Keywords: family-child lifestyle, family values, generation, intergenerational transmission of values

УДК 316.356.2

Д.А. Киряева

МНОГООБРАЗИЕ ТИПОВ СЕМЬИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья уделяет внимание такой проблеме, как типология современной семьи. Проблема возникновения новых типов семей была предметом внимания социологов еще в XIX – нач. XX в.в. Представленная проблема не утратила своей актуальности. В настоящее время она вызывает споры среди исследователей в данной области социологического знания. Семья имеет двойственный характер и с авторской позиции рассматривается как малая социальная группа, имеющая определенную структуру. В представленной работе сделана попытка объяснить зависимость деформации ролевой структуры семьи от внедрения многообразных типов семьи в социальную практику.

Ключевые слова: семья, типология, концепции семьи, ролевая структура, семейные роли

Множество исследователей уделяют особое внимание семье, ее изучению, анализу и проблематике. В XIX в. с возникновением социологии семья стала объектом научного интереса социологов, которые интерпретировали понятие «семья» многогранно, но вносили в него разный смысл [5]. Множество подходов к изучению такого феномена как семья является следствием того, что в работах по-разному рассматривается социальная сущность семьи. Европейские социологи изучали семью как группу людей, «связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми» [3]. В отечественной социологии существуют разные определения семьи. Социолог А. Г. Харчев утверждает, что семья – это исторически явственная система связей между супругами, между родителями и детьми; малая группа, члены которой имеют общие брачные или родственные отношения, общность бытия, взаимная моральная ответственность и социальная необходимость [5]. В. И. Зацепин и В. И. Цимбалюк предлагают иное понятие. Они считают, что семья является формой общности людей, которая включает в себя брак мужчины и женщины, их детей, а также других лиц, связанных кровнородственной связью [2].

Вышеперечисленные понятия объединяет тот факт, что семья рассматривается как общность людей, доминирующими характеристиками которой являются отношения супружества, родительства и родства. Семья

является неотъемлемой частью общества, поэтому в настоящее время ее выдвигают на первый план исследователи в областях наук, близких социологии, таких как демография, история, социология семьи, психология семьи. Становится очевидным, что многие наблюдаемые сегодня тенденции, как снижение рождаемости, массовое распространение добрачного сексуального поведения молодежи, малодетность и сознательную бездетность нужно рассматривать в качестве признаков значительных сдвигов в самом институте семьи. Для современного социолога, изучающего проблемы современной семьи, очень важно выяснить, каковы корни этих проблем и каковы пути их разрешения. Существует множество концепций возникновения и развития семьи. Начиная со второй половины XIX века, теоретические проблемы семьи рассматривались некоторыми выдающимися антропологами и социологами [1].

Социология семьи как отрасль социологической науки сформировывалась в процессе развития взглядов различных исследователей на феномен семьи [6].

«Отцом» такой науки как социология семьи считается Л. Морган. Он первый начал изучать семью и ее проблемы. Л. Морган разработал идею прогрессивного развития человечества и его исторического пути, выделил элементы структуры первобытного общества и противопоставил его классовому обществу. Парадигма Л. Моргана опиралась на критику патриархальной модели семьи и утверждала преобладающее место моногамной семьи в обществе.

Последователем Л. Моргана выступает Ф. Энгельс, который считал, что общественные порядки обуславливаются степенью развития труда и семьи. Он также выявил степень соответствия трем типам брака трех главных стадий человеческого развития, а именно, групповой брак характерен для стадии дикости, парный – варварству, моногамия – цивилизации. Ф. Энгельс не закрепляет патриархальную семью как идеальную модель, поскольку она представляла переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака, к индивидуальной семье современного мира.

Ф. Л. Пле – исследователь социальной жизни, считал, что семья – это основа государства. Он утверждал, что для научного наблюдения следует отбирать семейства, не имеющие патологий, что позволило ему выделить основные типы семьи: патриархальный, неустойчивый и коренной. Под основу представленной классификации Ле Пле брал принцип передачи имущества молодому поколению.

Социолог П. Сорокин утверждал, что трансформация форм семейных отношений происходила поэтапно. Он выделил некоторые социокультурные факторы, связанные с проблемами функционирования семьи. Во-первых, растет число разводов, вследствие чего уменьшается число браков, во-вторых, секс перестает носить функцию воспроизводства населения и становится внебрачным

увлечением, в-третьих, увеличивается эмансипация женщин и др. И в итоге, П. Сорокин приходит к выводу, что с развитием капитализма семья теряет некоторые свои свойства и уже не является единой ячейкой общества. Идеальной моделью семьи признается патриархальная, которая претерпевает кризис, но в связи с этим семья не исчезнет, а лишь произойдет изменение ее структуры [1].

На современном этапе своего развития семья подвергается трансформации: патриархальная семья перестала удовлетворять общественные потребности, и на смену ей пришла новая современная модель. Вследствие этого требовались новые концепции, которые смогли бы объяснить происходящие изменения.

Представитель символического интеракционизма Г. Блумер, изучая семью, утверждал, что в семье между людьми складывается особый вид интеракции, характеризующийся тем, что члены семьи интерпретируют действия друг друга, а не просто реагируют на них. Он также писал, что определенная семейная ситуация обуславливает действия членов семьи, которые ей соответствуют и приводят к новым результатам поведения. И сформированное поведение создает новую семейную ситуацию. Данный подход включает в себя позиции из теории ролей, которая делает акцент на «принятии роли» другого, что позволяет описать процесс возникновения в семье согласованного взаимодействия.

Свои взгляды высказал У. Гуд – представитель либерально-прогрессивистской парадигмы американской социологии. Он сконструировал теорию дезорганизации семьи, понимая под дезорганизацией «разрыв семейного единства, нарушение структуры социальных ролей, когда один или более членов семьи не могут точно выполнять свои ролевые обязанности» [6].

С точки зрения социологии семья является основной частью социальной структуры общества, одна из ее подсистем, деятельность которой регулируется ценностями, нормами, традициями, обычаями и т.п. [4]. Рассматривая типологию семей в социологическом контексте, можно утверждать, что она

базируется на основе социальных ролей, социального положения и т.д. Современные социологи выделяют собственно социологические критерии, которые позволяют выделить и показать множество типов современной семьи.

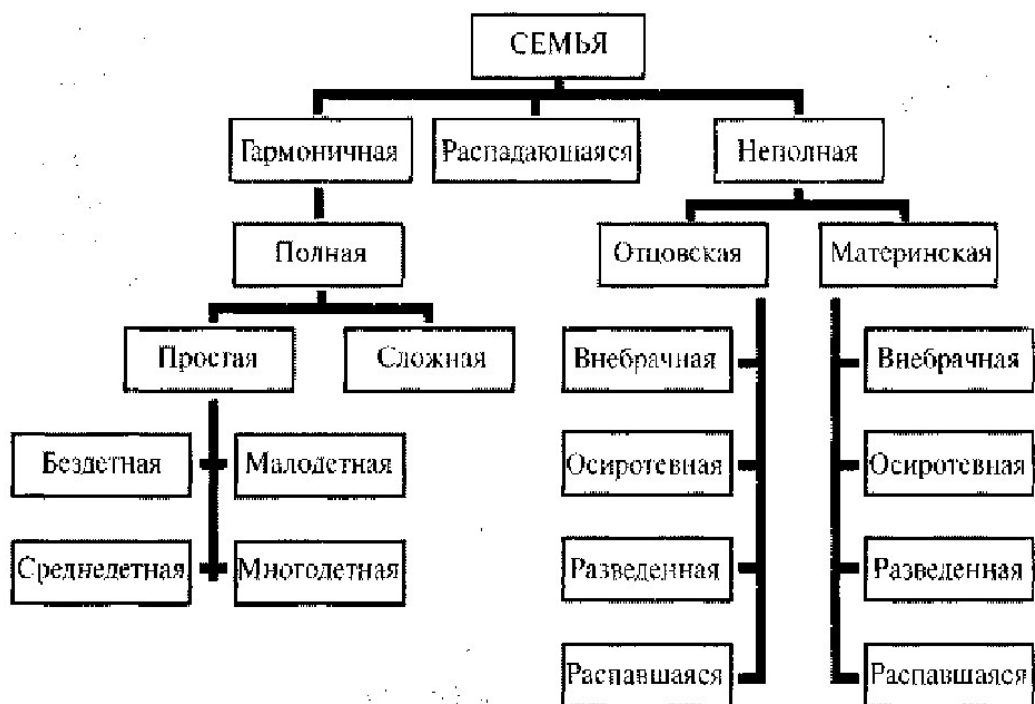

Рис. Типы современной семьи

Рисунок показывает, что появление многообразных типов семьи отражается на ее структуре, изменение которой приводит к возникновению серьезных проблем. Изучение структуры семьи занимает особое место в социологии семьи, поскольку от нее зависят эффективность функционирования семьи, степень остроты возникающих в ней проблем, содержание семейного взаимодействия и т.д. Идеальной структурой семьи по критерию «комплектность внутрисемейных ролей» считается структура полной семьи, в которой реализуются 12 возможных ролей. Для семьи характерна взаимозависимость ролей. Если в семье нет ни сына, ни дочери, т.е. бездетная семья, то и не будет роли отца. В эпоху современности наблюдается плюрализм семейных ролей и форм ролевого взаимодействия, специфика осуществления которых обусловлена структурой и типом семьи [6, с.79].

Современная семья – это семья нуклеарная, для нее характерна деформация ролевой структуры семьи. Доминирование в обществе нуклеарных семей приводит к тому, что дети в семье не наблюдают ролей бабушек и дедушек. В связи с этим у детей формируется лжеобраз прародителей, это может привести к неадекватному исполнению будущих ролей этих детей. Более серьезная деформация семейных ролей наблюдается в неполной семье, состоящей из матери с детьми, роль отца реализуется матерью, а роль матери берет на себя бабушка. В такой семье выполняется ролевое неодобрение.

Также стоит отметить, что функционирование семей разного типа, может привести к ролевому конфликту. Межролевой конфликт предполагает

противоположность ролевых ожиданий. К примеру, в многопоколенной семье супруги второго поколения являются и родителями, и детьми, сочетая в себе роль родителя и ребенка, и выполняя их. Внутрирольевой конфликт проявляется тогда, когда одна роль содержит противоположные требования. К примеру, роль жены имеет традиционные женские роли и современную женскую роль [6, с. 145].

Таким образом, семья является сложным социальным образованием, которому уделялось и уделяется в настоящее время большое внимание во многих областях социальных наук. Очень важно сделать акцент на необходимости изучения типологии семьи, поскольку возникающие проблемы в процессе ее функционирования приводит ко многим негативным последствиям. К ним также относят: отсутствие присмотра и чувства собственной независимости ребенка в семье, что в определенной мере плохо влияет на его развитие, образование и культуру; потеря авторитета родительской власти; увеличение малодетных и бездетных семей; отсутствие укоренения стимула гражданского становления и достижения социальной зрелости ребенка; увеличение разводов в семьях современного типа.

Проблема типологии семьи является достаточно сложной, дискуссионной и, к сожалению, нерешенной. Сложность ее решения заключена в самой специфике семьи, отношений внутри нее, их закрытости, интимности, изменчивости многих происходящих в ней событий и отсутствии их четких контуров [2].

Список литературы

1. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 7-47.
2. Зайкова С.А. К вопросу типологии современной семьи // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 701.
3. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С 424.
4. Степаненко В.И. Социология (краткий курс лекций) / В.И. Степаненко. – М.: МАНПО, 2005.
5. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. Мысль, 1979. С. 75.
6. Хачатрян Л.А., Гордеева С.С. Социология семьи: учеб. Пособие/Л.А. Хачатрян, С. С. Гордеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. 200 с.

DIVERSITY OF FAMILY TYPES: THEORY AND PRACTICE

The article pays attention to such a problem as the typology of a modern family. The problem of the emergence of new types of families was the subject of attention of sociologists as early as the 19th – early. XX century. The presented problem has not lost its relevance. Currently, it causes controversy among researchers in this field of sociological knowledge. The family has a dual character and, from an author's point of view, it is considered as a small social group with a certain structure. In the present work, an attempt is made to explain the dependence of the deformation of the role structure of the family on the introduction of diverse types of families in social practice.

Key words: family, typology, family concepts, role structure, family roles.

УДК 314.5

A.B. Короленко

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Нестабильность браков и высокий уровень разводов обуславливают актуальность изучения такой формы юридической организации прав и обязанностей супругов в браке или в случае его расторжения, как брачный договор. В статье проведен анализ мнений жителей Вологодской области о брачном договоре. Автором изучены отношение респондентов к заключению брачного контракта, мнения о том, по каким причинам и какие люди идут на подписание данного документа, какие пункты он должен содержать и способен ли предотвратить развод. Информационной базой исследования выступили данные этапа социологического мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, проведенного в 2019 году.

Ключевые слова: браки, разводы, брачный договор, социологический опрос, население Вологодской области

В последние десятилетия в России наблюдается изменение норм матримониального поведения, выражающееся в широком распространении сожительства, увеличении возраста вступления в брак, высоком уровне разводимости [1; 3]. Ввиду нестабильности брачных союзов и высокого уровня разводов представляется актуальным исследование отношения населения к такой форме юридической организации прав и обязанностей супругов в браке или в случае его расторжения, как брачный договор.

Согласно статье 40 Семейного кодекса РФ брачный договор представляет собой «соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в

случае его расторжения» [2]. В 2019 г. в анкету социологического мониторинга репродуктивного потенциала населения, проводимого Вологодским научным центром РАН, впервые был включен блок вопросов, посвященных отношению респондентов к заключению брачного договора (контракта).

Как показали результаты опроса, 38% респондентов выступают против заключения брачного договора, тогда как 18% считают его обязательным условием при вступлении в брак (рис. 1). Примечательно, что 37% опрошенных затруднились при ответе на данный вопрос, а 7% даже не информированы о том, что такое «брачный договор». Заметно чаще за подписание брачного договора при вступлении в брак высказывались жители промышленного центра области – г. Череповца (32%), тогда как его противников оказалось существенно больше среди жителей культурно-исторического центра – г. Вологды (52%). Респонденты 25–34 лет чаще по сравнению с представителями других возрастных групп высказывали отрицательное отношение к данному документу (41%). Самую низкую информированность о брачном контракте продемонстрировали мужчины (10% против 5% у женщин), лица в возрасте 15–19 лет (13% против 7% у лиц 20 лет и старше), жители муниципальных районов области (9% против 6% у населения крупных городов).

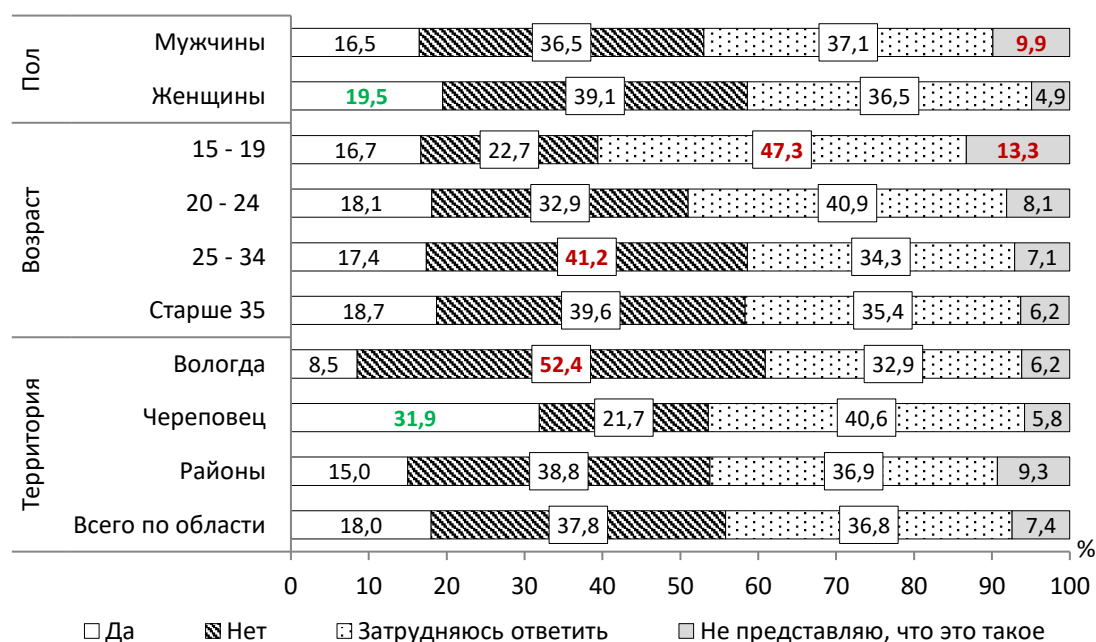

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, нужно ли заключать брачный договор/контракт при вступлении в брак?» (в % от числа ответивших), 2019 г.

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

По мнению большинства респондентов, главным пунктом брачного договора должно быть урегулирование имущественных споров в случае развода (64%; табл. 1). Заметно реже опрошенные называли такие аспекты, как урегулирование вопроса воспитания детей в случае развода супругов (37%), материальные обязательства супругов в браке (34%), распределение семейных обязанностей (23%) и гарантии супружеской верности (22%).

Вариант «урегулирование имущественных споров в случае развода» чаще выбирали жители крупных городов – Вологды и Череповца (71 и 76% против 50% у населения районов области), женщины (67% против 61% у мужчин), лица старше 25 лет (66% против 59% у респондентов 15–24 лет). Пункты, посвященные распределению материальных обязательств и семейных дел, оказались важнее для населения г. Череповца по сравнению с другими территориями (40 и 31% соответственно).

За включение вопросов воспитания детей в случае развода супругов в брачный контракт чаще высказывались женщины (40% против 34% у мужчин), люди в возрасте 20–24 лет (44% против 35% у 25–34-летних и 37% у респондентов 15–19 лет и 35 лет и старше). Дополнить брачный договор вопросом гарантий супружеской верности в основном предлагали молодые люди в возрасте 15–19 лет (30%).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие пункты, на Ваш взгляд, должен содержать брачный договор?» (в % от числа ответивших), 2019 г.

Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория			Всего
	Муж.	Жен.	15-19	20-24	25-34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы	
Урегулирование имущественных споров в случае развода	60,7	66,8	58,7	59,7	65,7	64,3	71,3	76,4	49,8	63,7
Урегулирование вопроса воспитания детей в случае развода супругов	34,3	40,3	37,3	43,6	35,3	37,3	36,6	40,4	35,6	37,3
Материальные обязательства супругов в браке	32,3	35,6	34,7	38,3	32,7	33,7	29,0	39,5	33,5	33,9

Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория			Всего
	Муж.	Жен.	15-19	20-24	25-34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы	
Распределение семейных обязанностей супругов	21,9	23,2	21,3	24,2	22,5	22,5	13,8	30,9	22,8	22,5
Гарантии супружеской верности	20,7	23,1	30,0	22,8	20,9	20,6	18,6	22,6	23,6	21,9
Другое	1,6	1,3	1,3	2,7	1,2	1,4	1,1	2,5	0,9	1,5

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

На ситуацию, когда партнёр предложил заключить брачный договор, 34% респондентов отреагировали бы отрицательно, тогда как 28% – положительно (рис. 2). 35% опрошенных вовсе затруднились с выбором ответа. Только 2% респондентов отметили, что сами бы выступили с подобной инициативой.

Доля респондентов, которые в целом положительно отнеслись бы к такому предложению, оказалась заметно выше среди жителей г. Череповца (48% против 12% в г. Вологде и 25% в районах) и женского населения (31% против 25% у мужчин). Тогда как удельный вес респондентов, отрицательно отреагировавших на данное предложение, выше среди жителей г. Вологды (49%), людей в возрасте 25–34 лет (37%) и мужчин (36%).

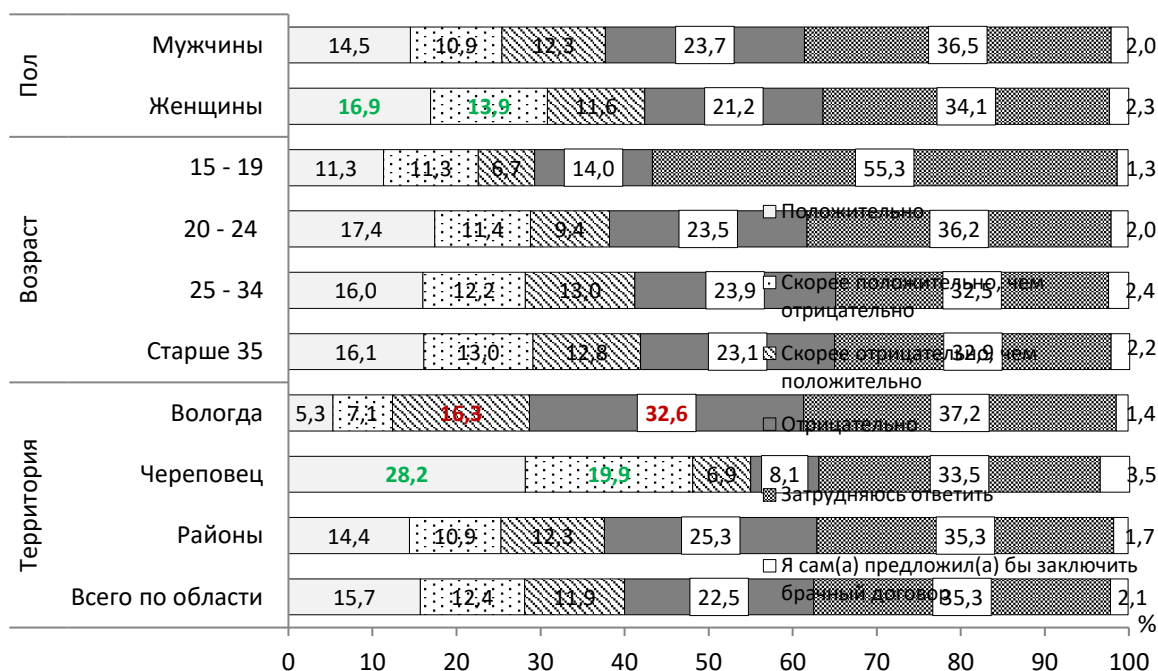

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы Ваш партнёр/партнёрша предложил(а) заключить брачный договор?» (в % от числа ответивших), 2019 г.

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Из анализа содержания брачного договора закономерно вытекает тот факт, что основными причинами его заключения, по мнению респондентов, выступают предотвращение возможных имущественных конфликтов в случае развода (45%) и недоверие супругов друг другу (42%; табл. 2). Реже отмечались варианты – предотвращение брака по расчету (30%), защита прав детей в случае развода родителей (24%) и поиск материальной выгоды (23%). Желание распределить обязанности с партнером в браке выбрали лишь 15% опрошенных. Мнения о том, что брачный договор подписывают люди, которые стремятся предотвратить возможные имущественные конфликты в случае развода, чаще всего высказывали жители г. Череповца (58%) и женщины (49%). Вариант недоверия супругов друг другу несколько чаще выбирали мужчины (44%).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, брачный договор заключают люди, которые...» (в % от числа ответивших), 2019 г.

Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория			Всего
	Муж.	Жен.	15-19	20-24	25-34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы	
Предотвращают возможные имущественные конфликты в случае развода	40,5	48,7	33,3	45,0	45,0	46,7	48,7	57,7	32,8	44,6
Не доверяют друг другу	43,9	39,7	38,0	42,3	43,2	41,5	41,8	40,4	42,7	41,8
Стараются предотвратить брак по расчёту	28,1	30,1	36,0	26,8	29,8	27,7	30,6	33,3	25,3	<i>29,1</i>
Защищают права детей в случае развода	19,2	29,5	28,0	28,2	24,5	22,6	25,5	35,6	15,8	24,3
Ищут материальную выгоду	24,4	22,3	21,3	19,5	23,3	24,6	24,4	16,2	27,5	23,3
Хотят распределить семейные обязанности с партнёром	11,7	17,3	14,7	17,4	13,4	14,7	9,0	27,5	9,5	<i>14,5</i>
Другое	1,2	0,9	0,7	0,7	1,8	0,7	0,9	1,6	0,8	<i>1,1</i>

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНИЦ РАН.

Большинство опрошенных жителей региона считают, что брачный договор никак не влияет на развод (65%). Почти каждый пятый респондент отметил, что брачный контракт может предотвратить развод (21%), тогда как 14%, напротив, высказали мнение о его непосредственном влиянии на разрушение брака.

О возможности брачного договора предотвратить брак высказывались преимущественно молодые люди 15–19 лет (28%) и жители районов области (26%). Вариант «брачный договор никак не влияет на развод» чаще всего выбирали жители г. Череповца (74%), люди в возрасте 25 лет и старше (66%). Тогда как наибольшее количество оценок о негативном влиянии брачного контракта на развод давали респонденты из г. Вологды (17%) и население 20–24 лет (15%).

Таким образом, можно заключить, что в целом население региона скептически относится к заключению брачного договора. Так, 38% респондентов выступили против его заключения и лишь 18% «за», остальные затруднились при ответе на вопрос. По отношению к ситуации, когда партнер предложил заключить брачный договор, мнения респондентов разделились: 34% отнеслись бы к ней отрицательно, 28% – положительно, 2% – сами бы предложили такой вариант, оставшиеся – затруднились. Главными причинами подписания брачного договора жители региона считают предотвращение имущественных споров между супругами и взаимное недоверие. Как следствие, чаще всего в качестве главного пункта брачного контракта они называли урегулирование имущественных споров при разводе супругов. Вместе с тем большая часть опрошенных выразили скепсис в части возможности влияния брачного договора на развод супругов (65%). В оценках респондентов выявлены заметные гендерные, возрастные и территориальные различия.

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

Список литературы

1. Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г., Петрякова О.Л. Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 20–29.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения: 15.10.2019)
3. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151–164.

A.V. Korolenko

POPULATION'S OPINION ABOUT MARRIAGE CONTRACT (ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA OBLAST)

The instability of marriages and the high level of divorces determine the relevance of studying this form of legal organization of the rights and obligations of spouses in a marriage or in case of its dissolution, as a prenuptial agreement. The article analyzes the opinions of residents of the Vologda Oblast about a marriage contract. The author studied respondents' attitude to concluding a marriage

contract, opinions on why and what kind of people go to sign this document, what points it should contain and whether it is able to prevent a divorce. The information base of the study was the data from the stage of sociological monitoring of the reproductive potential of the Vologda Oblast population conducted in 2019.

Keywords: marriage, divorces, marriage contract, sociological survey, the Vologda Oblast population.

УДК 316.4

А.Д. Логинова

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ В ПРИВАТНОЙ СФЕРЕ

В статье представлено исследование, которое было направлено на выявление трансформации в распределении власти среди молодых супружеских пар в приватной сфере жизни.

Ключевые слова: трансформация, молодежь, семья, власть, приватная сфера

Изменения, произошедшие в конце XX в. в обществе, коснулись и полоролевых моделей поведения. Женщинам стали доступные публичные сферы общества, такие как образовательная и профессиональная сферы. Стали возникать новые формы брака, начала трансформироваться интимность, изменяться социальные стереотипы, начал меняться статус женщины в обществе [1]. Интерес к полу возник не только в публичной, но и в приватной сфере жизни.

Различные взаимоотношения мужчин и женщин стали привлекать исследователей. Прежде всего, интерес вызвали различия социальных ролей мужчин и женщин, их идентичности и сексуальности.

Для женщин гораздо значимей видеть большую вовлеченность в семейную жизнь со стороны мужчины, но те зачастую психологически не готовы к тому, чтобы брать на себя круг домашних обязанностей в связи со стереотипизированностью этого занятия. В этом контексте стоит уделить особенное внимание формированию семейных установок молодого поколения.

Для современной молодежи брак и семья перестали играть такую же роль, как для старшего поколения, так как их взросление происходило в достаточно либерализованной России. Возрастающий уровень индивидуализма является фактором, который, прежде всего, влияет на изменения в семейном поведении. Молодые люди сейчас стремятся к повышению уровня личностной самореализации намного сильнее, чем прежде[2].

Целью исследования является выяснение, насколько распространены среди современной молодежи традиционные или современные взгляды в отношении распределения обязанностей внутри семьи. Было проведено пятнадцать полуструктурированных интервью с молодыми людьми от 18 до 30 лет состоящими в браке.

В результате исследования были выделены четыре модели распределения обязанностей в семье.

«Традиционная» модель, которая подразумевает модели поведения «жена-домохозяйка» и «муж-кормилец». По мнению респондентов, женщина – это хранительница очага, заботливая, создающая уют в семье и доме, а мужчина – добытчик, опора, способный обеспечить себя, жену и детей.

«Эгалитарная» модель подразумевает равное распределение обязанностей в семье.

Была выделена модель, в которой девушки склонны ожидать от противоположного пола вовлеченности и помощи в хозяйственных делах, но если такое случается, то довольно редко.

Последняя модель – женщина, ориентированная на карьеру. Она подразумевает обоих работающих супругов. Воспитанием детей и хозяйственными делами в таком случае занимаются наемные работники – няни, педагоги, уборщицы или родственники – бабушки и дедушки. Муж также приносит доход, но уже не основной. Однако оба родителя принимают участие в воспитании детей. Что касается домашнего хозяйства, то в таком случае также пользуются услугами профессионалов.

Конфликты часто случаются у таких пар, где основная ответственность по дому лежит на девушке. Девушки отмечают, что они могут понять, когда у молодого человека высокая загруженность на работе, он устает и помогать у него не остается ни сил, ни времени. Однако, когда у молодого человека выходной или больше свободного времени, от него ожидается определенная помощь. Именно здесь возникает конфликт, который разрешается после огласки: молодые люди договариваются между собой либо о разделении домашней работы, либо о небольшой помощи со стороны молодого человека. В парах, где ответственность по дому полностью лежит на девушке, чаще всего такие конфликты просто остаются нерешенными. *«Потому что сейчас по дому я все делаю. Он утром уходит, вечером приходит. Да, мне его жалко, он реально уставший, но я тоже устаю. Я прихожу с учебы, готовлю, прибираюсь, посуда тоже. Это тоже все равно очень на самочувствие влияет и к вечеру я уставшая, и он это не всегда понимает»* (Ж, 23).

Если говорить об озвученных пропорциях по уровню участия в домашнем хозяйстве, то девушки, выполняющие большую часть работы по дому и

понимающие это, отвечают, что им это не в тягость. То есть девушки привыкли больше делать по дому, чем их партнеры. Причинами называют чаще всего большую занятость молодых людей на работе.

В парах, где женщина домохозяйка – женщины адекватно относятся к тому, что они выполняют всю работу, так как муж обеспечивает всю семью. Однако, что касается детей, от мужчин ожидается участие в их воспитании, проведении с ними досуга.

Баланса пары достигают редко, но это иногда случается. Как правило, это случается в тех парах, где оба партнера уделяют больше времени работе, у девушек примерно такая же занятость, как у их партнеров, поэтому последние помогают в ведении домашнего хозяйства. В таких парах домашние обязанности разделяются, прежде всего, по наличию свободного времени и по настроению.

В большинстве случаев и юноши, и девушки согласны с тем, что основной доход в пару приносит мужчина. Это, как правило, связано с отсутствием работы у девушек или с ее маленькой зарплатой. Многие девушки озвучивали такой фактор, что в России это связано с дискриминацией по половому признаку при устройстве на работу. С другой стороны девушки, которые работают не меньше своих партнеров, не согласны с тем, что они приносят меньше дохода в пару. *«Кто приносит основной доход? Вова. Та же готовка, занимаюсь ей больше я. И в силу того, что я еще не так давно работаю, Вова приносит больший заработок. Возможно, это обусловлено российскими реалиями»* (Ж, 23).

Общего бюджета у молодых людей, как правило, нет. Каждый хранит и тратит свои финансы отдельно от партнера. Если какие-то покупки совершаются совместно, то чаще всего потом эта сумма делится пополам и возвращается партнеру. Если сразу не получилось создать общий бюджет, чаще всего даже после долгих отношений и официального оформления брачного союза, он так и не формируется.

Девушки, при вопросе «кто является главой вашей семьи» в большинстве случаев отвечают, что их молодой человек. В то же время они отмечают, что это отчасти навеяно обществом, стереотипами, которые существуют. В принятии каких-либо решений молодые люди брали на себя инициативу, но при этом советуясь со своей партнершей.

В парах с равным разделением семейных обязанностей оба партнера не называли главу семьи, так как, по их мнению, все делается в паре обоюдно и по взаимному согласию.

Девушки, отвечающие за домашний быт и при этом работающие, категорически отказывались называть главой семьи мужчину. По словам респонденток, в этом случае чаще всего молодые люди не брали на себя

ответственность по дому, в свое свободное время они чаще всего смотрели телевизор.

Изменений в сфере домашнего распределения обязанностей хотят больше девушки, чем молодые люди. Они не справляются с обязанностями, которые на них лежат – это и учеба, и работа, и домашнее хозяйство. По словам респонденток, не хватает инициативы со стороны партнера. Девушкам хотелось бы отдать им часть своих обязанностей. Изменения также затрагивают и сферу досуга, в которой молодые люди безынициативны. Так как они работают, им в большинстве случаев хватает и того, что они отдыхают сидя дома. Таким образом возникает напряженная ситуация в доме. *«Планировать досуг. Чтобы тащил куда-нибудь, а он сидит, сидит или лежит. Меня это напрягает»* (Ж, 22).

Гендерное воспитание в родительской семье было не столь ярко выражено. Мальчики могли помогать маме по хозяйству, а девочки могли помогать отцу в строительстве. Также и в родительской паре не всегда проявлялось гендерное различие в распределении домашних дел: матери помогали мужьям, выполняя сложную физически мужскую работу в каких-то конкретных случаях, например, постройка дома. Но такие случаи были не часто, чаще всего мать занималась бытовыми рутинными вещами.

В родительской семье респонденты чаще всего отмечали тот факт, что воспитанием детей занималась мать. Уроки делались вместе с мамой, мама забирала детей из детского сада, обучала ведению домашнего хозяйства девочек. Отец мог помогать в некоторых случаях с учебой, чаще всего он мог проводить с детьми досуг.

Таким образом, результаты поведенного исследования показали, что в начале отношений молодых еще играет роль модель родительской семьи. С течением жизни, приоритеты молодых людей и девушек меняются. Современные девушки понимают, что они не хотят жить так, как в большинстве случаев жили их матери. Тяжелая домашняя работа, работа вне дома, воспитание детей – все это ложилось на женские плечи. Сейчас молодые люди и девушки ориентированы, все-таки, на более пропорциональное распределение обязанностей внутри пары.

Список литературы

1. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. – СПб: Питер, 2004. – 208 с.
2. Степанищенко, О.В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках / О.В. Степанищенко // Научный журнал КубГАУ. – 2011. – №73. – С. 1-14.

DISTRIBUTION OF POWER IN YOUNG FAMILIES IN THE PRIVATE SPHERE

The article presents a study that was aimed at identifying the transformation in the distribution of power among young married couples in the private sphere of life.

Keywords: transformation, youth, family, power, private sphere

УДК 314.146

C.B. Ляликова

ЗНАЧИМОСТЬ СЕМЕЙНО-ДЕТНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ИЕРАРХИИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЬИ И ЛИЧНОСТИ*

В статье раскрывается актуальность исследования ценностных ориентаций семьи и личности, а также их связь с мерами семейно-демографической политики; рассматривается особое положение ценности семейно-детного образа жизни в иерархии жизненных ценностей мужчин, женщин и семейных пар. На основе эмпирических исследований кафедры социологии семьи и демографии МГУ представлен детальный анализ особого положения ценности семьи в зависимости от различных социально-демографических характеристик. Как показало исследование, ценность семейно-детного образа жизни зависит не только от пола, возраста, семейного положения респондента и др., но также немаловажным оказывается и стадия жизненного цикла семьи. Было зафиксировано, что, несмотря на высокую ценность семьи и детей в иерархии жизненных ценностей, существует тенденция к снижению уровня трансляции фамилистических ориентаций будущим поколениям.

Ключевые слова: жизненный цикл семьи, стадии жизненного цикла, ценностные ориентации, девальвация семейных ценностей.

Современная ситуация в области репродуктивного поведения в мировом масштабе демонстрирует неблагоприятную картину, выраженную в отказе от традиционной расширенной семьи и переходе к современному типу малодетного общества, характерному для большинства развитых и развивающихся стран. Современные тенденции в области семьи, связанные с ростом сожительства, снижением уровня рождаемости, высоким уровнем разводимости, увеличением возраста вступления в брак и др. заставляют сегодня говорить о кризисе не только традиционной семьи, но и о проблемах семьи нуклеарной, представленной широким спектром вариаций осколочных форм семьи, или иначе говоря, семейных групп. Вышесказанное обуславливает актуальность

© Ляликова С.В., 2019

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020 гг.)» №18-011-01037

изучения не только поведенческих механизмов в области репродуктивного поведения, но и ценностных ориентаций населения, которые помогут раскрыть мотивационный компонент в рамках диспозиционной регуляции личности.

Эмпирической базой послужило «Исследование жизненных ценностей и семейно-детных ориентаций супружеских пар – 2018», проведенное кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, в ходе которого был проведен парный опрос мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке, проживающих на территории Москвы и МО. Общий объем выборки составил 672 респондента, т.е. 336 семей, 46,7% из которых состоят в официальном браке, остальные не регистрировали свои отношения. Средний возраст участников опроса – 31,2 года (у мужчин – 32,3 года, у женщин – 30,0 лет). Респонденты оказались выходцами из двухдетных семей, около 40% опрошенных имеют собственных детей, среди тех, у кого есть дети, 46,9% являются одноклеточными. Доля многодетности в общем объеме выборки составляет 5,6% (по данным переписи доля семей с тремя и более детьми от числа всех домохозяйств – 7,0%, среди городского населения – 4,8%) [1].

Изучение ценностных ориентации респондентов было реализовано посредством анализа иерархии жизненных ценностей мужчин и женщин, рассчитанной для себя и для детей. Участникам исследования было предложено проранжировать набор из 15 жизненных ценностей по степени важности их сначала для себя, потом для своих детей, где первый ранг присваивался наиболее значимой ценности для респондента, пятнадцатый – наименее значимой. Таким образом, были подвергнуты детальному анализу две системы ценностей.

Согласно полученным данным здоровье является самой важной ценностью и для себя, и для детей. Причем при ранжировании ценностей для себя 40,1% опрошенных поставили здоровье на первое место (из 15 возможных), в то же время как при составлении иерархии ценностей для своих детей оценки оказались более однородными, около 60% опрошенных отдали здоровью первое место. Второе место в жизненной иерархии респондентов было отведено ценности «семьи, детей и заботливых близких» (ранг для себя – 4,0; для детей – 4,8). Стоит отметить, что подобная последовательность жизненных приоритетов была также зафиксирована в исследовании ВЦИОМ, которую в 2017 году возглавила ценность здоровья (с индексом 99), на второй позиции разместились «отношения в семье» (индекс – 98) [2].

По данным эмпирического исследования ценность семейно-детного образа жизни зависит от возраста респондентов и приобретает большую значимость среди старших возрастов ($F(2;666) = 3,682$, $p=0,026$). Среди молодежи (до 29 лет) ранговое значение ценности семьи в иерархии жизненных ценностей

составило 4,6, в следующей возрастной когорте (от 30 до 39 лет) – 3,8, для тех, кому более 40 лет – 3,1 (в среднем, лишь каждый пятый респондент (22,4%) поставил семью на первое место). Однофакторный дисперсионный анализ не обнаружил статистически значимых различий между ранговым значением семьи, детей и заботливых близких, рекомендуемых детям, в зависимости от возраста респондентов. Участники опроса одинаково низко оценили ее (ранг больше) в каждой возрастной когорте, среднее значение ранга – 5,0. Только 12,9% опрошенных рекомендовали ценность семьи в качестве главной ценности детям (присвоив первый ранг), 15,1% определили ее на 10-15 строчки рейтинга.

Ценность семьи оказывается наиболее важной для женатых респондентов, в сравнении с сожительствующими мужчинами и женщинами (для себя: 3,31 к 4,85 ((F (1;667) = 35,144, p=0,000); подобная тенденция сохраняется при анализе иерархии ценностей для детей: 4,63 к 5,22 ((F (1;665) = 4,602, p=0,032)). (см.рис.1) Интересно, что ранг ценности семьи для себя у бездетных (4,65) отличается от однопородных и двупородных родителей (2,88 и 2,95), в той же степени как от них же (малолетних родителей) отличаются многодетные (4,31) (F (2;662) = 11,196, p=0,000), в иерархии ценностей для детей отличия не являются статистически значимыми. Выше оказывается ранг ценности семьи, рекомендуемой детям женщинами в сравнении с мужчинами (4,7 к 5,2) ((F (1;665) = 4,391, p=0,037). Среди респондентов неудовлетворенных семейными взаимоотношениями, ниже ценность семьи, детей и заботливых близких (6,8 к 3,9) (F (3; 627)=5,750, p=0,001).

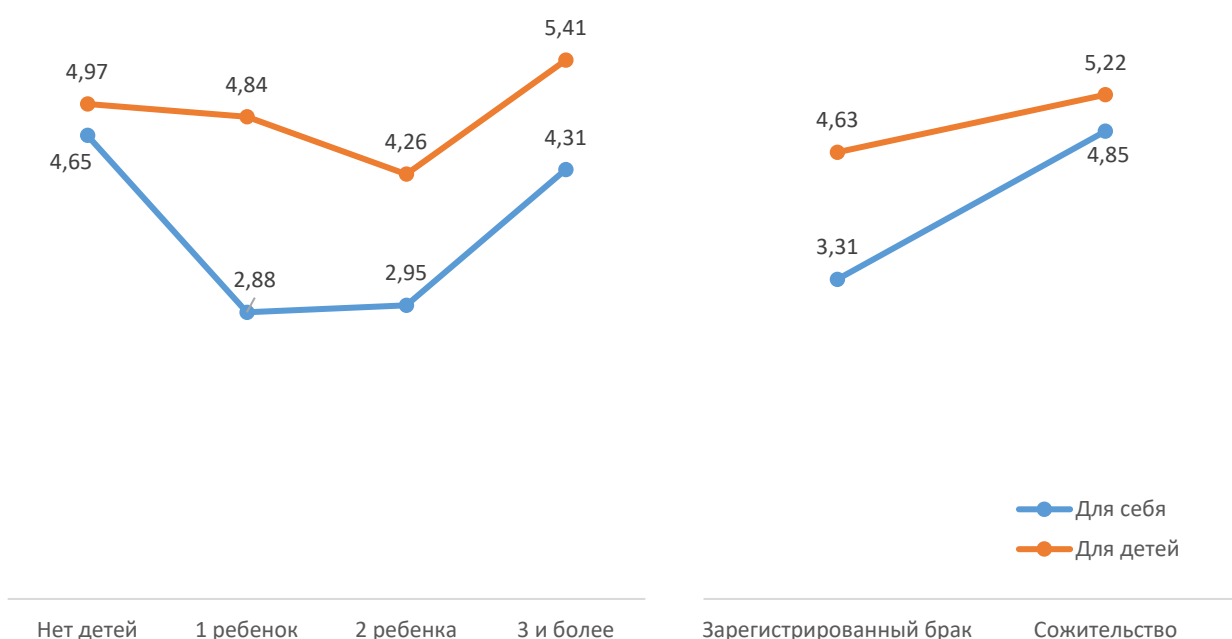

Рис.1 Ранговые значения ценности «семьи, детей и заботливых близких» в зависимости от числа детей и регистрации брака

(чем больше ранг, тем менее значима ценность)

Дифференциации семейного жизненного цикла на стадии позволяет исследователям четко охарактеризовать семьи, находящиеся на разных этапах своего развития. Выделение фаз основано на допущении о том, что все семьи на протяжении своей семейной карьеры подвержены схожим трансформациям, даже при наличии уникальных особенностей. На основании полученных данных с опорой на теоретическую концепцию фамилизма респонденты были распределены по стадиям жизненного цикла. Процентное соотношение между представителями различных стадий представлено следующим образом:

- Досемейная стадия (50,2%) – период в жизни мужчины и женщины с момента начала отношений до регистрации брака;
- Предродительство (19,8%) – фаза жизненного цикла, занимающая период после заключения брака до рождения первого ребенка;
- Репродуктивное родительство (19,7%) – стадия, охватывающая временной отрезок от рождения первого ребенка до момента достижения им совершеннолетия;
- Прародительство (10,3%) – завершающая фаза жизненного цикла, начинающаяся с совершеннолетия детей и продолжающая до момента смерти одного из супругов.

Однофакторный дисперсионный анализ жизненных ценностей респондентов, находящихся на разных фазах семейного цикла жизни, показал ряд статистически значимых отличий. Зафиксировано, что средний ранг ценности семьи, детей и заботливых близких (т.е. ценность семейно-детного образа жизни) повышается поступательно с продвижением супружеских пар по линии жизни семьи от предсемейной стадии, где средний ранг указанной ценности равен 4,9, к предродительской (3,6), а затем к завершающим стадиям семейного цикла (репродуктивного родительства и прародительства), где значение рейтинга достигает 2,9 ($F(3;576) = 12,615, p=0,000$). Удивительным оказалось, что разница рангов, а соответственно и степень трансляции указанной ценности детям не просто снижается, а при сравнении крайних групп (досемейной и прародительской) различается вдвое ($F(3; 579)=6,188, p=0,000$). С каждой последующей фазой жизненного цикла семьи возрастает разница рангов для себя и для детей с отрицательным коэффициентом. Респонденты, находящиеся на досемейной стадии, оказываются более сдержанными в девальвации ценности семьи в сравнении с теми, кто находится на предродительской стадии. Однако, значимость ценности семьи для себя среди представителей досемейной стадии изначально достаточно низкая (средний ранг

– 4,89, а среди прародителей – 2,9), средний ранг ценности, рекомендуемой детям, оказывается в равной степени низким.

Таким образом, в ходе работы удалось определить положение ценности семьи в иерархии жизненных ценностей личности и определить ее значимость в зависимости от различных социально-демографических характеристик (пол, возраст, семейное положение и др.). В том числе были раскрыты особенности трансформации ценности семейно-детного образа жизни на разных этапах жизненного цикла семьи, демонстрирующие девальвацию семейных ценностей в процессе трансляции жизненных ценностей своим детям. Дальнейшие разработки в данной области, включающие в себя исследование более широкого спектра ценностей мужчин и женщин на разных этапах жизненного цикла семьи, могут быть положены в разработку научно-обоснованных мер семейно-демографической политики, учитывающей ценностные ориентации семей на разных этапах ее развития.

Список литературы

1. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010. Федеральная служба государственной статистики, 2010. URL: <https://clck.ru/GBn3n> (Дата обращения: 25.10.2019).

2. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? ВЦИОМ, 2019 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (Дата обращения: 30.10.2019).

S.V. Lyalikova

SIGNIFICANCE OF FAMILY LIFESTYLE IN THE HIERARCHY OF LIFE VALUES OF FAMILY AND PERSONALITY

The article reveals the relevance of the study of the value orientations of the family and the individual, as well as their relationship with family-demographic policy measures; the special position of the value of family lifestyle in the hierarchy of life values of men and women and couples is considered. Based on empirical studies of the Department of Family Sociology and Demography, Moscow State University, a detailed analysis of the special situation of family values depending on various socio-demographic characteristics is presented. As the study showed, the value of a family lifestyle depends not only on the sex, age, marital status of the respondent, etc., but also the stage of the family life cycle is also important. It was recorded that despite the high value of the family in the hierarchy of life values, there is a tendency to reduce the level of translation of family orientations to future generations.

Key words: family life cycle, life cycle stages, value orientations, devaluation of family values.

ЮНОЕ МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ПРИЧИНЫ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

Материнство сегодня уже стало самым настоящим социальным феноменом, и рассматривается оно в работах многих известных авторов. Находятся новые аспекты и стороны рассмотрения этой темы, одной из которых является раннее (юное) материнство. В этой статье автор раскроет основные причины раннего материнства, его проблемное поле и затронет тенденции юного материнства именно в России.

Ключевые слова: общество, демографическая ситуация, юное материнство.

Уже ни для кого не секрет, что Россия все еще находится в состоянии демографического кризиса. Как бы государство, руководство страны ни пыталось стимулировать процессы рождаемости, этот вопрос все еще остается одним из самых актуальных и злободневных на сегодняшний день. Смена ориентации женщины, отсутствие желания вступать в брак, недостаток экономической и материальной стабильности – это далеко не все причины, по которым материнство отошло для многих в системе ценностей не только на второй, а просто по умолчанию – на задний план [1].

Но есть и другая сторона – это вопрос раннего материнства. Даже несмотря на то, что роль матери не для всех может быть самой значимой, все же опытные исследователи акцентировали свое внимание на том, что в современной России, да и в других странах мира наблюдается снижение порога материнства: сейчас возраст некоторых рожениц колеблется от 15 до 17 лет, и эта статистика продолжает набирать обороты [2]. Сразу возникает вопрос, в чем же состоят причины раннего материнства, какую проблему (или социальные проблемы) может спровоцировать этот феномен, и каковы его тенденции в России XXI века.

Хотелось бы сказать, что причин раннего материнства может быть достаточно много. Во-первых, современные дети стали очень рано взрослеть: возможности, которые дают нам информационные технологии, просвещение через Интернет, наличие общих социальных тенденций – все это ведет к тому, что и психологически подросткам кажется, что они готовы принимать самостоятельно определенные серьезные решения. В том числе, девочкам кажется, что для них ранняя половая жизнь и риск беременности – это совершенно нормальное явление, которое перестает их пугать. Скорее, им кажется, что раннее материнство – это что-то захватывающее, ведь сейчас и по телевидению можно наблюдать некоторые передачи, которые не просто не

отрицают этот факт, но и поддерживают юных матерей. Например, это передача «Беременна в 16», где подробно рассказывают о девочках не из самых благополучных семей, которые все равно рожают ребенка и получают помощь со стороны родителей, общества.

Во-вторых, просвещаются современные подростки далеко не при поддержке своих родителей – Интернет, социальные сети, доступность огромного количества информации, пропаганда секса, половых связей в любом возрасте – все это не может не сказаться на установках подрастающего поколения. И если молодые люди относятся к этому всему как к развлечению, то вот девушки, которые столкнулись с ранним материнством, переживают это по-своему. Изменения в общем состоянии тела, в здоровье, в психике – все это порой может действительно выливаться в некоторые социальные проблемы.

Раннее взросление, с одной стороны – это явление положительное, ведь жизнь сейчас далека от идеальной, и быстрая адаптация к изменениям в обществе и ранняя озабоченность экономическим положением – все это может сыграть важную роль в становлении личности индивида. Но есть и обратная сторона данного процесса – то обстоятельство, что раннему социальному и психологическому взрослению должна сопутствовать поддержка не только со стороны родителей, но также и со стороны специальных служб, которые помогут подростку адаптироваться ко взрослой жизни и принять некоторые сформировавшиеся обстоятельства. Но в России эти службы практически не развиты, и при этом, как выше мы уже отметили, тенденции к раннему материнству лишь усиливаются.

Последние социологические и демографические исследования демонстрируют, что возраст вступления в сексуальные отношения постепенно снижается, и в особенности это касается именно молодых девушек [4]. В результате чуть позже девушки выясняют, что у них сформировалась незапланированная беременность, и последствия этой беременности могут быть самыми разнообразными. Например, высока вероятность, что после произведенного в таком раннем возрасте аборта девушка не сможет больше иметь детей, и как следствие могут возникнуть психологические проблемы, сопровождающиеся девиантным, асоциальным поведением в виде агрессии, проявляемой по отношению к родителям и окружающим и отсутствием теплого отношения к другим детям.

Порой молодые матери решаются на роды, но отказываются от своих детей в роддоме. Отсюда формируется ряд социальных проблем, с которыми сталкивается подросток. Например, успеваемость в учебном заведении заметно снижается (так как беременность – это всегда не только физическая нагрузка, но

и психологическое испытание) и возникают трудности в реализации себя как личности.

Для общества эти обстоятельства могут быть достаточно губительны. Например, из-за материальных сложностей молодые матери без поддержки со стороны близких могут демонстрировать не просто асоциальное, но и преступное поведение. Отклоняющееся материнское поведение вообще может быть достаточно опасным для общества, поэтому есть необходимость контролировать подобные проявления, чтобы они не привели к летальным исходам.

Но перечисленные проблемы – далеко не все, с которыми могут сталкиваться молодые матери. Юное материнство считается полем более проблемным, и во всем – феноменальным. Есть множество исходов и выходов из сложившейся ситуации, и каждая девушка может самостоятельно принимать решение, но это в любом случае скажется на ее психологическом состоянии и на восприятии социальных норм и ценностей. Будущие отцы нередко отказываются от такой ответственности, поэтому молодые мамы вынуждены самостоятельно заниматься ребенком, проходить с ним через огромное количество трудностей.

Статистика показывает, что большая часть девушек, которые стали мамами в раннем возрасте, воспитывались в неблагополучных или малообеспеченных семьях. В той обстановке не было времени на то, чтобы рассказать ребенку о том, почему ранняя половая жизнь – это не всегда хорошо, и почему необходимо даже в таком случае пользоваться средствами контрацепции. Как результат – рост раннего материнства.

Юные женщины уже составляют отдельную категорию одиноких матерей. Как правило, они являются социально и личностно незрелыми, у них нет образования и профессии, представлений о том, какое предназначение имеет материнство. В воспитании ребенка у них также нет определенных навыков и умений [3].

Стоит сказать, что такие девушки в первую очередь нуждаются в психологической и педагогической поддержке, а также в поддержке материального характера. Именно общество, социальные службы поддержки должны контролировать тенденции раннего материнства и помогать тем девушкам, кто уже оказался в такой ситуации. Этот феномен уже стал довольно серьезной проблемой, и без поддержки со стороны общественных и государственных структур молодые матери самостоятельно не справятся со всевозможными трудностями.

Список литературы

1. Андриянова Т.В. О ценностном аспекте духовно-нравственного воспитания молодежи/ Т.В. Андриянова // Церковь и общество: история и современность: материалы IV научно-образовательных Знаменских чтений (25 – 28 марта 2008 г.): в 2 т. Т.2.; Курск. гос. ун-т. Курск: 2009. С. 124-132.

2. Алдакимова О.В. Современный подход к проблеме юного материнства: зарубежный и отечественный опыт / О.В. Алдакимова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. С. 109-113.

3. Каменева Т.Н. Материнство в неполной семье: личностные и социальные проблемы. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01003295925.pdf> (дата обращения: 18.10.2019 г.).

4. Скутнева С.В. Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи / С.В. Скутнева. Тольятти: Изд-во ТГУС. 2007. 131 с.

A.A. Savenkova

YOUNG MOTHERHOOD AS A SOCIO-DEMOGRAPHIC PHENOMENON: REASONS, PROBLEMS, TRENDS

Motherhood today has already become a real social phenomenon, and it is considered in the works of many famous authors. New aspects and aspects of consideration of this topic are found, and one of these is early (young) motherhood. In this article, the author will reveal the main causes of early motherhood, its problem field and affect the trends of young motherhood in Russia.

Keywords: society, the demographic situation of young motherhood

УДК 314.12

A.B. Синельников

КУДА ВЕДЕТ ВТОРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД?¹

В прошлом общественное мнение негативно относилось к «старым холостякам», «старым девам», бездетным супругам и одиноким матерям. В современном либеральном западном обществе люди имеют право на социально приемлемый выбор любого жизненного пути без внешнего давления. Но, по мнению автора, и в наше время общество вмешивается в личную и семейную жизнь. Западные государства ввели законы о ювенальной юстиции и предотвращении насилия в семье, чтобы вмешиваться в отношения между членами семьи. Они требуют введения эти законов и в России. В прошлом вмешательство общества стимулировало людей к созданию семьи, а сейчас – к разводу или к отказу от брака и рождения детей.

Ключевые слова: социальные нормы, свобода выбора, брак, семья, добровольная бездетность

© Синельников А.Б., 2019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037.

До недавнего времени социальные нормы требовали, чтобы все здоровые люди (кроме духовных лиц, принявших обет безбрачия) к определенному возрасту вступали в брак и имели детей. С либеральной точки зрения эти нормы нарушали права личности. Но такие нормы необходимы для выживания общества.

Согласно теории «второго демографического перехода» [3;11;12], современное либеральное общество дает всем мужчинам и женщинам возможность создавать семьи любого другого типа, включая и те, которые ранее не считались «нормативными» (добровольно бездетные пары – «чайлдфри», неженатые пары с детьми и без детей, неполные семьи и др.) либо вовсе не иметь семьи. Эта либерализация норм привела к депопуляции в России, в Евросоюзе, в ряде других стран. Второй демографический переход считается глобальным. По одному из прогнозов ООН, после 2054 г. станет сокращаться население всего мира [2, с. 297].

В прошлом снижалось только число повторных рождений. В наше время уменьшается и число первенцев, т.е. растет частота бездетности. В поколении 1968 года рождения никогда не имели детей 19,8% итальянских, 20,9% швейцарских и 23,1% немецких женщин. В России доля бездетных в 2-3 раза меньше, но она все же повысилась с 6,4% в поколении 1940 года рождения до 7,9% в поколении 1968 года рождения [10, с. 37].

С 1976 по 2016 г. А.И. Антонов провел ряд социологических исследований с использованием методики семантического дифференциала и установил, что негативное отношение к бездетности в России постепенно сменяется на нейтральное [6, с. 128-129]. В то же время многодетность часто воспринимается негативно [1]. Данные опроса многодетных родителей, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2007-2009 гг. под руководством А.И. Антонова, показали, что многодетные родители нередко рассматриваются окружающими как безответственные люди, которые не заботятся о своих детях [9, с. 357-366]. К сходным выводам пришла и Е.О. Смолева [8].

В обществе, где стать многодетными – это в порядке вещей, плохо быть бездетными. Если же добровольная бездетность признается нормальной, то многодетность становится нежелательной и считается допустимой лишь для богатых. Но они редко становятся многодетными [8].

Россия подвергается давлению со стороны международных организаций, лоббирующих введение законов о ювенальной юстиции и о профилактике домашнего насилия, которые действуют в западных странах, предписывая вмешательство полиции в жизнь семей. По подозрению, что муж опасен для жены или отец – для детей, его могут выселить из его дома и запретить

приближаться к членам семьи, но он должен материально обеспечивать их и оплачивать кредит за дом. Доказательства его вины не требуются. Достаточно заявления от жены, от детей или от соседей, если считается, что жена и дети материально зависят от него и поэтому не жалуются. После подачи заявления об угрожающей ей опасности, жена не может отозвать его, если помирится с мужем.

«Второй демографический переход» привел не к свободе выбора любых вариантов личной и семейной жизни, а к вмешательству государства в эту жизнь, которое разрушает семьи и препятствует созданию новых. В США и странах ЕС, где действуют законы о ювенальной юстиции [5] и о профилактике насилия в семье, очень много «чайлдфри» и одиноких людей, которые боятся вступать в брак и иметь детей. Жалобы жены или ребенка могут превратить жизнь мужчины в ад. А после выселения отца ребенок жалуется, что мать слишком строго его воспитывает, чрезмерно много от него требует, т.е. применяет к нему «психологическое насилие». В результате его могут отдать в другую семью или в детский дом.

Семейное и демографическое поведение людей проявляется в их отношениях с другими, т.е. не может быть свободным для всех. Если жена прерывает беременность, когда муж хочет ребенка, или, напротив, рождает, несмотря на то, что супруг не желает иметь детей, то у него нет свободы выбора репродуктивного поведения.

Когда нормы отменяются, вместо них появляются другие. Вопреки популярному мнению даже в эпоху «второго демографического перехода» социальные нормы семейного и демографического поведения не дают людям полной свободы выбора. Но, в отличие от прежних норм, новые нормы не обеспечивают выживание человечества.

При проведении семейной и демографической политики государство одним типам семей помогает больше, другим – меньше, третьим – совсем не помогает. Наибольшей помощи заслуживают многодетные. Она должна быть весомой, чтобы число этих семей увеличилось в несколько раз и рождение их детей компенсировало малодетность и бездетность остальных.

Иногда предлагается ввести налог на бездетность, чтобы получить средства на увеличение пособий многодетным. Но это воспринимается как незаслуженное «наказание» за отсутствие детей, причиной которой часто является бесплодие, а вовсе не добровольный отказ от их рождения.

Вместо налога на бездетность надо ввести прогрессивное налогообложение. Оно есть во всем мире, а в 1990-х было и у нас. Но в основу налоговой шкалы должен быть не личный заработок, а доход на члена семьи [4]. При одинаковом заработке одного работника среднедушевой доход и налог с него у одиноких людей и у супругов без детей будет намного выше, чем в

многодетных семьях, где на зарплату отца живут трое и более детей, а также их мать, которая, как правило, не может работать, пока младший ребенок не пойдет в детский сад.

Чтобы остановить депопуляцию, государство должно материально и морально поддерживать полные семьи, состоящие из законных супругов с несколькими детьми [7, с. 108-109], особенно если этих детей трое и более, дать им как можно больше льгот и пособий, представлять в СМИ и учебных заведениях их образ жизни как более престижный, чем у людей, избравших иные пути устройства личной и семейной жизни.

Список литературы

1. Ачилдиева Е.Ф., Синельников А.Б. Многодетная семья в современной России // *Семья в России*. 1994. № 2. С. 55–59.

2. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 368 с.

3. Вишневский А. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *homo sapiens* // *Демографическое обозрение*. – 2014. Т.1, № 1. С. 6-33. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://demreview.hse.ru/article/view/1825/2548> (дата обращения 03.11.2019).

4. Модернизация подоходного налога и снижение социального неравенства / Шевяков А.Ю., Чуев А.В., Абрамов М.Д. [и др.] / «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики». Труды, вып. 3 / М., 2011. – 128 С.

5. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России / Сулакшин С.С., Деева М.В., Бачурина Д. В. [и др.] / ; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2012. – 143 с.

6. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография / А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2018. – 540 с.

7. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715

8. Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25, № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389

9. Фамилистические исследования. В двух томах. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе / Отв. ред. А.И. Антонов.— М.: КДУ, 2009. – 380 с.

10. Sobotka T. (2017). Childlessness in Europe: reconstruction long-term trends among women born in 1900-1972 // *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* / M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. Springer Open: P. 37 (17-56). DOI 10.1007/978-3-319-44667-7.

11. van de Kaa D.J. Demographic transitions // *Encyclopedia of life support systems (EOLSS) // Demography* / ed. by Zeng Yi. Vol. 1. Oxford, UK: EOLSS Publishers, 2010. P. 65–103.

12. van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. No. 1. P. 1-59.

A.B. Sinelnikov

WHERE DOES THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION LEAD?

In the past, public opinion has been negative about "old bachelors, ""spinsters," childless spouses and single mothers. In today's liberal Western society, people have the right to a socially acceptable choice of any life path without external pressure. But, according to the author, in our time, society interferes in personal and family life. Western States have introduced juvenile justice and domestic violence prevention laws to interfere with relationships between family members. They demand the introduction of these laws in Russia. In the past, social intervention encouraged people to start a family, and now-to divorce or to abandon marriage and the birth of children.

Keywords: social norms, freedom of choice, marriage, family, childfree

УДК 314.87

Н.А. Тер-Никогосова

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В данной статье автор рассматривает основные аспекты депопуляции российского общества, раскрывая её терминологию и этапы становления. Зарождение депопуляции в 1990-е годы было обусловлено множеством факторов, но в 2012-2013 годах данная тенденция оказалась преодолена. С 2014 года ситуация в аспекте демографических показателей стала нестабильна и до настоящего времени сохраняется сокращение населения.

Ключевые слова: демографическое развитие, депопуляция, общество

Затрагивая вопрос функционирования современного российского общества, стоит обратить внимание на основные тенденции демографического развития страны. Депопуляция характеризуется уменьшением численности населения того или иного государства, либо его суженным воспроизводством. Относительно первой трактовки термина стоит отметить, что снижение показателей может зависеть как от естественного движения, так и происходить посредством феномена миграционного обмена между странами, именуемого

внешним компонентом. Третье определение депопуляции, приведённое на основании демографических энциклопедий, говорит о величинах смертности и рождаемости, где первые превалируют над вторыми. Резюмируя вышеприведённую терминологию, мы можем говорить о демографическом развитии страны, при котором происходит естественная убыль населения.

Рассмотрим социально-демографическую ситуацию, начиная с зарождения процессов глубокого и весьма затяжного феномена депопуляции 1992 года. В период с 1992 по 1999 год депопуляция характеризовалась не только высоким уровнем смертности, но и снижением рождаемости. Снижение уровня рождаемости в 1990-е годы обусловлено рядом факторов, характерных для развития общества в то время. Затрагивая основные из них, обратим внимание на завершающую стадию демографического перехода к концу XX века, когда взрослое поколение перестало замещаться посредством детей. К факторам снижения рождаемости стоит отнести и трансформацию социально-экономической жизни страны – переход от социалистического строя к капиталистическому. Наблюдалась тенденция массовой эмиграции, особенно среди молодого населения. В 1990 году страну покинуло свыше 100 тысяч человек, а в интервале с 1993 по 1997 год выехало приблизительно 1,4 миллиона человек. Лидирующими государствами, куда предпочитало эмигрировать российское общество, выступали такие, как Германия, Израиль и США. Процесс эмиграции затронул немало молодых женщин, что сократило число людей, активно участвовавших в воспроизводстве населения. Сокращение уровня рождаемости в 1990-е годы было обусловлено как временными «уклонениями» женщин от репродуктивной деятельности, так и последствиями демографической политики 1980-го года, когда многие семейные пары заранее выполнили все репродуктивные планы. Если показатели рождаемости были закономерны, то смертность в данный период претерпевала резкие колебания. Рост смертности, который начался ещё в 1980-е годы, в период с 1994 по 1995 год достиг довольно высокого уровня. Если в 1991 году он составлял 1,7 миллиона человек, то в 1994 – свыше 2,3 миллиона человек. Затем наблюдалось снижение, а к 2000 году смертность перевалила за 2,2 миллиона человек. Тенденция изменения показателя смертности населения в 2001-2005 годах варьировалась в интервале от 2,25 до 2,37 миллиона человек. Рост смертей и ухудшение здоровья российского общества было обусловлено такими факторами как развал системы здравоохранения, недоступность эффективных лекарств, ухудшение баланса и режима питания, недоступность полноценного отдыха и т.д.[4].

Тенденция сокращения рождаемости и стремительного роста смертности привели к естественной убыли населения. Сокращение численности населения

страны продолжалось вплоть до 2012 года, что оказало довольно негативное влияние на демографическое развитие государства. В 2012 году показатель рождаемости практически сравнялся с уровнем смертности. Таким образом, с 2013 года произошло возобновление увеличения населения, положившее конец двадцатилетней депопуляции, которая наблюдалась во временных рамках 1993-2012 года. Особого внимания заслуживает тенденция снижения уровня смертности среди трудоспособного населения.

Но, в связи с различными социально-экономическими особенностями развития России в период с 2013 по 2016 год, аспекты демографических показателей от заметного улучшения перешли в стадию неустойчивой динамики. Неожиданным было снижение показателя рождаемости в 2013 году, её повышение в 2014 году, а после стабильное падение. Смертность с 2012 года перестала расти, а в 2013 году и вовсе снизилась, далее повысилась и, начиная с 2015-2016 года, пошла на спад.

Акцентируя внимание на текущей демографической ситуации в России, обратимся к понятию «демографическая драма», которое включает в себя следующие аспекты развития:

- сокращение численности женщин в фертильном возрасте с 2017 года, из-за чего будет наблюдаться тенденция спада показателей рождаемости;
- начало депопуляции населения по естественным причинам в перспективе последующих лет;
- резкое изменение возрастного состава населения, которое провоцирует снижение численности населения в трудоспособном возрасте [1].

Находят ли подтверждение данные аспекты в условиях развития современной демографической ситуации России? Обратимся к информации, представленной на сайте Федеральной службы государственной статистики. Сравнивая показатели численности населения РФ по полу и отдельным возрастным группам, стоит отметить, что показатели возрастных категорий женщин от 15 до 34 лет в 2019 году стали ниже, нежели год назад. Данный факт может повлечь за собой снижение рождаемости. Но, если учитывать оперативную информацию по естественному движению населения, то наблюдается как спад рождаемости (-94,4 тыс. человек в сравнении с 2018 годом), так и уменьшение показателей смертности (-30,9 тыс. человек относительно 2018 года). Исходя из этого, мы можем сделать вывод об изменении возрастного состава жителей России. В будущем представленная тенденция может спровоцировать увеличение доли престарелого населения и снижение населения трудоспособного возраста. По данным о численности трудоспособных жителей от 30 августа 2019 года мы можем увидеть снижение показателей на 902 тыс. человек в сравнении с информацией прошлого года [3].

Проанализировав демографическую ситуацию относительно прогнозируемой «демографической драмы», обратим внимание на опросы общественного мнения в рамках тематики. Всероссийский центр изучения общественного мнения представил 24 июля 2019 года исследование, связанное со стимулированием рождаемости за счёт материальной поддержки среди российских семей.

Среди опрошенных 52% не согласны, что существующие на данный момент финансовые стимулы для поддержания российских семей с детьми могут выступить для них мотивацией к рождению ребёнка. Данные меры могут подтолкнуть к пополнению семьи 42% респондентов. Около 45% опрошенных не отрицают важность материальной поддержки, но не верят, что она сможет оказать существенное влияние на сложившуюся демографическую ситуацию России. В положительном влиянии на тенденции рождаемости уверены 27% населения, а 20% не верят в практическую пользу представленных государством мер.

Интересно, что среди семей, готовых к пополнению в случае реализации материальной поддержки от государства, наиболее популярными выступили следующие категории мер: 70% отметили приоритетность получения льготных условий в аспекте уплаты налогов за недвижимое имущество; 67% многодетных семей оценивают возможность строительства своего дома на земельном участке; 67% расценивают для себя в позитивном ключе возможность увеличить детское пособие для семей, доходы которых ниже двух прожиточных минимумов на человека [2].

Таким образом, так или иначе, материальная поддержка семей с детьми может расцениваться как довольно весомый фактор по стимулированию рождаемости в стране. Чуть менее половины опрошенных готовы завести ещё одного ребёнка посредством мотивации получения финансовой поддержки.

В заключение хотелось бы сказать, что демографическая ситуация, сложившаяся в условиях российского общества, имеет определённые тенденции развития и закономерности. Зарождение депопуляции в 1990-е годы было обусловлено множеством факторов, присущих тому времени, но, невзирая на сложности, в 2012-2013 годах данная тенденция оказалась преодолена. С 2014 года ситуация в аспекте демографических показателей стала нестабильна и до настоящего времени сохраняется сокращение населения. Федеральная служба государственной статистики предлагает три варианта демографического прогноза относительно численности населения, в высоком варианте которого ожидается даже прирост жителей на территории РФ. Но, в любом случае, только время покажет, каким предстанет демографическое развитие страны в будущем.

Список литературы

1. Аганбегян, А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России / А. Г. Аганбегян // Народонаселение. – 2017. – №3 (77). – С. 4-23.
2. ВЦИОМ: более 50% россиян не считают материальную поддержку семей стимулом рождаемости // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/6696227> (дата обращения: 31.10.2019).
3. Демография // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: <https://gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 31.10.2019).
4. Рыбаковский, Л.Л. Депопуляция в России, её этапы и их особенности / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова // Народонаселение. – 2018. – №2. – С. 4-17.

N.A. Ter-Nikogosova

DEPOPULATION IN RUSSIA: ANALYSIS OF THE PROBLEM

In this article, the author considers the main aspects of depopulation of Russian society, revealing its terminology and stages of formation. The origin of depopulation in the 1990s was due to many factors, but in 2012-2013 this trend was overcome. Since 2014, the situation in terms of demographic indicators has become unstable, and so far the population decline has continued.

Keywords: demographic development, depopulation, society.

УДК 314.53

Л.А. Хачатрян

РАЗНОВОЗРАСТНОЙ БРАК КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ СЕМЬЕЙ РЕПРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ

Распространяющиеся активно в России новые типы брака, будучи основой семьи, приводят к тому, что семья перестает выполнять репродуктивную функцию в полной мере. В статье внимание уделяется неравным по возрасту бракам, которые оказывают существенное влияние на репродуктивное поведение россиян и в конечном счете – на воспроизводство населения. Ситуация с неравными по возрасту браками рассматривается на основе сравнения статистических данных Госкомстата и Пермьстата за 2010 и 2018 гг.

Ключевые слова: репродуктивная функция, брак, разновозрастной брак.

Один из выводов исследователей семьи и семейно-брачных отношений, состоит в том, что современный институт семьи находится в глубочайшем кризисе, проявляющемся, прежде всего, в сокращении числа и в деформации содержания функций, выполняемых семьей. Особый профессиональный интерес социологов направлен на изучение специфических функций семьи: *репродуктивной, экзистенциальной и воспитательной*. В данном случае главное внимание уделено *репродуктивной функции*, в реализации которой ярче всего проявляется «взаимосвязь биологического и общественного моментов, природы и общества» [8. С. 78], и результаты действия которой важны и для семьи, и для общества.

Репродуктивная функция давно стала предметом анализа многих зарубежных и отечественных социологов. Так, взгляды западных исследователей от первых социологов – О.Конта и Э.Дюркгейма до современных – Д. П. Мэрдока, Р. Хилла, Т. Парсонса др. и формировались на признании того постулата, что «общество на любой ступени своей истории нуждается в воспроизводстве населения, поэтому оно всегда заинтересовано в семье как форме организации этого воспроизводства» [8.С.70]. О признании данного вывода свидетельствуют работы отечественных исследователей семьи – Харчева А.Г., Антонова А.И., Вишневого А.Г. и многих других.

В настоящее время проблемы с воспроизводством населения наблюдаются во всех развитых странах. Для российского общества характерна депопуляция, подтверждающаяся в течение длительного периода превышением числа умерших россиян над числом родившихся.

Следует отметить, что становление новых моделей семейно-брачных союзов в нашей стране сопровождается действием весьма противоречивых тенденций, которые имеют как позитивные, так и негативные последствия и для семьи, и для общества в целом. Прежде всего, речь пойдет об изменении социального института брака, являющегося основой современной семьи.

Обращает на себя внимание вывод немецкого социолога Х.Шельского, который подчеркнул, что «семью создает не отношение мужчина – женщина а отношение мать – ребенок, следовательно, отношение отец – ребенок, следовательно, отношение отец – мать» [цит. по 8. С. 41].

При исполнении семьей репродуктивной функции возникает множество препятствий, причинами которых являются продолжающиеся изменения брака и в браке, которые однозначно оценить сложно.

В российском обществе продолжает сокращаться *количество зарегистрированных браков*. Специалисты, занимающиеся наблюдениями за репродуктивным поведением россиян, отметили прямую зависимость сокращения числа рождений детей от сокращения числа браков. Так, если в РФ в

2010 г. было зарегистрировано 1215,1 тыс. браков, то к 2018 г. их количество сократилось примерно на четверть, и составило 917 тыс., [5. С.100]. В Пермском крае за данный период количество браков сократилось на 17,1%, т.е. с 23193 до 19321[6]. По оценке демографов, с начала XXI в. общее количество браков в России опустилось до минимума.

Соответственно в стране за этот период сократилось и число новорожденных с 1788948 в 2010 г. до 1604344 в 2018 г, т.е. на 10,3% [7], а в Пермском крае – на 16%[4], т.е. с 37,5 тыс. младенцев до 29,3 тыс.

На репродуктивную функцию семьи негативно воздействует и повышение возраста вступления в *первый брак*, важным последствием чего является сокращение числа детей в семье. Эксперты ООН отмечают, что за последние 20 лет средний возраст европейцев, вступающих в первый брак, возрос до 28-35 лет. В США примерно такую же ситуацию отмечают исследователи из Института общественного мнения Гэллапа: результаты проведенного ими опроса показали, что в 1946 г. американцы считали нормой наличие замужества у американской девушки в возрасте 21 года, то в настоящее время речь идет уже о 25 годах [3].

Статистика Российской Федерации показывает, что если в 2010 г. средний возраст мужчин, вступающих в первый брак, составлял 26,5 лет, а женщин – 24,4 лет, то к началу 2018 г. он увеличился и у мужчин, и у женщин на 1,4 года. В Пермском крае средний возраст вступления в брак мало чем отличается от общероссийских показателей. Работники ЗАГСов отмечают, что большая часть молодежи Пермского края намерена поставить штамп в паспорте в возрасте 25 – 29 лет.

Демографы еще в конце XX в. обратили внимание на то, что родившийся у 30-летней россиянки первый малыш является обычно и последним, а при вступлении женщины в брак в возрасте 20-25 лет к 30 годам она чаще всего рождает второго ребенка.

Как показывает статистика, в 2010 г. большая часть жительниц России и Пермского края предпочитала вступать в первый брак в возрасте 18-24 лет, а российские и пермские мужчины – в возрасте 25-34 года. А к началу 2018 г. и мужчины, и женщины как страны, так и края заключали первый брак в возрастном интервале от 25 до 34 лет(табл.1).

Возраст заключения первого брака

	Возраст	Российская Федерация		Пермский край			
		Всего браков	В том числе		Всего браков	В том числе	
	мужчины		женщины			мужчины	женщины
2010		1215066			23193		
	До 18 лет		1131	11698		16	138
	18 – 24		372782	554772		6983	10241
	25 – 34		564776	451318		10860	8968
2017		893039			19321		
	До 18 лет		454	4593		6	105
	18 – 24		170440	285576		3651	5883
	25 – 34		456639	386641		9893	8628

Источники: Российский статистический ежегодник.2018. Госкомстат 2018 г;
Статистический ежегодник Пермского края. 2018.

С точки зрения темы данной статьи, особого внимания специалистов требует процесс сокращения в брачной структуре населения России доли *браков, в которых супруги являются ровесниками*. Причем демографы определяют брак как брак ровесников даже при разнице в возрасте супругов в 3 года: он или она старше второй половины на 3 года.

По данным Госкомстата в возрастной структуре населения России наблюдается деформация: в стране женщин больше, чем мужчин на 10,7 млн чел. Но реальность такова, что в возрастном интервале от 0 до 19 лет количество юношей *превышает* численность девушек, а к возрасту 34 лет соотношение мужчин и женщин выравнивается, и только после 35 численность мужчин начинает резко сокращаться. В интересующей нас группе мужчин и женщин в возрасте 18-34 лет, способной в полной мере реализовать репродуктивную функцию, соотношение их таково, что вполне возможно заключение браков среди ровесников(табл.1).

Изучив данные статистики, мы видим, что в РФ в 2010 г. в первых браках в возрастном интервале от 18 до 34 лет состояло 937558 мужчин и 1006090 женщин, т.е. 68532 женщин вступили в браки с мужчинами старше или младше себя. К 2018 г численность данной категории женщин снизилась до 45138 чел. В Пермском крае в этой возрастной группе в 2010 г. числилось 19203 женщины и 17843 мужчины, что позволяет сделать вывод, что 1360 женщины вступили в

разновозрастные браки, в 2017 г. их доля сократилась до 967 чел. Динамика по отдельным возрастным группам несколько иная. Если в возрастной группе 18-24 года в 2010 г. в России вступили в разновозрастные браки 181990 женщин, т.е. 32,8% от числа всех женщин, вышедших замуж в этом возрасте, то в возрастной группе 25-34 лет уже 113458 мужчин, т.е. каждый пятый предпочел браку с ровесницей разновозрастной брак. В Пермском крае картина сложилась примерно такая же: в возрасте 18-24 лет 3258(31,8%) женщин вышли замуж за партнера старше/младше себя, а возрастной группе 25-34 лет 1892 мужчины (17,4%) предпочли разновозрастные браки.

В 2018 г. в стране в возрасте 18-24 лет в разновозрастные браки вступили 115136 (40,3%), женщин, а в возрастной группе 25-34 лет в разновозрастные браки уже предпочли вступить 69998 (15,3%) мужчин; в Пермском крае в возрастном интервале 18-24 лет 2232 (37, %) женщин вышли замуж за мужчин старше/младше себя, а в группе 25-34 – 1270(12,8%) мужчин не изъявили желания жениться на ровесницах.

Таким образом, если в 2010 г. 46,5% мужчин, вступающих в первый брак, находилось в возрастной группе 25-34 года, то в 2018 г. доля их увеличилась до 51,1%. В 2010 г. большая часть женщин предпочитала выходить замуж в возрасте 18 – 24 лет (63,3%), а в 2018 г. 43,3% женщин, вступающих в первый брак, находилось в возрастном интервале 25-34 лет[2]. Тем самым подтверждается вывод современных социологов о том, что из брачной структуры населения все активнее начинают вытесняться браки ровесников, уступая место разновозрастным бракам.

Интересно то, что еще в 1960-е гг. А.Г. Харчев обратил внимание на то, что «...в возрасте до 20 лет подавляющее большинство молодых невест предпочитает выходить замуж за мужчин старше себя. В отличие от девушек юноши самого молодого возраста предпочитают жениться на ровесницах, но примерно каждый 3-4-й браки, заключаемые в этой группе женихов – это браки с женщинами, намного старше их» [8.С. 194].

Среди неравных по возрасту супругов браков более быстрыми темпами растет число тех, в которых жена значительно старше мужа. Данные браки привлекли внимание российских социологов еще в 1993 г., когда доля таковых в брачной структуре общества достигла 11% от общего числа браков[1.С.154].

Проблемы с реализацией репродуктивной функции семьях, основанных на разновозрастных браках, состоят в том, что данные виды супружеских пар не могут реализовать ее в полной мере, что, в конечном счете, сказывается на воспроизводстве населения. В брачной паре, где он намного старше своей жены, реальность такова, что молодая супруга, опасаясь, что после родов потеряет привлекательность и утратит место объекта обожания, принимает меры по

предупреждению беременности, а супругу льстит то, что такая молодая и красивая женщина выбрала именно его. В браках, в которых она намного старше его, проблема с реализацией репродуктивной функции сводится к тому, что женщина часто достигает того возраста, в котором она уже не может забеременеть. И тогда она свои материнские чувства распространяет на молодого супруга, и данная ситуация его устраивает в полной мере.

Таким образом, проблемы реализации репродуктивной функции семьей, основанной на разновозрастном браке, влекут за собой последствия, негативно влияющие как на семью, так и на общество в целом. В обществе увеличивается доля малодетных и бездетных семей, что влечет за собой сокращение численности населения. В результате чего брак, как таковой, сам становится фактором, влияющим на эффективность реализации семьей данной функции.

Список литературы

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 303 с.
2. Браки по возрастам жениха и невесты. URL: [demo33.xls www.gks.ru](#), (дата обращения 18.10.2019).
3. В каком возрасте созданный брак крепче? URL: <https://www.fontanka.ru/2014/09/18/103> (дата обращения 05.10.2019)
4. Рождаемость в Пермском крае за год снизилась на 8%. URL: <https://perm.bezformata.com/listnews/rozhdmost-v-permskom-krae-za-god/73028627/> (дата обращения 22.10.2019)
5. Российский статистический ежегодник.2018. Госкомстат 2018г URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/(дата обращения 15.04.2019)
6. Статистический ежегодник Пермского края. 2018: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2018. 373 с. URL: [https://permstat.gks.ru/storage/mediabank/2.2\(2\).html](https://permstat.gks.ru/storage/mediabank/2.2(2).html) (дата обращения 14.03.2019)
7. Таблица рождаемости по годам (Россия) – URL: <https://worldtable.info/gosudarstvo/tablica-rozhdaemosti-po-godam-rossija.html> (дата обращения 22.10.2019)
8. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки.- Перепеч. с изд.1979 г. М.: 2003. 342 с.

**DIFFERENT MARRIAGE AS A FACTOR OF IMPLEMENTATION
FAMILY REPRODUCTIVE FUNCTION**

Spreading actively in Russia, new types of marriage, being the basis of the family, lead to the fact that the family ceases to perform the reproductive function in full. The article focuses on age-unequal marriages, which have a significant impact on the reproductive behavior of Russians and, ultimately, on the reproduction of the population. The situation with unequal age marriages is considered on the basis of comparison of statistical data of Goskomstat and Permstat for 2010 and 2018.

Key words: reproductive function, marriage, marriage of different ages

РАЗДЕЛ 5. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

УДК 316.77+378

А.Л. Аширова

РОЛЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена исследованию роли Интернет в учебной деятельности студентов. На основе проведенного собственного социологического исследования было выявлено, что студенты ежедневно используют Интернет в жизни и, в частности, в учебной деятельности. Определены используемые студентами ресурсы, в основном, это социальные сети, познавательные и развлекательные сайты; частота пользования данными ресурсами различается от часа до 6 и более часов в день. По результатам исследования было определено, как эти ресурсы способствуют учебной деятельности студентов. Также, в частности, проводится сравнение собственного исследования с исследованиями крупных организаций. Результаты исследования в статье представлены в наглядном виде.

Ключевые слова: интернет, учебная деятельность, студенты, коммуникация

На рубеже XX-XXI в. в обществе произошел качественный скачок в развитии технологий и технических устройств – Интернет и иные информационные сети проникли во все сферы жизни общества. Современный мир уже невозможно представить без информационных технологий, они прочно закрепились в нашей жизни. Интернет уже превратился из простой глобальной информационной сети в платформу нового виртуального мира, «новое измерение», существующее наряду с реальной социальной жизнью и отражающее ее особенности [4]. Так, данная платформа превратилась в важнейшую часть социальных коммуникаций, а мобильные устройства и персональный компьютер стали неотъемлемыми атрибутами в нашей жизни.

За всё время существования Интернета были проведены различные исследования, в т.ч. касающиеся портрета активных пользователей. Согласно исследованию 2017 года основная возрастная группа пользователей различалась от 14 до 40 лет. Большинство принадлежали к возрастной группе от 20 до 35 лет. При этом 38,6% опрошенных – учащиеся школ и вузов [3]. То есть одним из активных пользователей Интернета является обучающаяся молодежь. Сегодня, действительно, можно наблюдать, что современные ученики и студенты всё чаще используют ресурсы Интернета как в повседневной жизни, так и в учёбе, что изменило их быт.

При написании данной статьи были использованы результаты авторского социологического исследования, посвященного выявлению роли сети Интернет в учебной деятельности студентов. В исследовании приняло участие 100 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ) различных курсов и направлений подготовки. В качестве метода исследования был использован Интернет-опрос (анкетирование). Характерные черты выборочной совокупности – это преимущественно женщины (83%), обучающиеся на 1-ом и 4-ом курсах (33% и 31% соответственно). Уровень получаемой подготовки основной доли респондентов – бакалавриат (65%). Стоит отметить тот факт, что все опрошенные студенты используют Интернет для учебы.

Одной из задач исследования было выяснить, для чего необходим доступ в Интернет студентам. Так, им необходимо было отметить, для чего на сегодняшний день они используют Интернет. В результате были получены следующие данные, которые можно видеть на рис. 1.

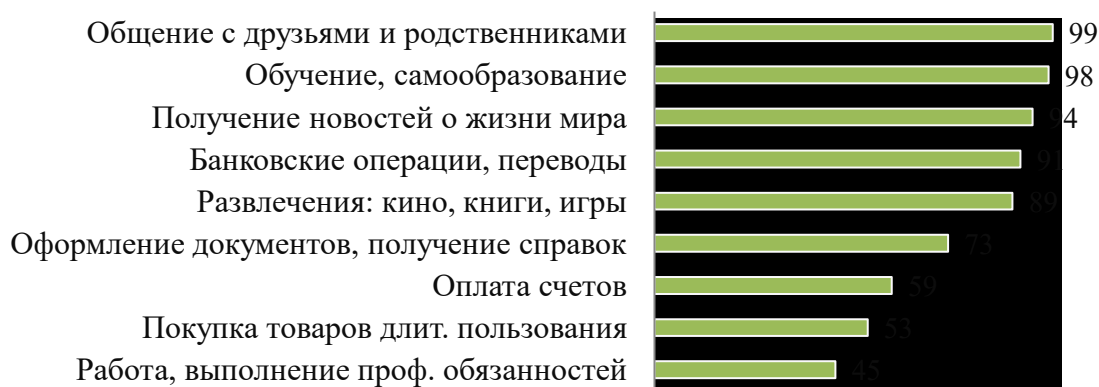

Рис. 1. Для чего необходим доступ в Интернет студентам (%)

Общение в Сети на первое место ставит преобладающее большинство студентов (99% опрошенных). Практически равную роль для них играет обучение и самообразование (98% респондентов), а также получение новостей о жизни города, страны, мира (94% студентов). Немаловажную роль играет для студентов возможность банковских операций, переводов (91%) и возможность проведения досуга (89%). Чуть реже они используют Интернет для оформления документов (73%), оплаты счетов (59%), покупки товаров длительного пользования (53%) и для работы (45%). Сравним полученные данные с исследованием, проведенным ВЦИОМ в 2017 году на выборке из 1200 человек [1]. Исследование проводилось методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Так, общение с друзьями, знакомыми, родственниками для россиян в целом стоит на первом месте (64%), читают новости 2/3 опрошенных

(60%), смотрят кино и слушают музыку 54%, реже россиянам необходим доступ в Интернет для обучения и самообразования (49%), для банковских операций (46%), оформления документов (38%) и оплаты счетов (38%). Можно заметить, что данные отчасти подтверждаются, что для россиян в целом, что для студентов ПГНИУ. Основное различие лишь в роли Интернета для студентов в образовательном процессе, что объясняется характером их деятельности, возрастом респондентов и т.д.

Еще одной задачей было определить, как часто и сколько времени студенты используют Интернет. Исследование показало, что абсолютно все опрошенные студенты пользуются Интернетом ежедневно, при этом преобладающая доля опрошенных использует его более 6 часов в день (48%), треть студентов использует его более 3 часов в день (37%) и только 15% проводит в Интернете, как правило, от 1 до 3 часов. Обратимся к исследованию, проведенному в январе 2019 года компаниями «We Are Social» и «Hootsuite» [2]. В данном исследовании большую часть респондентов составляли пользователи в возрасте до 34 лет, при этом преобладала доля мужчин. Согласно исследованию, 85% всех опрошенных заходят в Интернет каждый день, а 11% – не менее раза в неделю. Данные исследования подтвердили полученную информацию в авторском исследовании – Интернет для современного человека сегодня становится неотъемлемой частью его жизни.

Также одна из задач исследования состояла в описании ресурсов сети Интернет, представляющих наибольший интерес у студентов. Респондентам был задан вопрос: «Какие ресурсы сети Интернет Вы используете, и как часто?». Проанализируем рисунок 2.

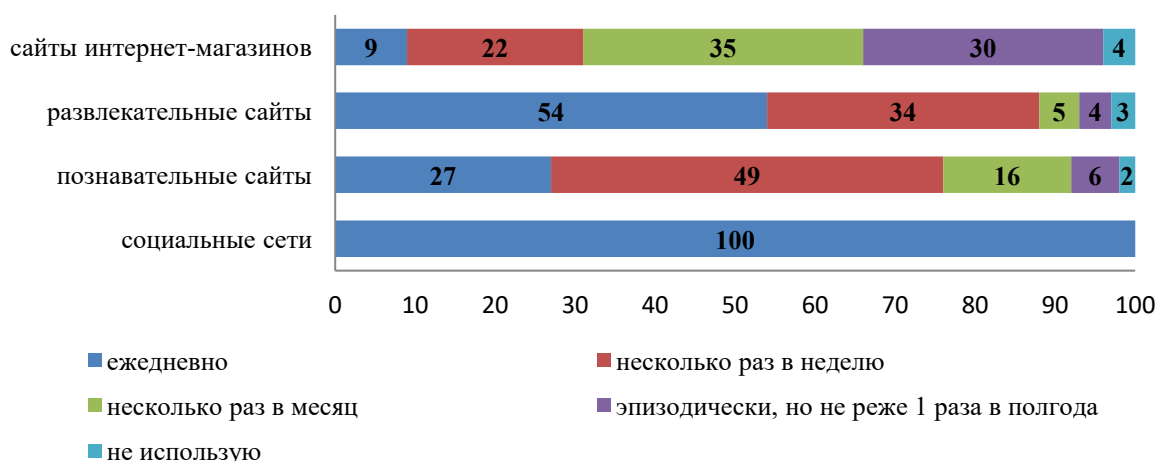

Рис. 2. Ресурсы, представляющие наибольший интерес у студентов (%)

Все опрошенные студенты *ежедневно* используют социальные сети (100%), при этом половина из них *ежедневно* используют развлекательные

сайты: смотрят кино, слушают музыку, читают книги (54%). Познавательными сайтами *ежедневно* пользуются четверть студентов (27%), но половина опрошенных используют их *несколько раз в неделю* (49%). С такой же периодичностью они используют развлекательные сайты (34%) и сайты Интернет-магазинов (22%). В целом, можно видеть, что сайты Интернет-магазинов студенты используют сравнительно реже: треть опрошенных используют их несколько раз в месяц (35%), еще треть – эпизодически, но не реже, чем раз в полгода (30%) и 4% вообще не используют данные сайты. При этом интересно рассмотреть ответы респондентов в зависимости от возраста опрошенных, курса их обучения. Так, исходя из полученных данных, можно заметить, что студенты 4 и 5 курсов (21 и 22 года) чаще пользуются познавательными сайтами в процессе обучения (их выбирают 70% старшекурсников). Они знают большее число источников по поиску необходимой им информации, чем студенты 1 курса (18 лет), что демонстрирует факт расширения знаний и навыков студентов в отношении поиска необходимой информации. Так, половина первокурсников использует познавательные сайты в процессе обучения. Таким образом, социальные сети, познавательные и развлекательные сайты пользуются высокой популярностью у студентов ПГНИУ.

Еще одной задачей исследования было выяснить, как студенты используют Интернет в образовательных целях. Им был задан вопрос: «Какие познавательные сайты Вы чаще всего используете в процессе обучения?». На основе полученных данных, можно заметить, что чаще, в процессе обучения, студенты используют сайты научных электронных библиотек, таких как КиберЛенинка, eLIBRARU.RU и др. (69%), сайты учебной литературы (67%) и сайты, содержащие лекции по необходимым дисциплинам (66%). Половина студентов пользуются готовыми докладами, рефератами (53%). 45% опрошенных в процессе обучения посещают сайты энциклопедий. Четверть студентов используют сервисы для изучения иностранных языков. Можно сделать вывод, что студенты выбирают проверенные источники, пользующиеся большой популярностью среди молодежи.

Таким образом, Интернет играет важную роль в жизни студентов, в т.ч. и в образовательном процессе. Сегодня он прочно закрепился в нашей жизни, превратился в важнейшую часть социальных коммуникаций. Это подтвердилось и авторским социологическим исследованием, которое показало, что абсолютно все опрошенные ежедневно пользуются сетью Интернет, в основном, используя его для общения и учебы. Более 6 часов в день студенты ежедневно проводят в Интернете, общаясь в социальных сетях, посещая развлекательные и познавательные сайты, которые по результатам исследования были определены

как основные ресурсы Сети, представляющие наибольший интерес у студентов. Помимо этого, было выяснено, как студенты используют Интернет в образовательном процессе. Так, основной популярностью среди опрошенных студентов пользуются сайты научных электронных библиотек, учебной литературы и сайты, содержащие лекции по конкретным дисциплинам. По итогам проведенного анализа можно сделать вывод, что Интернет играет для студентов важную роль как в повседневной, так и в учебной деятельности.

Список литературы

1. А если без Интернета?! // ВЦИОМ. 2017. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/a-esli-bez-interneta.html> (Дата обращения: 21.10.2019).
2. Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и России // WebCanape. 2019. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (Дата обращения: 29.10.2019).
3. Заморкин А.А. Исследование портрета активного пользователя сети Интернет // Вестник НГУЭУ. 2013. № 1. С. 181-185.
4. Негодаев И.А. На путях к информационному обществу. Ростов-на-Дону: Дон. гос. техн. ун-т, 1999, 246 с.

A.L. Ashirova

THE ROLE OF THE INTERNET IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF STUDENTS

The article is devoted to the study of the role of the Internet in the educational activities of students. Based on their own sociological research, it was revealed that students use the Internet daily in life and, in particular, in educational activities. The resources used by students are defined, mainly social networks, educational and entertainment sites; the frequency of use of these resources varies from an hour to 6 hours or more. According to the results of the study, it was determined how these resources contribute to the educational activities of students. Also, in particular, a comparison of their own research with the research of large organizations. The results of the study in the article are presented in a visual form.

Key words: Internet, educational activities, students, communication

ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЕДУЩЕГО ВУЗА РОССИИ

Происходящая дифференциация вузов России и выделение ведущих университетов, обладающих особым статусом, для которых предоставляется дополнительное финансирование, приводит к изменению положения преподавателей этих вузов. К преподавателям ведущих университетов предъявляются повышенные требования, связанные с совмещением педагогической и научно-исследовательской работы. Профессиональная идентичность преподавателя зависит от принадлежности к вузам особого типа.

Ключевые слова: преподаватель, ведущий университет, национальный исследовательский университет

Вуз представляет собой образовательную организацию высшего образования, основной целью и деятельностью которой является *образовательная деятельность* по образовательным программам высшего образования и *научная деятельность* [1, ст.23, п.2, пп 4]. Причем, научные исследования в вузах сегодня стали ключевым стратегическим приоритетом в развитии российской системы высшего образования [2].

На начало 2016/2017 учебного года [3, с.33] система высшего образования включала в себя 818 образовательных организаций, в число которых входило 502 государственные и муниципальные организации и 316 частных организаций, отличавшихся учредителем и источником финансирования.

Наблюдается многомерная дифференциация университетов России. По территориальному принципу создаются федеральные и опорные университеты (10 и 33 вуза соответственно), основной задачей которых является развитие территории через предоставление качественного образования, сохранение квалифицированных кадров внутри федеральных округов, регионов, городов. По экстерриториальному – выделяют центры инновационного развития (51 вуз), университеты, участвующие в проекте «5–100» (21 вуз), а также со статусом «национальный исследовательский университет» (29 вузов). Все они нацелены на достижение определенных показателей: вузы проекта «5–100» – на вхождение в первую сотню международных рейтингов университетов минимум пяти российских вузов; национальные исследовательские университеты создавались как вузы с широким спектром фундаментальных и прикладных исследований, готовящие магистров, аспирантов и докторов наук; центры инновационного развития предполагают генерацию знаний, развитие науки в регионах и отраслях.

В ноябре 2009 г. Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» (№ 259-ФЗ), согласно которому МГУ и СПбГУ считаются «уникальными научно-образовательными комплексами <...>, имеющими огромное значение для развития российского общества», и называются вузами с «особым статусом».

В 2010 г. по инициативе ректоров трех крупных отечественных вузов (СПбГУ, НИУ-ВШЭ и УрФУ) была создана Ассоциация ведущих университетов России, объединяющая сегодня федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, университеты с особым статусом и пять крупнейших университетов Москвы и Санкт-Петербурга (МГИМО, РАНХиГС, РУДН, ЛЭТИ и Финансовый университет при Правительстве РФ). Перед всеми вузами Ассоциации поставлены важные задачи по «повышению конкурентоспособности и качества образования, научных исследований и инновационной деятельности в России» [4], что предполагает не только выделение дополнительного финансирования на реализацию поставленных задач, но и дифференциацию требований как к самим университетам, так и к профессорско-преподавательскому составу.

Цель статьи – охарактеризовать положение преподавателя ведущего университета РФ на примере национального исследовательского университета.

Потенциал национальных исследовательских университетов направлен на развитие международных связей в образовательных и научных сферах. Категория «национальный исследовательский университет» (НИУ) устанавливается образовательной организации высшего образования по результатам конкурсного отбора программ развития вузов, направленных на кадровое обеспечение приоритетных направлений развития науки, технологий, техники, отраслей экономики, социальной сферы, на развитие и внедрение в производство высоких технологий [5].

По данным Росстата, средняя заработная плата преподавателей вузов за январь–сентябрь 2019 года составляет 86 тысяч рублей [6], однако есть регионы, в которых уровень зарплаты ниже 50 тысяч рублей (Ивановская область и регионы Северо-Кавказского федерального округа: Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия). В указанных регионах отсутствуют вузы, входящие в Ассоциацию ведущих университетов России. Одним из показателей положения преподавателя является уровень его доходов, соответственно заработная плата ППС выше в национальных исследовательских университетах по сравнению с вузами, не имеющими этого статуса.

Зарплата преподавателей в разных национальных исследовательских университетах отличается: по данным мониторинга за 2018 год самый высокий

уровень оплаты труда в НИУ ВШЭ (составляет 147440 рублей), самый низкий уровень – в Мордовском государственном НИУ им. Н.П. Огарева (35860 рублей) [7]. Кроме того, уровень зарплаты во многом зависит от занимаемой в конкретном университете должности. Например, ставка ассистента в НИУ-ВШЭ 30 тысяч рублей, профессора – 80 тысяч руб. [8] Ставка ассистента ПГНИУ – 26,6 тысяч рублей, профессора – 40,2 тысяч рублей [9].

К показателям оценивания эффективности работы НИУ относятся следующие показатели результативности деятельности преподавателей: 1) количество статей, индексируемых Web of Science, Scopus, РИНЦ; 2) уровень доходов от научно-исследовательской деятельности; 3) количество зарегистрированных патентов и других объектов интеллектуальной собственности [10].

Повышающиеся требования к совмещению педагогической деятельности с научно-исследовательской работой преподавателя приводят с одной стороны к формированию новых рисков в профессиональной деятельности ППС, а значит к новым формам адаптации к ним и новым вариантам профессиональных стратегий «выживания» в новых условиях. Преподаватели неохотно включаются в процесс интеграции образования и науки, в том числе и потому, что «не заниматься наукой» воспринимается как нормальное явление среди преподавателей, «т.е. даже при улучшении материального положения надежды на исправление ситуации не остается» [11, с.91].

С другой стороны, в вузах с особым статусом отмечается формирование новой профессиональной идентичности у преподавателей в отношении совмещения своей работы с наукой. По данным исследования преподавателей шести вузов с разным статусом, выявлено, что преподаватели национальных исследовательских университетов обладают более высокой оценкой научного потенциала, чем преподаватели иных вузов [12].

Таким образом, положение преподавателя вуза зависит от статуса этого вуза: в национальном исследовательском университете, приоритетом которого является генерация знаний и проведение исследований, преподаватели в большей степени задействованы в реализации интеграции науки и образования, что приводит к материальному стимулированию преподавателей, а также к изменению их отношения к возможности совмещения педагогической и научной работы. Однако, национальные исследовательские университеты не являются гомогенной группой – они дифференцированы по территориальному признаку (половина НИУ находятся в г.Москве и г.Санкт-Петербурге), по выделяемым приоритетным научным направлениям, по особенностям формируемой кадровой политики.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Дежина, И.Г. Развитие науки в российских вузах как новый приоритет государства/ И.Г.Дежина // Социология науки и технологий. 2011. №2. С. 39.
3. Образование в цифрах: 2018: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Г.Г. Ковалева, Н.В. Ковалева и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 80с. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf> (Дата обращения: 01.11.2019).
4. Состав Ассоциации ведущих вузов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://alu.spbu.ru/ob-assotsiatsii/members> (Дата обращения: 01.11.2019).
5. Постановление Правительства РФ от 13 июля 2009 г. № 550 «О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория "национальный исследовательский университет"».
6. Средняя заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь-сентябрь 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/storage/mediabank/03-19-12.xlsx>
7. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2018/index.php?m=vpo> (Дата обращения: 06.10.2019).
8. Оплата труда работников НИУ ВШЭ – Москва (2019/2020 учебный год). [Электронный ресурс]. URL: <https://academics.hse.ru/mirror/pubs/share/310134138>
9. Приказ от 21 августа 2019 №781 «Об установлении окладов в ПГНИУ». [Электронный ресурс]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/normativnaya_baza_ot_rectora/2019/781.pdf
10. Перечень показателей оценки эффективности реализации программ развития университетов, в отношении которых установлена категория «национальный исследовательский университет». Утв. Приказом Минобрнауки РФ от 29 июля 2009г. №276. [Электронный ресурс]. URL: <https://tpu.ru/university/strategy/development/ni-tpu/effect>
11. Долгов, В.В. Социально-экономическое и правовое положение вузовского преподавателя: к истории вопроса / В.В.Долгов // Правовая культура. 2015. №2 (21). С.85–94.
12. Стратификация высших учебных заведений как фактор изменения профессиональной идентичности преподавателей вузов / О.В. Шиняева,

И.Г. Гоношилина. Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. Сб-к статей. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/stratifikatsiya-vyisshih-uchebnyih-zavedeniy-22627.html> (Дата обращения: 01.11.2019).

E.A. Balezina

THE POSITION OF HIGH-SCHOOL TEACHER AT A LEADING UNIVERSITY IN RUSSIA

The ongoing differentiation of Russian universities and the allocation of leading universities with special status, for which additional funding is provided, leads to a change in the position of teachers of these universities. High-school teachers of leading universities are subject to increased requirements related to the combination of pedagogical and research work. The professional identity of a high-school teacher depends on belonging to a particular type of University.

Keywords: high-school teacher, Leading University, National Research University.

УКД 378:37.036.5

Я.В. Булгаков

РОЛЬ ПРЕСС-ЦЕНТРА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается проблема развития творческого потенциала студентов вуза. Дается определение термину «творчество», а также анализируется термин творческий потенциал личности, доказываемся что творческий потенциал личности представляет собой внутренние возможности, присущие исключительно человеку, которые могут быть использованы для решения задач, разнообразных проблем путем нестандартного подхода к ним

Ключевые слова: творчество, творческий потенциал, вуз, студенческий пресс – центр

Современное общество с каждым днем развивается и меняется. Особенно сильно изменения затрагивают социальную деятельность человека. Это отражается и на сфере образования, особенно высшего, так как основная задача университетов и институтов заключается в подготовке специализированных кадров. Важным моментом в подготовке будущих специалистов является раскрытие творческих возможностей студентов. Другими словами, развитие творческого потенциала у обучающихся – это одна из первостепенных задач, которая стоит перед любым высшим учебным заведением сегодня.

Но перед тем как перейти к разбору такого понятия как «творческий потенциал», необходимо разобрать термин «творчество». Творчество как понятие и различные аспекты формирования творческой личности рассмотрены в работах Д.Б. Богоявленской, А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, Ю.Н. Кулюткина, А.Н. Лука, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева, С.Л. Рубинштейна.

Но прежде чем, как мы перейдем к определению такого понятия как «творческий потенциал», определим, как же творчество влияет на трудовую деятельность человека. По мнению многих ученых, творчество находит отражение в жизнедеятельности индивида в качестве использования уже известного опыта в новых условиях. В процессе трудовой деятельности творчество помогает индивиду разглядеть возможные перспективы дальнейшей деятельности, возможности проявить фантазию и воображение для решения поставленных задач.

Рассмотрим вопрос развития творческого потенциала в контексте учебной и профессионально – трудовой деятельности человека. В данном аспекте стоит рассматривать творческий потенциал как систему ресурсов, которая постоянно пополняется и возобновляется. Другими словами, творческий потенциал личности представляет из себя внутренние возможности, которые относятся к определённому индивиду и могут быть применены для достижения поставленных целей разнообразными способами и нестандартными решениями.

Согласно С. Н. Щегловой, «творческий потенциал личности – это целостная, интегральная, сущностная характеристика человека, отражающая взаимосвязь направленности и напряженности всех личностных ресурсов, способностей созидательной деятельности. Творческий потенциал выражает единство природного и социального в каждой личности, их развития в условиях социальной жизнедеятельности» [3].

Проанализировав научные работы П.Ф. Кравчук и О.К. Белоусовой, можно выявить структуру творческого потенциала: «творчески-познавательное и практически-преобразующее отношение к реальной действительности (существующий мир может быть и иным); готовность к изменениям, к отказу от привычных форм и методов работы; открытость к восприятию различных точек зрения, новых идей, самостоятельное их генерирование; стремление к получению и поиску новых знаний и умение применять их в других условиях, ситуациях, отношениях; потребность в совершенствовании профессиональных качеств, компетентности; готовность к экспериментам, к смене профессии, содержания и характера деятельности» [1].

Рассмотрим основные направления деятельности пресс-центров вузов в контексте формирования творческого потенциала студентов. В процессе работы студенты приобретают новые навыки и умения по разным направлениям.

Студенческие СМИ выступают не только в качестве хорошей площадки для самореализации студентов, но и для получения основополагающих знаний в данной области. Разберем основные направления деятельности пресс – центров вузов. Разработка и реализация коммуникативной программы по созданию и укреплению позитивного имиджа вуза: создание имиджа предполагает разработку информационно – коммуникативных материалов, которые позволяют сознательно участвовать в жизни университета или института. Формирование корпоративной культуры: подготовка и распространение информационных материалов по разным каналам коммуникации. Ошибочно будет полагать, что деятельность пресс – центров будет интересна в основном студентам, обучающимся по гуманитарным направлениям. Помимо освещения пресс – центры вузов выполняют другую функцию, подготовку технических кадров среди студентов: монтажёров и операторов.

В сравнении с другими категориями молодежи, студенты вузов активно используют разные Интернет-источники (см. таблицу); наибольшей популярностью пользуются Интернет-блоги, чаты в социальных сетях, Инстаграм, сайты организаций, YouTube.

Таблица

Эффективные Интернет – источники среди разных категорий молодежи (в % от числа опрошенных, n = 1080)

Интернет-источники	Всего	Предприниматель	Специалист	Студент вуза
Отдельные интернет-блоги	32	34	39	40
Чаты в социальных сетях	30	24	27	41
Общение в профессиональных сетях	25	18	14	28
Сайты профессиональных организаций	27	31	36	39
Интернет-СМИ	21	20	38	18
Инстаграм	18	17	9	43
YouTube, RuTube	23	17	28	45
Мессенджеры	15	10	8	21

Одним из удобных инструментов подачи информации пресс-центра является *лонгрид*. Лонгрид – это совершенно новая форма передачи большого количества информации в Интернете, т.к. длинный текст в сети плохо

воспринимается молодежной аудиторией, она хочет получить информацию быстро и в максимально сжатые сроки. Лонгрид – это не сплошной массив текста, а целый комплекс, состоящий из текста, разбавленного видеороликами, инфографикой, презентацией, фоновой музыкой, иллюстрациями, сносками, встроенными цитатами.

При подготовке лонгрида студенческими пресс-службами необходимо, чтобы все части были взаимосвязаны между собой: они не просто дополняют текст, а являются его равноправными партнерами. В таком материале крайне важна логика изложения, гармоничное сочетание всех его частей – размер и количество иллюстративного ряда, шрифтов, цветовое решение. Лонгрид должен восприниматься как целостная история. Молодой человек, который открыл материал, должен полностью в него погрузиться, прочувствовать эту историю и прочувствовать так, чтобы его ничто не отвлекало. Второй отличительной особенностью лонгридов является подача материала с необычной точки зрения. Для этого требуется глубокая проработка вопроса – комплексная аналитика. Основная задача, которую преследуют те, кто пишут лонгриды, это увлечь читателя, преподнеся ему увлекательную историю, либо осветив актуальную тему совершенно по-новому.

Другой формат деятельности студенческого медиацентра – подготовка *видеохостинга в Youtube*, который используется для публикаций имиджевых фильмов и информационно-развлекательного контента. К данной категории можно отнести студенческие блоги, влоги и репортажи, у которых одна и та же цель – информировать о мероприятиях вуза, но меняется форма подачи материала. Если репортажи подразумевают под собой интерактивный формат, то блоги ведутся от первого лица и позволяют “показать закулисы” мероприятий.

Еще одна популярная площадка у студентов вузов – Инстаграм. В последние годы Инстаграм вышел на одно из передовых мест среди социальных сетей, в разы увеличилось количество студентов, пользующихся Инстаграмом: в 2,5 раза эта доля больше, чем среди других категорий молодежи (см. таблицу). Все это связано с расширением функционала и простотой данной социальной сети. Деятельность студенческого медиацентра вуза не ограничивается только ведением корпоративного аккаунта. Публикация информационно-развлекательного характера через короткие видео-ролики (вайны) популярна среди студентов.

Итак, включение средств массовой информации в вузах в составе традиционных обусловлено не только потребностью информировать основные целевые аудитории через разнообразные каналы информации. Еще одной причиной появлений новых форматов передачи информацией является

конкуренцией вузов в борьбе за будущих абитуриентов, а также взаимодействие с представителями рынка труда.

Развитие творческого потенциала у студентов невозможно без самоактуализации и самореализации, а также расширения творческих границ. Обобщая все выше сказанное, можно смело сказать, что одна из главных задач высшего учебного заведения это воспитать творческую личность, которая не ограничивается развитием необходимых способностей. Нестандартный подход к решению задач, определенные личностные ориентиры и жизненные установки в процессе создания нового – это и есть творчество. Именно такие выпускники вузов востребованы на рынке труда. Участие в работе пресс-центра или постоянная коммуникация с ним будут способствовать формированию творческих молодых специалистов.

Список литературы

1. Кравчук П.Ф., Белоусова О.А. Особенности развития творческого потенциала личности студента в образовательном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. №3–2(42). С. 178–183.

2. Кайтукова З.Х. Развитие творческого потенциала студентов в образовательном пространстве педагогического вуза // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. №2. С. 126–129.

3. Щеглова С.Н. Теория и практика развития творческого потенциала студентов в период вузовского обучения // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2006. №7–2

Y.V. Bulgakov

THE ROLE OF THE PRESS CENTER OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION IN THE DEVELOPMENT OF THE CREATIVE POTENTIAL OF STUDENTS

The article considers the problem of developing the creative potential of university students. The term “creativity” is defined, and the term creative potential of an individual is analyzed, it is proved that the creative potential of an individual represents internal capabilities that are unique to a person and can be used to solve problems and various problems through an unconventional approach to them.

Keywords: creativity, creativity, university, student press center.

ВОСПРИЯТИЕ ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИМИСЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Профессиональное самоопределение обучающихся постепенно перестает быть исключительно педагогической задачей, становясь актуальной проблемой для социологии, экономики, культурологии. При этом, показатели профессионального самоопределения (мотивы выбора профессии, воспроизводство образовательной структуры, оценка социального климата) могут быть использованы для оценки развития человеческого потенциала как отдельных территорий, так и региона в целом. В статье рассматриваются некоторые результаты диагностики готовности обучающихся 9-х классов Пермского края к профессиональному самоопределению, связанные с оценкой социально-экономических условий профессионального выбора и значимостью отдельных характеристик профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, обучающиеся, Пермский край

Повышение уровня и качества образования молодежи, традиционно, рассматривается как один из ключевых факторов и условий социально-экономического развития регионов [1, с. 76-77]. В общественно-политическом дискурсе регулярно возникают дискуссии о целях и приоритетах основного образования, споры о востребованности отдельных уровней и направлений послешкольного образования [2]. Все этого говорит о том, что исследование мотивов и факторов, влияющих на профессиональное самоопределение обучающихся продолжает иметь высокий практический и исследовательский интерес.

С точки зрения макросоциологических концепций, профессиональное самоопределение представляет собой непрерывный процесс воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, посредством освоения представителями молодого поколения той или иной профессии под воздействием объективных и субъективных факторов [3, с. 14]. С этой точки зрения процесс самоопределения оказывается не только ограниченным во времени (поскольку после не предполагает изменения профессиональной траектории), но и внешне обусловленным: он определяется имеющейся социально-профессиональной структурой общества, а также запланированной потребностью в рабочей силе.

В условиях современного общества риска, для которого характерна высокая изменчивость социальных систем, быстрые темпы изменений в

социальных структурах, роль профессионального образования и самой профессии существенно трансформируется. Если в индустриальном обществе профессия представляла собой своеобразную «ось образа жизни», идентификационный шаблон, то в обществе риска, по мнению У. Бека, она утрачивает стабилизационные и защитные качества. В результате повышающейся безработицы, массовости высшего образования происходит изменение места образования: свидетельство о полученной квалификации (диплом об образовании) оказывается необходимым, но недостаточным условием. Отныне диплом – документ, дающий право на участие в конкурсе, а не гарантия трудоустройства по полученной специальности [4, с. 127].

Профессиональное самоопределение, таким образом, оказывается целостным набором практик, мотивов поведения личности, связанных со способностью делать осознанный обоснованный выбор образовательных и профессиональных целей на основании адекватных представлений о внешних условиях и субъективных интересах. В этом понимании профессиональное самоопределение оказывается созвучным концепции человеческого потенциала как «системы физических и духовных сил человека, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышения качества жизни индивида» [5, с. 225-226]. В данном случае профессиональный выбор оказывается связан не столько с реальными потребностями регионального рынка труда, сколько с оценкой индивидами собственных возможностей для самореализации, осознании мотивов собственной деятельности, способностью к адекватной оценке окружающего социального пространства.

В рамках мониторинга личностных результатов обучения в Пермском крае с 2017 года проводится диагностика готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению. Диагностика проводится в форме онлайн-опроса. В 2019 году в опросе участвовали 20638 обучающихся 9-х классов из 588 образовательных организаций региона. В рамках исследования учитывались такие показатели как адекватность представлений обучающихся о социально-профессиональной структуре общества, представления о связи условий труда и здоровья, связи образования и профессиональной деятельности, а также показатели мотивационного компонента: представления обучающихся о том, какие аспекты профессиональной деятельности являются значимыми при выборе профессии, а также мотивы выбора предметов для сдачи экзаменов по итогам обучения в основной школе.

В рамках данного обследования обучающимся было предложено оценить значимость различных характеристик при выборе профессии по пятибалльной шкале (1 – характеристика совсем не важна, 5 – очень важна). Из представленных

результатов (рис. 1) можно заметить, что наибольшую значимость для обучающихся имеют характеристики профессиональной деятельности, ориентированные на внутренние побуждения самих обучающихся. Средний балл «внешних» характеристик равен 3,77, против 4,29 у «внутренних». Менее всего для обучающихся оказались значимы те характеристики профессий, которые связаны со здоровьем, в том числе и наличие прямых ограничений, мнение социального окружения, продолжительность обучения и важность профессии для общества, государства.

Рис. 1. Оценка значимости характеристик профессии при выборе траектории продолжения образования

Еще одной характеристикой, показавшей сравнительно не высокую значимость у обучающихся, является востребованность профессии как непосредственно в месте их проживания, так и в контексте региона, страны в целом. Для уточнения этих позиций, а также анализа представлений обучающихся о социально-экономических условиях их профессионального выбора использовалась серия из трех вопросов: «Мне интересны профессии моих родителей, родственников», «Я хотел бы в будущем работать на одном из предприятий, находящихся в нашем населенном пункте», «В нашем населенном пункте не востребованы те профессии, которые мне интересны».

Рис. 2. Оценка обучающимися социально-экономической среды

Распределение ответов обучающихся за два года наблюдений (2018 и 2019 гг.) практически не изменилось, что позволяет рассматривать их как более или менее устойчивые социальные установки. Если в первом случае информанты разделились на три примерно равные группы, то при ответе на последующие вопросы обучающиеся оказались более единодушны, демонстрируя определенный «профориентационный пессимизм»: почти половина из них утверждает, что в месте их проживания не востребованы те профессии и виды деятельности, которые им интересны. Только каждый пятый опрошенный согласен с перспективой работы в своем населенном пункте, в то время как более половины опрошенных отвечают отрицательно. При этом, распределение ответов не зависит от социального благополучия местности. Около половины

обучающихся считают, что интересные им профессии не востребованы в месте их проживания.

Таким образом, при выборе собственной образовательной и профессиональной траектории обучающиеся ориентируются на целый спектр мотивов, в первую очередь связанных с их личными интересами и потребностями, отодвигая на второй план потребности рынка труда и мнение социального окружения.

Список литературы

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под редакцией А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. 146 с.
2. Заседание Совета по русскому языку // Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 14.11.2019 г.)
3. Антипьев, А.Г. Профессиональная ориентация в сельской школе: методические рекомендации / А. Г. Антипьев, Н. Н. Захаров, С. Я. Чумаков. Пермь, 1977. 79 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер.с нем. В.Седельника и Н. Федоровцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
5. Бабинцев В.П., Куркина М.П. Человеческий потенциал как научная категория // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). С. 223-229.

V.S. Volegov

PERCEPTION OF EXTERNAL CONDITIONS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION BY LEARNER OF PERM REGION

The professional self-determination of students gradually ceases to be an exclusively pedagogical task, becoming an urgent problem for sociology, economics, and cultural studies. At the same time, indicators of professional self-determination (motives for choosing a profession, reproduction of the educational structure, assessment of the social climate) can be used to assess the development of human potential of both individual territories and the region as a whole. The article discusses some diagnostic results of the readiness of students in the 9th grade of the Perm Territory for professional self-determination, associated with the assessment of the socio-economic conditions of professional choice and the significance of individual characteristics of professional activity.

Key words: professional self-determination, students, Perm Region.

НАВЫК ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЙ SOFT-SKILL ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Настоящая статья посвящена публичным выступлениям как одному из надпрофессиональных навыков, которые обретают все большую ценность и способствуют успешному построению карьеры. Рассматривается характеристика предпринимательства в России, подтверждающая необходимость развития этих навыков. Приводятся техники удержания внимания аудитории на основе результатов контент-анализа публичных выступлений предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательство, публичные выступления, удержание внимания

Предпринимательство является важным фактором устойчивого социально-экономического развития и политической стабильности. По опыту зарубежных стран, предпринимательство – движущая сила экономики, однако уровень предпринимательства в России можно оценить, как недостаточный, что вызывает исследовательский интерес у ряда наук. В России доля малых и средних предприятий в ВВП составляет 21%, что в несколько раз меньше аналогичного показателя в зарубежных странах (Италия – 68%, Норвегия – 61%, Германия – 53%, среднее по зарубежным странам – 58%) [4]. В России стоят задачи по развитию и расширению предпринимательства, на что Президент РФ не раз обращал внимание в Послании Федеральному собранию (2019): «... чтобы добиться тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства» [5].

В социологической науке не сформировалось единое понимание сущности предпринимательства, можно дать следующее наиболее общее определение. Предпринимательство – это «форма проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленной, как правило, на получение прибыли, осуществляемой на свой риск» [2, с. 22].

Результаты исследования ВЦИОМ (2017) демонстрируют, что 93% граждан положительно относятся к предпринимательству, однако лишь 6% имеют свое дело. Главными препятствиями к созданию своего дела 31% выделяют недостаточность опыта и знаний, а 26% говорят о личных страхах и неуверенности [6]. При этом уже действующие бизнесмены говорят, что

предпринимателю для успеха нужны в первую очередь не деньги (12%), а личные качества (45%) (ВЦИОМ, 2016) [7].

Действительно, современный мир характеризуется как VUCA-мир, что отражает его нестабильность (Volatility), неопределенность (Uncertainty), сложность (Complexity) и двусмысленность (Ambiguity). В таких условиях все большую ценность обретают личные качества, а именно надпрофессиональные навыки (soft skills), вытесняя узкоспециализированные (hard skills). Согласно исследованию Гарвардского Университета, от soft skills зависит 85% успеха [8]. Так, Президент РФ на Всемирном фестивале молодежи и студентов (2017) отметил, что конкурентное преимущество имеют именно те, кто обладает подобными навыками. Всемирный экономический форум (2016) представил следующий перечень навыков, необходимых для успешного функционирования и развития в условиях технологического прогресса: решение проблем, критическое мышление, креативность, переговоры, эмоциональный интеллект, управление людьми и др. Не менее важное место в данном перечне занимают навыки публичных выступлений [9].

Публичные выступления являются формой деловых коммуникаций, которые определяются, как «взаимодействие в сфере официальных отношений, целью которого является решение конкретных задач, достижение определенных результатов, оптимизация какой-либо деятельности». Деловые коммуникации и публичные выступления как их форма характеризуются рациональностью, иерархичностью, регламентированием, деловым этикетом, функционально-ролевой структурой [1, с. 37-82]. Недавние исследования, проведенные корпорацией «Азиз», показали, что 78% руководителей компаний считают наиболее сложной частью управления публичные выступления, а 63% указали на их большое значение для успешной карьеры [3, с. 26-28]. Цели публичных выступлений неоднородны (проинформировать, объяснить, побудить к действию и др.), однако одним из факторов успешности выступлений является удержание внимания аудитории, на выявление техник которых направлен наш исследовательский интерес.

Нами был проведен контент-анализ публичных выступлений предпринимателей на образовательном бизнес-форуме «Трансформация» 2017-2019 годов, который направлен на развитие предпринимательских компетенций, и собирает аудиторию на таких площадках, как СК «Олимпийский» и ВТБ Арена. Случайная выборка составляет 14 видеозаписей выступлений длительностью 30-40 минут на видеохостинге «YouTube». В результате анализа выявлены следующие техники удержания внимания аудитории на публичных выступлениях.

Во-первых, во время вступления сообщается, ***почему это выступление является важным***. Использование данной техники встречается в 12 из 14 проанализированных выступлениях. При этом, среди предпринимателей старшего возраста эта информация встречается во всех случаях, в то время как среди молодых – в половине. Так, например, во вступлениях используются следующие высказывания: «это важно, потому что от этого зависит экономика страны», «это важно, потому что без этого рухнет 70% компаний» и др. Содержательным дополнением, которое встречается в каждом втором выступлении, является упоминание, что ***в конце выступления аудиторию ждет что-то интересное***. Так, в публичных выступлениях предпринимателей наблюдаются такие высказывания, как «каждый из нас будет знать это в конце», «в конце будет вишенка на торте», «в конце дам инструмент», «расскажу об этом в конце» и др.

Следующая техника выражается в ***приведении примеров и историй из жизненного опыта***, что минимум три раза встречается во всех проанализированных выступлениях. Примечательно, что каждый молодой предприниматель прибегает к историям, непосредственно связанным с ним, в то время как более старшее поколение приводит примеры из опыта других. Стоит отметить, что истории повествуют не только об успехах и достижениях, но и о ***неудачах***, что также является техникой удержания внимания и встречается во всех проанализированных выступлениях. При этом, количество историй о неудачах в каждом выступлении не превышает двух, в то время как истории об успехах и достижениях сопровождают каждую основную мысль.

Пятая техника, которая также имеет место во всех выступлениях – ***стимулирование активности в зале***, выражающееся в вопросах, упражнениях, танцах, аплодисментах и др. Так, вопросы к залу хотя бы раз используются во всех выступлениях, в каждом из которых первый вопрос появляется уже во вступлении. Встречаются такие формулировки, как «кому это знакомо?», «кто понимает, что...?», «кому нравится, что...?» и др. При этом, в каждом втором выступлении хотя бы раз встречаются упражнения и задания для зрителей. Например, «расскажите соседу, что...», «представьте, что...», «сейчас пройдем тест», «заполните матрицу», «давайте разомнемся» и др. А в каждом третьем выступлении хотя бы раз встречается побуждение к аплодисментам, выражающееся следующим образом: «этому факту можно поаплодировать», «поаплодируйте те, кто...» и др.

Следующая техника удержания внимания – ***юмор***. В 12 из 14 выступлений хотя бы раз встречается побуждение к смеху, которое выражается в смешных историях, шутках, анекдотах и др. В каждом втором из них побуждение к смеху встречается 4-5 раз (каждые 5-7 минут). На ряду с этим в каждом выступлении

хотя бы раз встречаются **метафоричные высказывания**, которые выражаются в аналогиях с последующим объяснением. Например, следующие: «бизнес – это драка, как в детстве, потому что...», «это как три основных кита, потому что...», «он может быть либо эльфом, либо магом, потому что...» и др.

Также анализ показал, что удержанию внимания аудитории способствует использование **ссылок на авторитетное мнение**, что, хотя бы раз, встречается в каждом втором выступлении. Так, предприниматели ссылаются на литературные произведения; цитируют знаменитых ученых, политиков, других предпринимателей. Примечательно, что не раз встречаются такие имена, как Далай-лама и Томми Робинсон. Стоит выделить как отдельную технику **приведение результатов исследований и статистических данных**, что встречается в каждом выступлении. При этом, на ряду с мировыми и всероссийскими исследованиями с одинаковой частотой встречаются исследования локальные, проведенные в рамках компании предпринимателя. Так, встречаются такие источники, как Harvard Business Review, Forbes, РБК и др. Заключительной техникой удержания внимания аудитории в каждом выступлении стало **запоминающееся заключение**. Так, на ряду с тем, что каждое заключение сопровождается выводами, а каждое третье – кратким обзором, стоит отметить уникальность каждого выступления. Так, например, по окончании рассказывают смешные истории, выполняют упражнения, устраивают розыгрыши, танцуют, а один выступающий даже вынес ружье.

Таким образом, в условиях быстроменяющейся современности развитие надпрофессиональных навыков является важным фактором построения успешной карьеры, включая реализацию предпринимательской деятельности. Одним из важных навыков являются публичные выступления, которые вызывают ряд трудностей. Одним из условий эффективности публичных выступлений является удержание внимания аудитории. В результате авторского исследования были выявлены следующие техники удержания внимания: во вступлении рассказать, почему выступление является важным и что в конце каждого ждет что-то интересное; приводить примеры из жизненного опыта, стимулировать активность, побуждать к смеху; использовать метафоричные высказывания; ссылаться на авторитетное мнение; приводить результаты исследований; сделать заключение запоминающимся. Высокое обладание надпрофессиональными навыками способствует успешному функционированию и развитию их носителей, что является фактором экономического и инновационного развития страны.

Список литературы

1. Большунов А.Я., Киселева Н.И., Марченко Г.И., Новиков А.В., Тюриков А.Г., Чернышова Л.И., Деловые коммуникации: учебник для бакалавров / Под редакцией доцента Л.И. Чернышовой. — М.: Финансовый университет, Департамент социологии, 2018. С. 37-82.
2. Бородавкина Е.Е., Дыльнова З.М. Теоретико-методологические основы исследования предпринимательства// Известия Саратовского университета, 2012. Т.12. Сер. Социология. С. 22.
3. Попкова М.В., Ларина А.А. Навыки успешного публичного выступления// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. №5. С. 26-28.
4. Доклад «Опыт Великобритании, Германии, США, Японии, Польши и Венгрии в развитии малого предпринимательства» URL: http://www.giac.ru/content/document_r_564FE1FC-14A2-42CB-AA00-34179DD4DFF3.html (Дата обращения: 27.10.2019).
5. Официальные сетевые ресурсы президента России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (Дата обращения: 27.10.2019).
6. Материалы исследования ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116082> (Дата обращения: 27.10.2019).
7. Свой бизнес: сегодня и 25 лет назад. Материалы исследований ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=328> (Дата обращения: 27.10.2019).
8. Непрерывное обучение – это необходимость. Материалы исследований Harvard Business Review. URL: <https://hbr-russia.ru/partnyerskie-materialy/partnyerskiy-material/a24541> (Дата обращения: 27.10.2019).
9. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в современном мире. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/10/navyki-budushhego-chto-nuzhno-znat-i-umet-v-novom-slozhnom-mire.pdf> (Дата обращения: 27.10.2019).

N.L. Klimova

SKILL OF PUBLIC PERFORMANCE AS A NECESSARY SOFT-SKILL ENTREPRENEURS

This article focuses on public speaking as one of the super-professional skills that are gaining more value and contributing to a successful career building. We consider the characteristics of entrepreneurship in Russia, confirming the need to develop these skills. Techniques for retaining audience attention based on the results of a content analysis of public speeches of entrepreneurs are presented.

Key words: entrepreneurship, public speaking, attention retention

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В статье анализируется роль высшего образования в ресоциализации лиц, находящихся в исправительных учреждениях, а также в профилактике рецидивной преступности. Перечисляются важнейшие проблемы получения высшего образования в местах лишения свободы. На основе актуальных публичных статистических данных ФСИН России раскрывается их деятельность по реализации права осужденных на получение высшего образования. При сравнении с зарубежным опытом реализации различных образовательных программ в местах лишения свободы, обосновывается вывод о том, что необходима качественная трансформация инфраструктуры высшего образования в пенитенциарной системе России.

Ключевые слова: образование, осужденные, пенитенциарная система, ресоциализация.

Важнейшим фактором успешной ресоциализации осужденных в современных условиях является *образование*, изучение проблем получения и особенностей организации которого обусловлено тем, что в России сохраняются достаточно высокими показатели рецидивной преступности. По состоянию на 1 января 2019 года в исправительных колониях для взрослых осужденных во второй раз насчитывалось 83707 чел., в третий и более раз – 166292 чел., что составляет 54,23 % от общего количества осужденных к лишению свободы [7]. Исследования показывают, что динамика численности неоднократно судимых меняется в зависимости от уровня их образования [1-5].

Получение образования является одним из *предопределяющих условий их правопослушного поведения*. В соответствии с законодательством Российской Федерации получение среднего общего образования является обязательным для осужденных, не достигших возраста 30 лет, и получение профессионального обучения или среднего профессионального образования является обязательным для осужденных, не имеющих профессии. На сегодняшний день на территории Российской Федерации инфраструктура образования в местах лишения свободы включает в себя 283 общеобразовательные организации и 503 их филиала, 284 профессиональных образовательных учреждений ФСИН России и 442 их структурных подразделения [6]. Заключение в большей степени ориентированы на получение рабочих профессий, чтобы они могли работать как в период исправления на пути к правопослушному поведению в самом исправительном учреждении, так и в дальнейшем после освобождения из него.

В 2018 году свыше 800 человек получили начальное общее образование, более 5 тысяч человек – основное общее образование, и около 11 тысяч осужденных – среднее общее образование. Ежегодно среднее профессиональное образование получают около 130 тысяч осужденных [6].

В современных условиях наиболее востребованным среди заключенных является высшее образование, которое можно получить по собственному желанию. За последнее десятилетие число абитуриентов в исправительных учреждениях возросло в три раза. На сегодня высшее образование в исправительных колониях получают около одной тысячи осужденных. Согласно публичным данным ФСИН России в 2018 году более ста осужденных получили диплом о высшем образовании. Наибольшее количество осужденных, получающих высшее образование, содержатся в ГУФСИН (УФСИН) России по республикам Мордовия (66 чел.), Татарстан (28 чел.), Красноярскому (36 чел.), Пермскому (28 чел.), Алтайскому (21 чел.) краям, Свердловской (50 чел.), Новосибирской (42 чел.), Тверской (40 чел.) и Челябинской (34 чел.) областям [6].

Заключенный может получить образование бесплатно при условии прохождения конкурса в соответствии с квотой бюджетных мест для лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также платно, за счет собственных средств. Получить высшее образование может дистанционно посредством сети Интернет и заочно, выбор в пользу той или иной образовательной организации делает самостоятельно. На сегодняшний день не во всех образовательных организациях высшего образования учатся осужденные, а лишь чуть более 20 вузов, которые находятся в Москве (2), Санкт-Петербурге (1), Екатеринбурге (1), Челябинске (1) и др. [1]. Основными направлениями подготовки осужденных являются те, которые связаны с экономикой, финансами и кредитом, банковским делом, социологией, психологией, менеджментом, рекламой, малым бизнесом, юриспруденцией [6].

Инфраструктура высшего образования в местах лишения свободы как важнейший фактор ресоциализации осужденных имеет специфические особенности, в связи с влиянием на нее ограничений самой пенитенциарной системы. Данные особенности носят характер недостатков и значительно тормозят и снижают успешность ресоциализации осужденных. К *приоритетным проблемам* считаем возможным отнести:

- недостаточный уровень проработанности нормативно-законодательной базы реализации высшего образования на территории пенитенциарных учреждений;

- разрозненный характер организации высшего образования, поскольку из-за отсутствия общефедеральных стандартов, учитывающих психологические и

бытовые условия осужденных, каждое образовательное учреждение устанавливает свои стандарты;

- отсутствие системы повышения квалификации и переподготовки преподавателей высшей школы по вопросам пенитенциарного образования, учебно-методические комплексы которых не учитывают особенностей контингента обучающихся-осужденных;

- неорганизованный характер профессиональной ориентации осужденных абитуриентов для поступления в высшие учебные заведения;

- переход контингента осужденных в разные колонии, как на территории отдельного субъекта РФ, так и между ними, что отрицательно влияет на процесс получения образования, его эффективность и в конечном итоге приводит к его прекращению;

- отсутствие принципов социального партнерства в системе вуз – пенитенциарное учреждение – ФСИН субъекта РФ [4].

В зарубежных странах накоплен положительный опыт реализации образовательных программ в пенитенциарной системе. В Финляндии заключенным предоставлен выбор – труд или учеба в рабочее время, причем тюрьмы не имеют своих собственных учебных заведений и учителей, и обучение организуется в сотрудничестве с внешними учебными учреждениями [5]. Одним из способов мотивирования осужденных к обучению является денежное вознаграждение, заключенные, которые получают образование, также, как и работающие заключенные, получают заработную плату (пособие). Образовательная система Франции выделяется изобилием и разнообразием различных обучающих курсов, профессий, большим количеством учебных заведений, где образовательные услуги заключенным предоставляются бесплатно. В Швеции созданы все необходимые условия для того, чтобы осужденные имели возможность в полной мере раскрыть свой учебный потенциал. В стране не существует такого понятия как единая система образования осужденных, для каждого человека, переступившего закон, разрабатывается индивидуальная программа обучения, с учетом его личностных потребностей и предпочтений. Огромным плюсом является и то, что образовательная программа может продолжаться после того, как заключенный освободится из мест лишения свободы, а за ходом выполнения наблюдает специальный сотрудник [4]. Согласно различным научным источникам, программа индивидуального образования в Швеции проходит весьма успешно, подобная система образования практикуется и в Германии. Широкое распространение получают программы дистанционного обучения, популярностью пользуются различные аудиовизуальные программы и проекты, в рамках которых применяются самые современные образовательные формы и

методы. Такую практику по образованию заключенных применяют такие страны как *Австрия и Куба* [4].

В заключение можно сделать вывод о том, что в нашей стране назревает необходимость в трансформации инфраструктуры высшего образования в местах лишения свободы, тот опыт обучения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях Финляндии, Франции, Швеции, Германии, Австрии, Кубе, должен быть учтен при разработке концепций и конкретных моделей ресоциализации осужденных в пенитенциарные системы России.

Список литературы

1. Демидочкина М.Ю. Получение высшего образования осужденными к лишению свободы // [электр. рес] <https://www.gymal.ru/statyi/ru/941/> (дата пос. сайта 24.10.2019 г.).

2. Коршунова А.А. Дистанционное обучение как перспективное направление получения образования осужденными // *Международный пенитенциарный журнал*. 2016. № 2 (6). С. 71-73.

3. Леонова Е.Ю. Образовательные технологии в системе ресоциализации осужденных // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 2. С. 100-104.

4. Леонова Е.Ю. Специфика реализации высшего профессионального образования в системе исполнения наказания / Е.Ю. Леонова, Л.Л. Мехришвили. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 160 с.

5. Ресоциализация осужденных средствами образовательного пространства / Н. И. Скок, Л. Л. Мехришвили, Е. Ю. Екимова и др. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 236 с.

6. Тюрма учебе не помеха. Осужденные в местах лишения свободы стали чаще поступать в университеты // *Пресс-служба ФСИН России* [Электронный ресурс]. URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=442772&phrase_id=1264680 (Дата обращения: 22.10.2019).

7. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // *Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России* // [электр. рес] <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Harka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата пос. сайта – 23.10.2019 г.).

A.S. Kobeleva, E.G. Kopalkina

PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

The article analyzes the role of higher education in the re-socialization of people in prisons, as well as in the prevention of recidivism. The most important problems of obtaining higher education

in prisons are listed. Based on the up-to-date public statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, their activity on the realization of the right of prisoners to higher education is revealed. When comparing with foreign experience in implementing various educational programs in places of deprivation of liberty, the conclusion is substantiated that a qualitative transformation of higher education infrastructure in the Russian penitentiary system is necessary.

Key words: education, convicts, penal system, resocialization

УДК 378.124

Е.В. Конищева

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ)

Представлены результаты исследования значимости социальной оценки педагогической деятельности в системе высшего образования с точки зрения молодых преподавателей.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, личностно-ориентированная модель, социальная оценка

В современном обществе все более высокие требования предъявляются к уровню профессиональной подготовки будущих специалистов. В связи с этим качество профессиональной деятельности преподавателя высшей школы приобретает особое значение. Современная потребность в организации образовательного процесса с опорой на личностно-ориентированный подход предполагает учет принципов равноправия, правдивости, искренности, сотрудничества [2]. Реализовать на практике все обозначенные принципы могут только субъекты взаимодействия, социально-активные личности с целостной системой ценностей, установок.

Реалии показывают, что преподаватели, опираясь на личностно-ориентированную модель взаимодействия, не всегда грамотно справляются с трудностями, возникающими в образовательном процессе. Различные источники трудностей, способы преодоления оказывают влияние на результативность педагогического взаимодействия [3].

Особые затруднения могут испытывать молодые преподаватели. Несмотря на то, что категория молодых преподавателей все еще окончательно не обозначена, чаще всего при ее определении учитывают возрастные границы и стаж педагогической деятельности [1].

Информационная и операционные модели организации образовательного процесса четко определяют круг обязанностей, ответственность, критерии эффективности педагогической деятельности. Следовательно, преподаватели

более четко информированы о своей роли в педагогическом процессе. Личностно-ориентированная модель дает возможность более широко проявлять свои творческие способности, позволяет давать индивидуальную оценку содержания учебного материала. Увеличенный диапазон личностных реакций одновременно создает и повышенную нагрузку, т.к. погружение во взаимодействие с целостными личностями (а не просто студентами, которые выполняют определенную социальную роль) требует больших эмоциональных, интеллектуальных, поведенческих затрат. Все это существенным образом сказывается и на состоянии самого преподавателя.

Определенные обстоятельства профессиональной деятельности и жизнедеятельности могут негативным образом сказываться на процессе личностного становления в условиях профессиональной деятельности. Среди этих обстоятельств важное место занимает социальная оценка значимости педагогической деятельности. Одобрение со стороны социума процесса и условий организации педагогической деятельности, ее результатов, ведущей роли в становлении мотивации у будущих специалистов, формировании ценностных установок выступают в качестве определенных источников ресурсов для молодых преподавателей. Подтверждает целесообразность организации взаимодействия в условиях образовательного процесса на принципах личностно-ориентированной модели. Негативная же оценка напротив подрывает веру в свои силы.

В исследовании, проведенном в 2019 году, принимали участие преподаватели вузов Курского региона (N=650). Изучение значимости социальной оценки профессиональной деятельности для молодых преподавателей показало следующее. Безразлично относятся к мнению окружающих относительно своей профессиональной деятельности всего 19% молодых преподавателей. 60% опрошенных отметили, что для них всегда важна оценка значимости их профессиональной деятельности и ее критика вызывает огорчение.

Полученные результаты свидетельствуют о значимости для категории молодых преподавателей социальной оценки их профессиональной деятельности. Положительная социальная оценка может проявляться в одобрении результатов деятельности, в материальной поддержке, в уважении. Для начинающих преподавателей, стаж педагогической деятельности которых не превысил 5 лет, социальное одобрение выступает необходимым компонентом становления профессионализма.

Список литературы

1. Балезина Е. А. Молодой преподаватель: к вопросу определения понятия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodoy-prepodavatel-k-voprosu-opredeleniya-ponyatiya> (дата обращения: 03.11.2019)

2. Врач-педагог в изменяющемся мире: традиции и новации: Учеб. пособие / Н.В. Кудрявая, Е.М. Уколова, А.С. Молчанов и др.; Под ред. Н.Д. Ющука; М-во здравоохранения Рос. Федерации. Гос. образоват. учреждение Всерос. учеб.-науч.-метод. центр по непрерыв. мед. и фармацевт. образованию. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. 302 с.

3. Лескова И.В., Степашов Н.С., Конищева Е.В. Жизненные затруднения преподавателей высшей школы: поведенческие рефлексии // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 3 (84). С. 106–112. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-84-3-106-112.

E.V. Konishcheva

SOCIAL ASSESSMENT OF SIGNIFICANCE OF PEDAGOGICAL ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF YOUNG TEACHERS)

The results of the study of the significance of the social assessment of pedagogical activity in the higher education system from the point of view of young teachers are presented.

Keywords: pedagogical activity, personality-oriented model, social assessment

УДК 371.315.7

E.C. Мироненко

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ УСЛОВИЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время вызовом системе образования является перевод учащегося в режим саморазвития. Образование должно быть ориентировано на его успешную адаптацию в обществе и на рынке труда. Эта проблема остается пока нерешенной. Целью статьи выступает поиск эффективных инструментов формирования и развития цифровой образовательной среды в образовательной организации. Автором рассматриваются понятия: «образовательная среда», «цифровая образовательная среда»; анализируются тенденции развития онлайн-образования в мире и в России; описывается опыт организации дистанционного обучения в Научно-образовательном центре Вологодского научного центра РАН.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, цифровая экономика, цифровизация образования, цифровые технологии.

© Мироненко Е.С., 2019

Современный мир стремительно развивается, предъявляя высокие требования ко всем членам общества. «С применением информационных технологий происходит трансформация во всех слоях общества, в частной жизни, изменяется уклад жизни людей. Возникает потребность в новых профессиях и инструментах взаимодействия» [1]. «Государство несет ответственность за создание стимулирующей среды, подталкивающей высшие учебные заведения к более широкому применению инноваций и к более чуткой реакции на потребности глобальной конкурентной экономики, основанной на знаниях, и на изменения требований рынков труда, которым необходим высокоразвитый человеческий капитал»¹.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена задача обеспечить прорыв в области экономики и социальной сферы. В этой связи особое значение придается ускоренному созданию и использованию современных отечественных технологий, подготовке высококвалифицированных кадров для цифровой экономики.

Формирование цифровой образовательной среды является одним из ключевых условий подготовки кадров для цифровой экономики². Эту задачу предполагается решить в рамках включенного в национальный проект «Образование» приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ».

Информатизация общества стала причиной информатизации образования как одного из его социальных сфер. Под понятием «информатизация образования» будем понимать «научно-практическую деятельность, направленную на применение компьютерных технологий для сбора, хранения, обработки и распространения информации, обеспечивающую систематизацию имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования для достижения психолого-педагогических целей обучения и воспитания» [3, с.12-13].

Цифровая образовательная среда представляет собой «открытую совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач процесса образования» [4, с.13].

В научной литературе можно встретить разные термины, характеризующие процесс обучения с использованием цифровых технологий,

¹ Четвертый главный фактор построения общества, основанного на знаниях. Из доклада Всемирного банка

«Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education».

² Материалы «круглого стола» в Комитете СФ по науке, образованию и культуре на тему «Об обеспечении подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики» // <http://council.gov.ru/events/news/99399/>

которые по-разному интерпретируются и переводятся: электронное обучение (E-Learning), мобильное обучение (m-Learning), дистанционное обучение, онлайн-обучение [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Сопоставляя различные точки зрения на понимание сущности дистанционного обучения, можно сделать вывод о том, что это способ обучения без регулярного личного контакта с учителем. При этом этот способ обучения методически организован. Сейчас в литературе все чаще встречается термин «онлайн-образование».

Проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» должен кардинально изменить подход к обучению граждан страны в условиях развития цифровой экономики. Онлайн-обучения набирает популярность, что объясняется многими факторами, но основное его преимущество – доступность: для получения новых знаний не обязательно выходить из дома, достаточно подключиться к Интернету.

В Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН мы планируем реализовать цифровую образовательную среду «цифровой НОЦ», которая будет включать несколько направлений – внедрение новых образовательных технологий в учебный процесс и развитие цифровых сервисов, прежде всего для магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников Центра [5].

В настоящее время основными направлениями деятельности Научно-образовательного центра являются:

- обучение школьников города экономике, математике, английскому языку и биотехнологиям;
- дистанционное обучение школьников экономике;
- подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации (магистратура, аспирантура);
- психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса;
- обучение слушателей по программам дополнительного профессионального образования.

В настоящее время НОЦ обладает информационно-технологической инфраструктурой, включающей в себя вычислительную технику, проводные и беспроводные локальные сети, технические системы обеспечения учебного процесса. В последние годы получила развитие система информационных сайтов, основой которой стал сайт НОЦ <http://noc.vscs.ac.ru/>. Функционирует система дистанционного обучения школьников (Экономическая интернет-школа), в 2019 году создан сайт «Информационная образовательная среда ВолНЦ РАН» по программам магистратуры и аспирантуры, сайты по направлениям деятельности НОЦ (Открытая олимпиада по экономике, сетевой журнал «Юный экономист»).

С 2010 года в Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН функционирует Экономическая интернет-школа. Важным направлением работы Экономической интернет-школы являются организуемые на постоянной основе онлайн-консультации обучающихся. Это направление является важным для успешного функционирования Экономической интернет-школы, т.к. позволяет получить обратную связь от участников образовательного процесса.

В начале 2019 года запущена в эксплуатацию *информационная образовательная среда ВолНЦ РАН* (по программам высшего образования), которая, как и Экономическая интернет-школа НОЦ, реализована в свободно распространяемой системе дистанционного обучения Moodle. Система предлагает широкие возможности: преподаватель имеет полный контроль над свойствами курса. Предусматривается свободное использование лекционного видеоматериала и конспектов для каждого авторизованного пользователя. Доступ к занятиям и консультациям из удаленных точек осуществляется посредством видеосвязи и организации вебинаров, что повышает мобильность студентов, обеспечивает общение с преподавателями и участниками. Электронные образовательные ресурсы в соответствии с основной профессиональной образовательной программой должны обеспечивать обучающихся и преподавателей учебно-методическими и контрольно-измерительными материалами для проведения всех видов занятий, специально разработанных для реализации электронного обучения. Более активному внедрению образовательных курсов препятствует высокая трудоемкость разработки дистанционного курса, которая значительно отличается от подготовки учебных пособий на бумажном носителе.

Образовательное учреждение в условиях цифровой экономики должно создавать условия для приобретения новых знаний обучающимися самостоятельно. Таким образом, «преподаватель становится не транслятором готовых знаний, а выступает в роли навигатора по бескрайнему информационному пространству. Учебные курсы должны быть интегрированными, то есть включать в себя и мультимедийные фрагменты, и внешние электронные ресурсы» [2, с.212-216].

Нужно понимать, что онлайн-образование не может заменить фундаментального, базового образования. Жизнь сейчас настолько быстро меняется, что надо успевать за ней и наиболее перспективными являются гибридные модели, сочетающие инструменты онлайн и оффлайн-обучения.

Первостепенная задача современной образовательной системы – формирование личности, востребованной и успешной в условиях цифровой экономики. Результатом решения этой задачи станет Россия как общество, конкурентное в современном быстро развивающемся мировом пространстве.

Важнейшим направлением дальнейшей работы видится создание образовательной концепции формирования и развития smart-компетенций как базы для формирования и расширения человеческого потенциала. Данные компетенции будут нацелены на формирование с раннего возраста ценностно-целевых установок в работе с информационными технологиями и векторов заинтересованности, обучающихся в реализации собственных возможностей.

Список литературы

1. Андреева, Г.Н. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения / Г.Н. Андреева, С.В. Бадалянц, Т.Г. Богатырева, В.А. Бородай, О.В. Дудкина, А.Е. Зубарев, Л.Н. Казьмина, Л.А. Минасян, Л.В. Миронов, С.А. Стрижов, М.Л. Шер. Монография. Нижний Новгород: издательство «Профессиональная наука», Издательство Smashwords, Inc.15951 Los Gatos USA. 2018. 131 с. – URL: http://scipro.ru/conf/monograph_digital_economy.pdf (дата обращения: 17.07.2019).
2. Бондарев, М. Г. Смарт-учебник как ключевой компонент курса «Английский язык для специальных целей», реализуемого в рамках смешанного обучения» / М. Г. Бондарев, А. В. Бакулев // Образование. Наука. Инновации. 2015. № 5 (43). С. 212–216. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oni.sfedu.ru/sites/default/files/oni_5%2843%29_2015.pdf (дата обращения: 08.10.2019).
3. Елистратова, Н.Н. Современные проблемы информатизации высшего образования / Н.Н. Елистратова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 4. С. 12-13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-informatizatsii-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 08.10.2019).
4. Каракозов, С.Д. Развитие цифровой образовательной среды в РФ: механизмы развития и возможные риски / С.Д. Каракозов, Л.Р. Пикалова, Е.П. Седова, О.Н. Титова // Ростовский научный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://rostjournal.ru/?p=3683> (дата обращения: 08.10.2019).
5. Мироненко, Е.С. Задачи и перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс / Е.С. Мироненко // Социальное пространство. 2018. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.5).
6. Crescente, M.L. Critical issues of m-learning: design models, adoption processes, and future trends / M.L. Crescente, D. Lee // Journal of the Chinese Institute of Industrial Engineers, 2011, vol. 28 (2), pp. 111–123. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/254245599_Critical_issues_of_m-learning_Design_models_adoption_processes_and_future_trends (дата обращения: 08.10.2019).

7. Crompton, H. A historical overview of mobile learning: Toward learnercentered education. Handbook of mobile learning / H. Crompton, Z.L. Berge, L.Y. Muilenburg // Florence, KY: Routledge, 2013, pp. 3–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203118764.ch1> (дата обращения: 08.10.2019).

8. Falloon, G. Learning objects and the development of students» key competencies: a New Zealand school experience / G. Falloon, A. Janson, R. Janson // Australasian Journal of Educational Technology, 2010, vol. 26, no. 5, pp. 626–642. DOI: 10.14742/ajet.1055

9. Jackson, J. Game-based teaching: What educators can learn from videogames / J. Jackson // Teaching Education, 2009, vol. 20, iss. 3, pp. 291–304. – URL: <https://doi.org/10.1080/10476210902912533> (дата обращения: 08.10.2019).

10. Shapley, K. Effects of Technology Immersion on Middle School Students’ Learning Opportunities and Achievement / K. Shapley [et al.] // Journal of Educational Research, 2011, vol. 104, iss. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00220671003767615> (дата обращения: 08.10.2019).

11. Sheehan, M. Technology Integration in Secondary Mathematics Classrooms: Effect on Students’ Understanding / M. Sheehan, L.A. Nillas // Journal of Technology Integration in the Classroom, 2010, vol. 2, iss. 3, pp. 67–83. [Электронный ресурс]. URL: http://works.bepress.com/leah_nillas/115 (дата обращения: 08.10.2019).

E.S. Mironenko

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS ONE OF THE KEY CONDITIONS FOR TRAINING PERSONNEL FOR THE DIGITAL ECONOMY

The challenge to the education system is the transfer of the student to the self-development mode. Education should be focused on his adaptation to the labor market. This problem remains unsolved. The purpose of the article is the search for effective tools for the formation and development of the digital educational environment in an educational organization. The author considers various approaches to the definition of concepts: “educational environment”, “digital educational environment”; analyzes the development trends of online education in the world and in Russia; describes the experience of the organization of distance learning on the example of the Scientific and Educational Centre of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS).

Keywords: digital educational environment, digital economy, digitalization of education

**ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА**

В статье рассматриваются вопросы реализации возможностей музейной педагогики, на примере Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Анализируются данные опроса посетителей Регионального центра музейной педагогики и творческого развития, действующего на базе музея.

Ключевые слова: музейная педагогика, музейные педагоги, посетители музея

В современном мире возрастает потребность в активной, креативной личности, способной быстро адаптироваться в меняющихся условиях. Современная педагогика ищет ресурсы для формирования и воспитания такой личности, в том числе и в музейной среде. Но, несмотря на то, что большое количество художественных музеев предлагают образовательные программы для детей, создание исследований и обзоров, посвященных обучению детей в музеях в музейной практике, практически отсутствует. Вопросами музейной педагогики занимались такие авторы как Бойко А.Г., Бутенко Н. В., Дукельский В. Ю., Колесникова И.А., Сапанжа О.С., Столяров Б.А, Юхневич М.Ю. и др. Так Столяров Б.А. характеризует музейную педагогику как область научно-практической деятельности современного музея, ориентированную на передачу культурного (художественного) опыта через педагогический процесс в условиях музейной среды [2, с.105].

Музейные педагоги играют значительную роль в формировании характера образовательного процесса, предоставляемого музеями, активно применяют дидактические методы и средства. С 2008 года реализацией принципов музейной педагогики занимается Екатеринбургский музей изобразительных искусств.

В Екатеринбургском музее изобразительных искусств действует Региональный центр музейной педагогики и творческого развития детей и юношества.

Деятельность Центра определяется следующими направлениями:

1. Научно-методическое направление:

- разработка музейно-педагогических проектов и программ;
- разработка учебных курсов и методических материалов;
- научно-методическое и практическое сотрудничество с Государственным Русским музеем, Российским центром музейной педагогики детского творчества

Русского музея и информационно-образовательным центром «Русский музей: Виртуальный филиал»;

- адаптация образовательных и социально-досуговых программ Ресурсного музейного центра творческого развития детей и подростков к условиям социокультурной специфики нашего региона и возможностям образовательных учреждений г. Екатеринбурга;

- участие в реализации программы «Музей. Музыка. Дети» (Российский центр музейной педагогики и детского творчества Русского музея совместно с Президентским центром Б.Н. Ельцина и Союзом музеев России) – 2011-2020гг;

- участие в реализации проекта «Русский музей: Виртуальный филиал» Государственного Русского музея. Подробнее о программе «Здравствуй, музей!».

2. Образовательное направление:

- экспериментальная и практическая работа в рамках музейно-педагогической программы «Здравствуй, музей!» на основных и временных экспозициях музея, а также в школах и детских садах Екатеринбурга с использованием мультимедийных программ ИОЦ «Русский музей: Виртуальный филиал» (подробнее о программе «Здравствуй, музей!»);

3. Выставочное направление:

- создание и формирование коллекции детского творчества с учетом разработок критериев отбора и оценки произведений детского творчества и определения принципов комплектования, условий хранения творческих работ детей в музее и возможностей их электронной каталогизации;

- организация конкурсов и фестивалей детского творчества и проведение выставок.

4. Социально-культурное направление:

- разработка и реализация арт-терапевтических программ. 1 этап – участие в благотворительном проекте «Искусство против рака» и реализация арт-терапевтической программы в Областном детском онкологическом центре;

- реализация ежегодной Акции «Юный благотворитель. Ангел надежды» в рамках благотворительного проекта «Искусство против рака»;

- разработка и реализация проекта "Искусство на кончиках пальцев";

- реализация арт-терапевтических программ осуществляется при поддержке "Русской медной компании";

5. Познавательное – досуговое направление:

- деятельность студии художественного и творческого развития детей «Маленький творец»;

- создание музея детского творчества: фонд детского творчества, интерактивная дидактическая экспозиция;

- Деятельность изостудии «На Плотинке» [1].

Накопленный на протяжении многих десятилетий опыт, обогащенный новыми формами и методами работы с детской и юношеской аудиторией, позволяет Детскому центру ЕМИИ выйти на новый уровень социально-досуговой и образовательной деятельности. Одним из направлений деятельности ЕМИИ является разработка музейно-педагогических проектов и программ. Среди программ, реализуемых Детским центром ЕМИИ можно выделить: программу выходного дня; экскурсии для детей; интерактивные занятия; студию «Маленький творец»; изостудию; викторины, квесты, путеводители; инклюзивные программы.

Стоит отметить необходимость развития Детского центра ЕМИИ. Но прежде, чем переходить к конкретным действиям, нужно выявить эффективность функционирования учреждения культуры на основе анализа удовлетворённости посетителей услуг различными параметрами ЕМИИ и качеством работы Детского центра.

В этих целях была разработана «Анкета посетителя», которая включала в себя 14 вопросов. Анкетирование проводилось в апреле-мае 2019 года среди посетителей Детского центра ЕМИИ. Опрос проводился на основании выборки, в состав которой вошли посетители различных возрастных групп, всего – 46 человек. Одними из задач являлись выявление уровня удовлетворённости качеством услуг и разработка рекомендаций для устранения выявленных недостатков.

В ходе проведения опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы, а также оценить по 5 балльной шкале удовлетворённость предоставляемыми услугами. Количественный и качественный анализ ответов позволяет выяснить мнение респондентов о положительных и отрицательных аспектах в деятельности музея.

Почти все из опрошенных респондентов (41 человек) указали, что проживают в городе Екатеринбурге. Мужчины составляют меньшую часть (33%), женщины – большую (67%). Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что основная группа респондентов приходится на возраст от 35 до 44 лет, больше половины опрошенных указали свой возраст, попавший именно этот возрастной диапазон (54%). Средний возраст потребителей услуг в целом – 38 лет, среди женщин – 39 лет, среди мужчин – 36 лет. По роду деятельности респонденты разделились следующим образом: большинство составляют «служащие» (16 человек), еще 10 человек отметили свой род деятельности «специалист», остальные группы представлены в значительно меньшем количестве. Средний возраст детей, потенциальных и реальных юных

посетителей Детского центра соответственно: общий – 6 лет, только мальчики – 7 лет, только девочки – 6 лет.

Активность аудитории характеризуется частотой посещения музея. На основе этого критерия появляется возможность говорить о постоянной аудитории. Наличие ядра постоянных посетителей в Детском центре – это очень существенный качественный показатель культурно-образовательной деятельности музея, свидетельство его общественной значимости, интереса к нему людей. По результатам исследования ровно половина респондентов (50%) посещают Детский центр систематически т.е. это посетители студии «Маленький творец».

Естественной задачей просветительских служб музея является расширение круга посетителей, что включает, с одной стороны, привлечение в музей тех, кто никогда не был (посещающих мероприятия Детского центра впервые по нашей шкале) с другой, превращение последних в постоянных посетителей, что напрямую является показателем эффективности просветительских служб. На вопрос: «охотно ли ваш ребенок посещает занятия» посетители единогласно ответили: «да» – 100%.

В форме занятий Детского центра посетители предпочли творческие мастер-классы (25%) и интерактивные занятия (21%). Среди курсов и творческих мастер-классов особенно выделяли студию «Маленький творец» и занятия, которые проходили в рамках студийных курсов, такие как: рисование на футболке, лепка, гравюра, кляксография, акварель по сырому.

Также опрошенным было предложено оценить степень удовлетворённости показателями услуг (см. табл).

Таблица

Оценка степени удовлетворённости потребителей услуг

Параметры (Показатели)	Степень удовлетворённости потребителей услуг (% от числа ответивших)				
	Полностью не удовлетворён	Не удовлетворён	Нейтрале н	Удовлетворён	Полностью удовлетворён
Вежливость, тактичность зрителей музея	0	7	2	7	85
Информация предоставляемых услугах	0	2	2	9	87
Качество организации	0	2	2	9	87

взаимодействия с экспонатами					
Личность музейного педагога	0	0	0	4	96
Материально-техническое оснащение	0	0	2	7	91
Стоимость занятий и их протяженность	0	4	2	7	87
Удобство графика работы	0	0	0	0	100
Уровень профессионального мастерства сотрудников	0	0	0	4	96

Отметим, несмотря на то, что уровень профессионального мастерства сотрудников и личность музейного педагога опрошенные, в целом, оценили на достаточно высоком уровне (96% – полностью удовлетворён, 4% – удовлетворён), одной из проблем отечественного музейного образования остается качественная подготовка музейного педагога. Сегодня музейному педагогу необходимо переориентироваться на восприятие современного ребенка, взгляд которого на окружающий мир приобретает «клиповый» характер. Практика работы образовательно-просветительской службы музея показывает, что сотрудникам, занимающимся образовательной деятельностью, нередко из-за недостаточности профессиональной подготовки приходится заканчивать второе высшее учебное заведение. Чтобы разрешить это противоречие, на наш взгляд, необходимо открытие специальности «музейная педагогика» и высшее профильное образование в этой области, построенное на основе тесного взаимодействия с музеем.

Результаты опроса выявили ряд проблем – отсутствие тактильных экспонатов (экспонатов, которых можно не только рассматривать на расстоянии, но и потрогать, пощупать), экспонаты, которые располагаются на уровне глаз взрослых и не предусмотрены для малышей, строгие смотрители, весьма резко реагирующие на желание ребенка «прикоснуться к искусству», призывающие сохранять абсолютную тишину.

Для посетителей, человеческое взаимодействие является одним из элементов, который способствует общему впечатлению от музея. По нашему мнению, роль музейных смотрителей нуждается в переконфигурации. Они, с одной стороны, должны хорошо разбираться в мерах безопасности, с другой грамотно и вежливо отвечать на вопросы посетителей. Ежедневно смотрители

сталкиваются с одной острой проблемой – это проблема скуки: им запрещено на рабочем месте чтение книг, даже во время отсутствия посетителей, нельзя слушать экскурсоводов и обсуждать экспонаты с посетителями музея – для этого есть экскурсоводы. Тем не менее, из-за того, что зрители зачастую являются единственным доступным персоналом, чтобы сразу ответить на вопросы, возникшие у посетителей, им необходимо должным образом быть обученными соответствующим ответам и манерам. Путем интеграции дружелюбного подхода обслуживания посетителей в работе, возможно, эта проблема будет значительно смягчена.

Таким образом, резюмируя вышесказанное можно выделить ряд следующих рекомендаций:

1. Внедрение новых технологий и программ музейной педагогики, предполагающих интерактивность и высокий уровень сервиса.

2. Интеграция «дружелюбного» подхода в работе зрителей музея.

3. Музеи сталкиваются с огромной проблемой поиска кадров. Обучение музейных педагогов является неотъемлемой частью обеспечения музейного просвещения.

4. Продвижение музеем своих услуг, в том числе связанных с музейной педагогией требует создание новых структурных подразделений, новых спонсорских связей.

5. Значительную часть детской аудитории составляют дошкольники и ученики начальных классов. Дети старшего возраста реже выражают желание посещать музеи. Подросток уже не просто открывает для себя мир, он решает сложные проблемы внутреннего самоопределения и личностного становления. Привлечь старшеклассников поможет создание новых образовательных программ. Например, в практике зарубежного музея Метрополитен существует такое явление, как «институт волонтеров», где подростки могут начать обучаться всей тонкости работы в музее – через посещение специальных семинаров, искусствоведческих курсов и помощи музейным педагогам в подготовке занятий.

Список литературы

1. Детский Центр. Екатеринбургский музей изобразительных искусств. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emii.ru/detskii-centr/> (Дата обращения: 01.11.2019).

2. Столяров Б. А. Музей в пространстве художественной культуры и образования: учеб. пособие. СПб.: ГРМ, 2007. 340 с.

THE POTENTIAL OF MUSEUM PEDAGOGY IN ACTIVITIES OF THE MUSEUM OF FINE ARTS THE CITY OF YEKATERINBURG

The article deals with the issues of realization of the Museum pedagogy possibilities, on the example of the Yekaterinburg Museum of fine arts. The data of the survey of visitors of the Regional center of Museum pedagogy and creative development operating on the basis of the Museum are analyzed.

Key words: Museum pedagogy, Museum teachers, Museum visitors

УДК 376

О.В. Пацукевич

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-ТУРКМЕНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В представленной автором статье рассматривается одно из перспективных направлений взаимодействия в сфере экспорта образовательных услуг – белорусско-туркменское сотрудничество в сфере высшего образования. Приводятся современные статистические данные о численности туркменских студентов в белорусских вузах. Освещается комплекс мер, предпринимаемых белорусским и туркменским правительством в налаживании сотрудничества в сфере высшего образования. Отмечаются некоторые противоречия, возникшие между двумя государствами и препятствующие эффективному сотрудничеству в данном направлении.

Ключевые слова: высшее образование, иностранные студенты, межвузовское сотрудничество

Установление дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Туркменистаном произошло в далеком 1992 г. За время активного взаимодействия этих государств установлены контакты между их внешнеполитическими ведомствами. Кроме того, обе страны являются полноправными членами таких международных организаций как ООН, ОБСЕ и СНГ. Объединение усилий руководства двух государств способствовало выработке общих подходов и позиций к решению общемировых вопросов. В связи с этим характер отношений между Республикой Беларусь и Туркменистаном можно определить, как долговременный, стратегический.

В своем выступлении Глава белорусского государства, А.Г. Лукашенко отметил, что «на сегодняшний день сфера образования является приоритетным направлением взаимодействия наших стран». Более того, белорусский лидер также подчеркнул, что «для Беларуси Туркменистан представляется как один из

важнейших стратегических партнеров в Центральной Азии, с которым нас связывают настоящие дружественные отношения» [1].

Еще один немаловажный факт в пользу приоритетности выбора белорусского высшего образования иностранными студентами свидетельствует о том, что оно привлекает молодых людей из-за рубежа возможностью обучения на русском языке, советскими традициями и невысокой стоимостью.

Это мнение подтверждается исследованием отдела международных связей Белорусского государственного университета, в процессе проведения которого весной 2010 г. были опрошены 706 иностранных студентов данного вуза страны. Среди них 30% опрошенных стремились получить образование на русском языке, 24% иностранцев высоко оценили качество образования в БГУ, а еще 19% поступили в университет по рекомендации родных, близких или знакомых [1].

Данные Белстата, опубликованные в сборнике «Образование в Республике Беларусь» информируют о том, что в 2017/2018 учебном году в Беларуси обучалось 430 тысяч студентов, из них – более 15 тыс. иностранные граждане из 88 стран (от общего числа — это чуть менее 3%). Среди них лидирующие позиции занимают студенты 3-х стран: из Туркменистана — почти 7911 человек, более 2 тыс. китайцев и более 1 тыс. россиян. Причем, в общей численности иностранных студентов доля туркменских граждан за последние годы выросла с 36,4% до 50% [2].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что оплата за курс в вузе для иностранцев, как правило, значительно выше. Например, в 2017/18 учебном году обучение на 1-м курсе факультета международных отношений БГУ обошлось белорусу в 2,7–2,8 тыс. бел руб., а студенту иностранцу – 3,7–3,8 тыс. долл.; на экономическом факультете – 2,7 тыс. бел. руб. и 2,8 – почти 3,2 тыс. \$ соответственно; на юрфаке – 2,5–2,8 тыс. бел. руб. и 2,9–3,7 тыс. долл. Причем обучение в БГУИР иностранцу-первокурснику на английском языке обойдется вне зависимости от страны в 5 тыс. \$ [3].

На сегодняшний день белорусско-туркменское сотрудничество в области образования осуществляется в первую очередь путем подготовки кадров в учебных заведениях Беларуси для различных отраслей экономики Туркменистана. С этой целью между Республикой Беларусь и Туркменистаном подписан ряд межправительственных соглашений в сфере образования: о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и званиях, соглашение между министерствами образования Беларуси и Туркменистана о сотрудничестве в области образования. Развивается и межвузовское сотрудничество, результатом которого явилось заключение более 10 межвузовских соглашений, 5 из которых были подписаны в октябре 2014 года во

время официального визита в Беларусь Президента Туркменистана **Г. Бердымухамедова**.

На сегодняшний момент договоры о сотрудничестве заключили следующие отечественные высшие учебные заведения: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации и Туркменский государственный институт экономики и управления, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина и Туркменский государственный педагогический институт имени С. Сейди, Брестский государственный технический университет и Туркменский государственный институт экономики и управления, Брестский государственный технический университет и Государственный энергетический институт Туркменистана [1].

Основополагающим документом в регулировании двусторонних отношений в этом направлении стало подписание в 2013 г. Межправительственного соглашения о сотрудничестве в сфере образования, предусматривающее выполнение следующих условий. Во-первых, кроме платного приема всех желающих, страны обязались на паритетной основе ежегодно обмениваться бюджетниками (до 30 человек на уровне среднего специального (профессионального) и высшего образования I степени, до 5 магистрантов, до 5 аспирантов и др.). Во-вторых, в указанном соглашении предусмотрено повышение квалификации, стажировка, переподготовка до 5 педагогических работников учреждений образования, иных организаций системы образования на срок от 1 до 24 месяцев. В-третьих, кандидат на обучение может ознакомиться с перечнем соответствующих учреждений образования в одной из стран, определив учреждение образования, в котором ему целесообразно продолжить обучение.

Ежегодной традицией стало проведение так называемых «ярмарок образования» с целью получения всего необходимой информации о возможностях обучения в белорусских высших и средних учреждениях образования. К числу их активных участников относятся не только потенциальные абитуриенты – учащиеся старших классов средних общеобразовательных школ, выпускники прошлых лет, а также их родители, но и профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений. Данное мероприятие было организовано по инициативе посольства Беларуси при содействии Министерства образования Туркменистана. В рамках таких смотров образовательных услуг специалисты вузов решают важные задачи, связанные с перспективным развитием и укреплением взаимовыгодного партнерства [3].

Значительную роль в адаптации иностранных студентов и их успешной интеграции в образовательную среду играют студенческие землячества. Так, в положении о Туркменском землячестве Мозырского государственного

педагогического университета имени И.П. Шемакина определяются следующие направления деятельности: оказание информационной и морально-психологической поддержки туркменским студентам, координация и организация деятельности землячества; помощь туркменским студентам в изучении языка, культуры, обычаев Беларуси; развитие сотрудничества между туркменскими и белорусскими студентами. Проводятся важные культурно-просветительские мероприятия, которые способствуют предотвращению ксенофобии со стороны местного населения (презентация культуры, обычаев, истории Туркменистана как в рамках МГПУ, так и за его пределами) [4].

Однако в последнее время белорусско-туркменское сотрудничество в сфере образования столкнулось с определенными трудностями. Так, весной 2019 г. президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым был принят указ, устанавливающий новый порядок признания зарубежных дипломов. В результате Министерство образования страны распространило список зарубежных вузов, дипломы которых будут признаны, а также перечень определенных специальностей, которые не будут признаны туркменским руководством.

Согласно официальным документам, туркменские власти с 2019/2020 учебного года разрешат учиться своим студентам только в одном белорусском вузе – в БГУ, в котором проходят обучение лишь 18-я часть от всех туркменских студентов на территории Беларуси. Если какие-то дополнительные документы не будут приняты и утверждены, то данная категория студентов утратит возможность обучаться в стенах 41 государственного белорусского вуза и 9 частных [5].

Принятые туркменским руководством меры могут привести к серьезным финансовым потерям для бюджета Беларуси, который в последние годы ориентирован на экспорт образовательных услуг. Согласно данным, обучение одного иностранного студента в Беларуси в среднем стоит 3 тыс. \$ в год. Получается, если останутся только студенты БГУ (422), а остальные 7327 не смогут учиться, то белорусские университеты ежегодно начнут терять по 22 млн. \$.

Так, перечень одобренных туркменскими властями вузов состоит из одного белорусского университета, из одного грузинского, двух в Казахстане и десятков российских, индийских и китайских. Впредь только студентам этих вузов можно будет посылать деньги из Туркменистана. Более того, ежегодно список одобренных вузов в зависимости от их положения в том или ином мировом рейтинге будет пересматриваться. Кроме того, в положении о порядке признания дипломов иностранных вузов Туркменистана отмечалось, что исключения составляют иностранные учреждения высшего образования,

входящие в топ-1000 лучших университетов мира. Однако существует множество международных рейтингов лучших вузов. Поэтому, каким из них будет руководствоваться Туркменистан, в положении не сказано, однако БГУ включен в большинство мировых образовательных рейтингов.

Таким, образом, обучение туркменских студентов является одним из стратегических направлений в осуществлении экспорта образовательных услуг, так как они представляют самую многочисленную группу среди иностранных студентов, обучающихся в Республике Беларусь. Этот вид деятельности приносит ощутимую финансовую выгоду белорусским вузам. Однако буквально недавно в белорусско-туркменском сотрудничестве в сфере образования возникли определенные противоречия, которые ставят под угрозу перспективность отношений двух государств.

Список литературы

1. Вузы Беларуси и Туркменистана будут укреплять взаимодействие в научно-технической сфере [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/vuzy-belarusi-i-turkmenistana-budut-ukrepljat-vzaimodejstvie-v-nauchno-tehnicheskoy-sfere-240166-2017> (Дата обращения: 22.09.19).

2. Образование в Республике Беларусь, 2017: стат. сб. / Минстат Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Петрашевич, Е. Какие иностранцы учатся в белорусских вузах /Е. Петрашевич // Экономическая газета. – 2018. – № 84 (2188). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/kakie-inostrancy-uchatsya-v-belorusskih-vuzah> (Дата обращения: 11.11.2018).

4. Положение о Туркменском землячестве. [Электронный ресурс] / Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина, 2013. – Режим доступа: <http://mspu.by/files/zemlyachestvo/polozhenie.pdf>. (Дата обращения: 21.01.2014).

5. Туркменские студенты в Беларуси смогут учиться только в БГУ? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://naviny.by/article/20190424/1556106393-turkmenskie-studenty-v-belarusi-smogut-uchitsya-tolko-v-bgu?amp> (Дата обращения: 22.09.19).

STATE AND PROSPECTS OF BELARUSIAN-TURKMEN COOPERATION IN HIGHER EDUCATION

The article submitted by the author considers one of the promising areas of cooperation in the field of export of educational services – Belarusian-Turkmen cooperation in the field of higher education. Modern statistical data on the number of Turkmen students in Belarusian universities are given. A set of measures taken by the Belarusian and Turkmen Governments to promote cooperation in higher education was highlighted. There are some contradictions between the two States that impede effective cooperation in this regard.

Keywords: higher education, foreign students, university cooperation.

УДК 378.046:37

Т.В. Пермякова

МАГИСТРАТУРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ БАКАЛАВРИАТА

На основе результатов эмпирического исследования рассмотрены некоторые аспекты, характеризующие представления выпускников бакалавриата о магистратуре: самооценки уровня понимания магистратуры, степень распространенности магистерского образования среди ближайшего окружения, уровень информированности о магистратуре и источники информации. Преобладание средних показателей по названным аспектам свидетельствует о слабой преемственности двух ступеней высшего образования.

Ключевые слова: бакалавриат, магистратура, Болонский процесс

Одной из ведущих тенденций, характеризующих и определяющих современное состояние мирового сообщества, является глобализация. Глобализационные процессы затрагивают все сферы жизни общества, не является исключением и сфера образования. Необходимость включения России в мировое образовательное пространство потребовала существенных изменений структуры и содержания российской системы образования, прежде всего ее высшей ступени. Наиболее существенным стало введение многоуровневой системы высшего образования. Цель этого нововведения – расширение возможностей вузов в удовлетворении многообразных культурно-образовательных запросов личности, обеспечение получения студентами фундаментального образования в определенной области знаний, в том числе для научно-исследовательской и педагогической деятельности [1, с. 109].

Несмотря на то, что двухуровневая система существует в России уже на протяжении ряда лет, обоснованность и необходимость ее введения до сих пор

остаётся спорным вопросом и вызывает дискуссии, а «отношение российской вузовской общественности к Болонскому процессу было и пока остаётся шатким и настороженным» [5, с. 197].

В результате во многом стихийного процесса представления о бакалавриате так или иначе сложились, приобрели относительно определенные очертания, хотя и остаются во многом вариантом «усеченного специалитета». Что касается магистратуры, то здесь ситуация менее определенная. Каждый вуз действует, скорее, методом проб и ошибок, сообразно собственным интересам и потребностям. Таким же образом действуют и потенциальные и актуальные магистранты, что определяет возникновение ряда проблем, как организационных, так и содержательных: достаточно высокий отсев из магистратуры, низкий уровень посещаемости аудиторных занятий, существенный перекоп в сторону заочной формы обучения, незначительное число и невысокое качество научных публикаций магистрантов и др.

Для совершенствования деятельности магистратуры необходимо знание потребностей в ней и ее потенциала. Одной из наиболее перспективных потенциальных групп магистратуры являются выпускники бакалавриата, что должно обеспечить преемственность двух степеней высшего образования.

С целью определения готовности выпускников Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ) пополнить ряды его магистратуры в феврале-марте 2019 г. был проведен опрос студентов выпускных курсов очной формы обучения, обучающихся по программам бакалавриата. Всего было опрошено 529 чел., что составляет 75% от списочного состава выпускников.

Поскольку двухуровневая система высшего образования не так давно принята в нашей стране, представления о ней, ее месте и роли у разных категорий населения различны и далеко не всегда четкие и определенные. В этой связи представляется важным выявить представления о магистратуре выпускников-бакалавров. Каковы их самооценки относительно понимания магистратуры как уровня высшего образования?

По результатам опроса, имеют четкое и ясное представление о магистратуре 28,2% опрошенных, частичное представление характерно для 57,2%, очень смутное – для 11,9%, остальные (2,7%) совершенно не представляют, что такое магистратура или затруднились ответить. Таким образом, большинство опрошенных выпускников-бакалавров не имеют полного и определенного представления об этом уровне высшего образования. Такая неосведомленность во многом объясняется отсутствием планов продолжения образования в магистратуре, следовательно, отсутствием интереса к ней, поиску

информации и т.д. По результатам опроса, лишь 22,9% выпускников бакалавриата планируют продолжение образования в магистратуре.

Индикатором, позволяющим определить место магистратуры в современном российском обществе и косвенным фактором, влияющим на представление о магистратуре и ее необходимости, является степень распространенности этого уровня высшего образования в окружающей социальной среде выпускников-бакалавров – среди друзей, родственников, знакомых. Как свидетельствуют результаты опроса, обучение в магистратуре пока не получило широкого распространения, но и не является новшеством: 44,2% респондентов указывают на среднюю степень распространенности обучения в магистратуре, немногим меньше (38,8%) считают, что магистерское образование совсем не распространено и лишь 7,8% указали на его широкое распространение.

Среди причин, по которым магистерское образование в качестве уровня высшего образования пока не получило массового распространения, можно назвать недостаточное понимание всеми субъектами образовательного процесса, а также работодателями сущности магистратуры, ее функций и особенностей, неопределенность «в правовом статусе и карьерной перспективе выпускника магистратуры» [4, с. 14] и др.

Одним из факторов, определяющих отношение к какому-либо явлению или процессу, является уровень информированности о них и источники получения информации. Знание этих моментов является важным резервом для увеличения численности поступающих и обучающихся в магистратуре. Как свидетельствуют результаты исследования, 36,7% выпускников-бакалавров оценивают степень своей информированности о магистерских образовательных программах РГППУ как среднюю, чуть больше (39,3%) считают, что информированы плохо, лишь пятая часть респондентов (19,3%) полагают, что информированы хорошо.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о невысоком, в целом, уровне информированности студентов о магистратуре и магистерских программах. Можно предположить, что наиболее информированы те выпускники, которые имеют определенные намерения продолжить образование в магистратуре (доли планирующих поступление в магистратуру и хорошо информированных о ее программах почти совпадают – 22,9% и 19,3%), хотя очевидно, что связь здесь двусторонняя: ориентация на поступление в магистратуру может стимулировать поиск информации и способствовать повышению уровня информированности. Но даже случайно воспринятая информация способна породить интерес к ее предмету, следовательно, чем выше уровень информированности, тем более высока вероятность появления планов

продолжить образование в магистратуре. На полученные результаты можно посмотреть и более широко: степень распространенности магистерского образования в определенной степени коррелирует с уровнем информированности – и то, и другое характеризуется средними показателями, что позволяет считать их взаимозависимыми.

Невысокую степень информированности о магистратуре, ее месте и роли в структуре высшего образования многие авторы рассматривают как одну из проблем преемственности бакалавриата и магистратуры, отмеченную в различных исследованиях [2, с. 35; 3, с. 89].

В этой связи крайне важным становится вопрос об источниках информации о магистратуре. Можно с определенной долей уверенности сказать, что полученные по этому вопросу данные не являются эксклюзивными для конкретного университета (РГППУ), но характерны и для других вузов.

На основе результатов проведенного исследования можно говорить о 2-х ключевых источниках информации – преподавателях, рассказывающих о необходимости, возможностях и преимуществах магистерского образования (29,9%) и сайт университета (27,0%). Значимость такого традиционного для распространения любой информации источника как «сарафанное радио» в данном случае невелика (15,1%), но, скорее всего, будет расти вместе с распространением магистерского образования. Другие источники информации (реклама, приёмная комиссия и др.) «работают» на магистратуру пока слабо, что заставляет задуматься и искать новые средства и способы информирования бакалавров.

Распространение магистерского образования и привлечение потенциальных абитуриентов (бакалавров) напрямую связано с комплексным решением вопросов обеспечения преемственности между бакалавриатом и магистратурой как двумя уровнями высшего образования, которые, по мнению ряда авторов, пока не нашли отражения в современных научных исследованиях [2, с. 33], при том, что обеспечение такой преемственности выступает насущной не только теоретической, но и практической задачей.

Список литературы

1. Берсенёва, Л.А. Магистратура филологического факультета ВоГУ – обучение через науку / Л.А. Берсенёва // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки. 2016. № 2. С. 109-110.

2. Донина, И.А. Проблемно-диагностический анализ отношения выпускников бакалавриата к обучению в магистратуре / И.А. Донина,

А.В. Казаренко, Б.Г. Шерайзин // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2016. № 2 (93). С. 32-36.

3. Каташинских, В.С. Противоречия образовательных ориентаций студентов на обучение в магистратуре в современных условиях / В.С. Каташинских, А.В. Кульминская // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 82-90.

4. Мирошниченко, А.А. Педагогическая магистратура: приоритет – практическая направленность / А.А. Мирошниченко // XXVII Ершовские чтения: сборник научных статей. Ишим: ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2017. С. 14-16.

5. Титова, К.В. Российская магистратура в рамках Болонского процесса / К.В. Титова, С.В. Хашаева // Научный альманах. 2017. № 4-2 (30). С. 196-200.

T.V. Permyakova

MASTER'S DEGREE IN THE VIEWS OF UNDERGRADUATE GRADUATES

Based on the results of an empirical study, several aspects are considered that characterize the representations of bachelors about magistracy: self-assessment of the level of understanding of the magistracy, the prevalence of master's education among the immediate environment, awareness of the magistracy and sources of information. The prevalence of average indicators in these aspects indicates a weak continuity of the two levels of higher education.

Key words: bachelor's degree, master's degree, Bologna process

УДК 371.398

О.Ю. Рыбичева

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ДИСТАНЦИОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается проблема удовлетворенность обучающихся дистанционным обучением. В работе описан опыт организации дистанционного обучения в Интернет-школе НОЦ ВолНЦ РАН, представлены результаты онлайн-опроса ее учеников, раскрывающие удовлетворенность их процессом обучения. В ходе проведенного анализа установлено, что большинство обучающихся удовлетворены обучением в Интернет-школе. Вместе с этим выявлены и проблемные моменты, решение которых позволит повысить удовлетворенность обучением и, как результат, эффективность организации образовательного процесса.

Ключевые слова: дистанционное обучение, удовлетворенность, образовательный процесс

В педагогической теории и практике существуют различные подходы к изучению эффективности организации образовательного процесса, к определению критериев и показателей ее результативности. Однако, как утверждают многие исследователи, в качестве мерила эффективности любой деятельности человека можно выделить два универсальных критерия. Это: продуктивность деятельности и удовлетворенность деятельностью ее участников [3]. Как отмечают Е.Н. Степанов и А.А. Андреев, в науке и в практике большое внимание уделено разработке диагностик продуктивности и, крайне мало – созданию методик, позволяющих определить удовлетворенность участников образовательного процесса. В то же время учеными подтверждается важность выявления степени удовлетворенности субъектов образовательным процессом. Причем, среди всех субъектов образовательного процесса главным субъектом, а также получателем образовательных услуг, выступает обучающийся, поэтому выявление удовлетворенности его обучением представляет особый интерес.

В целом, под удовлетворенностью обучением Е.Н. Васильева, Н.А. Фугело и другие понимают эмоционально-оценочное отношение учащихся к обучению и условиям, в которых оно происходит [1]. Оно складывается из мотивации, движущей обучающихся к достижению поставленных целей, и субъективных переживаний, связанных с процессом и результатом достижения цели [2, 3]. Положительное отношение к обучению и созданным условиям проявляется в удовлетворенности обучением, отрицательное – в неудовлетворенности.

При этом на удовлетворенность обучением оказывают влияние различные факторы: субъективные/внутренние (моральные выгоды, удовольствие от учебы, реализация мечты, отношения в группе и др.) и объективные/внешние (материальные выгоды, средства обучения, квалификация преподавателей, организация обучения и др.) [1]. Они могут влиять на удовлетворенность обучением позитивно (способствовать повышению), или негативно (понижать удовлетворенность) [1].

Сама удовлетворенность обучением выступает одним из факторов, влияющих на принятие решения о продолжении обучения. Удовлетворенность усиливает мотив, способствует формированию долгосрочной установки на продолжение деятельности [2].

Удовлетворенность исследуется преимущественно с использованием анкетного опроса, который позволяет определить уровень удовлетворенности различными сторонами обучения, а при наличии единой системы индикаторов и регулярном проведении мониторинговых исследований, отслеживать данное явление в динамике. Как правило, такие опросы в системе дистанционного

образования являются индивидуальными, отражающими специфику деятельности организации.

Так, нами для выявления удовлетворенности школьников обучением в Интернет-школе НОЦ ВолНЦ РАН (далее – Интернет-школа) также проводился опрос с учетом специфики образовательного процесса. Следует отметить, что Интернет-школа существует в ВолНЦ РАН с 2010 года. В ней ежегодно проходят подготовку по экономике до 200 обучающихся. Онлайн-опрос ее учеников с целью выявления удовлетворенности школьников обучением был проведен в марте – мае 2018 года. В нем приняли участие 90 школьников 8 – 11 классов.

Школьникам предлагалось ответить на 17 вопросов открытого и закрытого типа. Они были ориентированы на выявление целей обучения школьников; возможности их реализации; факторов, влияющих на эффективность подготовки; достоинств и недостатков дистанционного обучения в Интернет-школе; степени удовлетворенности школьников обучением.

Так, по результатам опроса для большинства обучающихся основными целями обучения в Интернет-школе является углубление знаний в области экономики (76,7%) и расширение кругозора (66,7%). Значительная доля обучающихся (38,9%) руководствовалась возможностью получения бесплатного образования. Треть школьников была нацелена на подготовку к поступлению на экономические факультеты вузов. В меньшей степени (10%) при выборе обучения в Интернет-школе опрошенные стремились к расширению круга своего общения. При этом большая часть опрошенных школьников отметила возможность реализации всех перечисленных целей.

К основным факторам, оказывающим значительное влияние на успешность подготовки в Интернет-школе, опрошенные отнесли заинтересованность в получении экономического образования (82,2%) и готовность к самостоятельному обучению (68,9%). Более половины школьников (55,6%) среди таких факторов отметили качество материалов сайта. Немаловажное значение для обучающихся играют успешность взаимодействия с организаторами и кураторами дистанционного обучения (32,2%), а также уровень технической оснащенности (21,1%). Вместе с этим влияние перечисленных факторов на обучение в Интернет-школе школьники в среднем оценили от 8,9 до 7,5 баллов по десятибалльной шкале. Это свидетельствует о значительном воздействии на результативность обучения как внутренних мотивов, так и внешних стимулов. Так, при высокой заинтересованности в получении экономического образования и готовности к самостоятельному обучению школьники нуждаются в качественных учебных материалах, совместной успешной деятельности с педагогами, современном оборудовании, своевременной и эффективной помощи.

Анализируя качество учебных материалов, используемых в Интернет-школе, отметим, что школьники к ресурсам, способствующим формированию у них знаний и умений в области экономики, отнесли все виды образовательных ресурсов сайта. При этом школьники рекомендовали пополнить сайт видеолекциями, ссылками на учебные фильмы, заданиями повышенного уровня и ответами к ним, заданиями творческого характера.

Характеризуя эффективность реализуемых форм работы, отметим, что к наиболее запомнившимся мероприятиям за время обучения в Интернет-школе опрошенные отнесли конкурсы, олимпиады и конференции (51,1%). Треть школьников также отметила занятия, проводимые куратором. Такой же доле обучающихся запомнились встречи, онлайн-консультации и игры, проводимые методистом Интернет-школы. В целом, это свидетельствует о важности для обучающихся как организуемых конкурсов и олимпиад, так и мероприятий, предполагающих личное общение с педагогами и школьниками.

Оценивая возможности обучения в Интернет-школе, опрошенные отметили формирование у них знаний в области экономики (80%), навыков самоорганизации (57,8%), навыков планирования и проведения научно-исследовательской работы (32,2%). Важно и то, что части обучающихся дистанционное обучение помогло определиться с выбором профессии (11,1%) и найти новых друзей и знакомых (3,3%).

В итоге, 78,9% от числа всех опрошенных «удовлетворены» и «скорее удовлетворены, чем нет» обучением в Интернет-школе. 10% опрошенных «не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены». 11,1% обучающихся затруднились ответить на данный вопрос.

В целом, результаты опроса свидетельствуют об удовлетворенности школьников обучением в Интернет-школе. Так, большинство обучающихся заинтересованы в дистанционной подготовке по экономике, что проявляется в выборе ими развивающих и профессионально-ориентированных целей обучения, положительной оценке учебных материалов и реализуемых форм работы. Выявленные проблемные моменты, связанные с необходимостью совершенствования материалов сайта, выбором более привлекательных для обучающихся форм взаимодействия, а также эффективных мер поддержки, позволили определить направления совершенствования образовательного процесса, представленные в таблице.

**Направления совершенствования образовательного процесса
в Интернет-школе НОЦ ВолНЦ РАН**

№ п/п	Направление	Мероприятия
1	Повышение качества образования	Обновление содержания учебных материалов
		Включение в структуру учебных курсов видеолекций
		Пополнение сайта ссылками на учебные фильмы, творческими и олимпиадными заданиями
2	Совершенствование форм работы с обучающимися	Проведение большего количества онлайн-консультаций
		Организация виртуальных экскурсий
		Проведение тематических недель и факультативов
3	Организация психолого-педагогической помощи и поддержки	Проведение диагностики индивидуальных и личностных качеств у обучающихся
		Организация индивидуального консультирования

Мы полагаем, что реализация их позволит повысить удовлетворенность школьников дистанционным обучением, и как результат, эффективность деятельности Интернет-школы в будущем.

Список литературы

1. Васильева Е.Н., Фугело Н.А. Удовлетворенность обучением – активная проблема образования [Текст] / Е.Н. Васильева, Н.А. Фугело // Научный взгляд. 2017. – № 6(38). – С. 49-79.

2. Елисеева Е.Н. Факторы удовлетворенности потребителей образовательных услуг качеством обучения в вузе. Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2 (331). Управление. Вып. 9. С. 38-40.

3. Степанов Е.Н., Андреев А.А. Удовлетворенность участников образовательного процесса как критерий эффективности работы учебного заведения. [Электронный ресурс] URL: https://portal.iv-edu.ru/dep/mouoshuya/shuya_school1/commondocs/2014-2015.pdf (дата обращения 20.11.19).

SATISFACTION WITH REMOTE LEARNING AS A CRITERION OF EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

The article considers the problem of students' satisfaction with distance learning. The paper describes the experience of organizing distance learning in the Internet school of the REC of the Volunteer Science Center of the Russian Academy of Sciences, presents the results of an online survey of her students, revealing their satisfaction with the learning process. In the course of the analysis, it was found that most students are satisfied with studying at the Internet school. Along with this, problematic issues were identified, the solution of which will increase satisfaction with training and, as a result, the effectiveness of the organization of the educational process.

Keywords: distance learning, satisfaction, educational process.

УДК 316.44

А.Д. Сущенко, Т.Е. Печенкина

ФИНАНСОВЫЕ СТРАТЕГИИ АСПИРАНТОВ И ИХ ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ*

В статье рассматриваются профессиональные траектории выпускников вуза, продолживших обучение в аспирантуре, и их особенности трудоустройства, в сравнении с выпускниками бакалавриата, магистратуры через полгода после окончания вуза. Эмпирической базой послужило исследование профессиональных траекторий выпускников Уральского федерального университета 2017-2018 гг. Выборка составила 2540 опрошенных, включая 181 аспиранта первого года обучения. Результаты исследования показали, что (1) аспиранты выбирают более низкооплачиваемые варианты трудоустройства и оказываются чаще финансово неуспешными. Среди них финансово неуспешных больше на 25%, чем в группе выпускников бакалавриата, магистратуры. (2) 70% имели работу во время обучения в вузе и 84% трудоустроены. (3) 80% безработных аспирантов ищут работу.

Ключевые слова: трудоустройство, региональный рынок труда, выпускники вузов, финансовые траектории, профессиональные траектории

Российская аспирантура в современных условиях рынка образовательных услуг развивается в период качественно новых требований к содержанию научных траекторий аспирантов, которые, с одной стороны, направлены по повышению их вовлеченности в образовательный процесс, с другой стороны, нацелены на повышение научной активности обучающихся и их включенности в международное академическое сообщество (например, посредством

публикаций в международных изданиях). В то же время минимальный уровень выплат стипендиального вознаграждения для аспирантов составляет 2637 рублей. Для того чтобы получать существенные выплаты от 11 до 14 тысяч рублей, аспирант должен не только учиться на отлично, но и активно участвовать в общественной и спортивной жизни своего учебного заведения [1]. Не решен вопрос финансовой поддержки аспирантов, что формирует у них потребность поиска дополнительных источников заработка за счет совмещения работы и учебы.

Возникает вопрос: каковы финансовые стратегии аспирантов и характеристики их трудовой занятости. Изучение реализации аспирантами одновременно профессиональных и научных траекторий привлекает интерес как зарубежных [2], так и российских исследователей в области высшего образования [3, 4, 5], при этом акцент делается на связи между занятостью и результатами обучения в аспирантуре. Однако наше исследование позволяет выявить, каковы условия на входе – в первый год обучения в аспирантуре.

Согласно теории человеческого капитала, аспиранты, как и любые другие группы обучающихся в ходе образовательного процесса в вузе, инвестируют в свое развитие временные, финансовые, личные ресурсы. В то же время их вложения сложно измеримы и могут иметь отложенный долгосрочный эффект.

В основе проведенного нами институционального исследования – данные об образовательных и профессиональных траекториях выпускников 2017-2018 гг. бакалавриата и магистратуры (выборка составила 2540 опрошенных), такой охват включает и тех, кто продолжил обучение в аспирантуре (181 респондент). Методология опроса предусматривала сбор данных по индивидуальным ссылкам с контролем отклика по направлениям (не менее 20% от 80% направлений), что обеспечивает их качество.

Получены следующие результаты исследования. Во-первых, стоит оценить, каковы финансовые траектории выпускников с учетом уровня их стартовых заработных плат. Для этого выборочная совокупность разделена на группы с учетом прожиточного минимума (использованы данные опроса 2017 года, результаты 2018 года еще обрабатываются).

**Финансовые траектории выпускников вуза через 6 месяцев
после его окончания**

Группы опрошенных с учетом стартовой заработной платы	Выпускники бакалавриата, магистратуры	Аспиранты (окончившие магистратуру)
финансово успешные (более 4 прожиточных минимумов)	14%	13%
3-4 прожиточных минимумов	13%	16%
2-3 прожиточных минимума	28%	11%
финансово неуспешные (менее 2 прожиточных минимумов)	12%	36%
безработные	19%	20%
уехавшие в другой регион	14%	4%

Представленные данные показывают, что финансово неуспешных аспирантов (безработных и получающих заработную плату менее 2 прожиточных минимумов) больше на 25%, чем группа выпускников бакалавриата, магистратуры. Очевидно, они осознанно выбирают более низкооплачиваемые варианты трудоустройства, чтобы минимизировать риски неуспешности научной траектории и отсева из аспирантуры. Информация о заработной плате наиболее полно отражает ситуацию, когда по всей видимости работа для аспиранта выступает возможностью компенсировать минимальные потребности, возникающие в жизни.

Прочие характеристики профессиональных траекторий аспирантов, поступивших в 2017-2018 гг., подтверждают сделанный нами вывод. Так аспиранты чаще, чем в среднем выпускники вуза, имели опыт вторичной занятости в рамках получения высшего образования (70% и 55% соответственно). Это обусловлено тем, что сказываются различия в том, что у выпускников магистратуры в целом больше возможностей совмещать работу и обучение в вузе, а средние по выпускникам бакалавриата ниже.

При этом средние показатели трудоустройства аспирантов не отличаются от показателей по выборке (84%). Несмотря на освоение научной траектории, аспиранты вынуждены работать наравне с теми, кто уже вышел на рынок труда, что либо требует высокой степени самоорганизации, дополнительных личных и временных усилий личности, либо снижает вероятность окончания аспирантуры как таковой. Компенсирует дефицит времени только тот факт, что 52% из них работают в научных или образовательных организациях, и те из них, кто

работает в лабораториях, научных центрах, имеют большие шансы на включенность в научную деятельность не только в сверхурочное, но и в рабочее время.

С точки зрения специфики занятости аспиранты выбирают работу на неполный рабочий день чаще, чем другие выпускники (25% и 7% соответственно). У 80% среди нетрудоустроенных аспирантов существует потребность поиска какой-либо работы, что также указывает на их финансовую нестабильность. И наконец, аспиранты реже на 2% имеют подчиненных на текущей работе, чем другие, в силу того, что основное время им приходится тратить на инвестирование в свой человеческий потенциал, сужая тем самым возможности реализации карьерных траекторий в период обучения в аспирантуре.

Результаты более углубленного изучения проблем реализации аспирантами профессиональных траекторий способствуют расширению представлений о тех факторах, которые определяют их успешность обучения на старте научной траектории, а также могут быть рассмотрены в качестве стимулирующего материала к дискуссии о дальнейшем развитии российской аспирантуры.

Список литературы

1. Размер стипендии для студентов в России в 2019 году. RUSпособия. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusposobie.ru/stipendii/razmer-stipendii-dlya-studentov-v-rossii.html> (Дата обращения: 16.08.2015).
2. Horta, H., Cattaneo, M., Meoli, M. PhD funding as a determinant of PhD and career research performance / H. Horta, M. Cattaneo, M. Meoli // *Studies in Higher Education*. 2018. №43. Pp. 542-570. doi:10.1080/03075079.2016.1185406.
3. Bekova, S. Does employment during doctoral training reduce the PhD completion rate? / S. Bekova // *Studies in Higher Education*. October 2019. Pp. 1-13. doi:10.1080/03075079.2019.1672648
4. Груздев, И.А., Терентьев, Е.А. Данные против мифов: результаты социологического исследования аспирантов ведущих вузов / И.А. Груздев, Е.А. Терентьев // *Высшее образование в России*. 2017. №7. С. 89-97.
5. Портрет современного российского аспиранта / С.К. Бекова, И.А. Груздев, З.И. Джафарова, Н.Г. Малошонок, Е.А. Терентьев. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 60 с.

EMPLOYMENT AND FINANCIAL STRATEGIES OF UNIVERSITY GRADUATES

The article discusses the professional trajectories of university graduates who are studying in postgraduate programs, and their employment features in comparison with university graduates of bachelor and master degree programmes six months after graduation. The source of empirical data is institutional research about professional trajectories of Ural Federal University graduates 2017-2018. The sample amounted to 2540 respondents, including 181 postgraduate students of the first year of study. The results of the study showed that (1) postgraduate students choose lower-paid employment options and are more often financially unsuccessful. 25% among them are more financially unsuccessful than in the group of university graduates of bachelor and master degree programmes. (2) 70% university graduates had a job while studying at the university and 81% – have a job now. (3) 80% of the unemployed university graduates want to find job while studying in postgraduate program.

Keywords: employment, regional labour market, university graduates, financial trajectories, professional trajectories.

УДК 316.454.7

Д.И. Чичкин

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

В данной статье рассматриваются формы работы высшего учебного заведения, способствующие формированию навыков управления проектами у студентов. Приводятся примеры приобретаемых студентами компетенций в процессе проектной деятельности. Описываются данные исследования, организованного Нижегородским государственным педагогическим университетом. В статье выявляется система, состоящая из этапов, ссылаясь на которую можно грамотно создать проект.

Ключевые слова: студент, проектная деятельность, компетентность

«Традиционно под управлением проектами понимается область менеджмента, охватывающая те сферы производственной деятельности компании, в которых создания продукта или услуги реализуется как уникальный комплекс взаимосвязанных целенаправленных мероприятий при определенных требованиях (ограничениях), касающихся срока, бюджета и характеристик ожидаемого результата» [3, с. 7-8]. Участие в проектной деятельности для студента вуза – это возможность заявить о себе, рассказать о своей идее,

приобрести полезные знакомства, получить новый опыт и знания, подготовиться к работе в организации.

Цель статьи: рассмотреть формы работ высшего учебного заведения, с помощью которых у студентов формируются навыки управления проектами; выявить приобретаемые компетенции студентами вуза в процессе проектной деятельности.

Студенты по выпуску из учебного заведения, имея за спиной большой багаж знаний, сталкиваются с серьезной проблемой – недостаток практических профессиональных компетенций. Обучающаяся молодежь нуждается в площадках способных зародить интерес, проявить самостоятельность, раскрыть потенциал, повысить профессиональную компетентность, и в то же время имеющих научную направленность. Формой работы, подходящей под все перечисленные критерии, является проектная деятельность.

Сегодня в образовательном мире создаются различные платформы для вовлечения студенческой молодежи к участию в проектной деятельности. Профессиональные конкурсы, научные форумы и другие мероприятия привлекают будущих исследователей насыщенной программой, именитыми лекторами, и что самое главное, возможностью поделиться своей уникальной идеей. За основу профессионального конкурса возьмем Открытый Всероссийский конкурс студенческих работ в области связей с общественностью и медийных технологий «Хрустальный Апельсин». Конкурс на протяжении девятнадцати лет объединяет тысячи студентов из разных городов России, по мнению специалистов, он занимает первое место среди конкурсов страны в области связей с общественностью. «Цель конкурса: выявлять талантливых студентов, способствовать их успешному карьерному старту, профессиональному росту и тем самым, участвовать в формировании будущей интеллектуальной элиты страны» [1]. На базе конкурса ежегодно проводится студенческий форум «Мы создаем будущее».

Кафедра «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета воспитывает в своих студентах умение грамотно создавать и реализовывать проекты. Студенты кафедры ежегодно принимают участие в профессиональных конкурсах и научных форумах, показывая хорошие результаты. Одним из таких результатов является проект под названием «PR&общение: на пути к профессии». Данная студенческая работа была направлена на сближение двух сообществ PR-специалистов – профессионального и образовательного, студентов и выпускников, которые уже работают в сфере рекламы и связей с общественностью.

Также среди площадок, работающих для привлечения студенческой молодежи к участию в проектной деятельности необходимо выделить молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга». Молодых исследователей ежегодно ждут лекции от известных специалистов в той или иной сфере, знакомство с культурой других народов, возможность встретиться с интересными людьми, шанс получить финансовую поддержку своего проекта. «С 2013 года было поддержано более 300 проектов участников форума «iВолга», общий фонд грантовой поддержки за 6 лет составил свыше 56 миллионов рублей. Ежегодно на поляне форума собираются 2000 активных, творческих, ярких молодых людей, готовых учиться, получать новые компетенции и развиваться» [5].

Турчен Д.Н. в своем научном труде «Проектная деятельность как один из методических приемов формирования универсальных учебных действий» анализирует использования проектов в образовании. Рассуждения Дмитрия Николаевича также актуальны и для нашей темы: «в настоящее время учитель должен не только передать существующие знания, но, что более важно в новой образовательной парадигме, обучить способам организации познавательной деятельности, самостоятельному планированию учебного времени учащимися, формированию умений переносить полученные знания в реальные жизненные ситуации» [2].

Проект – это система, состоящая из четырех основных этапов: аналитика, планирование, реализация и оценка эффективности. Проработав каждый этап можно добиться поставленного вначале работы результата. Участвуя в проектной деятельности, студент учится оценивать слабые и сильные стороны, риски, составлять план, координировать все процессы, тем самым приближаясь к самому главному этапу – реализации проекта. По завершению работы учится грамотно составлять рекомендации и прогноз для своей будущей деятельности. «Но в реальной жизни редко удается следовать плану или реалистично запланировать уникальную деятельность. Поэтому управление проектами предполагает постоянный контроль исполнения проекта, выявление отклонений фактического хода выполнения от запланированного, принятия корректирующих действий вплоть до согласованной корректировки параметров проекта – сроков, бюджета, даже целей» [3, с. 9]. Стрессоустойчивость, навык в сжатые сроки исправить проблему и подстроиться под ситуацию, также накладываются на компетентную составляющую студента, тесно связанного с проектной деятельностью.

Нижегородским государственным педагогическим университетом было проведено исследование. Участие приняли студентов 1-3 курсов НГПУ им. К. Минина. Исследование было посвящено оценки готовности обучающейся

молодежи к выполнению в процессе учебной деятельности двух категорий проектов: «Аналитика данных» и «Организационные изменения». Первая категория проектов связана с обработкой информации, включает в себя анализ данных, визуальное представление внутренней и внешней среды организации, создание рекомендаций. Вторая направлена на изменение внутренней среды компании. Была разработана анкета, по результатам которой планировалось выяснить готовность студентов к выполнению проектов в 2 категориях. Критериями анкеты выступили: исследовательская деятельность, аналитическая деятельность, исполнительская деятельность, коммуникативная деятельность, рефлексивная деятельность. При анализе ответов относительно первой категории проектов исследователи получили следующие данные: «По мнению студентов первого курса, наиболее затруднительной оказалась исследовательская деятельность 6,5% респондентов. Это связано, прежде всего, с большим количеством информации. Высокий процент по первому курсу связан с коммуникативной деятельностью (84%). Студенты отмечают, что во время обсуждения проектов им не приходилось сталкиваться с конфликтными ситуациями. Наиболее высокий процент рефлексивной деятельности отмечен у студентов третьего курса (46,5%)» [4].

Вторая категория проектов – «Организационные изменения», считается более сложной. «Студентам в этой категории необходимо предложить не только интеллектуальный продукт, но и систему мероприятий по его внедрению. Уровень коммуникативной деятельности очень высок на первом курсе (86%), но меньше на третьем курсе (75%). Такая динамика, по мнению авторов, связана с тем, что коммуникативная деятельность в данном виде проектов является ведущей и связующей. Как выявил дополнительный опрос, студенты видят положительный результат в проекте только в том случае, если команда была хорошо скоординирована и каждый понимал свою функцию в решении проблемы» [4]. Как показало исследование: студенты первого курса могут беспрепятственно осуществлять коммуникацию, обсуждать что-то внутри проектной команды, но знаний, навыков, опыта не хватает, чтобы приступить к следующему этапу работы. Студенты второго курса хорошо взаимодействуют друг с другом, и уже имеют некоторые знания в создании проектов. Третий курс показывает наилучший результат, но и при этом необходимо постоянное обновление данных. «Готовность студентов к проектной деятельности повышалась с каждым курсом с приобретением новых знаний, умений и навыков, опыта проектной деятельности» [4].

Итак, высшие учебные заведения, используя различные формы работы, стараются заинтересовать, побудить к участию студентов в проектной деятельности. Рассказать, завлечь младшие курсы в работу, а в дальнейшем

поддерживать интерес на протяжении всего обучения, работать на повышение компетентности будущих специалистов и тем самым подготовить их к будущей трудовой деятельности.

Список литературы

1. Премия «Хрустальный Апельсин». [Электронный ресурс]. URL: <http://crystalorangeaward.ru/> (Дата обращения: 31.10.19).
2. Турчен Д.Н. Проектная деятельность как один из методических приемов формирования универсальных учебных действий. [Электронный ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/165PVN613.pdf> (Дата обращения: 30.10.19).
3. Ципес Г.Л., Товб А.С. Менеджмент проектов в практике современной компании / Г.Л. Ципес, А.С. Товб. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. 304 с.
4. Шкунова А. А., Плешанов К. А. Организация проектной деятельности студентов в вузе: результаты научного исследования и перспективы развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/699/628> (Дата обращения: 29.10.19).
5. iВолга 2.0. [Электронный ресурс]. URL: <https://ivolgaforum.ru/about/> (Дата обращения: 30.10.19).

D.I. Chichkin

FORMATION OF PROJECT MANAGEMENT SKILLS AS A FACTOR OF INCREASING PROFESSIONAL COMPETENCE OF UNIVERSITY STUDENTS

This article discusses the forms of work of higher education institutions that contribute to the formation of project management skills among students. Examples of competences acquired by students in the process of project activity are given. The data of the research organized by Nizhny Novgorod state pedagogical University are described. The article identifies a system consisting of stages, referring to which you can competently create a project.

Keywords: student, project, competence, higher educational

РАЗДЕЛ 6. ЗДОРОВЬЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

УДК 616.006.04:316.443 (470)

Ю.Г. Анников, И.Л. Кром, М.В. Еругина

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПАЦИЕНТА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ ТРАВМЫ

Черепно-мозговая травма – одна из ведущих причин смертности и инвалидизации населения. Изучение медико-социального портрета пациента с последствиями черепно-мозговой травмы, по мнению авторов, может инициировать оптимизацию междисциплинарной реабилитации данной категории больных. В Центре медико-социологических исследований г. Саратова с 2016 г. проводится исследование медико-социальных характеристик пациентов с последствиями черепно-мозговой травмы.

Ключевые слова: черепно-мозговая травма, отдалённые последствия.

Черепно-мозговая травма (ЧМТ) – одна из ведущих причин смертности и инвалидизации населения. По данным эпидемиологических исследований в России частота ЧМТ составляет примерно 4–6 случаев на 1 тыс. населения или 400–600 тыс. случаев в год. Около 10% пациентов с ЧМТ погибают и ещё столько же становятся инвалидами. Смертность вследствие ЧМТ достигает 0,2–0,4 на 1000 населения, инвалидизация – 30–35 на 100 тыс. населения [1].

Высокая распространенность и увеличение числа случаев ЧМТ, высокий процент осложнений, инвалидизации и смертности населения, неопределённый медико-социальный прогноз определяют актуальность изучения данной медико-социальной проблемы, наиболее значимыми в которой являются последствия ЧМТ, часто приобретающие хроническое течение, ухудшая качество жизни пациента, снижая трудоспособность [2, с. 12–17].

В многочисленных исследованиях представлены доказательства последствий ЧМТ после восстановительного периода. Снижение качества жизни, нарушения в эмоциональной и когнитивной сферах, а также ограничения в повседневной деятельности встречаются в поздние сроки после ЧМТ различной степени тяжести [3, с. 81–92].

Пациенты с перенесенной ЧМТ испытывают психологические и социальные проблемы, которые сохраняются в течение длительного времени, часто пожизненно [4, с. 111–124]. У данной группы пациентов сохраняются когнитивные нарушения, личностные изменения, которые оказывают сильное

влияние на социальные связи, образовательную, профессиональную сферы [5, С. 523–531].

ЧМТ приводит к снижению концентрации внимания, памяти, нарушениям исполнительных функций, вызывающих изменения личности, отношения в обществе и социального положения [6, с. 1623–1633].

Нарушения когнитивных, поведенческих функций, нарушения в эмоциональной сфере после ЧМТ влияют не только на реабилитационный результат, но и социальную реинтеграцию и восстановление трудоспособности. Как правило, изменения в психосоциальной сфере становятся очевидными при долгосрочных исследованиях после перенесенной ЧМТ [7, с. 479–488].

Больные с последствиями ЧМТ могут быть длительное время, а зачастую и пожизненно, социально не адаптированы, иметь серьезные неврологические и психологические дисфункции [8], сопровождающиеся когнитивными, эмоциональными и поведенческими расстройствами, которые не только нарушают «навыки социальной адаптации» [9, с. 4–10], но и снижают трудоспособность и качество жизни пациента [10, с. 1070-1075].

Полагаем, что изучение медико-социального портрета пациентов с последствиями ЧМТ позволит персонифицировать медико-социальную реабилитацию данной категории больных.

Цель исследования – изучение основных медико-социальных характеристик пациентов с последствиями ЧМТ.

Исследование было проведено в категориальном поле социологии медицины в соответствии с современными рекомендациями [11, с. 160]. В Центре медико-социологических исследований г. Саратова с 2016 г. проводится изучение медико-социальных характеристик пациентов с последствиями ЧМТ. В медико-социологическое исследование включены на основе случайной выборки 188 респондентов трудоспособного возраста с перенесённой ЧМТ. 26% респондентов перенесли ЧМТ легкой степени, 12% – средней степени тяжести, 62% респондентов перенесли ЧМТ тяжелой степени. 54% респондентов перенесли черепно-мозговую травму в течение от 1 года до 5 лет.

Для составления социального портрета пациентов с перенесенной ЧМТ использована анкета, разработанная академиком РАН А.В. Решетниковым. Полученные данные были обработаны общепринятыми методами математической статистики.

Большинство респондентов (81,9%) составили пациенты до 50 лет. Выявлена четкая гендерная диспропорция: количество мужчин, перенесших ЧМТ, в 14,7 раза превышало количество женщин (93,6 и 6,4% соответственно). 65,9% респондентов имели среднее специальное образование (таблица 1).

Трудовая занятость пациентов с перенесенной ЧМТ отражает общемировые тенденции [12, с. 160–174]. Из 79,8% респондентов, не имеющих группу инвалидности, не работают 42,4%; респонденты, имеющие группы инвалидности (10,6% – III группа и 9,6% – II группа) – не работают.

У большинства пациентов (69,4%) с последствиями ЧМТ «денег хватает на питание и самое необходимое». 40,8% пациентов с последствиями ЧМТ не могли выполнять рекомендации врача и принимать назначенные препараты из-за отсутствия финансовых средств.

Таблица

Распределение респондентов по полу, возрасту, уровню образования и наличию группы инвалидности

Показатель	Категория показателя	Количество	%
Пол	Мужской	176	93,6
	Женский	12	6,4
Возраст	19-29 лет	42	22,4
	30-39 лет	52	27,7
	40-49 лет	60	31,9
	50-59 лет	34	18,1
Образование	Неоконченное среднее	8	4,3
	Среднее	8	4,3
	Среднее специальное	124	65,9
	Незаконченное высшее	22	11,7
	Высшее	26	13,8
Группа инвалидности	Нет группы инвалидности	150	79,8
	III	20	10,6
	II	18	9,6

Полученные результаты позволили составить медико-социальный портрет пациента с последствиями ЧМТ. Это мужчина с перенесённой в период от 1 года до 5 лет ЧМТ тяжелой степени, в возрасте до 50 лет, со средним специальным образованием, не работает, «денег хватает на питание и самое необходимое». Выявленные в ходе исследования финансовые депривации респондентов

определили ограничение доступности лекарственной терапии для 40,8% респондентов.

Список литературы

1. Шкловский В.М. Нейрореабилитация больных с последствиями инсульта и черепно-мозговой травмы: методология, стратегия, концепция и организация помощи (XXI век 2000-2014 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <https://cprin.ru/wp-content/uploads/2018/02/Нейрореабилитация-больных-с-последствиями-инсульта-и-черепно-мозговой-травмы.pdf> (дата обращения: 31.10.2019).

2. Черненко И.И., Куфтерина Н.С., Мищенко В.Н., Волошин-Гапонов И.К. Сравнительная характеристика качества жизни лиц, перенесших боевую черепно-мозговую травму. Медицинские новости Грузии. 2018. № 275 (2). С. 12-17.

3. Morton M.V., Wehman P. Psychosocial and emotional sequelae of individuals with traumatic brain injury: a literature review and recommendations. Brain Injury. 1995. № 1. P. 81-92.

4. Bullinger M. and the TBI Consensus Group. Quality of life in patients with traumatic brain injury-basic issues, assessment and recommendations. Restorative Neurology and Neuroscience. 2002. № 20. P. 111-124.

5. Steel J., Youssef M., Pfeifer R. Health-Related Quality of Life in Patients With Multiple Injuries and Traumatic Brain Injury 10+ Years Postinjury. The Journal of Trauma. – 2010. № 69 (3). P. 523-31.

6. Hawthorne A. Traumatic Brain Injury and Long-Term Quality of Life: Findings from an Australian Study. Journal of neurotrauma. 2009. № 26. P. 1623-1633.

7. Tomberg T., Toomela A., Ennok M., Tikk A. Changes in coping strategies, social support, optimism and health-related quality of life following traumatic brain injury: A longitudinal study. Brain Injury. 2007. № 21 (5). P. 479-488.

8. Писчаскина Н.Ю. Особенности течения последствий легкой и среднетяжелой травмы у больных трудоспособного возраста (клинические и социальные аспекты). СПб.: 2006.

9. Штульман Д.Р., Левин О.С. Легкая черепно-мозговая травма. Неврологический журнал. 1999. № 1. С. 4-10.

10. Stranjalis G., Korfias S., Papapetrou C. Elevated serum S-100B protein as a predictor of failure to short-term return to work or activities after mild head injury. Journal of neurotrauma. 2004. № 21 (8). P. 1070-1075.

11. Решетников А.В., Ефименко С.А. Проведение медико-социологического мониторинга: учебно-методическое пособие. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 160 с.

12. Cuthbert J.P. et al. Unemployment in the United States After Traumatic Brain Injury for Working-Age Individuals: Prevalence and Associated Factors 2 Years Postinjury. *Journal of head trauma rehabilitation*. 2015. № 30 (3). P. 160–174.

Annikov Yu.G., Krom I.L., Yerugina M.V.

MEDICAL AND SOCIAL PORTRAIT OF A PATIENT WITH CONSEQUENCES OF TRAUMATIC BRAIN INJURY

Traumatic brain injury (TBI) is one of the leading causes of death and disability in the population. The study of the medical and social portrait of the patient with the consequences of a traumatic brain injury, according to the authors, can initiate optimization of the interdisciplinary rehabilitation of this category of patients. Since 2016, the Centre of Medical-Sociological Research, Saratov has been conducting a study of the medical and social characteristics of patients with the consequences of a traumatic brain injury.

Keywords: traumatic brain injury, long-term effects

УДК 159.99:17

Д.Д. Балакина, А.Б. Шмеркевич

ПАЛЛИАТИВНАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ТЕРМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ

Онкологические заболевания, представляют проблему для общественного здоровья, являясь одной из основных причин заболеваемости и смертности. В России более 40% онкологических пациентов диагноз устанавливается в III–IV стадиях заболевания. Обсуждая причины диагностирования онкологических заболеваний в поздние сроки, авторы отмечают, что выявление онкологического заболевания в поздние сроки болезни исключают возможность радикального лечения и определяют потребность пациентов в паллиативной помощи.

Ключевые слова: онкологические заболевания, паллиативная помощь

Основными тенденциями демографических изменений в современном мире являются увеличение продолжительности жизни, постарение населения и изменение профиля хронических заболеваний, определяющих витальный прогноз в результате прогрессирования.

Онкологические заболевания, представляют проблему для общественного здоровья, являясь одной из основных причин заболеваемости и смертности [8]. В современном мире отмечается повышение уровня онкологической заболеваемости вследствие постарения населения и возрастания влияния

социальных предикторов, являющихся облигатными для онкологических заболеваний.

По данным А.П. Гнатюка [1], в России более 40% онкологических пациентов диагноз устанавливается в III–IV стадиях заболевания, что определяет высокие показатели одногодичной летальности, значительной инвалидизации онкологических пациентов.

Среди причин установления диагноза онкологического заболевания в поздние сроки болезни [2]:

- обращение к врачу в поздние сроки болезни;
- пролонгирование периода установления диагноза.

Выявление онкологического заболевания в поздние сроки болезни исключают возможность радикального лечения и определяют потребность в паллиативной помощи. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что паллиативная помощь пациентам в терминальной ситуации болезни повышает качество жизни, способствует контролю симптомов, качеству ухода в конце жизни [3].

В литературе обсуждаются вопросы, которые следует рассматривать при интеграции паллиативной помощи в национальные системы здравоохранения для повышения качества жизни пациентов в терминальном состоянии [9]:

- доступность лекарственной терапии. Паллиативная помощь начинается с обезболивания, а доступность наркотических морфина и его эквивалентов имеет решающее значение для качества ухода в конце жизни. Проблемой также является низкий профессионализм врачей и медсестер при назначении опиоидов;
- государственное финансирование паллиативной помощи в конце жизни терминальных пациентов может быть ограничено, в связи с чем приоритетом является традиционное лечение.

Международные организации декларируют одинаковую доступность паллиативной помощи для пациентов в соответствии с их потребностями, независимость доступности паллиативной помощи от финансовых возможностей пациента или его близких оплатить услуги [5].

Результаты опросов, проведенные среди населения и отдельных групп пациентов, говорят о том, что большинство респондентов предпочли бы умереть у себя дома [4, 6, 7]. Однако госпитализация пациентов в терминальной ситуации болезни может возникать из-за ограничения доступности паллиативной помощи, оказываемой в амбулаторных условиях.

Список литературы

1. Гнатюк А.П. Модернизация онкологической службы города Москвы, основные задачи и возможные пути решения/ А.П. Гнатюк // Исследования и практика в медицине. 2015. Т. 2 (2). С. 97-101.
2. Каприн А.Д. Внедрение порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «онкология». Совершенствование структурной и кадровой политики онкологической службы / А.Д. Каприн, В.В. Старинский, Г.С. Алексеева, П.Ю. Балашов // Вестник Росздравнадзора. 2013. № 5. С. 9-13.
3. Hui D., Bruera E. Integrating palliative care into the trajectory of cancer care / D. Hui, E. Bruera // Nature reviews clinical oncology. 2016. Vol. 13 (3). P. 159-171.
4. Kinoshita H. [Place of Death and the Differences in Patient Quality of Death and Dying and Caregiver Burden](#) / H. Kinoshita, I. Maeda, T. Morita et al. // [Journal of clinical oncology. 2015. Vol. 33 \(4\). P. 357.](#)
5. Mid-Western Health Board. Report on the National Advisory Committee on Palliative Care. Department of Health and Children; 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/10147/43031> (last accessed 01.11.2019).
6. Okamoto Y. [Do symptoms among home palliative care patients with advanced cancer decide the place of death? Focusing on the presence or absence of symptoms during home care](#) / Y. Okamoto, S. Fukui, K. Yoshiuchi et al. // [Journal of palliative medicine. 2016. Vol. 19 \(5\). P. 488-495.](#)
7. Robinson C.A. [Caring at home until death: enabled determination](#) / C.A. Robinson, J.L. Bottorff, E. McFee et al. // [Supportive care in cancer. 2017. Vol. 25 \(4\). P. 1229-1236.](#)
8. Siegel R., Naishadham D., Jemal A. Cancer Statistics, 2013 / R. Siegel, D. Naishadham, A. Jemal // CA Cancer. J. Clin. 2013. № 63. P. 11-30.
9. The 2015 Quality of Death Index Ranking palliative care across the world. A report from the Economist Intelligence Unit. 2015. 71 p.

D.D. Balakina, A.B. Shmerkevich

PALLIATIVE CARE FOR PATIENTS WITH CANCERS IN END-STAGE OF DISEASE

Cancers are the problem for public health, being one of the main causes of morbidity and mortality. In Russia, more than 40% of cancer patients are diagnosed in stages III–IV of the disease. Discussing the reasons for diagnosing cancers in the late-term stages, the authors note, that the detection of cancer in the late-term stages of the disease excludes the possibility of radical treatment and determines the patients' need for palliative care.

Key words: cancers, palliative care

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВРАЧЕЙ КАК ОБЛИГАТНЫЙ ПРЕДИКТОР КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Реформирование здравоохранения в современной России направлено на повышение качества и эффективности медицинской деятельности. Для Российской Федерации проблемы качества медицинской помощи актуальны. Однако, как отмечают авторы статьи, оценка профессионального образования врачей как облигатного предиктора качества медицинской помощи, остаётся на периферии исследовательских интересов. В статье представлены результаты компаративного социологического исследования тенденций самообразования в профессиональном образовании врачей региональной системы здравоохранения. Исследование тенденций самообразования врачей, проведённое спустя 10 лет после предыдущего исследования, фиксирует снижение показателей по всем позициям самообразования.

Ключевые слова: качество медицинской помощи, профессиональное образование.

Несмотря на многолетние исследования, качество медицинской помощи «является весьма сложной для понимания категорией». Это обусловлено спецификой медицинской деятельности, которые определяются индивидуальными особенностями организма пациента, вариативностью подходов к лечению заболевания, постоянным совершенствованием медицинских технологий и лекарственных средств и т. д. [3].

Всемирная организация здравоохранения определяет качество медицинской помощи как интерактивная характеристика, обусловленная «квалификацией профессионала, т.е. его способностью выполнять медицинские технологии, снижать риск прогрессирования имеющегося у пациента заболевания и возникновения нового патологического процесса, оптимально использовать ресурсы медицины и обеспечивать объективные условия удовлетворенности пациента от его взаимодействия с медицинской подсистемой» [4].

Известны многочисленные исследования кадрового кризиса в системе здравоохранения современной России, посвященные анализу структурных диспропорций. Однако оценка профессионального образования врачей, как облигатного предиктора качества медицинской помощи, остаётся на периферии исследовательских интересов.

Цель исследования, проведенного авторами в 2018–2019 гг., – анализ тенденций самообразования в профессиональном образовании врачей региональной системы здравоохранения.

В исследование включены на основе случайной выборки 179 врачей-терапевтов районных поликлиник г. Саратова. Анкета по самообразованию разработана и апробирована в диссертационном исследовании Т.В. Кирюхиной [2] в 2009 г.

82% респондентов, включённых в исследование, читают медицинские журналы по терапии. Большинство (66,6%) респондентов для профессионального самообразования используют тематические сайты в Интернете, однако регулярно ежемесячно – лишь 25% респондентов. Постоянно занимаются в библиотеке 4% респондентов, 12% респондентов тратят на чтение специальной литературы до нескольких часов в день. Основными источниками профессиональной информации являются научно-практические конференции (19,2%), Интернет (18,2%), дополнительное профессиональное образование (15,8%), нормативные акты (12,9%), неформальное общение с коллегами (12,8%).

Компаративное исследование тенденций самообразования врачей фиксирует снижение показателей по всем позициям самообразования спустя 10 лет после предыдущего исследования.

Кадровый потенциал невысокого уровня рассматривается как сдерживающий фактор развития инновационных медицинских технологий в России. По мнению А.Д. Доники [1, с. 56], анализ современных исследований по проблемам профессионализации профессиональной группы врачей в российской системе здравоохранения «позволяет определить одним из основных аспектов профессионализации – индивидуальную профессионализацию ... и включения в профессиональную сферу и, как следствие этого, приобретение необходимых профессиональных качеств».

Список литературы

1. Доника А.Д. [Современные тенденции исследований проблемы профессиогенеза на модели медицинских специальностей / А.Д. Доника // Экология человека. 2017. № 2. С. 52-57.](#)
2. Кирюхина Т.В. Роль самообразования в профессиональном совершенствовании врача: дисс. ... к.м.н. / Т.В. Кирюхина. Волгоград. 2009. 139 с.
3. Осипова Н.Г., Семина Т.В. Профессиональное выгорание врача как результат воздействия факторов макросферы и микросферы / Н.Г. Осипова, Т.В. Семина // Теория и практика общественного развития. 2017. № 7. С. 9-14. (С. 11).

4. Шоу Д., Кало И. Основы для разработки национальных политик по обеспечению качества в системах здравоохранения / Д. Шоу, И. Кало. Европейское региональное бюро ВОЗ, 2001. 67 с.

G.N. Bochkareva, I.L. Krom, M.V. Yerugina

PROFESSIONAL EDUCATION OF DOCTORS AS AN OBLIGATORY PREDICTOR OF QUALITY OF MEDICAL CARE

Health care reform in modern Russia is aimed at improving the quality and efficiency of medical activities. The problems of the quality of medical care are relevant for the Russian Federation. However, the assessment of doctors' professional education as an obligate predictor of the quality of medical care remains at the periphery of research interests, as the authors of the article note. The article presents the results of a comparative sociological study of self-education trends in the professional education of doctors in the regional health care system. A study of the tendencies of doctors' self-education, conducted 10 years after the previous study, records a decrease in indicators for all self-education positions.

Key words: quality of medical care, professional education

УДК 316.334:616.89

С.С. Гордеева, Д.В. Рудая

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Обосновывается необходимость изучения проблемы психического здоровья населения России в современных социально-экономических условиях развития общества. На основе анализа результатов социологических исследований центров по изучению общественного мнения (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра), отмечен латентный характер нарушений психического здоровья населения РФ.

Ключевые слова: психическое здоровье, население, стресс, тревожность

Вопросы формирования и сохранения здоровья населения в современной России, в том числе психического здоровья, находятся в фокусе исследовательского внимания. Состояние психического здоровья во многом определяет социально-экономическую активность граждан, успешность их включения в социокультурное пространство посредством коммуникативных практик.

Современные условия жизнедеятельности населения, продиктованные достижениями научно-технического прогресса, характеризуются увеличением

числа информационно-коммуникативных каналов и виртуализацией общества [1, с. 2], а также повышением интенсивности труда и недостаточно высокой физической активностью значительной части населения. Более того, личность на современном этапе развития общества все чаще сталкивается с ощущением потерянности и отчужденности, с чувством одиночества. Находясь в подобных условиях перенапряжения, индивид мобилизует резервы организма для преодоления последствий воздействия стрессовых факторов. Однако чрезмерное по силе или длительности действие этих факторов ведет к ослаблению физиологических систем организма, снижает его сопротивляемость, способствует возникновению патологических изменений [2, с. 9].

В настоящее время доказана ведущая роль стресса в развитии язвенной болезни желудка, ишемической болезни сердца, нарушений сердечного ритма, аллергических реакции, включая бронхиальную астму [2]. Международная организация труда (МОТ) также обращает пристальное внимание на производственно-обусловленный стресс как одну из главных причин нарушений, связанных с вредными физическими и эмоциональными реакциями [3]. На увеличение распространенности психических расстройств и депрессий указывает Всемирная организация здравоохранения (2016 г.). Так, по данным ВОЗ, за период с 1990 по 2013 гг. почти на 50% (с 416 миллионов до 615 миллионов) возросло число людей, страдающих от депрессии и/или от тревожных расстройств [4]. Таким образом, одной из проблем жизнедеятельности современного общества является анализ психического здоровья населения посредством различных методов исследования.

В научном дискурсе длительное время понятие психическое здоровье определялось в рамках биомедицинского подхода к анализу здоровья, как альтернатива состоянию психического нездоровья, нарушений психики [5, с. 31]. Так, по мнению ряда авторов (Слободочкова В.И., Исаева Е.И. и др.), основу психического здоровья человека составляет нормальное развитие субъективной реальности в онтогенезе. При этом «норма указывает» на максимальные возможности лиц определенного возраста при соответствующих условиях развития [6, с. 72].

Понятие «норма» определяется на основании социологических, психологических, медицинских критериев, которые в целом исходят из представления о том, чего в норме не должно быть. Такой подход исследователи (Коблова А.А., Кром И.Л., Новичкова И.Ю.) обозначили как «субъектно-негативный» [7, с. 2].

Однако, как нам представляется, в силу сложности диагностики и динамичности изучаемого феномена однозначно оценить что есть «норма» или «не норма» не представляется возможным.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет психическое здоровье как «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество. В этом позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия человека и эффективного функционирования сообщества»; подчеркивается, что психическое здоровье имеет «важнейшее значение для нашей коллективной и индивидуальной способности в качестве разумных существ мыслить, проявлять эмоции, общаться друг с другом, зарабатывать себе на пропитание и получать удовольствие от жизни» [8]. Г. Аммон предлагает рассматривать здоровье не просто как статически хорошее самочувствие, а как «динамически развивающееся событие, быть психически здоровым – значит быть способным к развитию» [5, с. 2].

В настоящее время сведения официальных органов РФ свидетельствуют об устойчивых позитивных изменениях, происходящих в динамике психического здоровья населения. Так, по данным Минздрава России в 2017 г. численность зарегистрированных больных с диагнозом «болезнь нервной системы» на 1 тыс. населения составила 15 человек, что несущественно, но ниже аналогичного показателя за предыдущие годы (в 2008 г. данный показатель составил 16,9, 2013 г. – 16,5 соответственно) [9].

В структуре инвалидности по психическим заболеваниям половину составляют больные шизофренией. Высокий процент инвалидизации этих больных обуславливается не только процессом заболевания, но и снижением их коммуникативных способностей и социальных навыков, сужению социального круга [5, с. 32]. Наряду с высокой осведомленностью населения о подобном заболевании (по данным ВЦИОМ, 20% опрошенных говорят, что хорошо знают о симптомах шизофрении, 70% владеют информацией о данном заболевании в общих чертах), образ больного шизофренией носит противоречивый характер. С одной стороны, больной шизофренией выступает, по мнению респондентов, источником угрозы (опрошенные описали больного как «непостоянного» (34%), «опасного» (28%), и в то же время он требует поддержки, внимания: («уязвимый» (24%), «чувствительный» (15%) [10].

По мнению исследователей, возрастание числа лиц с психическими нарушениями наблюдается, прежде всего, в развитых странах [7]. К числу основных причин, объясняющих данную тенденцию, относят более успешную диагностику данных нарушений. Следовательно, можно предположить, что отечественная система диагностики психических расстройств менее эффективна, чем в странах с более высоким уровнем социально-экономического развития. Кроме того, в современной России отмечается низкая степень обращаемости к специалистам со стороны лиц (или их родных), имеющих проблемы

психического характера. Так, отвечая на вопрос ВЦИОМ (2019 г.), «Как Вы считаете, почему иногда родственники или знакомые человека с явными признаками шизофрении предпочитают не вести его к психиатру, а занимаются лечением и заботой о нем самостоятельно?», респонденты отмечают опасения и страхи родных («о визите к врачу узнают их знакомые» (38%), «боязнь, что человека поместят в интернат или больницу» (29%). Только 1% из числа опрошенных считает, что в подобной ситуации родные всегда идут к психиатру [10].

Эти и другие причины ставят под сомнение официальную статистику снижения психических заболеваний в современной российской обществе. Более того, следует говорить о латентном периоде негативного потенциала психических расстройств, которые способны активизироваться при возникновении каких-либо негативных факторов. Так, данные социологического исследования ФОМ (2018 г.) показывают, что значительная доля населения (34%) имеет чуткий, беспокойный сон, что может говорить о наличии у них признаков беспокойства и тревоги. Самым популярным ответом (30 % респондентов) на вопрос «Что вам обычно больше всего мешает спать?» стал ответ «эмоциональные переживания, стресс» [11].

С изменением социальной структуры общества связано возникновение статусного риска. Имущественное расслоение по доходам и уровню жизни приводит к усилению нисходящей социальной мобильности. Социальный риск проявляется в массовых опасениях потерять работу, источники личных доходов, здоровье. По данным исследования Левада-Центра (2019 г.), лишь 4% населения не испытывают особых страхов. Большая часть опрошенных опасается за «болезни близких и детей» (58%). Причем, больше таких ответов среди женщин и респондентов с высшим образованием. Третьим по популярности ответом на вопрос «Чего вы больше всего боитесь?» стал страх собственной «болезни и потери работоспособности» (44 % от числа опрошенных). Такой страх преобладает среди представителей «среднего» потребительского статуса (47% против 39% среди респондентов со статусом «ниже среднего» и 41% со статусом «выше среднего») [12].

Таким образом, жизнедеятельность современного человека зачастую ведет к полной мобилизации и исчерпыванию функциональных резервов организма в процессе воздействия стрессовых факторов. Это отрицательно сказывается на состоянии психического здоровья населения и проявляется в тревожных настроениях россиян, что обуславливает проблемы профилактики психического здоровья на латентном уровне. Следовательно, состояние психического здоровья населения требует пристального внимания со стороны исследователей. Анализ источников литературы свидетельствует о необходимости использования

методов социологического исследования с целью оценки негативного потенциала психических расстройств.

Список литературы

1. Морев М.В., Смолева Е.О. Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) / М.В. Морев, Е.О. Смолева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 3. С. 26-45.

2. Величковский Б.Т. Здоровье человека и социальный стресс / Б.Т. Величковский // Russian Journal of Rehabilitation Medicine. 2016. № 1. С. 3-18.

3. Бухтияров И.В., Рубцов М.Ю., Юшкова О.И. Профессиональный стресс в результате сменного труда как фактор риска нарушения здоровья работников // И.В. Бухтияров, М.Ю. Рубцов, О.И. Юшкова // Анализ риска здоровью. 2016. № 3. С. 110-121.

4. Инвестиции в лечение депрессии и тревожных расстройств окупаются в четырехкратном размере // Официальный сайт ВОЗ, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/13-04-2016-investing-in-treatment-for-depression-and-anxiety-leads-to-fourfold-return> (Дата обращения: 16.11.2019).

5. Жукова О.А., Карелина Д.Д., Кром И.Л., Барыльник Ю.Б. Медико-социологическая интерпретация психического здоровья / О.А. Жукова, Д.Д. Карелина, И.Л. Кром, Ю.Б. Барыльник // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 1. С. 30-35.

6. Уманец И.А. Теоретический аспект проблемы психического здоровья личности / И.А. Уманец // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 1. С. 67-72.

7. Коблова А.А., Кром И.Л., Новичкова И.Ю. Социальные риски психического здоровья: медико-социологическая интерпретация / А.А. Коблова, И.Л. Кром, И.Ю. Новичкова // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 728.

8. Психическое здоровье // Официальный сайт ВОЗ, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (Дата обращения: 16.11.2019).

9. Заболеваемость населения по основным классам болезней. 2018 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2018. URL: <https://www.gks.ru/folder/13721> (Дата обращения: 16.11.2019).

10. Шизофрения: болезненный страх // Официальный сайт ВЦИОМ, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9737> (Дата обращения: 16.11.2019).

11. Сон: представления и практики // Официальный сайт ФОМ, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/13952> (Дата обращения: 16.11.2019).

12. Страхи // Официальный сайт Левада-центра, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/26/strahi-3/> (Дата обращения: 16.11.2019).

S.S. Gordeyeva, D.V. Rudaya

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES IN STUDYING THE MENTAL HEALTH OF THE POPULATION OF RUSSIA

The necessity of studying the problem of mental health of the population of Russia in modern socio-economic conditions of society development is substantiated. On the basis of the analysis of results of sociological researches of the centers of studying of public opinion (VTSIOM, FOM, Levada-Center) the latent kind of violations of mental health of the population of the Russian Federation is revealed.

Key words: mental health, population, stress, anxiety

УДК 616.006.04:316.443 (470)

Е.А. Григорьева, М.Г. Еремина, Е.М. Долгова

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОТЗЫВЧИВОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ ВРАЧЕЙ-ТЕРАПЕВТОВ В СИТУАЦИИ ХРОНИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

В статье представлены результаты авторского исследования отзывчивости системы здравоохранения по данным социологического опроса врачей-терапевтов, страдающих хроническими заболеваниями. Все респонденты работают в медицинских организациях г. Саратова, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. По результатам опроса, ведущими проблемами для респондентов-врачей в ситуации болезни являются «уважительное отношение сотрудников медицинской организации», «понимание объяснений врача» и «наличия объяснений результатов обследования».

Ключевые слова: врачи-терапевты, отзывчивость системы здравоохранения

В связи с рекомендациями ВОЗ, «к основным целям национальных систем здравоохранения относится обеспечение соответствия медицинской деятельности легитимным ожиданиям пациентов» [1, с. 57-67].

Оценка отзывчивости системы здравоохранения определяется в соответствии с немедицинскими ожиданиями пациентов, и отражает «степень ее гуманности, уровень физического и психологического комфорта пациентов, меру уважения к их человеческому достоинству, соблюдению их социальных прав, наличие свободы выбора поставщика медицинских услуг» [2].

Определены критерии оценки отзывчивости системы здравоохранения: «уважение человеческого достоинства, конфиденциальность, автономность хода лечения с учетом участия самого пациента, коммуникабельность врача, надлежащие условия, время оказания медицинской помощи, доступ к сети социальной поддержки и выбор поставщика медицинской услуги» [1, с. 57-67]. ВОЗ уточнила составляющие показателя социальной отзывчивости для российской системы здравоохранения: «уважительное отношение к пациентам, сохранение конфиденциальности личной информации, участие пациентов в процессе принятия решений, ясность общения с медицинским персоналом и достаточность времени для уточнения неясных вопросов, условия оказания медицинской помощи, транспортная доступность, общение с внешним миром во время пребывания в больнице, выбор медицинского учреждения» [5, с. 27-32].

Критерий отзывчивости системы здравоохранения традиционно измеряют при проведении социологических исследований.

В 2007 г. С.В. Шишкин с соавт. [3, с. 64] использовали критерии отзывчивости системы здравоохранения при оценке эффективности территориальной системы здравоохранения. Одними из первых российских публикаций по социальной отзывчивости здравоохранения являются исследования С.В. Шульгиной [4, с. 25-27].

Для исследования социальной отзывчивости нами проводилось анкетирование врачей-терапевтов (71 респондент), страдающих хроническими заболеваниями, с использованием анкеты, разработанной ВОЗ для оценки отзывчивости системы здравоохранения [4, с. 25-27]. Все респонденты работают в медицинских организациях г. Саратова, оказывающих первичную медико-санитарную помощь.

Большинство респондентов (80,3%) – женщины. Респонденты до 30 лет составили 12,7% респондентов, 12,7% респондентов от 30 до 39 лет, 26,8% – респонденты 40–49 лет, 31% – респонденты 50–59 лет, 16,9% респонденты 60 лет и старше.

Средний возраст респондентов составил 48 ± 3 года.

Стаж работы в здравоохранении 70,5% респондентов свыше 20 лет.

Средний стаж – 24±3 года.

Большинство (95,7%) дали высокую оценку критерию «надлежащие условия получения медицинской помощи», который оценивался респондентами по двум показателям: «достаточность пространства помещений» и «чистота посещений» (высокая оценка – 19,6%, средняя – 76,1%, низкая – 4,3%).

При оценке показателя «близость медицинской организации от места проживания» 31,9% респондентов дали высокую оценку, большинство (61,7%) респондентов дали среднюю оценку, низкая оценка дана в 6,4% случаев.

30,4% респондентов дали высокую оценку при анализе критерия «уважительное отношение сотрудников медицинской организации», высокую оценку дали лишь всех опрошенных, большинство (63,0%) респондентов дали среднюю оценку, низкая оценка у 6,5% респондентов.

Анализа оценки критерия «желание сменить медицинскую организацию» установил, что 69,6% респондентов дали среднюю оценку и отметили, что не имеют возможности сменить медицинскую организацию из-за отсутствия по близости других медицинских организаций. 15,2% дали высокую оценку, столько же респондентов высказали намерение сменить медицинскую организацию.

При оценке «понимание объяснений врача» и «достаточность времени общения с врачом» 28,3% респондентов полностью понимают объяснение врача и полностью удовлетворены временем общения с врачом, средняя оценка у большинства (60,9%) респондентов, 10,9% респондентов не понимают объяснений своего лечащего врача и не удовлетворены достаточностью времени общения с врачом.

Доверяют своему лечащему врачу лишь 89,1% респондентов (высокая оценка – 26,1%, средняя оценка – 63,0%). Также оценивался показатель «наличия объяснений результатов обследования». Большинство (77,5%) респондентов указывают, что им не объясняют результаты обследований –или объясняют частично (3,9%). И только 19,6% респондентов получали достаточную информацию о результатах обследования.

По результатам опроса, ведущими проблемами для респондентов–врачей в ситуации болезни являются «уважительное отношение сотрудников медицинской организации», «понимание объяснений врача» и «наличия объяснений результатов обследования». Большинство респондентов довольны условиями и территориальным расположением медицинской организации и лишь 15,2% респондентов предполагают «сменить медицинскую организацию».

Список литературы

1. Алексеев В.А., Вартамян Ф.Е., Шурандина И.С. Оценка систем здравоохранения с позиций Всемирной организации здравоохранения / В.А. Алексеев, Ф.Е. Вартамян, И.С. Шурандина // Здравоохранение. 2009. №11. С.57-67.
2. Камалиев М.А. Методические основы мониторинга и оценки системы здравоохранения // Казахский национальный медицинский университет имени С.Д.Асфендиярова.[Электронный ресурс]. URL:http://ksmumpf.ru/publ/konferencija_aktualnye_voprosy_vedenija_sgm_quot/prinjatye_k_publicacii_materialy/kamaliiev_m_a/22-1-0-291(Дата обращения 11.09.2019).
3. Шишкин С.В., Ермаков С.П., Какорина Е.П. Методика оценки эффективности функционирования территориальных систем здравоохранения в Российской Федерации / С.В.Шишкин, С.П.Ермаков, Е.П.Какорина. М.: Академия, 2007. 64 с.
4. Шульгина С.В. Отзывчивость системы здравоохранения и ее характеристики / С.В.Шульгина //Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 23 (1). С. 25-27.
5. Шульгина С.В. Отзывчивость системы здравоохранения: определение, структура, понятия, методические подходы к проведению исследования / С.В. Шульгина // Экология человека.2015.№2.С.27-32.

E.A. Grigoryeva, M.G. Eremina, E.M. Dolgova

SOME RESULTS OF ANALYSIS OF RESPONSIVENESS OF THE HEALTH CARE SYSTEM FOR DOCTORS IN CHRONIC DISEASE SITUATIONS

The article presents the results of the analysis of the responsiveness of the health care system according to a sociological survey among general physicians suffering from chronic diseases. All respondents work in Saratov medical organizations, providing primary health care. According to the results of the survey, the main problems for respondents-doctors in a disease situation are «respectful attitude of a medical organization employees», «understanding the doctor's explanations» and «availability of explanations of diagnostic results».

Key words: general physicians, responsiveness of the health care system

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ И ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СТАРЕНИЯ*

В современном обществе социальная группа пожилых растет, но ее статус противоречив. Пространство рациональности в социальной политике старения сужается, принимаемые государством решения скоропалительны и вызывают недовольство населения. В то же время будущее сегодня принадлежит пожилым в большей степени, чем молодым. Однако важно, чтобы все население смогло адаптироваться к новой занятости, необходимости непрерывного образования и продления активной, в том числе, трудовой жизни, за пределы конкретных возрастных ограничений. Нуждается в пересмотре и предлагаемая медициной модель здоровья, и образцы старения, транслируемые СМИ. Ответственность каждого человека за свое старение повысит человеческий потенциал старшего поколения и позволит перейти к новому, социально включенному, или интегрированному, старению.

Ключевые слова: старшее поколение, человеческий потенциал, здоровье, занятость, старение

Старение – один из важнейших процессов, меняющих структуру человеческого потенциала населения в мире и России. Несмотря на важность демографических аспектов старения, они являются только основой для преобразования данных в знания. Так, повсеместное расширение неформальной экономики и обусловленное этими процессами снижение эффективности институтов налогообложения и пенсий, вряд ли можно поправить повышая пенсионный возраст. Ни одно государство не может решить проблему глобального сокращения занятого населения и роста нагрузки на социальную защиту без прямого сотрудничества с домохозяйствами и местными сообществами. Опыт показывает, что поддержка семей с пожилыми и развитие неформальной заботы в сообществах (community care) окажется важнее строительства новых интернатов для пожилых. Ведь уход людей из регулярной занятости и их помещение в стационарные учреждения являются важнейшими предикторами старения, а неизбежная в таком случае социальная изоляция разрушает человеческий потенциал пожилых, который в нашей стране пока недоиспользован.

Существующие институты и правила, регулирующие жизненный цикл человека, становятся все менее важны, но за них цепляется как слабеющее государство, так и уязвимые группы населения. Мир меняется гораздо быстрее,

© Григорьева И.А., 2019

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг»

чем наши представления о нем, знания, на которые мы ориентируемся сегодня, завтра могут быть уже не актуальны.

В современной ситуации, когда социально-экономическое значение молодежи снижается, а пожилых – растет, говорить о старении – значит говорить о будущем общества. Это трудно, поскольку будущее – это еще не случившееся и ни у кого нет опыта его переживания. Вдвойне трудно говорить о старении как о будущем, поскольку такого еще никогда не случалось. Однако именно сегодня будущее не есть продолжение прошлого, и это не только теоретический посыл, но и практически очевидная ситуация.

Сам по себе факт демографических изменений требует интерпретаций, а не паники, поскольку происходит на фоне растущей производительности труда, развития цифровой экономики и возможного уменьшения числа рабочих мест, которые меняют оценку «рисков старения». Кроме того, «нормативная модель» демографической структуры современного общества предполагает только минимальные потери во всех возрастах, и ничего более.

Старение и увеличение числа пожилых являются вызовом быстро меняющемуся миру, являют собой воплощение иной онтологии, чем характерна для общества потребления с его любовью к обновкам. Поэтому нужно менять пенсионную систему, придуманную Бисмарком в 1885 г. и адаптированную Хрущевым к российским послевоенным реалиям в 1956 и 1964 г.г. Ведь по ряду прогнозов у поколения, родившегося после 2000 г. средняя продолжительность жизни будет приближаться к 100 годам.

Чем люди смогут/будут себя занимать, если мы не откажемся от двух важнейших моментов¹:

1. *От идеологии пенсионного периода как времени отдыха от работы.* Все больше и больше исследований подтверждают, что уход на пенсию оказывается вреден для здоровья. Но какие именно рабочие места нужны для пожилых, те же, или облегченные, или совсем другие... При этом на протяжении последних 10 лет у нас в формальной экономике число ликвидируемых рабочих мест существенно превосходит число создаваемых, а занятость становится неустойчивой. Мы уже знаем, что экономика услуг носит более неформальный характер, чем экономика индустриального производства. Но мы можем это учесть только приблизительно. При этом неформальная занятость является важнейшим проявлением самостоятельности и способности людей к адаптации при отсутствии «нормальной» работы по найму.

¹ См. об этом подробнее: Григорьева И.А. Старение и трансформация приоритетов социальной политики // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов: Материалы Всероссийской конференции. Иркутск, 12–13 сентября 2019 г. Иркутск, 2019. С. 18–23.

Но эти, столь необходимые для жизнеобеспечения населения формы активной занятости не предполагают уплаты налогов и социальных отчислений, а предполагают, наоборот, дистанцирование от контроля государства. При этом занятые в неформальном секторе остаются без оплачиваемых отпусков, больничных листов и, в конечном итоге, без трудовой пенсии. Правда, размер трудовой пенсии невелик и мало отличается от пенсии социальной. Это позволяет говорить о развитии параллельного экономического уклада, который позволяет лучшим образом отвечать на запросы общества, по сравнению с социально-политическими решениями государства. Сегодня сложно ответить, какие режимы занятости будут нужны, если на пороге цифровое производство, которое, предположительно, еще уменьшит число традиционно занятых?

2. *От убеждения в линейной связи старения и потери здоровья.* Непредвзятый наблюдатель может отметить, что медицина сегодня способствует росту неуверенности в своей эффективности как у самих пожилых, так и у общества в целом. Медицина как социальный институт нуждается в своих клиентах, подчеркивая рост их числа и рост числа нужд, а также подчеркивая, что признание старения болезнью позволит добиться увеличения финансирования исследований старения [7]. Но могут ли сами люди, в том числе, пожилые, меньше подчеркивать свою уязвимость и более рационально к себе относиться? Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, показатель вероятности умереть для мужчин в возрасте от 15 до 60 лет в России почти в 2 раза превышает среднеевропейский показатель (в 2015 г. — 325 и 168 на 1000 человек соответственно). Лишь в 18 африканских странах и воюющей Сирии этот показатель выше, чем в России [Global Health Observatory, 2017]. И это неестественная смертность, из-за которой итоги по средней продолжительности жизни выглядят столь печально... Если же пересчитать среднюю продолжительность жизни мужчин, выбросив неестественную смертность, то результаты будут гораздо оптимистичнее.

По данным Госкомитета по статистике, смертность в трудоспособном возрасте продолжает снижаться, кроме смертности от инфекционных заболеваний [7]. Но следом мы можем прочитать о некорректном заполнении статистической отчетности при оценке состояния пациентов, особенно — причин смерти. Глава Правительства прямо заявляет о подтасовке данных о смертности в ряде субъектов РФ [2].

Хотя население России более молодое, чем в странах ОЭСР, но расходы на пенсионное обеспечение даже больше, чем в Европе, т.е. около 8% ВВП [4] по сравнению с 7,1 в среднем по ОЭСР. А вот расходы на здравоохранение, напротив, чуть не вдвое меньше, чем в развитых странах [1]. Но без активного участия самих людей в сохранении и улучшении своего здоровья никакая

медицина не даст им возможности прожить долго. Идеология активного старения/долголетия пока встречает общее сопротивление, поскольку ее приоритет – продление занятости и активной социальной жизни.

Мы согласны с экспертами из НИУ ВШЭ, что «ускоренное развитие индустрии здоровья становится ведущим трендом экономики XXI в. Можно уверенно утверждать, что сдвиг ядра экономики от промышленности к здравоохранению, образованию и науке сыграет в XXI в. точно такую же роль, которую в XIX столетии сыграл сдвиг от аграрного сектора к индустриальному» [3, с.11].

Итак, сегодня наиболее «старые» страны ищут возможности максимального сокращения потребности в стационарных услугах для пожилых, проекты строительства домов престарелых переориентируются в развитие *интегрированных жилых кварталов*. В Японии ставка сделана на включение вопросов особенностей здоровья пожилых во все образовательные программы. Занятость пожилых в развитых странах постоянно растет и этот процесс интерпретируется не как «вынужденная занятость», а как осознание занятости как самого универсального способа сохранения человеческого капитала и включения в общество.

Как будет развиваться ситуация в России? Ни Стратегия действий в отношении пожилых [5], ни Национальные проекты, разработанные на три года позже, не предлагают ничего интересного и «продвинутого» в отношении сохранения и развития социального капитала пожилых. Возможно, современная развилка на рынке труда, связанная с цифровизацией, не дает ясной перспективы.

Однако заикленность на развитии социальных сервисов как сервисов обслуживания противоречит факту востребованности непрерывного образования – «образования через всю жизнь». Такой тип образования преобразует возрастную структуру общества и меняет смыслы молодости, границы которой непрерывно расширяются. Остается один шаг до занятости через всю жизнь (естественно, гибкой, частичной и т.п.) И тогда снимется не только вопрос об активном старении, но и появится возможность интегрированного старения. Будут сняты искусственные рамки и барьеры, нарушающие целостность человеческой жизни и включение пожилых в общество.

Список литературы

1. Здравоохранение: необходимые ответы на вызовы времени. Доклад. Авторы-составители: С. Шишкин, М. Колосницyna и др. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

2. Здравоохранение ставят на переучет // "Коммерсантъ" №183 от 11.10.2019; №188 от 15.10.2019.

3. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие. Тезисы доклада. Под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

4. Расходы на выплату пенсий составили 8,2% в 2010 г. и 7,5% ВВП – в 2011 г. (см.: отчет Пенсионного фонда за 2010 и 2011 гг.). <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/analit02.php> (дата обращения: 16.06.2019)

5. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ (до 2025 года). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=193464;fld=134;dst=100005,0;rnd=0.8071490422549004> (дата обращения: 07.05.2019).

6. Старение – это болезнь? Геронтологи разошлись во мнениях // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. С.

7. Шестакова Е.Е. Россия: предварительные демографические итоги 2017 г. (часть II) // Demoscope weekly. № 761 – 762. 26 февраля – 11 марта 2018.

Irina A. Grigoryeva

THE HUMAN POTENTIAL OF THE OLDER POPULATION AND THE INTEGRATIVE MODEL OF AGEING

The social group of the elderly is growing in modern society. But their status is contradictory. The space of rationality in the social policy of aging is narrowing, the decisions taken by the state are cause dissatisfaction of the population. At the same time, the social future belongs to the elderly more than to the young. However, it is important for the entire population to be able to adapt in the new employment. Elderly have to continue the education and the extension of active, including working life. The model of health propose by medicine and the model of aging broadcast by the media must be revised. The responsibility of each person for their aging will increase. After the human potential of the older generation awill increase too. All of them will allow to move a new, social included, or integrated, aging

Key words: Older population, the human potential, health, employment, ageing

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье говорится о развитии цифровых технологий в сфере здравоохранения, на примере Пермского края описывается социальный аспект данного феномена. Акцентируется внимание на социальном феномене развития цифровизации сферы здравоохранения.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая медицина, цифровизация

Цифровые технологии – один из приоритетов развития сферы здравоохранения во всем мире, ежегодно этот рынок увеличивается на четверть. Процесс может обеспечить прорыв в доступности и качестве услуг без роста расходов на здравоохранение. А потому развитие цифровой медицины осуществляется при активном участии государства. Не является исключением и Россия, где уже внедряются несколько заметных по мировым масштабам информационно-аналитических проектов [3].

Основные направления развития цифровой медицины в ближайшей перспективе: внедрение электронных медицинских карт, развитие концепции «подключенный пациент» – мониторинг состояния и предоставление медицинских услуг с помощью встроенных интеллектуальных устройств, телемедицина.

Согласно толковому словарю по информационному обществу и новой экономике, под термином «цифровизация» понимается преобразование информации в цифровую форму, то есть цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы [2, с. 102].

Так, переход отдельных организаций, отраслей, сфер деятельности и общества в целом на функционирование в цифровом пространстве можно определить, как цифровизацию.

Целью нашего исследования являлось определить наличие социального аспекта цифровизации сферы здравоохранения, выявление проблемных зон перехода к цифровой форме данных.

В результате мониторинга записей жителей Пермского края в социальной сети «ВКонтакте», который проводился в период с января по август 2019 г. и был нацелен на выявление общественного мнения относительно здравоохранения региона, были определены следующие тенденции.

Так, несмотря на цифровизацию медицины в крае, жители отмечают в качестве недостатков: очереди на электронную запись к специалистам (34,5%), сложную систему записи к узким специалистам (26,7%), недоступность медицины в сельской местности (23,2%).

Помимо описанных категорий, как последствия введения цифровой формы можно отметить: ограниченное время на принятие пациента (37%), трудности в доступе к узким специалистам, через участковых терапевтов (13,6%).

В довершении всего, неизменно остаются указанными недостатки, связанные с низкой заработной платой работников здравоохранения, их условиями работы и мест содержания пациентов, также отмечаются проблемы с кадровым наполнением отрасли, здесь и нехватка узких специалистов, и сокращение фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности.

Среди положительных сторон население региона высказывается по следующим обобщённым категориям: благодарность медицинскому персоналу (32,2%), хорошее отношение как к пациентам (28,5%), качественно оказанная медицинская помощь (34,1%).

Таким образом, можно заметить, что наполнение позитивных записей не связано с цифровизацией здравоохранения, в то время, как негативные посты зачастую направлены на проблемы перехода к новой системе.

В ходе изучения материалов на сайте губернатора и правительства региона были получены данные, опираясь на которые можно отметить, что перевод медицинских учреждений Пермского края, как и всей сферы в целом к цифровой форме осуществляется на основе национального проекта «Здравоохранение», федеральных проектов: «Бережливая поликлиника» и «Цифровизация здравоохранения», а также регионального проекта «Новая поликлиника» [1].

В ходе исполнения указанной программы планируются такие итоги, как: увеличение доступности участковых врачей, распределение непрофильной работы участковых, методом создания дополнительных кабинетов и служб (выдача справок, неотложная помощь), «разгрузка участкового врача от «бумажной» работы», модернизация регистратуры в классическом её понимании, сокращение срока ожидания приёма, появление электронной очереди, запись на приём через Интернет, call-центр, информант, введение электронных медицинских карт, внедрение электронных больничных листов.

С одной стороны, данные изменения способствуют значительному улучшению взаимодействия медицинских работников и пациентов.

Для населения это проявляется в наличии альтернативы записи на приём, упорядоченности очередей, а также сокращении бумажных документов на руках и основной итог – увеличение доступности медицинской помощи.

Что касается врачей, то здесь основная цель состоит в высвобождении бумажных носителей информации, перенос данных в цифровую форму. Происходит перераспределение обязанностей внутри рабочего коллектива, путём внедрения новых структур, что, в свою очередь, способствует разгрузке деятельности врачей.

С другой стороны, не представляется возможным полная цифровизация здравоохранения, так как взаимодействие в данной сфере идёт по типу «человек – человек» и направленно оно на здоровье пациента, то есть категорию, которая не может полноценно существовать только в цифровом пространстве.

Помимо прочего, посредством цифровизации происходит отдаление врача и пациента друг от друга, как взаимодействующих в определённый момент субъектов общества: врач погружён в цифровую деятельность (внесение данных, получение и обработка запросов, запись пациента, оформление больничного листа и т.д.), следовательно, пациент не может полноценно взаимодействовать с врачом.

Таким образом, можем отметить, что социальный аспект цифровизации является довольно противоречивым и нельзя его оценить, как однозначно положительный.

При переходе к новым формам информации, к новым формам отношений в обществе не стоит слепо полагаться на компьютерные системы и на цифровой подход к информации.

Безусловно, прогресс обязует к определённому развитию, даёт некий толчок и определяет направление. Однако следует учитывать, что человек – сложное разумное существо, которое не поддаётся математике в её классическом понимании.

Что касается общества, то оно состоит из множества индивидов, а значит, является ещё более многообразным в своём проявлении, следовательно, требует глубокой осмысленности при переходе к новому.

Помимо перечисленных факторов нельзя обойти специфику конкретной страны – Российской Федерации. Особенность нашего общества заключается в неравномерности его развития, не смотря на наличие обстоятельств, способствующих сокращению разрыва (например, Интернет), дистанция до сих пор остаётся значительной и оказывает существенное воздействие на развитие тех или иных общественных процессов.

Поэтому, на наш взгляд, для цифровизации здравоохранения, необходимо сокращение либо приведение к минимальному разрыву в развитии технологий и факторов производства на территории страны. Когда будет достигнута минимальная разница в развитии субъектов федерации, только тогда возможен полноценный и гармоничный переход на новую ступень развития общества.

Таким образом, подводя итог работы можно сделать следующее заключение. На данный момент цифровизация, несомненно, оказывает влияние на сферу здравоохранения, при этом сложно дать однозначную оценку указанному явлению, так как оно имеет как позитивные моменты, так и негативные. Но всё же стоит отметить, что несмотря на наличие отрицательных факторов, положительные также присутствуют и количественно преобладают. Следовательно, влияние цифровизации на общество носит скорее позитивный характер, чем негативный.

Список литературы

1. Дмитрий Медведев оценил цифровизацию здравоохранения Прикамья. [Электронный ресурс]. URL: <https://permkrai.ru/news/dmitriy-medvedev-otsenil-tsifrovizatsiyu-zdravookhraneniya-prikamya/> (Дата обращения: 30.10.2019).
2. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике [Электронный ресурс]. URL: https://information_society.academic.ru/392 (Дата обращения: 30.10.2019).
3. Цифровая революция в здравоохранении: достижения и вызовы. [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/37004882-tsifrovaya-revolyuutsiya-v-zdravoohranenii-dostizheniya-i-vyzovy/> (Дата обращения: 30.10.2019).

М.К. Duvanskaya, М.А. Pibaeva

SOME ASPECTS OF THE DIGITALIZATION OF HEALTHCARE IN THE PERM REGION

The article refers to the development of digital technologies in the healthcare sector, and the social aspect of this phenomenon is described on the example of the Perm Region. The focus is on the social phenomenon of the development of digitalization in the healthcare sector.

Key words: digital technologies, digital medicine, digitalization

УДК 614.25

М.Г. Еремина, Е.П. Ковалев

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАДРОВОГО КРИЗИСА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

ВОЗ констатирует актуальность проблем кадрового кризиса для современных национальных систем здравоохранения. Кадровый кризис в российском здравоохранении препятствуют решению задач, направленных на улучшение здоровья населения, повышению

доступности и качества медицинской помощи. В статье представлена авторская типология основных характеристик кадрового кризиса в современном российском здравоохранении.

Ключевые слова: система здравоохранения, кадровый кризис

Кадровые ресурсы здравоохранения имеют важное значение для обеспечения состояния здоровья населения [4, 11]. ВОЗ декларирует зависимость эффективности системы здравоохранения от качества кадровых ресурсов [13].

Для современного мирового здравоохранения актуальна проблема кадрового кризиса: предполагается дальнейший рост дефицита квалифицированных кадров здравоохранения в связи с постарением и недостаточным их воспроизводством [12]. Отмечая проблемы кадрового кризиса, ВОЗ указывает на необходимость системы здравоохранения поддерживать инфраструктуру, включая кадровые ресурсы.

ВОЗ выделяет три основных направления формирования кадрового менеджмента системы здравоохранения [7]:

1. Мероприятия, направленные на повышение эффективности активных трудовых ресурсов – работающих в системе здравоохранения в настоящее время.

2. Мероприятия, направленные на привлечение в систему здравоохранения новых трудовых ресурсов и лиц, утративших связь с профессией по каким-либо причинам.

3. Мероприятия, направленные на минимизацию оттока кадровых ресурсов здравоохранения из отрасли.

В национальных программах по развитию кадровых ресурсов здравоохранения ВОЗ рекомендует, помимо данных мониторинга миграционной активности, руководствоваться данными, полученными в ходе специальных исследований кадровых ресурсов здравоохранения (несистематических по своей природе) или периодических исследований, основанных на оценке кадровых ресурсов в двух различных временных точках.

Во многих странах не проводится систематический сбор данных по заболеваемости и смертности среди работников здравоохранения, которые крайне важны для мониторинга профессионального здоровья и безопасности кадровых ресурсов, а именно это часто является основным фактором, влияющим на убыль работников из системы здравоохранения. Отмечается недостаток официальных данных по выходу работников здравоохранения на пенсию, что затрудняет управления ресурсами, с учетом тенденции старения населения. Неинформативным становится использование установленного законом возраста

выхода на пенсию, так как этот возраст не соответствует времени прекращения работы в организации у большей доли медицинских специалистов [7].

ВОЗ рекомендует применять методики мониторинга, основанные на измерении потока трудовых ресурсов и технологии, основанные на измерении состава кадрового ресурса здравоохранения. К ним относятся текущие реестры кадров здравоохранения и специальные оценки кадрового ресурса здравоохранения (продольные исследования или ретроспективные опросы), перепись населения или обследования кадровых ресурсов (с вопросами о занятии, месте работы, часах работы), оценка учреждений здравоохранения (данные об укомплектованности персоналом)

Преодоление кадрового кризиса рассматривается как условие улучшения здоровья населения, повышения качества и доступности медицинской помощи, определённые в национальном проекте «Здравоохранение» [6].

По мнению Г.Э. Улумбековой [8], одной из проблем системы здравоохранения России является неоптимальная структура медицинских кадров. Для субъектов Российской Федерации характерны выраженные различия в обеспечении медицинскими кадрами [10].

Обзор исследований [2, 5, 9, 10] позволяет типологизировать основные характеристики кадрового кризиса в современном российском здравоохранении:

- диспропорции роста обеспеченности медицинскими кадрами между субъектами Российской Федерации;
- дефицит медицинских кадров в первичном звене;
- концентрация медицинских кадров в центральных клиниках, недостаточность медицинских кадров в отдалённых территориях;
- дисбаланс в соотношении между численностью врачей и среднего медицинского персонала;
- диспропорции в распределении медицинских кадров по видам и условиям оказания медицинской помощи (недостаток специалистов в амбулаторно-поликлинических медицинских организациях и избыток в стационарных медицинских организациях, недостаток специалистов общего профиля и избыток узких специалистов, недостаток медицинских кадров в сельском здравоохранении, несоответствие численности и структуры кадров объёмам деятельности);
- снижение качества медицинской помощи;
- снижение квалификации медицинских кадров;
- несоответствие подготовки специалистов потребностям практического здравоохранения;
- недостаточная социальная защищённость специалистов, включая финансовые депривации;

- тенденции депрофессионализации;
- уход из здравоохранения молодых специалистов;
- миграция специалистов как в страны зарубежья, так и в более привлекательные регионы России.

Система здравоохранения отражает «глубину социализации экономических отношений» [3]. Следует согласиться с Р. И. Девишевым и соавт. [1], что проблемы системы здравоохранения в России определяются не только недостаточностью финансирования, но и кадровым потенциалом отрасли.

В целях совершенствования процесса управления кадровыми ресурсами в здравоохранении ВОЗ рекомендует применять методики мониторинга, основанные на измерении потока трудовых ресурсов и технологии, основанные на мониторинговании состава кадрового ресурса здравоохранения. К ним относятся текущие реестры кадров здравоохранения и специальные оценки кадрового ресурса здравоохранения (продольные исследования или ретроспективные опросы), перепись населения или обследования кадровых ресурсов (с вопросами о занятии, месте работы, часах работы), оценка кадровой службы учреждений здравоохранения.

Список литературы

1. Девишев Р. И., Мирошникова Ю. В. Подходы к прогнозированию кадрового потенциала здравоохранения: основные проблемы Р.И. Девишев, Ю.В. Мирошникова // Менеджер здравоохранения. 2017. № 1. С. 51-57.
2. Дьяченко В.Г., Литвинцева С.А. Реформы образования и мотивационные основы подготовки будущих врачей / В.Г. Дьяченко, С.А. Литвинцева // Дальневосточный медицинский журнал. 2018. № 1. С. 127-135.
3. Калинина Г.В., Никифоров Ю.Г. Проблемы социализации экономических отношений современной России / Г.В. Калинина, Ю.Г. Никифоров // Экономические науки. 2009. № 50. С. 281–286.
4. Комина Д.С. Формирование и развитие кадров в системе здравоохранения Чувашской республики в контексте публичной декларации целей и задач развития / Д.С. Комина // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2(32). С. 49-55.
5. Коробкова О.К., Третьяков М.М. Проблемы кадрового обеспечения в управлении медицинскими услугами / О.К. Коробкова, М.М. Третьяков // Вестник ТОГУ. 2015. № 4 (39). С. 153-162.
6. Решетников А.В. Доклад на конференции «Социальная роль врача в Российском обществе». Н. Новгород. 2018.
7. Руководство по мониторингу и оценке кадровых ресурсов здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения, 2012. 148 с.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/hrh/ru/index.html> (Дата обращения: 1.11.2019).

8. Улумбекова Г.Э. Анализ численности, структуры и квалификации медицинских кадров в Российской Федерации и ключевые задачи кадровой политики на период до 2020 года / Г.Э. Улумбекова // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2010. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosmedobr.ru/journal/2010-god/analiz-chislennosti-struktury-i-kvalifikatsii-meditsinskikh-kadrov-v-rossiyskoy-federatsii-i-klyuche/> (Дата обращения: 1.11.2019).

9. Улумбекова Г.Э. Система здравоохранения РФ: итоги, проблемы, вызовы и пути решения / Г.Э. Улумбекова // Вестник Росздравнадзора. 2012. № 2. С. 33-38.

10. Щепин В.О. Обеспеченность населения Российской Федерации основным кадровым ресурсом государственной системы здравоохранения / В.О. Щепин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 24-28.

11. Donabedian A. The quality of care: How can it be assessed? / A. Donabedian // Journal of the American Medical Association. 1988. Vol. 260. P. 1743-1748.

12. Simoes J. et al. Portugal: Health System Review / J. Simoes et al. // Health systems in transition. 2017. Vol. 19 (2). pp. 1-184.

13. WHO. Global strategy on human resources for health: Workforce 2030. WHO. Geneva, World Health Organization. 2016. 62 p.

M.G. Eremina, E.P. Kovalev

ON THE ISSUE OF THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF THE PERSONNEL CRISIS IN HEALTHCARE

WHO notes the relevance of the problems of personnel crisis for modern national healthcare systems. The personnel crisis in the Russian healthcare hinders the solution of objectives aimed at improving the public health, increasing the availability and quality of medical care. The article presents the author's typology of the main characteristics of the personnel crisis in modern Russian health care.

Key words: healthcare system, personnel crisis

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В работе рассмотрены особенности самосохранительного поведения в студенческой среде российского общества. Раскрыты истоки теории самосохранительного поведения в России, охарактеризованы его направления и выделены факторы, влияющие на самосохранительное поведение студенческой молодежи. На материалах статистики показана тенденция к повышению заинтересованности студентов в сохранении собственного здоровья, выявлены особенности студенческой молодежи, препятствующие полноценному распространению позитивного самосохранительного поведения в данной социальной группе. Сделан вывод о необходимости обучения студентов навыкам грамотной интеграции самосохранительного поведения в повседневную жизнь.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, студенческая молодежь, вредные привычки, студенческое здоровьесохранение

В указе от 07.05.18 о национальных целях развития [1] президент России отмечает необходимость формирования системы мотивации к ведению здорового образа жизни, отказа от вредных привычек, повышения двигательной активности среди населения для увеличения средней продолжительности жизни граждан. Сейчас можно наблюдать, что молодежь, в частности такая социальная группа как студенты, слабо ориентирована на здоровьесохранение. Студенты — потенциал будущего нашей страны, именно они сменят нынешнее поколение в производстве и научной деятельности, поэтому важно развивать и поддерживать в них мотивацию к здоровому образу жизни.

История изучения отношения человека к собственному здоровью берёт начало в XX вв. Ещё в 70-ые годы прошлого столетия на Западе социальное изучение здоровья привлекло внимание исследователей. В России одним из первых интересуется этим явлением А.И. Антонов, связывая сохранение здоровья с исследованием демографических проблем, для «описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья» [2, с. 33]. Впоследствии наиболее употребляемое определение самосохранительного поведения (далее — СП) даёт В.А. Ядов — система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни человека [3, с. 628].

Е.С. Ревякин подробнее раскрывает структуру этого явления, рассматривая два направления СП: позитивное и негативное [4, с. 1-2]. Позитивное поведение выражается в обеспокоенности об укреплении и

сохранении человеком своего здоровья, приоритет — увеличение срока жизни, улучшение самочувствия. Примером подобного поведения является движение ЗОЖ: физическая активность, рациональное питание, соблюдение личной гигиены и т.п. Негативное СП выражено в осознанном или неосознанном предпочтении ранней смерти, перспективы физической, психической и социальной неполноценности. Примерами служат самоубийства, употребление табака, алкоголя или наркотиков.

Говоря о негативном СП, можно выделить множество порождающих его факторов. Например, экономические — недостаток финансов для поддержания здоровья, социальные — распространение моды на вредные привычки, низкий уровень индустрии здоровья или психологические — защитная реакция психики на негативные события и т.д. Нам важно указать факторы, влияющие именно на студенческую молодежь. Важнейшим выступает стресс, вызванный конфликтными коммуникациями, экзаменами, повышением тревожности в процессе обучения. Фактор, требующий не меньшего внимания — часто утомляющий ритм жизни: посещение мероприятий, работа, волонтерская, творческая и научная деятельность. Под действием этих рычагов, молодые люди могут начать злоупотреблять алкоголем и табаком, пропускать приёмы пищи, откладывать походы к врачу и другими способами губить свое здоровье, понижая его ценность.

Материалы Глобального опроса взрослого населения о потреблении табака, показывают, что в 2009 г. доля активных потребителей табака среди молодежи 19-24 лет составила 50,4% [5, с. 41]. К 2018 г. показатель ежедневно курящей молодежи снизился до 22,4% [6, с. 1]. Касаясь употребления алкоголя, прослеживается такая динамика: в 2007 г. около 86% студентов один и более раз в месяц употребляли алкоголь, к 2015 г. показатель опустился до 73% [7, с. 1]. В перспективе такие изменения могут снизить возникновение болезней, вызываемых вредными привычками. В свою очередь, ярко выраженные показатели стресса у студентов на 2008 г. выявлялись у 40% [8, с. 2]. Но к 2019 г. показатели снижаются: сейчас доля молодёжи, часто или постоянно сталкивающейся со стрессом, составляет 29% [9, с. 1]. Несмотря на общую положительную тенденцию, выявляются свойственные студентам специфические особенности, отрицательно влияющие на здоровье: подготовка к занятиям ночью (51,3%), поздние ужины перед сном (48,6%), проблемы в личной жизни (48,9%) [10, с. 3].

Таким образом, мы можем сказать, что ещё в 2000-х гг. за студентами закреплялась пассивность в отношении к здоровью, однако сейчас многие практики изменяются в лучшую сторону, что является неплохим показателем распространения положительного СП в студенческой среде. Тем не менее

представители этой социальной группы всё ещё не готовы к самостоятельному поддержанию здоровья на удовлетворительном уровне.

Данные результаты можно связать с концепцией пирамиды потребностей по А. Маслоу, где базовые потребности человека являются основанием пирамиды, в том числе физиологические потребности и потребности в безопасности физической и моральной, в защищенности семьи и здоровья, а достижения и самореализация (уважение других, творчество) занимают верхние слои пирамиды [11]. Образ жизни студентов обуславливает большие энергозатраты на реализацию ими высших потребностей, заставляя заниматься поиском места в обществе, завоевывать уважение окружающих и реализовывать свой творческий потенциал. В силу возраста потребность в здоровье удовлетворена, так как организм молодого человека чаще всего хорошо адаптируется к предлагаемым условиям. Поэтому важно формировать отношение к здоровью как к высшей ценности, чтобы из разряда неосознаваемых потребностей оно перешло в категорию значимых для личности достижений.

Отметим, что у современных студентов повышается осведомленность в отношении ЗОЖ, которую они готовы использовать в практической деятельности. Развитие данной тенденции означает, что студенты осознают ценность СП для самореализации.

Таким образом, общественные настроения и политика, направленные на распространение среди студентов идей СП, дают результаты. Среди механизмов такого воздействия можно выделить проведение университетских мероприятий, посвященных здоровью, государственную материальную поддержку, льготы для спортсменов, социальное одобрение ЗОЖ. Однако без внимания все ещё остаются и другие достаточно важные аспекты студенческого здоровьесохранения. Для урегулирования данного вопроса мы считаем целесообразным распространение среди студентов знаний и навыков о том, как эффективно совмещать учебную и другие виды деятельности с заботой о собственном здоровье. Поддержка и мотивация студенческой молодежи к самосохранительному поведению могут иметь различные проявления, но их наличие обязательно для обеспечения здорового будущего страны.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года №204 [Электронный ресурс] // Гарант: Интернет-портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200> (дата обращения: 26.10.2019).

2. Антонов А.И. Социология семьи: учебное пособие / Под ред. проф. Антонова А.И. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 637 с. – С. 33
3. Ядов В.А. Социология в России /Под ред. В.А. Ядова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – 696 с.
4. Ревякин Е.С. Самосохранительное поведение: понятие и сущность // Вестник ИГЭУ. 2006. №1. С.1–4.
5. Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака: страновой отчет/ Российская Федерация, 2009. – 171 с.
6. Звездина П. Каждый пятый россиянин оказался заядлым курильщиком [Электронный ресурс] // РБК, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2019/5c9399119a79478d27cb75d0> (дата обращения: 1.11.2019).
7. Кузнецова А. А., Кнещук М. П. Динамика уровня употребления алкоголя в студенческой среде за 2006–2015 гг. // Молодой ученый. 2016. №5. С. 624–626.
8. Апарина Е. Н. Особенности стресса студентов разных специальностей // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. №.2. С. 32–37.
9. Нагаев К. ВЦИОМ назвал долю постоянно испытывающих стресс россиян [Электронный ресурс] // РБК, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/10/2019/5d9d973c9a7947139963d682> (дата обращения: 1.11.2019).
10. Меерманова И.Б., Койгельдинова Ш.С., Ибраев С.А. Состояние здоровья студентов, обучающихся в высших учебных заведениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2–2. С. 193–197.
11. Маслоу А., Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина – 3-е изд. – СПб, 2013. – 351 с.

N.A. Kalinina, L.V. Tselischeva

SELF-PRESERVING BEHAVIOR OF STUDENTS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article discusses the features of self-preservation behavior in the student environment of Russian society. The origins of the theory of self-preserving behavior in Russia are revealed, its directions are characterized and factors influencing the self-preserving behavior of students are highlighted. On the basis of statistics, a tendency to increase students` interest in maintaining their own health is show, features of students are identified that impede the full spread of positive self-preserving behavior in this social group. It is concluded that it is necessary to teach students the knowledge and skills of competent integration of self-preserving behavior in everyday life.

Keywords: self-preserving, student youth, bad habits, student health conservation

КАЧЕСТВО ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ограниченная доступность медицинской помощи для населения, несмотря на проводимые преобразования в сфере общественного здравоохранения, остаётся серьёзной проблемой.

Ключевые слова: информатизация здравоохранения, дефицит кадров

Проведённое в последние годы расширение и совершенствование имеющихся и внедрение новых систем информатизации здравоохранения, а также переход к использованию единой электронной медицинской карты и электронной записи к врачу, бесспорно, облегчили доступ к сервисам оперативной записи на приём к врачам и оптимизацию потока пациентов в медицинские учреждения области. Однако ограниченная доступность медицинской помощи для населения, несмотря на проводимые преобразования в сфере общественного здравоохранения, остаётся серьёзной проблемой. Реализация программы информатизации завершилась, но проблемы стандартизации и организации ИТ-поддержки медицинских учреждений остались актуальными.

Рассмотрим, какое место занимают информационные сервисы в понимании категории «медицинская услуга» и «медицинская помощь». Во многих нормативно-правовых актах данные понятия «медицинская услуга» и «медицинская помощь» тождественны. Но в соответствии с отраслевым классификатором «простых медицинских услуг» [1] медицинская помощь трактуется как комплекс мероприятий (включая медицинские услуги, организационно-технические мероприятия), направленных на удовлетворение потребностей населения в поддержании и восстановлении здоровья. Таким образом, медицинская помощь – это более обширная категория, которая включает в себя все меры медицинского характера, в том числе оказание медицинских услуг. Это означает, что медицинская помощь наполняет медицинскую услугу содержанием.

По мнению автора статьи «Понятие “медицинская услуга” и основные подходы к её классификации» Е.В. Полянской, разграничение рассматриваемых дефиниций заключается также в том, что медицинская услуга является

категорией рыночных отношений, результат от оказания которой оценивают с точки зрения соотношения прибыли и затрат. И напротив, медицинская помощь не обладает товарной формой и стоимостью в отличие от медицинских услуг, следовательно, она не предмет купли-продажи, то есть не может быть объектом обращения на рынке медицинских услуг [2].

Таким образом, более полным определением «медицинской услуги» является – экономическая категория, под которой понимается не только лечебно-диагностические услуги, но и вспомогательные сервисные услуги (например, электронная запись пациента к врачу через сеть Интернет). Именно сервис будет фигурировать в нашем исследовании [2].

Согласно федеральным статистическим наблюдениям по социально-демографическим проблемам, в частности, наблюдениям качества и доступности услуг в сфере здравоохранения Вологодской области в 2015 г., выявлены негативные тенденции: неудовлетворённость населения оказываемыми медицинскими услугами БУЗами Вологодской области (80,5% опрошенных) и отказ от посещения поликлиники (4,8%). Главными причинами неудовлетворительной работы поликлиник, к которым прикреплены респонденты, являются: длительность ожидания в очередях (81%), работа врачей-специалистов, работа участкового врача, неудобное время работы специалистов (рисунок 1)¹.

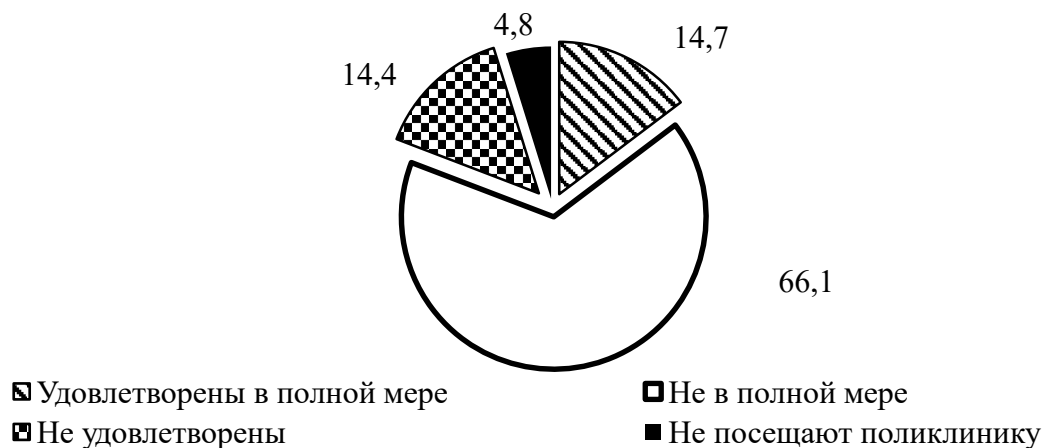

Рисунок 1 – Оценка населением качества и доступности медицинского обслуживания

С 2016 года оценка респондентами состояния своего здоровья не фигурирует в результатах выборного наблюдения. Однако освещённой осталась оценка респондентами графика работы врачей и служб медицинской организации, где была оказана первичная медицинская помощь (для 62,5%

¹Сведения федеральной службы государственной статистики по Вологодской области в сфере здравоохранения за 2015 г. Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/sphere/.

график удобен в полной мере; остальная часть респондентов, для которой график частично или полностью неудобен, указала главную причину (49,2%): невозможность попасть (записаться) на приём с 8:00 до 18:00 часов).

Неизменным остаётся низкий уровень осведомлённости населения о бесплатных медицинских услугах. Ниже приведены сведения федеральной службы государственной статистики по Вологодской области об ознакомлении населения с перечнем бесплатных медицинских услуг (рис. 2). В меньшинстве те, кто в полной мере ознакомлен с перечнем бесплатных медицинских услуг (23% в каждой категории населения). Большинство опрошенных частично или полностью не знакомы с бесплатными медицинскими услугами (77-79%).

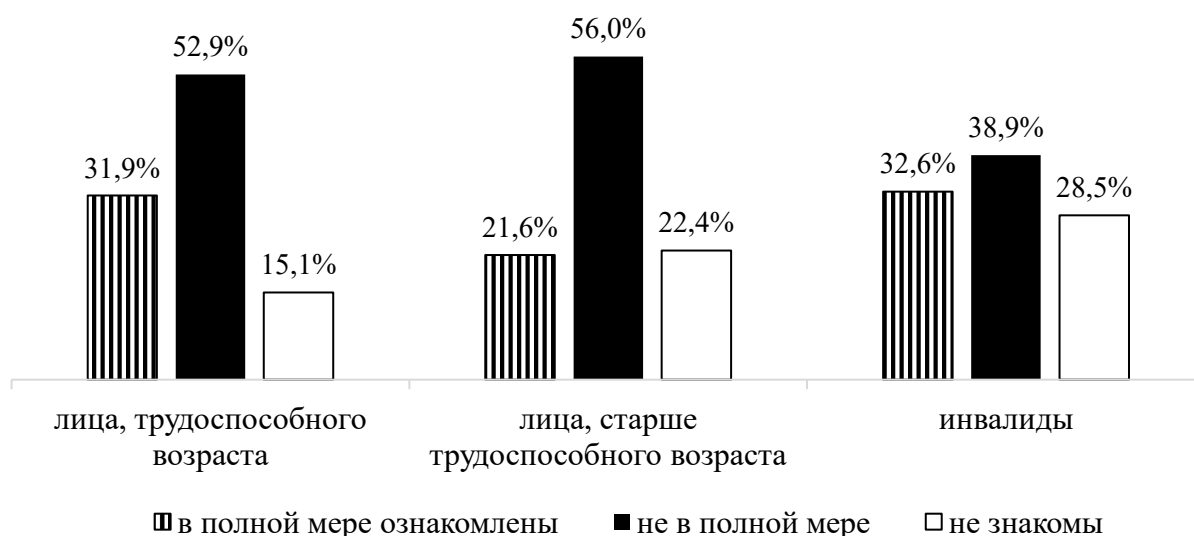

Рисунок 2 – Медицинская грамотность вологжан

Данная ситуация связана с действием различных факторов:

- слабая информированность населения: информация размещается преимущественно на официальных сайтах и обновляется нерегулярно;
- технический фактор: не все умеют пользоваться техническими средствами и выходить в сеть Интернет, чтобы найти ту или иную полезную им информацию;
- отсутствие альтернативных каналов информирования населения.

Однако ни одна из этих причин не является принципиальной, поскольку Программа государственных гарантий бесплатного оказания услуг публикуется ежегодно и распространяется через широкий круг источников. Кроме того, она присутствует на информационных стендах всех медицинских учреждений. Настоящая причина неосведомлённости – то, что граждане не считают её важной для себя по ряду причин. Прежде всего потому, что большинство обычных видов помощи всё-таки оказывается на бесплатной основе, а платные услуги рассматриваются как альтернатива с преимуществом быстрого доступа и более удобных условий сервиса. Однако формальная бесплатность и всеобщий охват

бесплатной медицинской помощью обрачивается проблемами очередей, сложностью записи на приём и прочими организационными проблемами.

Признаем, что на сегодняшний день процедура электронной записи к врачу возможна посредством целого ряда каналов: единый портал государственных услуг, региональный портал медицинских услуг, портал (<https://zapis.volmed.org.ru/>) и инфоматы (аппараты электронной записи, установленные в БУЗах области). Однако зачастую при электронной записи через сеть Интернет необходимо подтверждение регистратуры, что является непроработанностью предоставления медицинской услуги. Разнообразие возможностей электронной записи не исключает доминирующего положения живой записи через регистратуру или по телефону (особенно к врачам-специалистам).

Низкий уровень осведомлённости населения о бесплатных медицинских услугах и неэффективность введённой электронной записи к врачу сводятся к ключевой проблеме: даже при формальной бесплатности большинства видов медицинских услуг, доступность медицинской помощи фактически не достигнута. Поскольку основной базовой причиной и одновременно проблемой является кадровый дефицит в БУЗах Вологодской области:

- укомплектованность врачами составляет 88,2% при коэффициенте совместительства 1,7;
- укомплектованность специалистами со средним профессиональным образованием – 91,4%, при коэффициенте совместительства 1,4.

Высокие коэффициенты совместительства свидетельствуют о том, что медицинский персонал сильно перегружен. Ощущается острый дефицит врачебных кадров, составляющий 550 человек, специалистов со средним профессиональным образованием – 672 человека (потребности в младшем медицинском персонале нет).

Поэтому информационное сопровождение предоставления медицинских услуг, в частности сервисы, безусловно занимают важное место в повышении доступности медицинских услуг для населения, но базовую проблему – дефицит кадров, кардинально сервисы не решают.

Список литературы

1. Приказ Минздрава РФ от 10.04.2001 N 113 О введении в действие отраслевого классификатора Простые медицинские услуги (вместе с ОК ПМУ 91500.09.0001-2001. Система стандартизации в здравоохранении Российской Федерации. Отраслевой классификатор Простые медицинские услуги) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minzdrava-rf-ot-10042001-n-113/ok-ptmu-91500.09.0001-2001/> (Дата обращения: 16.08.2015).

2. Полянская Е. В. Понятие «медицинская услуга» и основные подходы к её классификации // Молодой ученый. — 2010. — №1-2. Т. 1. — <https://moluch.ru/archive/13/1179/>

S.L. Kalinina

QUALITY OF INFORMATION SUPPORT OF PROVISION OF MEDICAL SERVICES TO THE POPULATION VOLOGDA REGION

The limited availability of medical care for the population, despite the ongoing reforms in the field of public health, remains a serious problem.

Keywords: health informatization, personnel shortage

УДК 316.614

А.Э. Куварзина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ВРАЧА

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты процесса профессиональной социализации врача. Описаны сущностные представления о данном процессе. Проанализированы факторы, влияющие на успешный процесс освоения врачами профессиональных ролей. На основе исследования данной темы были обозначены проблемы профессиональной социализации. Изложены результаты исследования профессиональной социализации врача. Выявлены основные причины выбора профессии, престижность данной специальности. Рассмотрены взаимоотношения между врачом и пациентом. Описаны причины возникновения стресса у врачей на рабочем месте, а также причины неудовлетворённости работой. Исследовано мнение врачей об успешности выполнения профессиональных задач. Сделан вывод о профессиональном становлении врача.

Ключевые слова: профессиональная социализация, факторы социализации, медицина

Медицина в России находится в глубоком кризисе. Проблемы с финансированием, кадровым и материально-техническим обеспечением, ухудшение доступности первичной медицинской помощи, низкий уровень материального положения и социальной защиты формируют комплекс факторов, негативно влияющих на профессиональную социализацию.

В науке существуют разные подходы к раскрытию сущности профессиональной социализации. Она осуществляется во взаимодействии людей, в передаче навыков, норм, ценностей. Профессиональная социализация тесно связана и с трудовыми действиями. Отсюда вытекает, что

профессиональная социализация – процесс освоения индивидом определенных профессиональных знаний, умений и навыков, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества [3].

Успешность профессиональной социализации заключается в формировании профессионального сообщества, повышения престижа и социальной значимости профессии. В то же время следует подчеркнуть, что результативность профессиональной социализации, не является производной исключительно от личностных качеств индивида, хотя они и играют решающую роль [2, с. 148-151].

Рассмотрим некоторые аспекты профессиональной социализации, опираясь на материалы социологического исследования. Осенью 2018 года был проведен сплошной опрос врачей ГБУЗ СО «Малышевская городская больница» поселка Малышева Свердловской области с профессиональным стажем от 1 года.

Изучение причин выбора профессии врача показало, что практически каждый пятый респондент – продолжает профессиональную династию и выбор данной профессии – это семейная традиция (см. рис. 1).

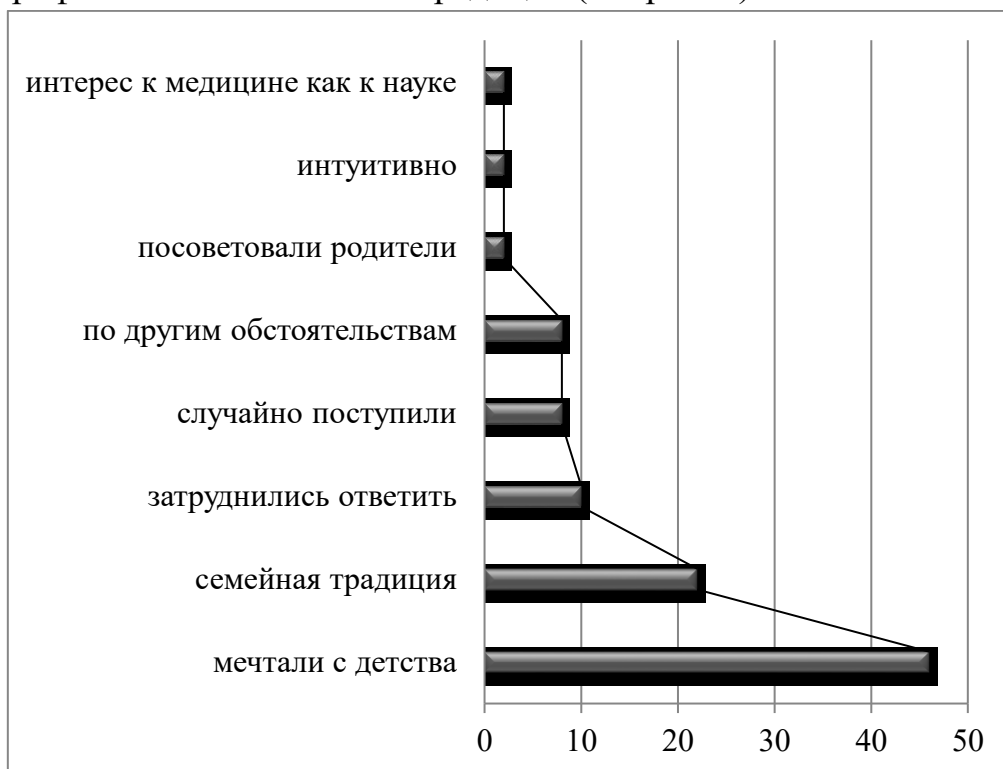

Рис. 1. Причины выбора профессии врача

Особенно стоит отметить, что значительная часть опрошенных врачей (46%) ответили, что мечтали о данной профессии с детства, т.е. профессиональный выбор большинства опрошенных был абсолютно осознанным, взвешенным, работая врачом, они реализуют свое призвание. Стоит

отметить, что профессия врача в те годы, когда большинство респондентов осуществляли свой профессиональный выбор, считалась достаточно престижной и уважаемой в обществе. Что тоже, несомненно, влияло на выбор данной профессии.

При поиске хорошего врача пациенты часто обращают внимание на его профессиональные качества. В большинстве случаев это такие характеристики, как профессионализм, глубокие знания своей сферы деятельности, гуманность, уверенность и внимание. Сами врачи, согласно данным нашего исследования, на первые три места по степени значимости поставили такие качества, как ответственность (84%), компетентность (82%) и способность принимать быстрые решения (58%). Как мы видим, мнения пациентов и врачей по данному вопросу сходятся. Приятно отметить, что значительная часть респондентов относит к числу необходимых и такие качества, как умение поддержать пациента (46%), желание помочь (36%), толерантность (20%).

Сложности процесса профессиональной социализации оказывают влияние на качество медицинской помощи, особенности труда врачей связаны с высокой степенью нервно-эмоционального напряжения, нехваткой времени и высокой профессиональной ответственностью. В таблице 1 можно увидеть, что чаще всего причиной стресса врачей является прохождение аттестации. Аттестация для врача считается своеобразной ступенью в профессиональном росте и карьере. Это необходимо не только для повышения категории и денежного вознаграждения, но и для личного самоутверждения.

Табл. 1.

**Причина возникновения стресса у врачей на работе
(в % от числа ответивших)**

№	Причины	%
1	когда проходят переаттестацию	32
2	не испытывают	18
3	только при общении с пациентами	12
4	только при общении с руководителем	10
5	при слишком большой нагрузке	2
6	когда пациенты достают	2
7	в ситуациях, связанных с угрозой жизни пациента	2
8	в различных ситуациях	2
9	постоянный стресс от «оптимизма» нашего Минздрава	2
10	затруднились ответить	18
	Всего:	100

Причины возникновения стресса у врачей на рабочем месте зависят от неудовлетворённости врачей работой. Причем не всегда они вызваны взаимодействием с другими людьми, иногда они связаны с внутренними причинами. Одной из главных причин неудовлетворённости врачей работой является отсутствие надлежащей социальной поддержки со стороны государства – 52% опрошенных (см. табл. 2). Можно предположить, что врачи не удовлетворены объемом социальных льгот, которые им предлагает государство.

Табл. 2.

Причины неудовлетворённости врачей работой (в % от числа ответивших)

№	Причины неудовлетворённости	%
1	отсутствие надлежащей социальной поддержки со стороны государства	52
2	потребительское отношение пациента к врачу	50
3	несдержанность пациентов	46
4	размер заработной платы	42
5	сокращение дополнительного отпуска	36
6	отсутствие современного лечебного и диагностического оборудования	34
7	профессиональное выгорание	28
8	условия труда	18
9	отсутствие возможности для профессионального роста	14
10	отношения с руководством	12
11	отношения с коллегами	6
12	затруднились ответить	2
13	снятие профессиональной вредности	2
	Всего:	342

*Сумма процентов больше 100, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Также практически для половины опрошенных причины неудовлетворенности работой лежат в сфере взаимоотношений с пациентами: 50% респондентов отмечают потребительское отношение пациента к врачу, 46% – несдержанность пациентов при общении с врачом.

На успешную профессиональную социализацию влияет ряд качеств. И одним из них является умение выстраивать взаимоотношения с пациентами. Среди основных причин, вызывающих конфликты, врачи выделили следующие: личностные особенности пациента (конфликтность) – 66%, потребительское отношение пациента к врачу – 38%. Как видно из приведенных данных, причину

конфликта врачи видят большей частью в пациенте, а не в собственном поведении. Только 20% опрошенных в качестве возможной причины конфликта называют внешние обстоятельства (долгое ожидание приёма врача, трата времени в очереди, отсутствие в лечебном учреждении необходимого диагностического или лечебного оборудования).

При оценке степени доверия и понимания между врачами и пациентами 45% врачей выразили уверенность в полном доверии и понимании, 55% отметили частичное доверие и понимание. Доверие способствует повышению эффективности оказываемой медицинской помощи, в ускорении процесса выздоровления и т. д. Эффективность работы врача – фактор, от которого зависит здоровье населения [1, с. 139].

Рассмотрим, как респонденты оценивают собственную степень успешности в решении профессиональных задач. Результаты исследования показывают, что 28% врачей считают, что всегда справляются со своими обязанностями, большая часть опрошенных – 72% отмечают, что чаще всего справляются. Никто не выбрал вариант негативной оценки собственной работы, возможно, это связано с нежеланием признавать в ситуации опроса собственную некомпетентность.

Успешность профессиональной социализации врача зависит от взаимоотношений с пациентами, качества выполнения профессиональных обязанностей, от удовлетворенности трудовой деятельностью. Становление врача как специалиста происходит в течение всей его жизни и опирается как на профессиональные, так и на личные качества человека. Это сложный и трудоемкий процесс, требующий самоотдачи и стремления добиваться новых профессиональных медицинских высот. Успешные врачи находятся в благополучном психоэмоциональном состоянии, не теряют самообладания в экстремальных ситуациях и принимают верные решения, за которые несут ответственность.

Список литературы

1. Изотова А.В. Доверие в системе «Врач-пациент» / А.В. Изотова // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2009. Т. 6. №1. С. 137-143.

2. Макарова С.Н. Успешная профессиональная социализация: основные подходы к исследованию / С.Н. Макарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №17 (95). С. 145-155.

3. Социализация профессиональная [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/209-socializaciya-professionalnaya.html> (Дата обращения: 12.09.19)

SOME ASPECTS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF THE PHYSICIAN

This article discusses some aspects of the process of professional socialization of the doctor. The essential concepts of this process are described. The factors affecting the successful process of mastering doctors of professional roles are analyzed. Based on the study of this topic, problems of professional socialization were identified. The results of the study of professional socialization of the doctor are analyzed. The main reasons for choosing the profession, the prestige of this specialty are identified. The relationship between doctor and patient are considered. It describes the causes of stress among doctors in the workplace, as well as the causes of job dissatisfaction. This article discusses the opinion of doctors about the success of professional tasks. Particular attention is paid to the professional development of a doctor.

Keywords: professional socialization, factors of socialization, medicine

УДК 316.354+314.44

Н.А. Лебедева-Несевря, А.О. Барг

ВЛИЯНИЕ ПРОЛОНГАЦИИ ПЕРИОДА ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ НА ЗДОРОВЬЕ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Обсуждается возможное влияние повышения пенсионного возраста в России (в рамках пенсионной реформы 2018–2028 гг.) на здоровье работающего населения. На основе анализа литературы выделено две точки зрения на данное влияние – оптимистичная (продлонгация периода трудовой активности позитивно скажется на здоровье граждан) и пессимистичная (более поздний выход на пенсию сократит годы здоровой жизни на пенсии, повысит риски заболеваемости, связанной с производственными факторами). Предложены способы профилактики негативных эффектов пролонгации периода трудовой активности для здоровья.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсионная реформа, здоровье, работающие

В сентябре 2018 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, вносящий принципиальные изменения в порядок назначения и выплаты пенсий [1]. Ключевая новация – повышение общеустановленного возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости и пенсии по государственному обеспечению. Начиная с 2028 г. женщины будут выходить на пенсию в 60 лет, мужчины – в 65 лет. Причины повышения пенсионного возраста лежат, в первую очередь, в экономической и демографической плоскостях. Демографически обусловленное сокращение численности экономически активных граждан РФ, согласно долгосрочным прогнозам, приведет сначала к сближению, а затем к перевесу численности получателей страховых пенсий над

работающими гражданами, т.е. теми, за которых уплачиваются страховые взносы [2]. Без кардинального рывка в производительности труда (для которого отсутствуют объективные основания) и, как следствие, роста заработных плат и страховых отчислений, или повышения пенсионного возраста (т.е. искусственного увеличения доли доноров и сокращения доли реципиентов пенсионной системы) сохранить (и тем более увеличить) пенсии на нынешнем уровне будет невозможно [3]. К позитивным последствиям повышения пенсионного возраста относят также рост шансов старшего поколения на рынке труда и выравнивание гендерного неравенства [4]. Вместе с тем, более поздний выход на пенсию связан с рядом негативных последствий, в первую очередь, касающихся состояния здоровья работающих в «новом» предпенсионном возрасте.

В современном научном дискурсе существует две точки зрения на влияние пролонгации периода трудовой активности на здоровье. Согласно первой, более поздний выход на пенсию является фактором антириска (устойчивости) для здоровья. Например, исследования в Великобритании показали, что выход на пенсию повышает вероятность диагностики хронических заболеваний и рака, увеличивает риск развития ряда сердечнососудистых заболеваний [5]. К схожим выводам приходят американские специалисты, проанализировавшие данные многолетнего (с 1992 по 2005 гг.) исследования – «полный выход на пенсию приводит к увеличению заболеваемости на 5–6%, ухудшению ментального здоровья на 6–9%» [6]. Подобные эффекты объясняются феноменом «кризиса после выхода на пенсию», сопровождаемого разрушением социальных связей, негативной коннотацией понятия «пенсионер» в обществе, необходимостью пересмотра идентичности и изменением стиля жизни [7]. С другой стороны, ухудшение здоровья может быть связано не с выходом на пенсию как таковым, а с сопутствующим снижением доходов и уровня жизни. Особенно это справедливо для России, где по итогам 2018 г. среднемесячная номинально начисленная заработная плата составляла 43,72 тыс. руб., а средний размер назначенных пенсий – 13,36 тыс. руб. При этом, согласно данным Фонда «Общественное мнение», свыше половины (52%) россиян старше 60 лет не имеет сбережений и денежных накоплений [8].

Вторая точка зрения на влияние повышения пенсионного возраста на здоровье состоит в фокусировке на рисках. Так, исследование на выборке из 50 тыс. итальянских работающих мужчин показало, что один год отсрочки выхода на пенсию увеличивает риск сердечно-сосудистых заболеваний и смертности (все причины) в группе мужчин 68–70 лет на 2,1% и 2,6% соответственно [9]. Специалисты Urban Institute (аналитический центр в США) в своем докладе о целесообразности повышения пенсионного возраста говорят о вероятности

ухудшения здоровья в первую очередь тех работников, которые имеют низкий уровень образования и заняты на работах с вредными и тяжелыми условиями труда [10]. Для данной группы работников также повышаются риски непрохождения периодических медицинских осмотров и, как следствие, снижения уровня доходов в силу перевода на другую должность или увольнения. Отметим, что реализуемая в России пенсионная реформа не касается работников, занятых во вредных условиях труда [11]. Ряд экспертов прогнозируют рост заболеваемости среди работающих при повышении пенсионного возраста за счет влияния таких факторов трудовой деятельности как стрессы и напряженность, резистентность к которым в старших возрастных группах ниже [12].

О более высоком уровне риска развития заболеваний при повышении пенсионного возраста можно говорить, используя понятие «ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ)». Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в нашей стране ОПЗЖ при рождении у мужчин и женщин одинаковая, и составляет 61 год [13]. Следовательно, выход мужчин на пенсию в 65 лет будет означать превышение периода трудовой активности над продолжительностью здоровой жизни.

Опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный летом 2018 г., показал, что большинство россиян высказывались против повышения пенсионного возраста (в группе респондентов в возрасте 31–60 лет несогласных с пенсионной реформой было 86%). При этом основной аргумент противников повышения пенсионного возраста был связан с состоянием здоровья россиян и звучал как «при повышении пенсионного возраста многие не доживут до пенсии» [14]. Однако, согласно исследованию Росстата, лишь треть работающих граждан прекращают трудовую деятельность в год наступления пенсии, остальные продолжают работать в среднем еще 5–8 лет [15], т.е. фактически пролонгация периода трудовой активности в нашей стране уже реализована.

В целом, естественные возрастные изменения неизбежно приводят к росту заболеваемости и смертности в более старших возрастных группах. Пролонгация периода трудовой активности переложит часть этого бремени на работодателей и государство в виде повышенного уровня заболеваемости с временной утратой трудоспособности в группе 55–60 лет у женщин и 60–65 лет у мужчин и роста социально мотивированной инвалидности [16, с. 576].

Профилактика перечисленных негативных эффектов повышения пенсионного возраста для здоровья работающих не является специфической. Основные ее направления можно свести к следующему:

1. Реализация мероприятий по продлению периода здоровой жизни, в первую очередь, через пропаганду и создание условий для ведения здорового образа жизни (в микрорайонах, на предприятиях), отказ от вредных привычек,

повышение уровня двигательной активности, нормализацию питания, ответственное медицинское поведение.

2. Развитие навыков стрессоустойчивости, сопротивления эмоциональным перегрузкам, в т.ч. в рамках деятельности HR-департаментов предприятий.

Также целесообразным представляется разработка мероприятий по повышению индивидуальной ответственности работающих за свою «достойную старость», развитие финансовой культуры с целью активизации действий россиян по формированию дополнительных пенсионных сбережений.

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ.

2. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. №1. С. 148–179.

3. Демографический контекст повышения возраста выхода на пенсию. Доклад / Денисенко М.Б., Овчарова Л.Н., Варшавска Е.Я., Васин С.А., Козлов В.А.. М.: НИУ ВШЭ, 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/220988047.html>

4. Пенсионный возраст: оставить нельзя повысить? Материалы секции VI Социологической Грушинской конференции 17 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://fom.ru/starost/index.html>

5. Behncke S. How Does Retirement Affect Health? IZA Discussion Paper. No 4253. 2009 [Электронный ресурс] // URL: <http://ftp.iza.org/dp4253.pdf>

6. Dave D., Rashad R.I., Spasojevic J. The Effects of Retirement on Physical and Mental Health Outcomes // Southern Economic Journal. 2008. Vol. 75(2), Pp. 497–523.

7. Куштанина В.А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. № 4. С. 152–163.

8. Ситуация со сбережениями. Удастся ли россиянам сегодня что-нибудь откладывать, есть ли у них сбережения? [Электронный ресурс] // <https://fom.ru/Ekonomika/12236>

9. Ardito C., Leombruni R., d'Errico A., Blane D. (2017). To work or not to work: the effect of pension reforms on male workers' health // Innovation in Aging, 1(Suppl 1), 989. doi:10.1093/geroni/igx004.3575

10. Johnson R.W. Is It Time to Raise the Social Security Retirement Age? Research Report [Электронный ресурс] // URL:

https://www.urban.org/research/publication/it-time-raise-social-security-retirement-age/view/full_report

11. Информация Пенсионного фонда России от 14 июня 2018 г. «О категориях граждан, для которых не предусматривается повышение пенсионного возраста» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1202662/#ixzz64UGR6xIF>

12. Бобков В.Н., Забелина О.В., Локтюхина Н. В. Повышение пенсионного возраста в Российской Федерации: социально-трудовые последствия // Народонаселение. 2015. №4 (70).

13. Аганбегян А.Г. О продолжительности здоровой жизни и пенсионном возрасте // ЭКО. 2015. №9 (495).

14. Повышение пенсионного возраста: реакция граждан. О решении повысить пенсии и его влиянии на отношение к властям [Электронный ресурс] // URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14057>.

15. Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации [Электронный ресурс] // https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-st-tr_st.htm

16. Синявская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал ВШЭ. 2017. №4. С. 562–591.

N.A. Lebedeva-Nesevria, A.O. Barg

THE EFFECTS OF INCREASING THE NORMAL RETIREMENT AGE ON HEALTH OF WORKING POPULATION IN RUSSIA

The possible impact of increasing the retirement age in Russia (as a part of the pension reform of 2018–2028) on health of the working population is discussed. Two points of view on this effect were identified: optimistic (prolongation of the period of labor activity will positively affect the health of citizens) and pessimistic (later retirement will reduce the years of a healthy life in retirement, increase the risks of morbidity associated with factors of working environment). Several methods of prevention of the negative effects of prolonging the period of labor activity for health are proposed.

Key words: retirement age, pension reform, health, working population.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНВАЛИДАМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СОВРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ ИХ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ

Цифровизация охватила все сферы жизни людей и изменила облик современного общества. Этот процесс принёс и новые возможности социального участия для людей с инвалидностью. Пространство их общения существенно расширилось благодаря сети Интернет. Вместе с тем, виртуальную среду удалось освоить не всем представителям этой категории населения. В данной работе представлен краткий анализ использования инвалидами сети Интернет. Обсуждаются проблемы, препятствующие повышению доступности данного ресурса для инвалидов.

Ключевые слова: цифровизация, социальное участие, инвалиды, использование сети Интернет

Цифровизация за короткое время изменила технологические основы производства, привела к появлению новых форм взаимодействия между участниками экономической деятельности, позволила снизить транзакционные издержки фирм. Одновременно этот масштабный процесс привёл к заметным переменам в жизни общества. Исследователи выделяют, несколько направлений, затрагивающих повседневные практики людей. Это, прежде всего, появление нового класса «умных» устройств, повышение доступности, расширение охвата и улучшение качества Интернет-связи, онлайн-торговля, развитие дистанционного образования, телемедицины, электронных госуслуг, безналичные расчёты [2; 5]. Исследователи обращают особое внимание на связанные с цифровыми технологиями трансформации рынка труда, в том числе институциональных основ его функционирования [1; 3; 6].

Для людей с инвалидностью последствия цифровизации характеризуются своей спецификой. С одной стороны, при условии доступности для инвалидов цифровые устройства и Интернет становятся средствами расширения социального участия. С другой, при отсутствии возможностей их использования, владение цифровыми устройствами и доступ в Интернет становятся новыми критериями эксклюзии. На рынке труда удалённая работа через Интернет повышает шансы людей с инвалидностью на трудоустройство, но, одновременно, роботизация рутинного труда отнимает целые ниши, которые прежде они могли занимать относительно свободно (например, работа оператором колл-центра).

Влияние цифровизации на социальное участие инвалидов может быть опосредовано как через психологический фактор (готовность инвалидов осваивать новые технологии), так и через финансовый (ценовая доступность цифровых мобильных устройств и услуг доступа в Интернет). В настоящее время ситуация с охватом изучаемой категории населения услугами Интернет-связи неблагоприятна и характеризуется рядом проблем. В 2016 году среди инвалидов только 33% имели возможность выхода в Сеть. Относительно низким на фоне населения в целом был и уровень их компьютерной грамотности. Только 29% инвалидов имели навыки работы с персональным компьютером, тогда как среди населения доля таковых составляла 70%. Примечательно, что персональные компьютеры являлись основным устройством для выхода в Интернет, и для населения в целом, и для инвалидов (по 92% пользователей). Однако в использовании мобильных телефонов инвалиды заметно отставали: только 36% из них выходили в Интернет с этих устройств, тогда как среди населения – 66% [4].

Доля пользователей сети Интернет в 2018 г. составляла 32% среди инвалидов и 73% среди населения. Примечательно, что среди тех инвалидов, кто не выходил в Интернет, 67% не имели совершенно никакого опыта работы с ним. Среди населения, не пользовавшегося Сетью, не имели опыта работы в ней только 27%. Наиболее активными Интернет-пользователями среди инвалидов были подростки и молодёжь (рис. 1).

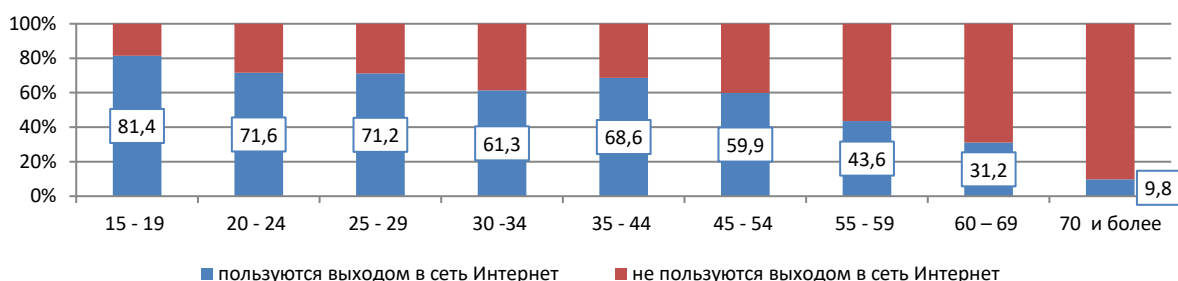

Рис. 1. Использование сети Интернет инвалидами 15 лет и старше, в разрезе возрастных групп (данные в % от численности соответствующих возрастных групп)

Источник: [4].

В 2018 г. выход в Интернет чаще всего осуществлялся ради общения в социальных сетях. На втором месте по востребованности среди респондентов было обращение к сети Интернет, как новостному и информационному источнику, на третьем месте – использование его для развлечений. Как инструмент решения бытовых вопросов (оплата услуг, поиск товаров, специальной информации, обращение за госуслугами) население использовало выход в Интернет активнее, чем инвалиды. Несмотря на то, что развитие

удалённой занятости открывает широкие перспективы профессиональной самореализации именно перед людьми с инвалидностью, лишь 3,2% среди них использовали Интернет для выполнения оплачиваемой работы (табл. 1).

Табл. 1.

Цели и частота использования сети Интернет инвалидами и населением в возрасте 15 лет и более (в % от числа пользователей)

Вопросы об использовании сети Интернет	2018	
	И	Н
Цели использования сети Интернет:		
общение в социальных сетях	75,7	85,0
прочтение новостной информации, статей	67,2	68,7
скачивание фильмов, музыки и игр, сетевые игры и др.	40,2	49,6
осуществление финансовых операций (оплата услуг, перевод денег)	24,5	48,2
пользование электронными библиотеками, энциклопедиями, виртуальными экскурсиями и др.	22,7	29,9
поиск информации о товарах и услугах, заказ товаров и услуг, подача собственных объявлений о продаже личных вещей и имущества	20,4	36,4
получение информации, оформление документов на сайтах органов государственной власти, госучреждений и ведомств	13,2	23,5
для других целей	10,2	10,9
обсуждение социальных и политических вопросов, участие в интернет-акциях, опросах общественного мнения и др.	5,7	8,9
поиск вакансий, клиентов, рассылка информации	4,5	13,0
выполнение оплачиваемой работы	3,2	12,1
дистанционное обучение	2,6	7,3
Частота выхода в Интернет (в % от числа тех, кто когда-либо пользовался Интернетом):		
каждый день или почти каждый день	58,0	76,0
один или несколько раз в неделю	21,0	14,9
от случая к случаю	18,8	8,6
не пользуются	2,2	0,6
Частота общения с людьми в соцсетях (в % от числа пользователей):		
каждый день или почти каждый день	57,1	69,4
один или несколько раз в неделю	25,7	20,7

Вопросы об использовании сети Интернет	2018	
	И	Н
от случая к случаю	17,3	9,9

Обозначения: И – инвалиды, Н – население.

Источник: [4].

На фоне населения в целом, инвалиды менее вовлечены в виртуальную среду и реже используют Интернет. Следовательно, для большинства из них этот ресурс пока не служит полноценным каналом коммуникации и расширения социального участия.

Ограниченное использование Интернета инвалидами может являться статистическим артефактом, поскольку внутри группы наблюдается сильная возрастная дифференциация масштабов и интенсивности использования данного ресурса. Среди инвалидов по численности преобладают лица старше трудоспособного возраста, которые настороженно относятся к новым технологиям. Вероятно, удельный вес их ответов и определяет низкие усреднённые значения, характеризующие вовлечённость инвалидов в виртуальное пространство. Так, среди инвалидов-подростков (15–19 лет) 89% ежедневно общаются в соцсетях. Среди представителей более старших возрастных групп доля таких респондентов заметно ниже (рис. 2).

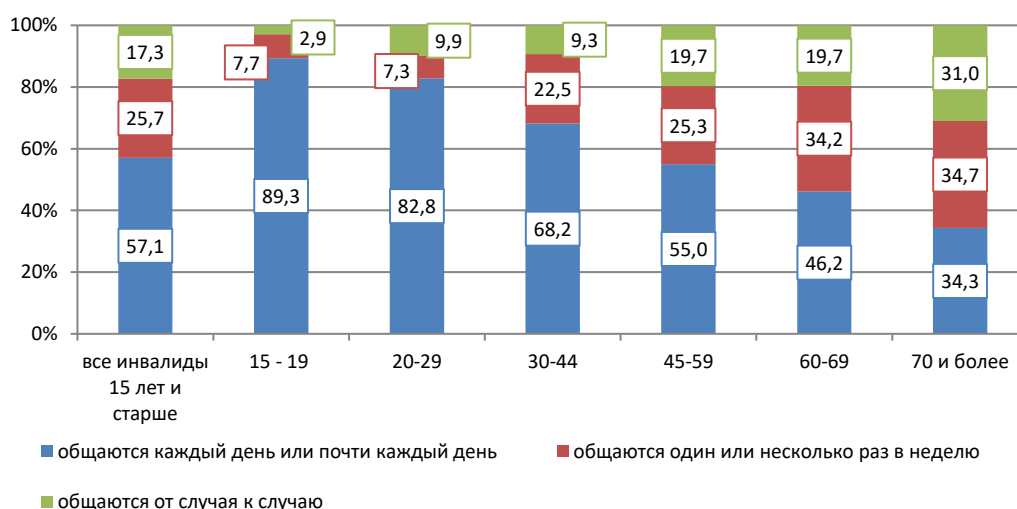

Рис. 2. Распределение ответов инвалидов, использующих Интернет, на вопрос о частоте его использования (в % от числа опрошенных).

Источник: [4].

Чтобы развитие сети Интернет в действительности стимулировало включение инвалидов в социальные взаимодействия необходимо обеспечить решение нескольких задач. Первая касается повышения уровня компьютерной грамотности инвалидов. Вторая состоит в создании версий Интернет-сайтов и мобильных приложений, удобных для людей с инвалидностью. Третья – в

обеспечении ценовой доступности услуг Интернет-провайдеров для инвалидов. Четвёртая – в расширении доступа в Интернет для людей с инвалидностью с использованием мобильных устройств.

В условиях цифровизации наличие у каждого человека с инвалидностью собственного мобильного устройства с возможностью выхода в Интернет и набором необходимых приложений (например, госуслуги, мобильные приложения банков и т.п.) должно стать нормой. Это соответствует, как принципам равного участия инвалидов в жизни общества, так и задачам социальной политики в сфере повышения качества жизни группы.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Новикова Н.В., Шичкин И.А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости. // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 3 (201). – С. 12–17. URL: doi 10.12737/22290 (Дата обращения: 30.10.2019)

2. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. – 2017. – № 4 (11). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2378> (Дата обращения: 31.10.2019)

3. Евсюков А.Л., Михайлов В.С., Козлова Н.А. Влияние цифровой среды на современный рынок труда: новые вызовы и тренды // В сборнике: Неделя науки СПбПУ Материалы научной конференции с международным участием. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. – 2018. – С. 387–389.

4. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. URL: https://www.gks.ru/itog_inspect

5. Коровин Г. Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 1–11. URL: doi 10.31063/2073-6517/2019.16-1.1 (Дата обращения: 29.10.2019)

6. Соловьев А.К. Повышение пенсионного возраста в условиях цифровой экономики: социальные и экономические последствия // В сборнике: Управление экономикой: методы, модели, технологии Материалы XVIII Международной научной конференции. – 2018. – С. 250–252.

USING OF THE INTERNET BY DISABLED PEOPLE AS A MODERN CONDITION FOR THEIR SOCIAL PARTICIPATION

Digitalization has covered all spheres of people's lives and changed the face of modern society. This process has also brought new opportunities for social participation for people with disabilities. The space of their communication has significantly expanded thanks to the Internet. However, not all disabled people were able to master the virtual environment. This paper presents a brief analysis of the use of the Internet by disabled people. There are discussed problems hindering the availability growth of this resource for the disabled.

Keywords: social participation, people with disabilities, digitalization, use of the Internet

УДК 616.006.04: 616.61-008.6]316.443 (470)

Г.С. Петров, И.Л. Кром, М.В. Еругина

ПАЛЛИАТИВНАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С ХРОНИЧЕСКОЙ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В последние десятилетия отмечается значительное увеличение числа пациентов с хроническими болезнями почек, которым показана заместительная почечная терапия. Существуют лишь единичные публикации российских авторов, посвященные паллиативной помощи пациентам, страдающим хроническими болезнями почек с хронической почечной недостаточностью в терминальной ситуации болезни. По мнению авторов, паллиативная помощь диализным пациентам предполагает оказание персонализированной программы диализной терапии.

Ключевые слова: хроническая почечная недостаточность, паллиативная помощь

Пациенты, страдающие хроническими болезнями почек (ХБП), составляют 10-14% населения в мире [5]. В связи с высокой распространённостью и неблагоприятным прогнозом ХБП признаются одной из ведущих проблем современного здравоохранения. Невыявленные случаи ХБП намного быстрее прогрессируют. Возникающая в терминальной ситуации хроническая почечная недостаточность предполагает назначение заместительной почечной терапии.

В большинстве стран гемодиализ рассматривается как приоритетный вариант заместительной терапии при ХБП. Известны расчёты Г. Гарсия-Гарсия и В. Джа [2], основанные на распространённости ХБП, числа пациентов, нуждающихся в заместительной почечной терапии и составляющих 4,9–9 млн. человек. Авторы предполагают, что примерно для 2,3 млн. пациентов с хронической почечной недостаточностью заместительная почечная терапия недоступна, что неизбежно определяет неблагоприятный прогноз.

По данным Р.М. Kane и соавт. [4], в Англии за последние 10-15 лет отмечается значительное постарение популяции диализных пациентов. Пациенты старше 75 лет составляют основную возрастную группу больных, начинающих получать диализ. В исследованиях США и Западной Европы получены аналогичные результаты.

В странах с высоким уровнем доступности заместительной почечной терапии для пациентов с хронической почечной недостаточностью обсуждается паллиативная помощь в терминальном состоянии диализных пациентов. Неблагоприятный исход был отмечен в США у 20% пациентов с хронической почечной недостаточностью в терминальном состоянии в связи с отказом от диализной терапии [6].

В литературе обсуждается вопрос: является ли для пациента с терминальной почечной недостаточностью, находящегося на диализной терапии приоритетным пролонгирование жизни, которое обеспечивает диализная терапия. Пациенты, находящиеся на диализной терапии, стоят перед выбором: продолжить заместительную почечную терапию или паллиативную помощь, оптимизирующую качество жизни. Выбор паллиативной помощи и отказ от диализной терапии связан, как правило, с отсутствием эффекта от диализной терапии или при наличии противопоказаний. Однако, многие пациенты были заинтересованы в проведении диализной терапии, находясь в хосписе [3, 4].

Для современной России, в которой отмечается значительный, превышающий характерный для Европы и США, рост численности диализных пациентов, проблема оказания заместительной почечной терапии становится актуальной [1]. Одной из проблем оказания паллиативной помощи диализным пациентам, является её нормативно-правовое обеспечение: применение персонифицированных программ диализной терапии у пациентов с терминальной почечной недостаточностью противоречит существующим медицинским стандартам и протоколам лечения.

В современной России отмечается значительное увеличение численности пациентов, страдающих терминальной почечной недостаточностью на заместительной почечной терапии. Отмечается повышение числа коморбидных заболеваний у данной группы пациентов. Паллиативная помощь пациентам с хронической почечной недостаточностью в терминальной ситуации болезни предполагает проведение диализной терапии по персонифицированной программе.

Список литературы

1. Бикбов Б.Т., Томилина Н.А. Заместительная терапия терминальной хронической почечной недостаточности в Российской Федерации в 1998-2013гг.

Отчет по данным регистра заместительной почечной терапии. Часть I / Б.Т. Бикбов, Н.А. Томилина // Нефрология и диализ. 2015. Т. 17 (3). С. 5-111.

2. Гарсиа-Гарсиа Г., Джа В. Хроническая болезнь почек у незащищенных слоев населения / Г. Гарсиа-Гарсиа, В. Джа // Нефрология. 2015. Т. 19 (21). С. 17-21.

3. Baumrucker S.J. The case for «'palliative dialysis» / S.J. Baumrucker, G.T. Carter, M. Stolick et al. // American Journal of Hospis and Palliative Medicine. 2009. Vol. 26(4). P. 303-307.

4. Kane P.M., Vinen K., Murtagh F.E. Palliative care for advanced renal disease: a summary of the evidence and future direction / P.M. Kane, K. Vinen, F.E. Murtagh // Palliat Med. 2013. Vol. 27(9). P. 817-821.

5. Sepúlveda C., Marlin A., Yoshida T. et al. Palliative care: the World Health Organization's global perspective / C. Sepúlveda, A. Marlin, T. Yoshida et al. // J Pain Symptom Manage. 2002. № 24. P. 91-96.

6. Trivedi D.D. Palliative Dialysis in End-Stage Renal Disease / D.D. Trivedi // American Journal of Hospice and Palliative Medicine. 2011. Vol. 28(8). P. 539-542.

G.S. Petrov, I.L. Krom, M.V. Yerugina

PALLIATIVE CARE FOR PATIENTS WITH CHRONIC RENAL FAILURE: CONTEMPORARY CONTEXT

In recent decades, there has been a significant increase in the number of patients with chronic renal disease who are prescribed renal replacement therapy. There are only a few publications by Russian authors devoted to palliative care for patients suffering from chronic renal disease with chronic renal failure in end-stage of renal disease. According to the authors, palliative care for dialysis patients involves implementation of a personalized dialysis therapy program.

Key words: chronic renal failure, palliative care

УДК 316.346.3:371.7

И.Н. Разварина

ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В работе представлены результаты изучения поведенческих факторов риска здоровья детей школьного возраста в Вологодской области. На основе комплексного исследования, охватывающего оценку родителями, детьми, специалистами школы уровня и качества своих усилий, роли семьи и школы в охране и укреплении здоровья выявлены проблемные зоны формирования здоровья детей в образовательных организациях г. Вологды и г. Череповца. Полученные результаты позволили акцентировать внимание на ряде аспектов практической и теоретической здоровьесберегающей деятельности школьного образования, сформировать

научно-методическую базу – выявление факторов риска детей для обоснования развития системы здоровьесбережения детей школьного возраста в Вологодской области.

Ключевые слова: детское здоровье, поведенческие факторы, здоровьесберегающая деятельность

Здоровье является одной из важных характеристик детства. Оно закладывается с ранних лет и определяет личностный рост и возможности социально-трудовой активности человека [1]. Наиболее выраженное ухудшение здоровья происходит в период получения образования. К выпускному классу школы частота функциональных нарушений возрастает на 86%, хронических болезней – на 100. Наблюдаются устойчивые негативные тенденции в состоянии здоровья детей, характеризующиеся высоким уровнем заболеваемости (в стране около 35% детей уже рождаются больными).

В Вологодской области в период с 2008 по 2017 гг. наблюдалась неравномерная динамика значений относительного показателя общей заболеваемости детей в возрасте 0–17 лет. В целом за десятилетний период значение показателя повысилось на 7%, то есть отмечается рост относительного показателя общей заболеваемости детей. Исходя из этого, наряду с необходимостью укрепления детского здоровья важным является формирование у детей не только понимания, но и осознания необходимости здорового образа жизни с раннего возраста [2]. Особое внимание обратим на подростковый возраст, период которого продолжается с 10 до 17 лет и характеризуется снижением показателей здоровья по сравнению с младшим школьным возрастом [3;4]. Особые сложности для ребёнка связаны с необходимостью преодолеть возрастающую учебную нагрузку на фоне ослабления внимания родителей к проблемам его воспитания и обучения [5;6].

Объект исследования: семьи с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающие на территории Вологодской области.

Цель: выявление поведенческих факторов риска здоровья детей школьного возраста.

В работе использованы результаты исследования по теме «Факторы здоровья детей школьного возраста на примере г. Вологды и г. Череповца», выполненного в 2016 г. специалистами ФГБУН ВолНЦ РАН, в рамках договора с БУЗ Вологодской области «Медицинский информационно-аналитический центр». Исследование включало социологический опрос родителей школьников, детей, а также изучение мнений педагогов и администрации школ в рамках формализованного интервью. С целью выявления факторов риска здоровья детей и институтов, воздействующих на них, для каждого из приоритетных классов

заболеваний были составлены перечни факторов риска, действующих на здоровье в семье и в школе.

Было выявлено, что старшеклассники имеют худшее здоровье по сравнению с первоклассниками. Так, хронические болезни органов зрения выявлены у 9% первоклассников. К 11-му классу доля таких детей возрастает до 34%. Аналогичная картина наблюдается по заболеваниям опорно-двигательного аппарата: в 1-м классе – 7% детей, в 11-м классе – 17%. Анализ результатов позволил предположить также, что родители не чувствуют своей ответственности за ухудшение здоровья детей: проявляют склонность оставлять этот вопрос без ответа (от 34% до 60% ответов по разным классам заболеваний) или указывать в качестве вероятной причины действие неуправляемого (генетического) фактора. Доля родителей, признающих собственную ответственность за ухудшение здоровья ребёнка, не превышает 7%.

Установлено, что родители недостаточно информированы о состоянии здоровья детей, поскольку наблюдаются расхождения между высказанными ими оценками здоровья детей и диагнозами, отражёнными в медицинских картах последних, которые изучались в ходе исследования. Например, наличие хронических заболеваний опорно-двигательного аппарата у детей отметили только 11% родителей, тогда как, по документальным сведениям, эти нарушения здоровья присутствуют у 35% детей.

Исследование показало, что на здоровье первоклассников влияют меньшее количество поведенческих факторов, чем у обучающихся 11 классов. На первое место в старшей школе выходят поведенческие факторы самого ребенка. Выявлено, что обучающихся у 10-11 классов слабо сформированы навыки самоконтроля в сфере здоровьесбережения. Для родителей характерна непоследовательность воспитательных воздействий в отношении ребёнка по сравнению с начальной школой.

Есть расхождения между детьми и родителями в оценках проблем со здоровьем. Так ученики 11 класса чаще, чем их родители выбрали ответ, что имеют проблемы со зрением (44% против 34%), опорно-двигательным аппаратом, осанкой (45% против 17%). Девятиклассники по сравнению с родителями также чаще отмечали проблемы со зрением (37% против 29%), функционированием опорно-двигательного аппарата (35% против 15%).

По ответам родителей можно сделать вывод, что они переносят ответственность на школу по профилактике заболеваний опорно-двигательного аппарата, таких как систематический контроль осанки, посещение ЛФК (лечебная физическая культура), профилактика травматизма.

Родители отмечают также слабую коммуникацию по вопросам охраны здоровья детей между ними и образовательной организацией. Тем не менее,

такое взаимодействие необходимо для организации здоровьесберегающей среды в образовательной организации.

Также был проведён анализ программ здоровьесбережения, принятых в городах Вологде и Череповце, который показал, что они не полностью обеспечивают комплексность охраны здоровья детей. Так, ни в одной из рассмотренных программ других образовательных организаций не затрагивается элемент охраны здоровья педагогического персонала, не уделяется должного внимания и прочим компонентам. Вместе с тем зарубежный опыт показывает возможность и эффективность подобных программ. В частности, восьмикомпонентной модели комплексной программы школьного здоровья (Coordinated School Health, SHC).

Родители также дают низкие оценки реализации различных компонентов здоровьесбережения, таких как, благоприятный психологический климат, обучение физическим навыкам, деятельность различных школьных служб: медицинской, консультационной, психологической, социальной, организации питания. Самые низкие оценки получили наличие специальной образовательной программы и охрана здоровья педагогов (Только 14 и 12% родителей оценивают их положительно). Примечательно, что, в целом родителям крайне сложно оценить состояние каждого из компонентов системы здоровьесбережения: в школе доли затрудняющихся с оценкой составили от 30 до 60%, что свидетельствует не только о том, что родители не берутся объективно оценивать состояние основных элементов здоровьесбережения школ, в которых учатся их дети, но и демонстрируют низкую осведомлённость в данных вопросах.

Выявлены проблемы при организации контроля выполнения родителями рекомендаций, полученных в рамках диспансеризации детей. Установлено, что школы не в состоянии обеспечить удовлетворение потребностей детей, нуждающихся в занятиях лечебной физкультурой.

Директора и заместители директоров школ, педагоги в рамках интервьюирования подчеркнули важность как физического, так и нервно-психического состояния ребенка. Выделили необходимость спортивной подготовленности, сформированности нравственных качеств, которые так же, как и духовность играют важную роль в достижении успеха. Были приведены примеры, когда проблемы со здоровьем мешали в достижении профессионального успеха.

Так же и сами обучающиеся выпускных классов отмечали, для людей с ограниченными возможностями здоровья возможна успешная социализация, однако для этого им необходимо приложить больше усилий, чем здоровому человеку.

Результаты исследования позволили сформулировать направления развития политики здоровьесбережения в образовательных организациях, эффективном взаимодействии с детьми и их родителями, профилактики нарушений формирования личностных качеств у ребенка [7]. Сделан важный вывод о необходимости использования адаптационного подхода в здоровьесберегающей деятельности в образовательных организациях, который базируется на применении механизма внутриведомственного и межведомственного взаимодействия образовательных и медицинских организаций на доврачебном этапе оценки нервно-психического развития в части разработки алгоритма предоставления сведений о ребенке.

Список литературы

1. Здоровье и здравоохранение: учебное пособие для вузов / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, М.В. Морев, О.Н. Калачикова, Н.А. Кондакова; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. 154с.
2. Касимов Р.А. Апробация модели формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне / Р.А. Касимов, И.Н. Разварина. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2014. № 5. С. 222-237.
3. Разварина И.Н. Оценка влияния уровня школьной мотивации на формирование личностных характеристик подростков / И.Н. Разварина, А.Г. Харламова, И.В. Тропина. Экономика и социум. 2016. № 3(16).
4. Разварина И.Н. Здоровье как фактор формирования личностных качеств подростков / И.Н. Разварина. Вопросы территориального развития. 2016. № 3.
5. Шац И.К. Психологическая поддержка тяжелобольного ребенка. монография / И.К. Шац. СПб. Речь, 2010. 192 с.
6. Эйдемиллер Э.Г. Клиническая психология и психотерапия семьи и детства: традиции и современность / Э.Г. Эйдемиллер. Психическое здоровье, 2015. № 2. С. 45-50.
7. Адаптационный подход к оценке нервно-психического развития детей младшего школьного возраста: методические рекомендации для педагогов-психологов, социальных педагогов и классных руководителей общеобразовательных организаций / сост. И.Н. Разварина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 23 с.

SCHOOL-BASED HEALTH RISK FACTORS

The paper presents the results of a study of behavioral risk factors for the health of school-age children in the Vologda Oblast. On the basis of a comprehensive study covering assessments by parents, children, school specialists of the level and quality of their efforts, the role of the family and the school in protecting and promoting health, problem areas for children's health formation in educational institutions of Vologda and Cherepovets were identified. The results obtained made it possible to focus on a number of aspects of the practical and theoretical health-saving activities of school education, to form a scientific and methodological base – identifying risk factors and “critical” periods in the development of children for the development of a health-saving system for school-age children in the Vologda Oblast.

Keyword: children's health, behavioral factors, health-saving activity

УДК 316.4: 316.77: 304

М.Д. Романова

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ РИСКА

Статья посвящена описанию механизмов формирования социальной приемлемости риска. Представлена модель связей субъектов, вовлеченных в процесс формирования социальной приемлемости риска, а также отмечены условия превращения приемлемости в социальную. Рассмотрены адаптационные практики потребителей риска. Актуализируется проблема несоответствия приемлемого уровня среди экспертов и населения.

Ключевые слова: риск, социальная приемлемость риска, адаптационные практики

Исследование механизмов формирования социальной приемлемости риска, очертание её контуров и определение сущности сложно не только из-за плюрализма подходов к категории «риск», но и вследствие вовлечения в процесс принятия решений о риске и управления им большого количества субъектов. Социальная приемлемость риска может быть определена с одной стороны, как согласие/несогласие общества с уровнями рисков, являющихся постоянной составляющей его жизни [11, с. 3-4], с другой – как критериальная категория, накладывающая ограничения на различные виды деятельности сопряженной с социальным риском (при реализации которого возможны социальные потери) [8, с. 87]. Концепция социальной приемлемости риска предполагает всестороннюю его оценку, которая осуществляется в том числе и самим обществом, а приемлемость определяется как необходимость нахождения компромисса между затратами на достижение цели и величиной пользы для социума [4, с. 223].

Целью работы является попытка охарактеризовать механизм формирования социальной приемлемости риска и представить модель связей субъектов, вовлеченных в этот процесс.

Установление уровня «приемлемого риска» опирается на фундаментальные научные знания, уровень социально-экономического и технического развития государства, а также образованность населения в сфере безопасности и национальный менталитет [2, с. 3-4]. В современном социуме возможно развитие двух сценариев: общество занижает или не осознает риск, который воспроизводит, или общество переоценивает риск наступления неблагоприятных последствий. В первом случае предполагается, что индивиды повышают уровень социальной приемлемости риска, становясь менее чувствительными к критической ситуации. Второй случай обращает к рассмотрению нарушений риск-солидарностей, что провоцирует агрессивный, экспроприрующий характер, порождающий преднамеренное занижение уровня приемлемости [10, с. 42]. Необходимо отметить, что включение в механизм оценки риска индивидов является важным для поддержания цепочки взаимодействующих субъектов: институтов управления, средств массовой коммуникации, научного сообщества и населения, устанавливающего границы для процесса анализа риска [1, с. 105]. Социальная группа, оказавшаяся в рискованной ситуации, обязательно должна участвовать в процедуре оценивания риска, однако данные о риске не всегда являются доступными населению для ознакомления не только вследствие их локализации, но и с точки зрения их научной основы. Понимание и фиксация в сознании опасности, которую несёт за собой определенный риск или целая группа рисков, формируются на основе информации, получаемой населением из внешних источников: телевидение, пресса, социальное окружение, реже непосредственно от экспертного сообщества. Следовательно, трансляция и восприятие по уровню компетенции различны.

Следует учитывать, что все субъекты, калькулирующие риск, подвержены субъективной вероятностной оценке, даже учитывая особенность математического исчисления, отличающегося точностью и объективностью. Социологическую классификацию оснований, детерминирующих стохастичность, предложил российский социолог В.И. Зубков [3, с. 5], базируясь на принципах идеальных типов М. Вебера. Она представлена на рис. 1.

Рис. 1. Основания оценки риска

Особенности социальной приемлемости риска зависят от системы координат, в которых происходит восприятие риска. Влияют принципы, выработанные в определенный этап исторического развития общества, сформированные и господствующие социальные нормы, материальные и духовные ценности, жизненные стратегии, демографические и статусные различия.

Сущность социальной приемлемости риска в принципиальном разграничении двух моделей: потребители и производители (носители). На первых распространяется решение о риске, они сталкиваются с неблагоприятными последствиями, вторые являются источниками возможного ущерба. Потребители риска, лишённые возможности влияния на рисковую ситуацию, оказываются под длительным воздействием угрожающего фактора, который снижает их качество жизни [7, с. 27].

Приемлемость тогда становится социальной, когда интеграция риска строится на калькуляции не только показателей, поддающихся исчислению, но и на субъективных оценках экспертов и населения. Риск всегда относителен его источника, объекта, подвергающегося воздействию, среды обитания и населения [6, с. 32].

В рамках процесса формирования социальной приемлемости риска важной его составляющей становится адаптация к риску. Это процесс приспособления к рискованной ситуации на индивидуальном или групповом уровне, связанный с характером риска (добровольный/вынужденный, контролируемый/неконтролируемый, известный/неизвестный). Он ориентирован на поиск эффективных способов и стратегий достижения определённого уровня безопасности [7, с. 47-48].

Совокупность различных поведений индивидов и социальных групп формирует адаптационные практики, в ходе которых осуществляются интенции отдельных социальных субъектов [6, с. 42]. Адаптационные практики различны, так как у разных групп населения разное восприятие риска. Например, в ходе

исследований по изучению восприятия риска и адаптационных практик населения выявлен феномен «оптимистического предубеждения». Он состоит в том, что индивид снижает для себя возможные последствия риска и завышает для других. Однако респонденты, принадлежащие к социальным группам, проживающим около химических предприятий, не подвержены воздействию данного феномена [5, с. 167]. Пример группы, отказавшейся мириться с риском – старшеклассники из моноиндустриального города с опасным производством. Исследование осуществлено сотрудниками института социологии РАН в 2007 году, выборочная совокупность формировалась из 10 школ города Электросталь и составила 138 выпускников. Оказавшись на пути выбора жизненной стратегии, главным мотивом смены места жительства выступает состояние окружающей среды, неблагоприятно воздействующей на здоровье. Респонденты ассоциировали важные жизненные ценности – семья, образование, работа – с рисками проживания в городе с опасным производством. Для этой категории вероятность ущерба стала важнейшим фактором неприемлемости риска в условиях потенциальной угрозы [7, с. 34]. Данная иллюстрация доказывает, что потребители конкретного риска менее толерантны к нему, чем среднестатистический россиянин.

Формирование уровня приемлемости находится в прямой зависимости от рассмотренных на индивидуальном и групповом уровне адаптационных стратегий: оказавшись в ситуации конкретного риска, уровень социальной приемлемости его потребителей снижается.

Следует учитывать, что восприятие риска населением не является единственной составляющей процесса формирования уровня приемлемого риска. Допустимые значения детерминированы также социальными, политическими и экономическими контекстами.

Формирование уровня приемлемости – это сложный процесс, так или иначе, задействующий всех субъектов рискового поля (рис. 2).

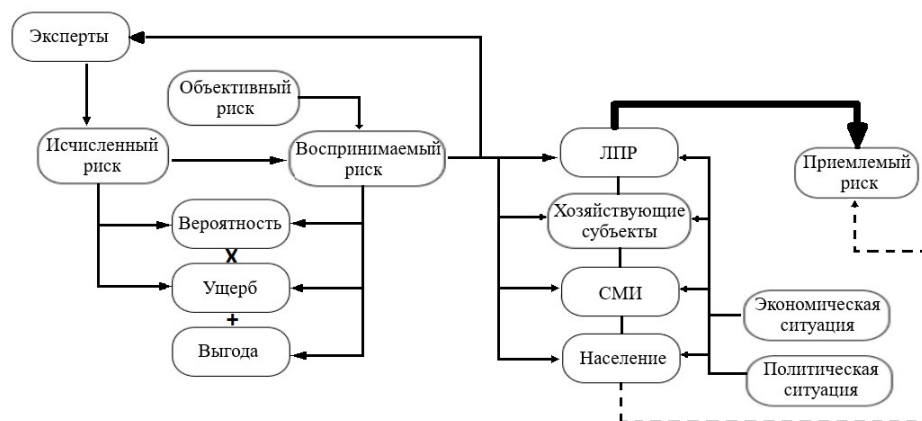

Рис. 2. Модель связей субъектов, вовлеченных в процесс формирования социальной приемлемости риска

Процесс формирования социально приемлемого риска обусловлен тремя компонентами: 1) наличием объективного и осознанного риска, 2) восприятием риска и риск-коммуникацией между субъектами рискового поля 3) социально-экономическими контекстами и условиями, в которых принимается решение об уровне приемлемости риска.

Таким образом, социальная приемлемость риска складывается из совокупной оценки риска всеми субъектами рискового пространства, итогом которой является своего рода консенсус относительно приемлемости того или иного риска. Лица, принимающие решения, выступающие в качестве замыкающих обсуждение и ответственных за окончательные его результаты, официально утверждают те или иные уровни риска, выраженные в количественных или качественных показателях и закреплённые нормативными документами, которые и должны на данный конкретный момент быть приняты в обществе как приемлемые.

В качестве ограничений, не позволяющих приходиться к действительному консенсусу, могут выступать такие факторы, как отсутствие доверия между субъектами риск-коммуникации, неэффективность риск-коммуникации, невыработанные на индивидуальном/групповом уровне эффективные адаптационные практики, низкий уровень социально-экономического развития территории, неблагоприятная политическая ситуация и др. [9, с. 2].

Список литературы

1. Быков А.А., Мурзин Н.В. Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. Спб.: Наука, 1997. 512 с.
2. Декларации о предельно допустимых уровнях риска. Проблемы анализа риска, 2006. 162 с.
3. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1999. №4. С. 3-9.
4. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 487 с.
5. Мозговая А.В. Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности // Риск в социальном пространстве. М.: Издательство Института социологии РАН, 2001. С. 159-180.
6. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальная приемлемость риска как социологическая категория // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №31. С.30-45.

7. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии // Социологическая наука и социальная практика. 2014. №4 (8). С. 25-49.

8. Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска, 1999. Т. 1. №1. С. 80-89.

9. Столяр В. Ю. Доверие как инструмент управления глобальным риском // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №82-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-instrument-upravleniya-globalnym-riskom> (дата обращения: 04.11.2019).

10. Хлебопрос Р.Г., Фет А.И. Природа и общество. Модели катастроф. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 343 с.

11. Яницкий О.Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. №1. С. 1-11.

M.D. Romanova

FORMATION OF SOCIAL ACCEPTABILITY OF RISK

The article describes the process of formation of social acceptability of risk. Attention is focused on identifying the actors involved in establishing an acceptable level of risk, as well as the conditions for making acceptability social. Adaptive practices of risk consumers are considered. The problem of mis match of an acceptable level among experts and the population is becoming more relevant.

Key words: risk, social acceptability of risk, adaptation practices

УДК 364.048.6

Н.С. Сажина

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается роль реабилитации в охране здоровья участников боевых действий. Характеризуются ее основные направления в Окружном Военном клиническом госпитале №354 Приволжско – Уральского военного округа для ветеранов войн.

Ключевые слова: участники боевых действий, реабилитация, госпиталь

«Человек воюющий» – это явление психологического и социального характера, которое изучалось недостаточно в социологической и психологической литературе. Имеется лишь информация, посвященная анализу

различных аспектов восстановительного лечения (медицинских, социальных, профессиональных, этических, юридических и других).

Вопросы медико-социальной реабилитации ветеранов и участников вооруженных конфликтов, нашли отражение в работах отечественных ученых и практиков: Спектор С. И., Нестерова М. В., Образцова Р. Г., Башков В. С., Сакович В. П., Мякотных В. С., Чертков А. К., Мещанинов В. Н., Коротких С. А., Азин А. Л., Залесова В. В., Князева Е. С., Лепихина Н. А. и др. Проблемам социально-психологической реабилитации посвящены работы Зеленовой М. Е., Лазебной Е. О., Туроходжаева А. М., Сенявской Е. С., Корбейниковой Т. А., Щеголькова А. М., Лямина М. В., Белинского А. В., Борисовой О. В., Козьминой К. И., Соломиной Г. М. Вопросами социальной и правовой защиты военнослужащих, ветеранов и участников вооруженных конфликтов занимаются Коровников А. В., Данилова Н. Ю., Делягин М. А., Кочаловская А. А., Стародубов В. И. Многие из этих ученых сходятся во мнении, что концепция реабилитации все еще не имеет четких и общепризнанных положений, что и порождает многочисленные дискуссии.

Реабилитация, в переводе с лат. – возобновление, способность, пригодность, т.е. восстановление пригодности к чему-либо. Первое определение понятия реабилитация дал в 1903 году Ф. Бус в своей книге «Система общего попечительства над бедными». Наиболее активно этот термин стал использоваться в годы второй мировой войны и послевоенный период. В российской военной медицине принципы реабилитации стали складываться уже в XVIII веке. В положении о военно-временных госпиталях 1812 года предусматривалось иметь особые палаты для выздоравливающих. В указанных госпиталях помимо традиционного лечения впервые стала активно применяться трудотерапия как метод лечебно-восстановительного воздействия [1, с. 45].

Система восстановительного лечения раненных и больных прошла проверку на практике в ходе вооруженных конфликтов у озера Хасан (1938г.), на реке Халхин-Гол (1939 г.), что создало предпосылки для выработки новых подходов к ее совершенствованию и успешному функционированию в годы Великой Отечественной войны. Для восстановительного лечения военнослужащих в тот период, наряду с хирургическими и медикаментозными, широко применялись немедикаментозные методы – физио и бальнеотерапия, лечебная физкультура, трудо- и психотерапия. И хотя термин «реабилитация» в отечественной медицине в ту пору еще не использовался, можно, с полной уверенностью, говорить о начале формирования организационно-методологических принципов этого направления.

Система реабилитации включает в себя три основных направления: социальную, психологическую и медицинскую. Эти направления тесно

взаимосвязаны и предполагают комплексное восстановление физического, психического и социального самочувствия личности.

Важная проблема медико-социальной и медико-психологической реабилитации участников боевых действий получила развитие только в последние десятилетия. Основа всех реабилитационных мероприятий – это обращение к личности больного. Реабилитация помогает восстановлению безболезненных отношений с окружающей действительностью, немалую роль, при этом, играет культурная среда и окружение больного.

Современное оздоровительное учреждение XXI века должно быть отлично оснащенный, помогающим людям восстановиться и физически, и душевно. Такая комплексность особенно важна тогда, когда речь идет о военном госпитале для ветеранов войн. В Окружном Военном клиническом госпитале №354 Приволжско – Уральского военного округа для ветеранов войн накоплен большой опыт лечения, медицинской и психологической реабилитации. Изучаются особенности патологии стрессовых состояний, разрабатываются новые технологии лечения и реабилитации с учетом современных методов диагностики.

Для большинства пациентов госпиталя характерно угнетенное психологическое состояние, вызванное постоянным возвращением к прошлому, чувством одиночества, не востребованности в настоящем, отсутствием перспектив в будущем. Необходимо создавать условия для поднятия духа, для восстановления, а порой и формирования навыков позитивного мышления и общения. Созная это, командование Госпиталя на базе клуба, библиотеки и музея формирует новое подразделение – социально-культурный центр, включив его в комплексную систему мер лечебного воздействия, наравне с общепринятыми медицинскими методами. Укрепление чувства уверенности в себе, в своих силах, воспитание потребности быть здоровым, общение с искусством и активное включение в процесс художественного творчества, а также социальная защита и реабилитация – вот основные задачи социально-культурного центра, создание которого можно смело считать серьезным шагом на пути становления социальной и профилактической медицины XXI века [2, с. 12]

Главным в работе специалисты Центра считают формирование у больных положительных эмоций через вовлечение в активный творческий процесс. Сделали первые шаги творческие мастерские, где больные получают начальные навыки работы с природным материалом, с кистью. Центр работает в тесном контакте практически со всеми областными административными и общественными структурами, с ВУЗами, с профессиональными и

самодеятельными творческими коллективами, со средствами массовой информации.

Все желающие пациенты во время своего лечения могут участвовать и в легком, общественно-полезном труде. Например, больные, умеющие рисовать, могут во время лечения организовывать художественные мастерские. Сейчас госпиталь уже украшает немало картин, подаренных его бывшими пациентами. Многие больные выразили свое настроение, в некоторых картинах ярко видны чувства злости, боли, тревоги, страха. Подсознательные конфликты и внутренние переживания легче выражаются с помощью зрительных образов. Ветераны Афганистана, многие на подсознательном уровне рисуют картину тех военных переживаний, некоторые, лица своих погибших друзей. И это помогает им выразить чувства, глубоко заложенные в душе, выйти своей боли наружу – это приносит моральное облегчение.

Большую культурно-массовую работу проводит библиотека госпиталя, насчитывающая около 10 тыс. томов книг. Ведь чтение художественного произведения – это своего рода увлекательная беседа с умным, заботливым другом, стремящимся предупредить от ошибок, пробудить в каждом человеке все лучшее, что заложено в нем от природы, и в то же время сделать это неназойливо, незаметно, исподволь. Обращение к произведениям великих мастеров слова дарит эстетическое наслаждение, будит любовь к жизни, поднимает настроение, укрепляет веру в свои силы, а ведь это важно для успешного лечения.

В госпитале имеется клуб на 200 мест. В зале клуба демонстрируются кинофильмы, проводятся встречи с артистами, композиторами, журналистами, концерты художественной самодеятельности города и сотрудников. Особенно популярны среди ветеранов лекции на международные темы, встречи с представителями военкоматов и воинских частей, так же встречи с кандидатами в депутаты в период их предвыборных компаний.

Каждое серьезное событие в жизни госпиталя снимается на видеопленку. И потом отснятые материалы идут в архив. Он, как и музей, память госпиталя. Музей собирали с помощью больных, приносили фронтовые письма, атрибуты военных дней, больные с энтузиазмом помогали в оформлении музея и часто его посещают.

«Травма – срока давности не имеет», это свидетельствует о том, что последствия войны сказываются, и будут продолжать сказываться на состоянии здоровья ее участников через много лет после окончания боевых действий. Таким образом, охрана здоровья является основным элементом социальной защиты ветеранов и участников вооруженных конфликтов, и эти вопросы находятся на первом месте по их значимости.

Список литературы

1. Азин А.Л., Андреев А.Н., Спектор С.И., Осинцев В.Я., Организация, медицинское обеспечение участников, инвалидов отечественной войны и воинов-интернационалистов//Вопросы медицинской и социальной помощи участникам войн, вооруженных конфликтов, контртеррористических операций, лицам пожилого и старческого возраста: материалы Всероссийского совещания по вопросам реабилитации участников вооруженных конфликтов. /Спектор С. И. Екатеринбург, 2003. 169 с.

2. Будко А. А., Шабунин А.В. Начальный этап развития военно-медицинской службы в России//Военно-медицинский журнал. № 7. 2000. С. 8-16.

N.S. Sazhina

HEALTH PROTECTION OF COMBATANTS

The article considers the role of rehabilitation in the health protection of combatants. Its main directions in the District Military clinical hospital No. 354 of the Volga – Ural military district for veterans of wars are characterized.

Keywords: combatants, rehabilitation, hospital

УДК 316.4: 159.923: 617.581

Е.С. Сенина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК, ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ РЕВИЗИОННОЕ ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИЕ ТАЗОБЕДРЕННОГО СУСТАВА

В статье рассматривается психологический механизм социальной адаптации. Представлен анализ взаимосвязи личностных характеристик и критериев жизнеспособности и социальной адаптации на основе исследования, проведенного на пациентах ФГБУ «Саратовского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии» Минздрава России, которые перенесли ревизионное эндопротезирование тазобедренного сустава.

Ключевые слова: социальная адаптация, жизнестойкость, эндопротезирование

Эндопротезирование является одним из самых распространенных методов лечения заболеваний тазобедренного сустава. Ежегодно в мире выполняется свыше миллиона операций эндопротезирования тазобедренного сустава [5]. Актуальность темы обусловлена повышением количества проведения операций

ревизионного эндопротезирования тазобедренного сустава как у людей трудоспособного возраста, так и пенсионного. Дегенеративно-дистрофические заболевания тазобедренного сустава являются одними из самых распространённых среди аналогичных заболеваний других суставов, приводящих к снижению социальной адаптации, а также жизнестойкости больных [1]. Операции по эндопротезированию позволяют восстановить функцию сустава, устранить болевой синдром и улучшить качество жизни больного.

После проведения эндопротезирования, как и после любой другой операции, должен пройти процесс реабилитации. В данном случае это занимает довольно длительный период, что требует от пациента большого терпения и понимания процесса восстановления.

В наше время ещё не сформировано общепринятой и достаточно полной структуры тех личностных и поведенческих характеристик, которые бы определяли полноценно эффективное реагирование личности в процессе социальной адаптации. Чаще всего авторы в своих работах говорят о таких качествах, как приспособляемость, жизнестойкость, локус контроля, принятие риска, эмоциональная стабильность и независимость [3].

По Ж. Пиаже, процесс социальной адаптации выступает в качестве целостности процессов аккомодации, иными словами, является двусторонним процессом и следствием как активных действий со стороны субъекта, так и со стороны социальной среды [6]. Отечественный психолог С.С. Степанов трактует социальную адаптацию как «активное приспособление к условиям социальной среды путём усвоения и принятия целей, ценностей, норм и стилей поведения, принятых в обществе» [2].

В 1979 году Рэймонд Кеттел пришёл к выводу о том, что основополагающая структура личности образована примерно шестнадцатью исходными чертами. В своей теории Кеттел объясняет взаимодействие между системой личности и более объёмной социокультурной матрицей функционирующего организма. Он говорит о том, что теории черт личности должны учитывать черты, которые составляют индивидуальность личности, их степень обусловленности наследственности, влияние окружающей среды. Так же они должны учитывать то, как факторы окружающей среды и генетические факторы взаимодействуют между собой, влияя на поведение человека, а соответственно и на его уровень социальной адаптации.

Личностные характеристики, как и поведенческие, воздействуют на такую способность человека, как жизнестойкость. Эта способность к саморегуляции является целым механизмом по управлению социальными, культурными и средовыми ресурсами личности. При этом любые изменения в структуре между

личностными и поведенческими характеристиками также оказывают воздействие на жизнеспособность и социальную адаптацию, как и окружающая среда [4]. Поэтому всё больший интерес вызывает вопрос о повышении уровня жизнестойкости и социальной адаптации населения, которые уже находятся в сложной жизненной ситуации, что в дальнейшем поможет таким людям справиться со стрессом и вернуться к полноценной жизни.

Подверженность стрессу усиливается из-за большого количества факторов. К ним можно причислить подверженность заболеваниям, слабость организма, личностные особенности человека, умение бороться в стрессовой ситуации и другие внешние факторы. Врождённая уязвимость и те же внешние обстоятельства не поддаются контролю со стороны, но развитие жизнестойкости и социальной адаптации помогают смягчить последствия стресса и в целом усилить качество борьбы с ним.

Для того, чтобы социальная адаптация работала на человека, от него требуются определённые способности: его социальное развитие, психические свойства и даже физиологические и биологические свойства.

Материалы и методы исследования. На базе отделения гнойной хирургии ФГБУ «Саратовский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии» Минздрава России было проведено исследование, в котором приняли участие 30 пациентов, перенесших ревизионное эндопротезирование тазобедренного сустава в возрасте от 40 до 75 лет. Среди респондентов 19 (63%) человек – лица женского пола, 11 (37%) – лица мужского пола.

Во время эмпирического исследования были использованы следующие методики: Многофакторный личностный опросник Кеттела (сокращённая форма 13 PF); Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева.

Таблица.

Корреляционный анализ между личностными характеристиками и критериями жизнеспособности и социальной адаптации (коэффициент корреляции Спирмена)

	Общий показатель жизнестойкости	Вовлечённость	Контроль	Принятие риска
Эмоциональная неустойчивость – эмоциональная стабильность	0,207	0,07	0,314	0,235
Подверженность чувствам –	0,113	0,001	0,225	0,128

высокая нормативность поведения				
Робость – смелость	0,13	-0,041	0,273	0,187
Уверенность в себе – тревожность	-0,324	-0,163	-0,419	-0,364

Умеренная отрицательная корреляционная зависимость обнаружилась между шкалами «Уверенность в себе – тревожность» и «Контроль» ($r = -0,419$).

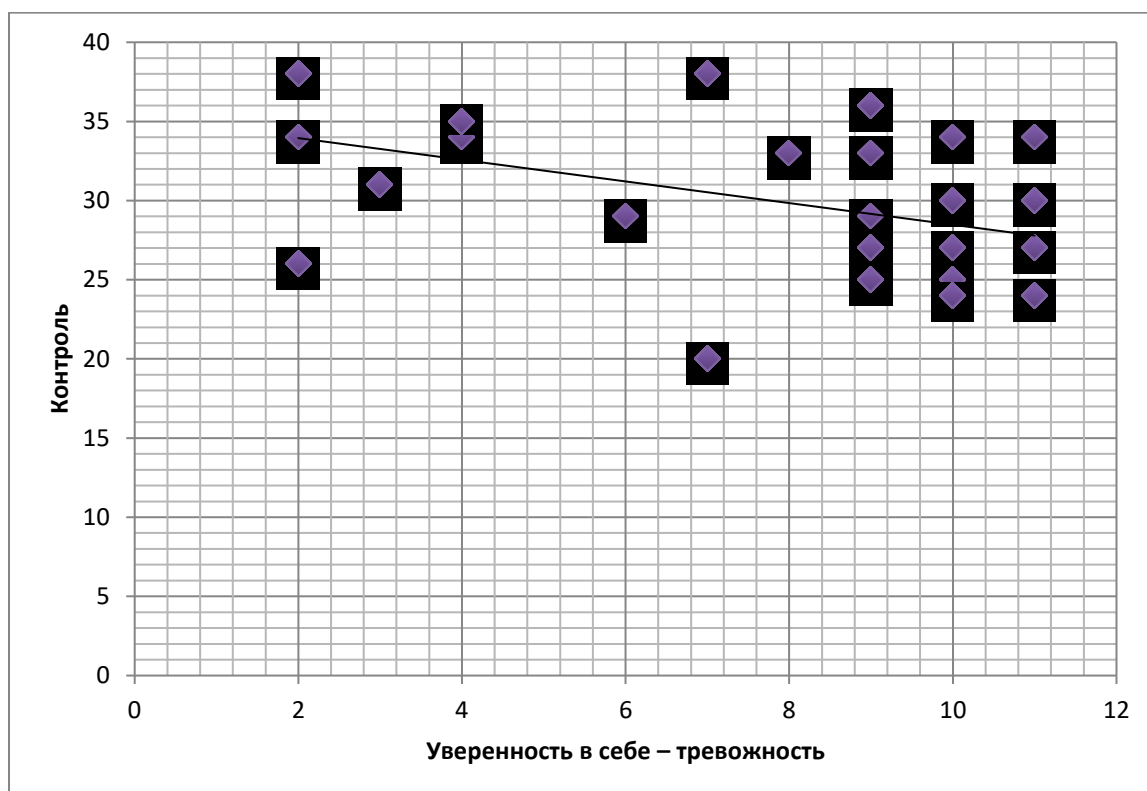

Рис.1. Зависимость шкалы «Уверенность в себе – тревожность» от шкалы «Контроль»

В результате проведённого исследования была выявлена взаимосвязь между уровнем тревожности и компонентом жизнестойкости контролем у пациентов, перенесших ревизионное эндопротезирование тазобедренного сустава. С повышением тревожного состояния респондентов, уровень их контроля над происходящим снижается. Данные результаты говорят о том, что с повышением тревожного состояния респондентов, уровень их контроля над происходящим снижается и появляется ощущение собственной беспомощности.

Список литературы

1. Бут-Гусаим А.Б. Оптимизация методов реабилитации больных перенесших операцию ТЭТС : автореф. дис... канд. мед. наук. Минск, 2011. 28 с.
2. Варламова А.Я. Школьная адаптация. – Волгоград, 2005.
3. Дементий Л.И. Жизнестойкость, локус контроля и волевой субъективный контроль как копинг-ресурсы личности // Психология стресса и совладающего поведения Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2013. С. 241.
4. Лапкина Елена Валерьевна Совладающее поведение, жизнестойкость и жизнеспособность личности: связь понятий, функции // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-zhiznestoykost-i-zhiznesposobnost-lichnosti-svyaz-ponyatiy-funktsii> (дата обращения: 02.11.2019).
5. Тихилов Р.М., Шубняков И.И., Коваленко А.Н., Цыбин А.В., Сементковский А.В., Карпухин А.С., Башинский О.А. // Современные тенденции в ортопедии: ревизия вертлужного и бедренного компонентов // Травматология и ортопедия России.- г. Санкт-Петербург, 2012.- №4, С. 5-16.
6. Флейвелл, Дж. Генетическая психология Жана Пиаже /Дж. Флейвелл. – М., 1973. – 623с.

E. S. Senina

INFLUENCE OF PERSONAL CHARACTERISTICS ON THE CRITERIA OF VIABILITY AND SOCIAL ADAPTATION OF PATIENTS UNDERGOING REVISION HIP REPLACEMENT

The article deals with the psychological mechanism of social adaptation. Presents an analysis of the relationship between personal characteristics and the criteria of viability and social adaptation on the basis of a study conducted on patients "Saratov research Institute of traumatology and orthopedics" of Minzdrav of Russia, who underwent revision hip arthroplasty.

Key words: social adaptation, resilience, endoprosthesis.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

Социальная стигматизация в обществе – довольно частое явление. Стигма проявляется в процессе коммуникации через вербальные и невербальные средства. Стигматизации подвергаются разнообразные группы людей, среди них есть дети с инвалидностью. На их примере рассматриваются различные характеристики стигматизации, которая возникает при приеме детей с ДЦП в детские сады, не поддерживающие инклюзивное образование. Выделены и описаны элементы стигматизации – субъекты, формы проявления.

Ключевые слова: стигматизация, инвалидность, дети с инвалидностью, дошкольное учреждение

Политика современного общества стремится к достижению равных прав между всеми группами граждан. Но, несмотря на это, довольно часто мы сталкиваемся с тем, что некоторые социальные группы подвергаются унижениям, гонениям и непониманию со стороны окружающих вследствие наличия у них одной из форм стигмы.

По мнению общественности «дети-инвалиды являются одной из наиболее ущемленных групп» [1, с. 2]. По результатам доклада Всемирной Организации Здравоохранения дети-инвалиды становятся жертвами какого-либо вида насилия в 3,7 раза чаще, чем дети, не являющиеся инвалидами. А дети с инвалидностью, связанной с психическим заболеванием или умственными расстройствами входят в число самых уязвимых: вероятность того, что они подвергаются сексуальному насилию в 4,6 раза превышает аналогичный показатель среди их сверстников, не имеющих инвалидности. Подобное отношение оказывает разрушительное влияние на детское мировосприятие [2].

Мы не можем утверждать, что большинство людей настроены негативно по отношению к детям-инвалидам. Наоборот, с каждым новым этапом развития, общество становится более толерантным к тем, кто отличается от них самих. Это подтверждают данные исследования фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: «По сравнению с результатами исследования 2010 г. доля положительно воспринимающих детей-инвалидов увеличилась. Дружественное отношение становится проявлением «хорошего тона». Значительно возросла активность граждан в оказании помощи детям-инвалидам: по данным исследования 2016 г., детям-инвалидам и их семьям оказывали помощь 50% опрошенных, что существенно больше аналогичной доли (14%) в

ходе исследования 2010 г. Более 70% респондентов позитивно относятся к тому, чтобы их несовершеннолетние дети оказывали помощь детям-инвалидам» [3, с. 8]. Такая позиция граждан формирует дружественность отношения к детям-инвалидам.

Но, несмотря на актуализацию «позитивного» отношения к детям-инвалидам, унижения и их непринятие в общество имеют место быть. И особенно сильное воздействие оно оказывает на тех детей, которые находятся на этапе развития образного мышления. Именно в этом возрасте (4-7 лет) ребенок начинает догадываться о причинно-следственных связях между предметами; у него появляется потребность общения с другими людьми; его мышление эмоционально, т.к. ребенок находится в сильной зависимости от установок и аффектов. Подвергаясь регулярной стигматизации в данный период развития, дети наиболее склонны замкнуться в себе, получая неодобрение от других. Они боятся заводить новые знакомства, у них искажается восприятие самих себя потому, что они осознают свою «непохожесть» на других детей. В итоге, стигматизация приводит к изоляции и непринятию детей с инвалидностью обществом. Или наоборот, выказывая постоянную жалость и сострадание, окружающие развивают в ребенке задатки эгоиста. Как следствие, в ребенке развивается либо враждебное отношение к окружающим людям и обществу в целом, либо устойчивая мысль, что ему «все должны». Находясь в подобном положении, он «выпадает» из участия в общественной жизни: он не пытается учиться, работать, общаться. Такой индивид не представляет пользы для общества, а наоборот, может быть обузой и проблемой. Последствия стигматизации могут быть крайне серьезными, как для ребенка с ОВЗ, так и для общества в целом. Поэтому изучение социальной стигматизации по отношению к детям-инвалидам дошкольного возраста предстает актуальным и необходимым.

В дошкольном возрасте ребенок начинает свою первичную социализацию через детские сады: там он усваивает правила поведения в обществе, учится выстраивать первые взаимоотношения со сверстниками, примеряет разные модели поведения для разных ситуаций с разными людьми, приучается к самостоятельности и т.д. Эти составляющие очень важны для успешной жизни ребенка в дальнейшем, поэтому этот этап необходим. И, если для здоровых детей получение места в детском саду не является проблематичным, то в случае детей-инвалидов возникает гораздо больше сложностей. В Российской Федерации инклюзия не является повсеместным явлением: ее можно встретить лишь в нескольких субъектах страны. Все остальные дети с инвалидностью, вынуждены социализироваться дома, в кругу родных, или, если их родители настроены на воспитание в дошкольных учреждениях, искать себе место в садах для обычных

детей. Эта необходимость посещать обычный детский сад при наличии у ребенка какой-либо степени инвалидности становится поводом для стигматизации.

Обычно стигматизация выражается в виде нелестных высказываний, оскорблений людей со стигмой, отказа в предоставлении им положенных услуг, препятствий контакту своей семьи и близкого окружения с человеком-инвалидом и т.д. Помимо этого, важными средствами проявления стигматизации, выступают и невербальные средства: оскорбительные жесты, озлобленная мимика и взгляд и т.д.

Проявление стигматизации разнообразно. Т.к. дети чаще всего не в состоянии определить ее в речи и поведении других людей в силу возраста или болезни, их родители выступают в роли неких реципиентов стигматизации, которые могут обнаружить это явление в процессе коммуникации. Поэтому эмпирической базой выступил форум родителей детей с ДЦП «Дети-ангелы», проанализированный методом контент-анализа.

Цель исследования: установить наличие стигматизации и описать ее характеристики в процессе устройства детей с ДЦП в детские сады.

В процессе анализа форума, удалось выяснить, что самыми частыми субъектами стигматизации выступают сотрудники детских садов, т.к. именно они оглашают отказ в принятии ребенка-инвалида в группу. В связи с этим, сотрудникам детских садов в наибольшей степени присуще проявление вербальной стигматизации: отказы, возмущения, возражения (75% занимает проявление вербальной стигматизации от персонала и только 25% от различных государственных учреждений, других детей в группе и их родителей).

Более того, вербальная стигматизация составляет 83% от общего количества проявления стигматизации в д/садах. Наиболее характерными ее признаками выступают отказы, оскорбления: «они отказались принять», «она такого наговорила», «на меня наехали» и т.д. Возможно, такую разницу в частоте проявления двух видов стигматизации обуславливает восприимчивость реципиента к ним: обидные слова и фразы воспринимаются людьми более болезненно и остаются в памяти куда дольше, чем жесты или действия. Более того, на жесты легче не обратить внимания, интерпретировать их с другой стороны и не придавать значения.

Невербальная стигматизация также имеет место быть – это эмоции, мимика. Стоит отметить, что проявление негативных эмоций – прерогатива взрослых людей. Невербальная стигматизация находит свое выражение в следующих фразах «она встретила с такой миной», «нас приняли не с радостью». Дети же проявляют невербальную стигматизацию иначе: толкаются, не берут играть, бьют игрушками. В дошкольном возрасте дети не отдают себе полного отчета о действиях, которые они делают. В большинстве случаев, все их жесты

– это результат подражания кому-то. Поэтому сложно говорить о том, что все, что они делают – желание отделиться от ребенка с инвалидностью или его оскорбить. Но отличие процесса стигматизации через невербальные средства у детей и взрослых не влияет на частоту их проявления. Так невербальная стигматизация у детей и взрослых отмечается в равной степени: из 14 зафиксированных случаев 7 присущи персоналу и 7 – детям в группе.

Вообще, тема стигматизации сама по себе не является позитивной. Но, тем не менее, в сообщениях родителей можно было проследить положительную эмоциональную окраску: она характерна для тех сообщений, в которых родители замечают развитие в своих детях или, если им удается получить место для своего ребенка в саду среди обычных детей. Таких сообщений, к сожалению, очень мало – всего 24%. Это связано с тем, что чаще всего получение места в саду является настоящим испытанием для родителей. Они вынуждены обращаться во внешние инстанции с жалобами, искать тьютора, который смог бы следить за их ребенком в д/саду или сами ходят туда в качестве него, вместо того, чтобы работать, ходить по комиссиям и разным д/садам в поисках того, который согласится взять их ребенка к себе в учреждение.

Одной из причин (42%) негативных сообщений является несоблюдение законных прав детей с ДЦП на место в детском саду: заведующие и воспитатели часто отказываются принимать детей, исходя из своей личной неприязни или предубеждений, что дети-инвалиды – это дополнительные сложности и проблемы. Они пытаются найти способы, чтобы не брать ребенка в свой сад или группу, максимально отсрочить его зачисление или сократить его часы пребывания в саду до минимума. Как результат, от таких конфликтов с персоналом у родителей формируются искаженные представления о дошкольных учреждениях: они предпочитают воспитывать своего ребенка дома, вне социума, тем самым собственноручно создавая ему барьеры для успешной социализации. Когда ребенок ограничен в общении, он старается общаться только с такими же, как он или только с семьей, ограничен в местах досуга, в деятельности. Впоследствии он не пытается получить образование, найти работу и создать семью. Ему очень трудно приспособиться к обществу и в итоге он становится представителем маргинальной группы. Таким образом, простая необдуманная фраза может изменить жизнь ребенка кардинальным образом.

Подводя итоги, мы можем заметить, что феномен стигматизации присутствует даже в тех сферах жизни ребенка-инвалида, цель которых помочь в адаптации к обществу, и которые принято выделять в качестве одних из агентов первичной социализации. Это наглядно демонстрирует незащищенность детей-инвалидов в российском обществе, хотя государственная политика страны стремится исправить сложившееся неравенство путем признания прав детей-

инвалидов на государственном уровне, предоставляя различные льготы и пособия, а также постепенно внедряя систему инклюзивного образования. Но необходимо признать, что на данный момент уровень поддержки детей данной категории не соответствуют потребностям: система обучения детей с ограниченными возможностями здоровья не охватывает даже и половины инвалидов, а те, кому посчастливилось получить место в ДООУ, часто вынуждены сталкиваться со стигматизацией в нем.

Список литературы

1. Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б. Социально-психологические особенности взаимоотношений инвалидов и здоровых // Социологические исследования 1993. №1. С. 62-67.

2. Emily M Lund, Jessica E Vaughn-Jensen. Victimization of children with disabilities. The Lancet. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(12\)61071-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(12)61071-X/fulltext) (Дата обращения: 10.10.19).

3. Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017. 72 с.

M.M. Simonova

VERBAL AND NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION AS INDICATORS OF SOCIAL STIGMA

Social stigmatization in society is a common occurrence. Stigma is manifested in the process of communication through verbal and non-verbal means. Various groups of people are stigmatized, among them there are children with disabilities. On their example, various characteristics of the stigmatization that occurs when children with cerebral palsy are admitted to kindergartens that do not support inclusive education are examined. Elements of stigmatization are highlighted and described – subjects, forms of manifestation.

Key words: stigmatization, disability, children with disabilities, preschool

АНАЛИЗ ОТЗЫВЧИВОСТИ ДЕТСКОГО СТАЦИОНАРА: МНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ПАЦИЕНТОВ

Доклад основан на результатах опросов родителей больных детей, проведенных в апреле-июле 2019 года с использованием модифицированного опросника академика РАН А.В. Решетникова. Статистическая обработка позволила получить значительное количество содержательных выводов, представляющих теоретический и практический интерес. Факторный анализ подтвердил результаты корреляционного анализа о том, что все компоненты отзывчивости системы здравоохранения тесно взаимосвязаны друг с другом в «положительном» факторе 1 (кроме желания сменить медицинскую организацию) и дал дополнительную информацию о «негативном» факторе 2, связанном с желанием сменить медицинскую организацию, ее удаленностью от места жительства и плохими условиями лечения, недостаточностью пространства помещений и их недостаточной чистотой.

Ключевые слова: отзывчивость, детское здоровье, родители пациентов

В докладе о состоянии здравоохранения в мире 2000 года [1] отзывчивость к ожиданиям населения была впервые официально декларирована как одна из трех глобальных целей современной медицины наряду с улучшением здоровья и обеспечением справедливости финансового возмещения. Концептуальная схема этого подхода была сформулирована Кристофером Мюрреем и Джулио Франком [2]. Идеи, предложенные ими, оказались жизнеспособными, и на протяжении почти двух десятилетий они используются теоретиками и практиками из разных стран.

Отзывчивость включает два компонента: уважение к людям и ориентацию на клиента. В свою очередь уважение к людям имеет три аспекта: достоинство, конфиденциальность и автономию индивидов и семей при решении проблем, связанных с их собственным здоровьем. У ориентации на клиента четыре аспекта: оперативное внимание к потребностям здоровья, доступ к сетям социальной поддержки при лечении, качество основных удобств и выбор провайдера (организации и лечащего врача).

Распределение отзывчивости характеризуется двумя параметрами: добротой и справедливостью. Доброта означает, что система здравоохранения в среднем хорошо реагирует на то, что люди ожидают от нее, в отношении ее аспектов, не связанных со здоровьем. Справедливость означает, что система здравоохранения одинаково хорошо реагирует на всех, без какой-либо

дискриминации или различий в отношении к людям, особенно к бедным, женщинам, пожилым людям, жителям отдаленных от крупных городов мест. Таким образом, отзывчивость не связана с ожиданиями населения в отношении улучшения здоровья или удешевления лечения и является чисто социальной целью.

Доклад основан на результатах опросов родителей больных детей, проведенных в апреле-июле 2019 года с использованием модифицированного опросника академика РАН А.В. Решетникова [3]. Обработка данных медико-социального мониторинга велась с помощью открытого программного обеспечения JASP, версия 0.9.2. Данные были введены в программу Excel, а затем конвертированы в формат .csv.

Апрельская выборка (N=74) и июльская выборка (N=54) оказались однородными по основным социально-демографическим показателям, что позволило рассмотреть их совместно. Свыше 91% респондентов в обеих выборках – женщины, что адекватно отражает гендерную структуру генеральной совокупности лиц, представляющих интересы детей, получающих медицинскую помощь в России. Возраст респондентов изменяется от 20 до 58 лет. Средний возраст 34 года, стандартное отклонение 7 лет. Обе выборки отличает традиционно высокий уровень образования в России (диплом вуза есть у 23% и 41% респондентов, среднее специальное образование есть у 58% и 31% соответственно). Респондентов с начальным и незаконченным средним образованием в обеих выборках нет. Подавляющее большинство респондентов проживают в районах Саратовской области. Жители Саратова в опросе не участвовали.

Большинство респондентов оценило свое материальное положение как среднее (денег хватает на питание и самое необходимое – 69% и 63% соответственно). Живущие за гранью бедности (денег не хватает даже на питание) в опросе не принимали участие.

Рассмотрим одномерный анализ факторов отзывчивости. У двух третей респондентов (67%) высокую оценку заслужило уважительное отношение сотрудников медицинской организации (остальные респонденты выбрали среднюю оценку).

72% респондентов высоко оценили понятность объяснений лечащего врача и достаточность времени для общения с ним. Среднюю оценку этому фактору выбрали 27% респондентов.

При ответе на вопрос об условиях лечения, достаточности пространства, чистоте помещений более половины ответивших (59%) оценили их высоко, а 40% – как средние.

На контрольный вопрос о желании сменить медицинскую организацию не ответило 59% респондентов. Среди ответивших мнения распределились так: у 20% такое желание сильно, у 30% желание выражено средне, а 50% низко оценили такую перспективу.

Две трети ответивших высоко оценили объяснение результатов обследования, а треть – средне.

77% респондентов высоко оценили свое доверие к лечащему врачу. У 23% доверие на среднем уровне.

На вопрос об оценке близости медицинской организации к месту проживания ответы распределились так: 47% – высокая оценка, 40% – средняя и 12% низкая.

Полученные одномерные результаты дают некоторое представление об отзывчивости системы здравоохранения Саратовской области и позволяют наметить дальнейшие пути ее изучения.

Затем был проведен корреляционный и факторный анализы. Использовались оцениваемые параметры: уважение сотрудников; понимание объяснений врача; условия лечения, чистота; доверие к лечащему врачу; смена медицинской организации; наличие объяснений врача; близость медицинской организации.

Социальное, финансовое, материальное расслоение в современной России достигло угрожающих размеров, поэтому был проведен корреляционный анализ относительно связей уровня дохода на члена семьи в месяц с различными компонентами отзывчивости системы здравоохранения. Он показал, что уровень дохода связан с единственным компонентом отзывчивости системы здравоохранения – желанием сменить медицинскую организацию.

В целом факторный анализ подтвердил данные корреляционного анализа о том, что все компоненты отзывчивости системы здравоохранения тесно взаимосвязаны друг с другом в «положительном» факторе 1 (кроме желания сменить медицинскую организацию) и дал дополнительную информацию о «негативном» факторе 2, связанном с желанием сменить медицинскую организацию, ее удаленностью от места жительства и плохими условиями лечения, недостаточностью пространства помещений и их недостаточной чистотой.

Список литературы

1. The World Health Report 2000 – Health systems: Improving performance. Geneva: World Health Organization, 2000.
2. Murray C.J.L, Frenk J.A. Framework for assessing the performance of health systems. Bulletin of the World Health Organization. 2000. February; 78(6):717-31. DOI: 10.1590/S0042-96862000000600004
3. Решетников А.В. Медико-социологический мониторинг: Руководство / А.В. Решетников. М.: Медицина, 2003. 1048 с.

N.N. Shigaev

ANALYSIS OF RESPONSIVENESS OF CHILDREN'S HOSPITAL: OPINION OF PATIENT'S PARENTS

The report is based upon the results of surveys of sick children's parents conducted in April-July 2019 using a modified questionnaire of the academician of the Russian Academy of Sciences A.V. Reshetnikov. Statistical analysis allowed us to obtain a significant number of considerable conclusions of theoretical and practical interest. Factor analysis confirmed the results of the correlation analysis that all components of the responsiveness of the health care system are closely interrelated in the "positive" factor 1 (except for the desire to change the medical organization) and gave additional information about the "negative" factor 2 associated with the desire to change the medical organization , its remoteness from the place of residence and poor treatment conditions, insufficient space of the premises and their insufficient cleanliness.

Keywords: responsiveness, children's health, patient's parents.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абрамова Софья Борисовна – канд. социол. наук, доцент Уральского федерального университета.
2. Акимова Ольга Витальевна – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
3. Аммор Салма Мехдиевна – студент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
4. Андриянова Татьяна Владимировна – канд. социол. наук, доцент Курского государственного университета.
5. Анников Юрий Геннадьевич – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
6. Аслямова Гульнур Булатовна – студент Башкирского государственного университета.
7. Аширова Анастасия Леонидовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
8. Балакина Диана Дмитриевна – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
9. Балезина Екатерина Андреевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.
10. Барг Анастасия Олеговна – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.
11. Бахтин Евгений Леонидович – аспирант Уральского федерального университета.
12. Безруков Антон Витальевич – ассистент Пермского государственного национального исследовательского университета.
13. Бельский Александр Михайлович – младший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.
14. Блохин Виктор Николаевич – канд. социол. наук, старший преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.
15. Бочкарёва Галина Николаевна – старший преподаватель Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
16. Булгаков Ярослав Вячеславович – студент Ульяновского государственного технического университета.
17. Волегов Владимир Сергеевич – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.
18. Вяткина Анна Олеговна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

19. Ганицева Ксения Игоревна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
20. Гаязова Эльвира Баязитовна – канд. социол. наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета.
21. Гимранова Гузель Айдаровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
22. Гордеева Светлана Сергеевна – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.
23. Городова Мария Вадимовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
24. Григорьева Екатерина Андреевна – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
25. Григорьева Ирина Андреевна – д-р социол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
26. Губина Анастасия Викторовна – студент Пермского института ФЦИН России.
27. Долгова Елена Михайловна – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
28. Дубровина Анастасия Станиславовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
29. Дуванская Мария Константиновна – канд. психол. наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета.
30. Елисеева Софья Юрьевна – ассистент Пермского государственного национального исследовательского университета.
31. Еремина Мария Геннадьевна – канд. мед. наук, доцент Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
32. Еругина Марина Василидовна – заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
33. Зайцева Ирина Александровна – доцент Самарского государственного института культуры.
34. Зинурова Раушания Ильшатовна – д-р социол. наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета, директор Института управления инновациями.
35. Зуйкина Алена Игоревна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
36. Зыкова Анастасия Эльдаровна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

37. Зырянова Анна Андреевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
38. Зяблова Полина Андреевна – студент Российского государственного профессионально-педагогического университета.
39. Иванова Вера Степановна – канд. филос. наук, доцент Томского государственного университета.
40. Ильина Илона Валерьевна – старший преподаватель Тюменского государственного университета.
41. Калинина Надежда Андреевна – студент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
42. Калинина Наталья Андреевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
43. Калинина София Леонидовна – студент Вологодского научного центра Российской академии наук.
44. Каманина Валентина Евгеньевна – аспирант Ульяновского государственного технического университета.
45. Каргаполов Станислав Викторович – соискатель Волгоградского государственного университета
46. Каргаполова Екатерина Владимировна – д-р социол. наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
47. Карпова Вера Михайловна – канд. социол. наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
48. Киряева Дарья Алексеевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
49. Климова Наталья Леонидовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
50. Клинкова Анжелика Владимировна – студент Ульяновского государственного технического университета.
51. Ключников Сергей Александрович – канд. филос. наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
52. Кобелева Анастасия Сергеевна – студент Иркутского национального исследовательского технического университета.
53. Кокорина Анна Дмитриевна – студент Ульяновского государственного технического университета.
54. Конищева Евгения Васильевна – старший преподаватель Курского государственного медицинского университета.

55. Копалкина Евгения Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета.

56. Копалова Ольга Сергеевна – преподаватель Российского государственного профессионально-педагогического университета.

57. Короленко Александра Владимировна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

58. Кром Ирина Львовна – д-р. мед. наук, профессор Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.

59. Куварзина Анастасия Эдуардовна – студент Российского государственного профессионально-педагогического университета.

60. Кузнецов Александр Евгеньевич – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

61. Кузнецова Марина Евгеньевна – студент Самарского государственного института культуры.

62. Куликова Елизавета Сергеевна – студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

63. Куртеева Мария Владимировна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

64. Ланина Марина Алексеевна – студент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

65. Лапин Павел Михайлович – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

66. Лебедева-Несевря Наталья Александровна – д-р социол. наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

67. Логинова Анна Дмитриевна – студент Уральского федерального университета.

68. Ляликова Софья Викторовна – старший лаборант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

69. Макарова Елизавета Владимировна – студент Самарского государственного института культуры.

70. Мальцева Наталья Владимировна – канд. социол. наук, доцент Тюменского государственного университета.

71. Маркова Екатерина Алексеевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

72. Маркова Юлия Сергеевна – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

73. Махметова Елена Елтаевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

74. Мироненко Елена Станиславовна – канд. филол. наук старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.
75. Михель Анастасия Олеговна – студент Томского государственного университета.
76. Мясникова Надежда Игоревна – начальник отдела по воспитательной работе Ижевской государственной медицинской академии.
77. Нагаев Вячеслав Алексеевич – студент Уральского федерального университета.
78. Нархов Дмитрий Юрьевич – канд. социол. наук, доцент Уральского федерального университета.
79. Нацун Лейла Натиговна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.
80. Никитина Татьяна Николаевна – канд. социол. наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета.
81. Нилов Виталий Михайлович – канд. ист. наук, доцент Петрозаводского государственного университета.
82. Панкратова Лариса Эльмировна – канд. филос. наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета.
83. Пацукевич Ольга Васильевна – старший преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.
84. Педан Екатерина Андреевна – студент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
85. Пермякова Татьяна Владимировна – канд. социол. наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета.
86. Петров Геннадий Серафимович – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
87. Печенкина Татьяна Евгеньевна – научный сотрудник Уральского федерального университета.
88. Пибаева Мария Александровна – студент Пермского национального исследовательского политехнического университета.
89. Полтавская Мария Борисовна – доцент Волгоградского государственного университета.
90. Попов Андрей Васильевич – научный сотрудник, канд. эконом. наук Вологодского научного центра Российской академии наук.
91. Попова Марина Владимировна – студент Российского государственного профессионально-педагогического университета.
92. Разварина Ирина Николаевна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.

93. Резникова Екатерина Сергеевна – студент Волгоградского государственного университета.
94. Рожков Богдан Александрович – студент Пермского института ФСИН России.
95. Романова Мария Дмитриевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
96. Рудая Дарья Витальевна – ассистент Клиники эффективных расстройств, неврозов и нарушений личности в APZ Königsutter.
97. Рыбичева Ольга Юрьевна – младший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.
98. Савенкова Анна Алексеевна – студент Курского государственного университета.
99. Сажина Наталья Сергеевна – канд.ист.наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета.
100. Сенина Елена Сергеевна – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.
101. Симонова Мария Михайловна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
102. Синельников Александр Борисович – д-р социол. наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
103. Сироткин Павел Федорович – канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.
104. Соловьева Татьяна Сергеевна – научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук.
105. Сомхишвили Кристина Отариевна – старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.
106. Спирин Анатолий Сергеевич – студент Ульяновского государственного технического университета.
107. Старикова Анастасия Вячеславовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
108. Суворова Анастасия Сергеевна – студент Уральского федерального университета.
109. Сухарева Любовь Михайловна – инженер-исследователь Вологодского научного центра Российской академии наук.
110. Сущенко Анастасия Дмитриевна – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета.
111. Терентьева Наталья Александровна – студент Тюменского государственного университета.

112. Тер-Никогосова Наталья Александровна – студент Тольяттинского государственного университета.

113. Трояновская Алина Дмитриевна – студент Тюменского государственного университета.

114. Трубина Екатерина Алексеевна – студент Российского государственного профессионально-педагогического университета.

115. Фатхуллина Лилия Зинуровна – д-р социол. наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета.

116. Форостян Вероника Викторовна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

117. Хачатрян Людмила Александровна – канд. ист. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

118. Холкина Кристина Дмитриевна – студент Ульяновского государственного технического университета.

119. Целищева Любовь Валерьевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

120. Челак Юлия Анатольевна – студент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

121. Чечелева Алиса Дмитриевна – студент Самарского государственного института культуры.

122. Чичкин Данила Игоревич – студент Ульяновского государственного технического университета.

123. Шигаев Николай Николаевич – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.

124. Шмеркевич Александр Борисович – аспирант Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.

125. Яковлева Ольга Константиновна – канд. филос. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	4
<i>Т.В. Андриянова</i> Национальный проект «Культура» и его управленческие перспективы в деятельности руководителей региональных учреждений культуры	4
<i>А.В. Безруков</i> Влияние поддержки на жизненный выбор в процессе социального самоопределения	8
<i>А.М. Бельский</i> Гражданская идентичность студенческой молодежи Беларуси в условиях воздействия сети Интернет и новых медиа: социологический анализ трансформации	12
<i>К.И. Ганицева</i> Неравенство в виртуальной среде: поколенческий аспект	17
<i>М.В. Городова</i> Экологический совет студентов как субъект риск-коммуникации (на примере ПГНИУ)	23
<i>А.Э. Зыкова</i> Роль мультипликационных фильмов в гендерной социализации ребёнка	26
<i>А.А. Зырянова</i> Сущность социальной политики предприятий	31
<i>П.А. Зяблова</i> Блоггинг в оценках молодежи	34
<i>В.С. Иванова, А.О. Михель</i> Ожидания сельских предпринимателей (на примере Томской области)	40
<i>В.Е. Каманина</i> Профессиональные практики журналистов в условиях социокультурной модернизации российского общества	44
<i>С.В. Каргаполов, С.М. Аммор, Н.А. Калинина</i> Трансформация межличностных коммуникаций в эпоху Интернета (по результатам межрегионального социологического исследования студенчества)	47
<i>Е.В. Каргаполова, Ю.А. Челак, М.А. Ланина, Е.А. Педан</i> Мотивация чтения художественной литературы студенчества мегаполиса: гендерные особенности	52
<i>А.В. Клинкова</i> Интернет-СМИ в современном медиaprостранстве: традиционные и новые эффекты	56
<i>А.Д. Кокорина</i> Повышение функциональности публичных библиотек как условие социокультурного развития региона	60
<i>А.Е. Кузнецов</i> АУЕ: паника в большом городе	64

<i>М.Е. Кузнецова</i> Социокультурные функции колыбельной песни в пространстве мира детства: традиции и трансформации.....	70
<i>П.М. Лапин</i> Аудитория интернет-СМИ Meduza в социальных сетях.....	74
<i>А.О. Барг, Н.А. Лебедева-Несевря</i> Отношение россиян к повышению пенсионного возраста: год после реформы	79
<i>Е.А. Маркова</i> Коммуникативные барьеры и способы их устранения	83
<i>Ю.С. Маркова</i> Тенденции изменения ценностей средневозрастной когорты россиян.....	88
<i>Е.Е. Махметова</i> женское предпринимательство в России: особенности и проблемы	91
<i>М.Б. Полтавская</i> Практика социального предпринимательства в некоммерческих организациях: ограничения и возможности.....	97
<i>П.Ф. Сироткин</i> Религиозный компонент в парадигме гражданского единения.....	101
<i>А.В. Старикова</i> Направления деятельности государственной молодежной политики России	105
<i>А.С. Суворова</i> Стратегии потребления молодежи в Интернет-среде	109
РАЗДЕЛ 2. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ...	113
<i>Г.Б. Аслямова</i> Онлайн-базы вторичных социологических данных: краткий путеводитель начинающего исследователя	113
<i>А.С. Дубровина</i> Определение категории отношение к здоровью в отечественной социологии	117
<i>С.Ю. Елисеева</i> Методологические перспективы использования теории сетей в изучении вопросов социальной обусловленности здоровья.....	123
<i>А.И. Зуйкина</i> Корпоративная культура организации и организационное доверие ее членов	127
<i>С.А. Ключников</i> Направления рассмотрения социальных объектов с использованием системной методологии	133
<i>М.В. Куртеева, К.О. Сомхишвили</i> Измерение вертикального доверия в организации (на примере IT- компании г. Пермь).....	138
<i>В.М. Нилов</i> Человеческий потенциал, человеческий и социальный капитал: взаимосвязь и дополнительность.....	142

<i>А.С. Спирин</i> Теоретические и методические вопросы эмпирического исследования политической культуры молодежи	145
<i>К.Д. Холкина</i> Теоретико-методологические основы исследования процесса социальной идентификации российской молодежи	148
РАЗДЕЛ 3. БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАЦИЙ И РЕГИОНОВ	153
<i>С.Б. Абрамова</i> Образ Екатеринбурга: оценка молодежью привлекательности города.....	153
<i>Е.Л. Бахтин</i> Развитие подходов к определению понятия предпринимательство и его роли в жизни общества.....	157
<i>В.Н. Блохин</i> Возможности повышения уровня жизни сельских сообществ	161
<i>Г.А. Гимранова</i> Электронное участие городского населения в решении вопросов городского планирования и благоустройства.....	166
<i>Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина, Э.Б. Гаязова</i> К вопросу о рисках в городских агломерациях (на примере г. Казани)	172
<i>В.А. Нагаев, Д.Ю. Нархов</i> Социальные сети Интернета как источник социального протеста студенческой молодежи: актуализация проблемы.....	177
<i>Е.С. Резникова</i> Социальное предпринимательство сквозь призму концепции креативного класса	181
<i>Т.С. Соловьева, А.В. Попов</i> Взаимодействие стейкхолдеров в рамках развития социальных инноваций в регионах Северо-Запада России	184
<i>В.В. Форостян</i> Удовлетворенность горожан элементами инфраструктуры в пространстве «умного города» (на примере пилотажного исследования в г. Перми).....	189
РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ДЕПОПУЛЯЦИИ	196
<i>А.О. Вяткина</i> Межпоколенная коммуникация на примере коммуникации студентов ПГНИУ и их родителей	196
<i>А.В. Губина</i> Внутрисемейное насилие в отношении женщин: социальная проблема	200
<i>И.А. Зайцева</i> Семейные ценности в меняющемся мире: современные вызовы и социокультурные трансформации	204
<i>И.В. Ильина, Н.А. Терентьева</i> Факторы репродуктивного поведения современной семьи.....	209
<i>В.М. Карпова</i> Подходы к измерению межпоколенной трансляции ценности семейно-детного образа жизни	214

<i>Д.А. Киряева</i> Многообразие типов семьи: теория и практика.....	219
<i>А.В. Короленко</i> Брачный договор в оценках населения (на примере Вологодской области)	224
<i>А.Д. Логинова</i> Распределение власти в молодых семьях в приватной сфере ...	231
<i>С.В. Ляликова</i> Значимость семейно-детного образа жизни в иерархии жизненных ценностей семьи и личности.....	235
<i>А.А. Савенкова</i> Юное материнство как социально-демографический феномен: причины, проблемы, тенденции	240
<i>А.Б. Синельников</i> Куда ведет второй демографический переход?	243
<i>Н.А. Тер-Никогосова</i> Депопуляция в России: анализ проблемы.....	247
<i>Л.А. Хачатрян</i> Разновозрастной брак как фактор реализации семьей репродуктивной функции	251
РАЗДЕЛ 5. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ	258
<i>А.Л. Аширова</i> Роль сети Интернет в учебной деятельности студентов	258
<i>Е.А. Балезина</i> Положение преподавателя ведущего вуза России	263
<i>Я.В. Булгаков</i> Роль пресс-центра высшего учебного заведения в развитии творческого потенциала студентов	267
<i>В.С. Волегов</i> Восприятие внешних условий профессионального самоопределения обучающимися Пермского края.....	272
<i>Н.Л. Климова</i> Навык публичных выступлений как необходимый soft-skill предпринимателей.....	277
<i>А.С. Кобелева, Е.Г. Копалкина</i> Проблемы получения высшего образования в пенитенциарной системе России.....	282
<i>Е.В. Конищева</i> Социальная оценка значимости педагогической деятельности (на примере молодых преподавателей).....	286
<i>Е.С. Мироненко</i> Формирование и развитие цифровой образовательной среды как одно из ключевых условий подготовки кадров для цифровой экономики.....	288
<i>Л.Э. Панкратова, М.В. Попова</i> Потенциал музейной педагогики в деятельности музея изобразительных искусств города Екатеринбурга.....	294
<i>О.В. Пацукевич</i> Состояние и перспективы белорусско-туркменского сотрудничества в сфере высшего образования	300
<i>Т.В. Пермякова</i> Магистратура в представлениях выпускников бакалавриата .	305

<i>О.Ю. Рыбичева</i> Удовлетворенность дистанционным обучением как критерий эффективности организации образовательного процесса	309
<i>А.Д. Сущенко, Т.Е. Печенкина</i> Финансовые стратегии аспирантов и их трудовая занятость	314
<i>Д.И. Чичкин</i> Формирование навыков управления проектами как фактор повышения профессиональной компетентности студентов вузов.....	318
РАЗДЕЛ 6. ЗДОРОВЬЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ	323
<i>Ю.Г. Анников, И.Л. Кром, М.В. Еругина</i> Медико-социальный портрет пациента с последствиями черепно-мозговой травмы.....	323
<i>Д.Д. Балакина, А.Б. Шмеркевич</i> Паллиативная помощь пациентам с онкологическими заболеваниями в терминальной ситуации болезни	327
<i>Г.Н. Бочкарёва, И.Л. Кром, М.В. Еругина</i> Профессиональное образование врачей как облигатный предиктор качества медицинской помощи.....	330
<i>С.С. Гордеева, Д.В. Рудая</i> К вопросу о роли социологических исследований в изучении психического здоровья населения России	332
<i>Е.А. Григорьева, М.Г. Еремина, Е.М. Долгова</i> Некоторые результаты анализа отзывчивости системы здравоохранения для врачей-терапевтов в ситуации хронического заболевания.....	337
<i>И.А. Григорьева</i> Человеческий потенциал старшего поколения и интегративная модель старения.....	341
<i>М.К. Дуванская, М.А. Пибяева</i> Некоторые аспекты цифровизации здравоохранения Пермского края.....	346
<i>М.Г. Еремина, Е.П. Ковалев</i> К вопросу о методологии исследования кадрового кризиса в здравоохранении	349
<i>Н.А. Калинина, Л.В. Целищева</i> Самосохранительное поведение студенческой молодежи в современном российском обществе.....	354
<i>С.Л. Калинина</i> Качество информационного сопровождения предоставления медицинских услуг населению Вологодской области	358
<i>А.Э. Куварзина</i> Некоторые аспекты профессиональной социализации врача..	362
<i>Н.А. Лебедева-Несевря, А.О. Барг</i> Влияние пролонгации периода трудовой активности на здоровье работающего населения России	367
<i>Л.Н. Нацун</i> Использование инвалидами сети Интернет как современное условие их социального участия	372

<i>Г.С. Петров, И.Л. Кром, М.В. Еругина</i> Паллиативная помощь пациентам с хронической почечной недостаточностью: современный контекст	377
<i>И.Н. Разварина</i> Факторы риска здоровья детей школьного возраста	379
<i>М.Д. Романова</i> Формирование социальной приемлемости риска	384
<i>Н.С. Сажина</i> Охрана здоровья участников боевых действий.....	389
<i>Е.С. Сенина</i> Взаимосвязь личностных характеристик, жизнеспособности и социальной адаптации пациентов, перенесших ревизионное эндопротезирование тазобедренного сустава	393
<i>М.М. Симонова</i> Вербальные и невербальные средства коммуникации как индикаторы социальной стигматизации	398
<i>Н.Н. Шигаев</i> Анализ отзывчивости детского стационара: мнение родителей пациентов	403
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	407

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Материалы VI Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(3–4 декабря 2019 года)

Издается в авторской редакции

Техническая подготовка материалов: *С. Ю. Елисеева*

Подписано к использованию 26.12.2019
Объем данных 5,30 Мб

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15